А. МАДЖЛИСОВ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ДУШАНБЕ — АЛМА-АТА — 1967

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
ДУШАНБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

А. МАДЖЛИСОВ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Издательство «Ирфон»
ДУШАНБЕ — АЛМА-АТА — 1967

ОТ АВТОРА

Отдельные вопросы земельных отношений в Восточной Бухаре, которые в той или иной мере затронуты в трудах советских историков, относятся к концу XIX и началу XX вв., и они в основном носят этнографический характер. На основе документальных источников данная проблема изучению не подвергалась, не изучены и аграрные отношения первой половине XIX в. Поэтому, несмотря на научную ценность отдельных работ, в целом изучение аграрных отношений указанной области Бухарского ханства в XIX — начале XX вв. продолжает оставаться объектом исследования, и до сих пор нет обобщающей монографии. Это обстоятельство побудило автора заняться изучением названной проблемы в указанном периоде, на основе преимущественно документальных источников (актов), в значительной части выявленных автором. Работа была начата еще в 1947 г. и предлагаемая вниманию читателей монография является результатом многолетних изысканий, выполненных при кафедре истории Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко.

В ходе работы перед автором встал ряд трудностей, преодолеть которые стало возможным при помощи неоднократных консультаций, полученных у профессора Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, выдающегося ученого, крупного специалиста по истории аграрных отношений на Востоке, доктора исторических наук И. П. Петрушевского. Невзирая на крайнюю занятость, он уделял много внимания этой работе, сделал существенные замечания, высказал ряд важных пожеланий, безусловно, повысивших научную значимость исследования, за что считаем своим долгом выразить ему глубокую признательность и благодарность.

Много ценных замечаний сделали старший научный сотрудник Института истории и археологии АН Таджикской ССР доктор исторических наук Е. А. Давидович, директор названного института профессор Б. И. Искандаров, старшие научные сотрудники Института народов Азии АН СССР профессор А. М. Дьяков и кандидат исторических наук В. А. Ромодин, член-корреспондент АН Таджикской ССР профессор И. С. Бра-

гинский, профессор Московского университета им. М. В. Ломоносова И. И. Козодоев, профессора Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина С. А. Раджабов и М. И. Иркаев и доцент Х. М. Салбиев, за что автор им приносит искреннюю благодарность. С большой признательностью автор отмечает содействие кандидатов исторических наук Н. Латыпова, М. Рахимова, М. Хамраева, Х. Назарова, а также С. Мирова и всего коллектива нашего института в сборе документов, явившихся ценным источником для написания данной монографии.

Автор постарался учесть замечания и своим трудом внести скромную лепту в науку. Однако трудности изучения аграрных отношений в Бухарском ханстве вообще и Восточной Бухаре в частности известны специалистам этой области науки. Поэтому автор далек от мысли, что его работа свободна от каких-нибудь недостатков. Автор будет признателен читателям, если они выскажут свои суждения и замечания по затронутым вопросам и их мнения будут неоценимо дороги для него.

ВВЕДЕНИЕ

В работе, которую мы предлагаем вниманию читателей, анализируются формы земельной собственности, отношения людей в производстве и классовая борьба вокруг земельных вопросов. Такая обобщающая работа пока еще не написана.

Изучением форм землевладения в мусульманских странах занимались многие ученые, и по этому вопросу существует обширная литература. Бесспорно, первое место здесь принадлежит русским исследователям, которые нам оставили большое количество фактического материала. Однако, несмотря на это, общим недостатком всех дореволюционных востоковедов является то, что свои высказывания по тому или иному вопросу они не подкрепляли конкретными материалами и документами, и никто из них не занимался выяснением производственных отношений между феодалами и крестьянами, а также причин классовой борьбы вокруг земельных вопросов. Кроме того, не надо забывать, что часть из них, подобно многим представителям Запада, на правовые отношения смотрели как на вечные и неизменные, и потому в их трудах мы находим почти однообразные толкования земельно-водных отношений и однообразные виды категорий землевладения на Востоке вообще и в Средней Азии в частности.

Изучением данных вопросов стали заниматься советские востоковеды с первых же шагов Советской власти. Первую попытку в этом отношении сделал профессор А. А. Семенов. Он сделал наиболее полное описание форм землевладения в эмиратстве и указал на следующие их категории: амляковые — являются государственными и находятся во владении крестьян на вечное пользование; хараджевые — это орошаемые земли, которые были оставлены когда-то победителями-арабами в вечное пользование населению с уплатой за них несколько повышенной поземельной подати (харадж) в размере от одной восьмой до одной пятой снимаемого урожая; ушровые — это земли, орошаемые атмосферной влагой, колодезной или ключевой водой, облагались податью в размере одной десятой части урожая; мульки хурри халис — это частновладельческие, совершенно свободные от налогов; вакуфные — это земли, завещанные их владельцами

особым юридическим актом в вечное пользование каким-либо общественным или религиозным учреждением с благотворительной и богоугодной целью.[1]

Однако, по добросовестному признанию самого профессора А. А. Семенова, видно, что определения этих категорий землевладения в Бухарском ханстве были основаны скорее на догадках и предположениях. В рецензиях на опубликованные документы по Хивинскому ханству в XIX в. он указывает на «...почти полное отсутствие специальной литературы по вопросу о развитии землевладения в среднеазиатских ханствах, причем даже и имеющиеся в различных сочинениях сведения о землевладении... основаны главным образом на отрывочных, нередко мало достоверных сообщениях и на догадках, а не на документах. Теперь же на основе анализа документов, содержавших сведения о характере землевладения в Хиве, мы можем сделать некоторые новые выводы и обобщения по этому вопросу»[2].

На этих рассуждениях были построены произведения некоторых советских историков, юристов и экономистов по вопросам о формах землевладения в Бухарском ханстве, написанные после революции, в 20—30 годах[3].

Необходимо отметить, что они сделали только первые попытки отхода от старых концепций и не могли до конца разрешить данного вопроса, не говоря уже о феодальных отношениях между собственником земли и крестьянами. Поэтому в их работах в основном показана как единственная форма — государственная земельная собственность. Хотя они и признавали существование частной собственности на землю — мульк, но, по их мнению, в дальнейшем он утратил свои частнособственнические черты. Конкретно Л. И. Дембо указывал, что мульки делились на три вида: хурри халис, хараджевые и ушровые. Они отличались друг от друга по налоговому обложению, а по содержанию права все они были равные и не представляли особого права полной частной собственности[4].

В предвоенные годы наши знания по вопросам аграрных отношений в Бухарском ханстве вообще и Восточной Бухаре в частности были весьма ограничены и дальше тех сведений, которые нам оставили вышеуказанные исследователи, не шли. Толь-

---

[1] *А. А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929 г., стр. 9; его же, К прошлому Бухары, в кн. С. Айни, Воспоминания, М.—Л., 1960 г., стр. 897—898.

[2] Архив АН Таджикской ССР, ф. А. А. Семенова, оп. 1, ед., хр. 71, л. 3.

[3] Здесь речь идет о работах: Л. И. Дембо, Земельный строй Востока, 1927; В. Карп, Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве в Таджикистане, сб. «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане», Душанбе—Ташкент, 1930 г. Е. Зелькина, Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, М., 1930 г.

[4] *Л. И. Дембо,* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе, Л., 1954 г., стр. 117—118.

ко накануне Великой Отечественной войны этому важному вопросу уделили внимание некоторые историки и этнографы.

П. И. Иванов, исследуя ряд проблем, попутно в разное время высказывал свои точки зрения по данному вопросу. В работе «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве», которая базирована главным образом на нарративных источниках и ряде других работ, он указывал на существование категорий землевладения эмирата: государственные, частновладельческие и вакуфные [1]. Из них главной и преобладающей он считает государственную [2]. Эта точка зрения затем вошла в работы других авторов [3].

В исследовании аграрных отношений Восточной Бухары в советском периоде первое слово принадлежит Н. А. Кислякову, чьи труды посвящены изучению истории-этнографии Дарваза и Каратегина [4]. В 1962 г. Н. А. Кисляков, после больших подготовительных работ, опубликовал обобщающий труд «Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века». Этими работами он внес большой вклад в науку.

Большое значение в изучении аграрных отношений в Бухарском ханстве имели работа Б. Г. Гафурова «История таджикского народа» и коллективный труд — «История народов Узбекской ССР», т. I, кн. первая и вторая. В этих работах вопросы аграрных отношений в общих чертах нашли свое отражение, и они оказали огромное влияние на дальнейший рост исторической науки и подготовку научных кадров-историков в Таджикистане.

Немаловажное значение имеет также недавно вышедшая в свет трехтомная (в пяти книгах) «История таджикского народа», где частично во второй книге второго тома изложены разработанные нами проблемы.

Последней работой, в которой отражены в общих чертах формы земельной собственности, является книга Б. И. Искандарова — «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX» (в двух частях). В ней изложено большое количество материалов, которые обогатили содержание исторической науки.

В деле изучения истории аграрных отношений в Восточной Бухаре имеется много фактических ценных материалов в исследованиях М. Рахимова, Н. Латыпова, М. Хамраева, З. Бахрамо-

---

[1] *П. П. Иванов,* Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве (1821—1825 гг.), (Источники и опыт их исследования), Труды Института востоковедения, т. XXVIII, М.—Л., 1937 г., стр. 33—35.

[2] *П. П. Иванов,* Очерки по истории Средней Азии, М., 1958 г., стр. 131—132.

[3] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 16 и др.

[4] *Н. А. Кисляков,* Ишан — феодал Восточной Бухары, Труды Таджикской базы АН СССР, т. IX, 1940 г., стр. 2—27; его же, Очерки по истории Каратегина, первое изд., 1941 г., изд. второе — 1954 г. Таджикгосиздат.

ва, Ш. Юсупова и автора данных строк, посвященных вопросам истории той или иной области центральной, южной и восточной частей республики [1].

Однако при тщательном анализе этих работ мы пришли к убеждению, что хотя по изучению аграрных отношений в Восточной Бухаре сделано многое, но до сих пор в научной литературе вопрос не разрешен, и потребуется еще много усилий, чтобы найти правильные пути для окончательного вывода по данной проблеме. До сегодняшнего дня не ясен вопрос о формах земельной собственности, о крепостничестве, о товаро-денежных отношениях, о расслоении крестьянства, о классовой борьбе крестьян вокруг земельных вопросов и др. Причины нерешенности их заключаются, главным образом, в отсутствии документальных источников, значение которых трудно переоценить.

Поэтому мы решили прежде чем писать работу, изучить документальные источники, касающиеся разнообразных сторон жизни народов Восточной Бухары в период XIX — начале XX вв., а также просмотреть материалы из произведений буржуазных и советских востоковедов, которые касались Восточной Бухары. Помимо этого, в Узбекской государственной публичной библиотеке им. Навои были просмотрены источники, помещенные в «Туркестанском сборнике», и материалы, опубликованные в газете «Туркестанские ведомости» за все годы ее существования. Из них извлекались отдельные сведения, косвенно или прямо касающиеся Таджикистана. В Ташкенте и Душанбе были просмотрены следующие архивные материалы:

В Центральном историческом архиве Узбекской ССР, ф. 1, оп. 34; ф. 3, оп. 1 и 2; ф. 19, оп. 1. В Центральном архиве Октябрьской революции Узбекской ССР, ф. 47, 48, 51, 57. В Центральном архиве Октябрьской революции Таджикской ССР, ф. 2, оп. 1, ф. 3, оп. 1, ф. 4, оп. 1.

Интересные материалы и документы мы обнаружили в рукописях фонда Института востоковедения АН Узбекской ССР, Бухарском областном музее, в Государственном музее гор. Душанбе, в фундаментальной библиотеке им. Фирдоуси гор. Душанбе, а также в архиве А. А. Семенова.

---

[1] *М. Рахимов,* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Труды АН Таджикской ССР, т. XI, гл. III, 1957 г.; Н. Латыпов, К вопросу о земельных отношениях в Дарвазском бекстве в конце XIX и начале XX вв., рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Душанбе, 1955 г.; М. Хамраев, Очерки истории Гиссарского бекства конца XIX и начала XX вв., Труды АН Таджикской ССР, т. XIV, 1959 г.; З. Бахрамов, Земельные отношения в Шугнане в конце XIX — начале XX вв. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Душанбинского госпединститута, 1957 г., его же, К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период, там же, т. II, 1959 г.; Ш. Юсупов, Очерки истории Кулябского бекства, Труды АН Таджикской ССР, т. XVI, 1964 г., А. Маджлисов, Каратегин накануне установления Советской власти, Душанбе, 1959 г.

Несмотря на огромное значение и ценность этих источников, все-таки они далеко недостаточны для выяснения всех вопросов данной работы. Поэтому мы уже более 15 лет работали среди населения, вели беседы со старожилами и собрали большое количество оригинальных источников (документов), которые находились у местных жителей разных районов Таджикистана. Все эти документы были составлены в одном экземпляре, оставались у владельцев и переходили из поколения в поколение по наследству. Они в данной работе использованы и введены в научный оборот во всех разделах и более конкретно раскрывают формы политико-административного управления, формы землевладения, права наследства, земельные споры, долговой кабалы и насильственного захвата крестьянских земель феодалами, а также классовую борьбу вокруг земельных вопросов.

Нами использованы Коран и Хидая в переводе на русский язык, комментарии шариата «Шархи Мухтасар-аль-Викая» на таджикском языке, изд. в Ташкенте в 1900 г. Этот последний источник состоит из 48 глав (китаб) шариатских правоотношений. По каждой из этих глав изложены взгляды всех имамов, и они являлись основным комментарием шариата, в котором отражены нормы права собственности, в том числе и поземельной собственности, наследственного и уголовного права, нормы, регулирующие деятельность казиев, муфтиев и раисов, а также семейные и др. правоотношения между людьми. Все эти нормы, хотя и нарушались произвольными действиями хана и его чиновников, все-таки являлись основными законами государства эмирата. Изучение этих источников очень важно, без чего совершенно невозможно разобраться в вопросах аграрных отношений в Бухарском ханстве. Документальные источники, которыми мы располагаем, в некоторых случаях отвергают положения шариата и свидетельствуют о том, что эти нормы устарели, а в других — подтверждают их живучесть, о чем будем говорить в соответствующих местах своей работы.

Что касается нарративных источников, то надо сказать, что по Восточной Бухаре они имеются в незначительном количестве. Это объясняется тем, что придворные историки при написании своих произведений обращали внимание главным образом на Западную Бухару и мало говорили о ее восточной части. Тем не менее много фактического материала по политической истории Бухарского ханства нами почерпнуто из произведений Ахмада Дониша — «Краткая история мангитских эмиров Бухары», мирза Аъзами Соми — «История мангитских государей», мирза Салимбека — «Кашкули Салими», стихов муллы Мухаммада Хусейна — «Кулиети Ходжи» и др. Нами использованы произведения известного таджикского писателя С. Айни, который хорошо знал историю Бухарского ханства. Из нарративных источников к Восточной Бухаре непосредственно относится «История

Бадахшана»[1]. Во всех этих работах даны общая характеристика бухарских эмиров и их системы управления, описание войн и произвола феодалов.

Другим наиболее важным источником для нас являлась рукопись Таджиддина Сафарова[2]. Во время господства Бухарского эмирата он занимал пост главного секретаря последнего каратегинского бека и принимал непосредственное участие в ведении налоговой книги «хараджа» и «зякота», вел переписку бека с амлякдарами Каратегина и с эмиром бухарским, был свидетелем взаимоотношений между трудящимися и эксплуататорами, осуществлял контроль за сбором податей, вел учет общего дохода бека. У него сохранился целый ряд оригинальных документов, разнообразной переписки бека с эмиром и отдельными феодалами, которые характеризуют феодальные отношения Каратегинского бекства.

Сафаров располагает неизданной рукописью, озаглавленной «Воспоминания об управлении Каратегином при мирах» (на таджикском языке). Рукопись эта написана самим Сафаровым. Она состоит из двух частей: первая, на 135 страницах, освещает вопросы административного устройства и содержит социально-экономические сведения; вторая часть содержит стихотворения Сафарова и выдержки из произведений классиков таджикской литературы. По словам Сафарова, первая часть написана им в период с 1919 по 1924 год, а вторая — со времени установления Советской власти до 1948 г.

Рукопись Сафарова носит обычный для подобного рода сочинений описательный характер. В ней излагаются события, происходившие в Каратегине, но не раскрываются их причины и сущность.

Для нас представляла интерес первая часть этой рукописи, которая содержит большой фактический материал и делится на подзаголовки: «Каратегинские миры», «Экономическое состояние Каратегина и государственный доход», «Восстание Каландаршо», «Усман и его восстание», «Падение мира и начало басмаческого движения в Каратегине».

Раздел «Каратегинские миры» составлен в хронологической последовательности. События, описанные в нем, изложены по годам управления беков, начиная с 1878 года и по 1920 год (от времени правления бека Худойназара оталыка до Абдулхафиза бека парвоначи).

Дата в обнаруженном нами у гражданина Саидова Худойна-

---

[1] История Бадахшана, фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели подготовил к изданию А. Н. Болдырев, ответственный редактор проф. И. П. Петрушевский, Иранская философия, вып. I, изд. ЛГУ, 1959 г.

[2] С указанным произведением нам удалось познакомиться в июле 1948 г., в кишлаке Калай Миёне (место жительства Сафарова).

зара (из кишлака Казакана) документе с печатью Рахманкулбека (1333 года хиджри) и дата письма бухарского кушбеги на имя Авлиякулбека (в 1335 году хиджри) подтверждают хронологические сведения, содержащиеся в рукописи Сафарова.

Несмотря на то, что рукопись Сафарова позволила уточнить некоторые важные исторические факты из дореволюционного прошлого Каратегина, следует указать, что в ней имеется целый ряд недостатков. Они объясняются субъективностью автора в оценке исторических событий. Он идеализирует деятельность беков Худойназара, Авлиякула, Абдулхафиза и других.

Наряду с собранными нами материалами на местах у населения, а также в архивах, музеях и библиотеках, в работе использованы документальные источники по истории аграрных отношений в Средней Азии в период феодализма, которые стали достоянием советской науки. В этом отношении неоценимый вклад внесли А. А. Семенов, П. П. Иванов, И. П. Петрушевский, М. Юлдашев, О. Д. Чехович, А. К. Арендс, М. Абдураимов и А. М. Мухтаров, которые опубликовали богатейшие документы по истории Хивинского и Бухарского ханств, а также Ирана и Азербайджана [1].

На основе этих достижений советской науки, фактических материалов из произведений буржуазных и советских востоковедов и собранных нами документов, руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, в произведениях которых получили освещение теоретические вопросы истории, в том числе вопросы аграрных отношений в условии феодализма, мы написали данную работу.

Теперь переходим в общих чертах к разбору проблем, которые мы исследуем. К ним, в первую очередь, относится вопрос политико-административного устройства Бухарского ханства, которому мы посвящаем первую главу своей работы. Он теснейшим образом связан с аграрными отношениями и малоизучен, хотя отдельные моменты его отражены во многих статьях и заметках русских и иностранных путешественников, а также в работах советских востоковедов. Однако в их работах имеется много неточностей.

Научного решения этой проблемы мы в трудах буржуазных

---

[1] *А. А. Семенов,* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, Труды АН Таджикской ССР, т. XXV, 1954 г.; П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940 г., его же, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954 г.; И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Л., 1949 г.; М. Юлдашев, Сборник государственных документов Хивы XIX в., Ташкент, 1960 г.; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., под редакцией А. К. Арендса, Ташкент, 1954 г.; М. Абдураимов, Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, Ташкент, 1961 г.; А. М. Мухтаров, Материалы по истории Ура-Тюбе, М., 1963 г.

востоковедов не находим. Они не только не могли раскрыть классовую сущность государства, но и не понимали ее. Например, Н. В. Ханыков и В. В. Крестовский под господствующими классами в Бухарском ханстве понимали не эксплуататоров — феодалов, а всех узбеков «уругдаров», которым, по их мнению, противостояли все таджики, персы и освобожденные рабы [1]. Отсюда вытекали и другие их ошибки, выразившиеся в искажении действительности. Занимаясь выяснением политической истории Бухарского ханства, все буржуазные востоковеды к деятельности государства подходили не из условий материальной жизни общества, не из классовой сущности государства, а из догм шариата, из психологических факторов, из действий ханов и султанов, из отношения народов к эмиру и т. д., хотя они хорошо понимали, что подавляющее большинство населения Бухарского ханства ненавидело его государство.

Ни в шариате, ни в нарративных источниках, ни в трудах буржуазных востоковедов мы совершенно не встречаем объяснения тому, что государство эмира является закономерным необходимым орудием господства одного класса над другим. Они его считают собственником всех земель и вод, которые вошли в литературу под общим названием амляковой формы землевладения.

Все это говорит о том, что при объяснении вопроса о государстве Бухарского ханства они исходили не из реальных факторов, не из социальных отношений, не из экономических причин, а из чисто формального понимания шариата. Государство, экономика и народ у них находятся вне политики, если на практике происходило какое-нибудь изменение в правовом отношении, то это рассматривалось как самовольное нарушение правителями шариата.

Такие формалистические и догматические методы исследования надолго наложили свой отпечаток на эти вопросы, что до сих пор затрудняло возможность правильно характеризовать государственное устройство, а в связи с этим — аграрные отношения в Бухарском ханстве.

Эта запутанность отражалась не только в скрытом классовом характере государства, но и в его функциях. Буржуазные историки и правоведы, касаясь «функции» государства, смешивают их с задачами отдельных органов государства. Они под термином «функции» понимали законодательные, судебные, налоговые, поддержание общественного порядка, экономические и культурные мероприятия государства. Следовательно, представители буржуазной науки обращают внимание только на формы государственного управления и забывают о главных функциях,

[1] *Н. В. Ханыков,* Описание Бухарского ханства, Спб., 1843 г., стр. 182; *В. В. Крестовский,* В гостях у бухарского эмира, Спб, 1887 г., стр. 285—286.

о классовой сущности, о задачах этого государства, о политической характеристике его деятельности.

Запутанность и нерешенность этой проблемы заинтересовали профессора А. А. Семенова, который взялся за исследование, и в результате кропотливого труда он издал две работы, которые посвящены политико-административному устройству Бухарского ханства [1]. Безусловно, они представляют большую ценность для науки. Однако в них, в основном, разбираются вопросы центрального управления и мало затрагиваются вопросы местного управления, особенно тех бекств, которые были расположены в Восточной Бухаре.

Под руководством профессора А. А. Семенова его ученики: автор данных строк, Н. Латыпов, М. Хамраев, Ш. Юсупов, а также этнограф М. Рахимов разработали вопросы феодальных отношений в отдельных областях Таджикистана, и в их трудах до некоторой степени отражено политико-административное устройство того или иного изучаемого района. Недостатки этих работ заключаются в том, что в них не совсем четко раскрыта классовая сущность государства, не использованы местные документальные источники, в связи с чем отдельные вопросы государства эмирата даны в искаженном виде. Обнаруженные нами документальные источники раскрывают действительную картину и классовую сущность Бухарского ханства.

Отдельные моменты вопросов политико-административного устройства государства Бухары на основе разных сведений освещены в работе Б. И. Искандарова. Очень ценные и совершенно новые материалы даются в его работе о злоупотреблениях и произволе местных чиновников и духовенства. Однако в ней не приведены документы, которые бы показывали назначения и увольнения того или иного чиновника, а также содержание работы бека, казия, раиса, муфтия и других чиновников, работавших в органах управления эмирата.

Это объясняется тем, что в Бухарском ханстве делопроизводство было организовано весьма примитивно и многие документальные источники, которые мы собрали у местных жителей и использовали в данной работе, оказались недоступными для вышеуказанных авторов. Поэтому приведенные нами новые источники дополняют и конкретизируют многие вопросы политической истории и социально-экономических отношений в эмирате, которые затрагивались нашими предшественниками.

В этой главе мы подробно разбираем такие вопросы: классовая сущность эмиратства и местных шахств, центральные и местные органы управления, место кушбеги, диванбеги и других

---

[1] *А. А. Семенов,* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, V, 1948 г., его же, Очерк устройства...

светских учреждений, а также духовенства в государственном управлении. Кроме того, описывается аппарат бека и амлякдара, казия, раиса, муфтия и их делопроизводство. Все затронутые вопросы раскрываются на основе большого количества новых документов, еще не введенных в научный оборот.

К наиболее важным из них относятся указы эмира о присвоении феодалам почетных званий, о назначении и увольнении чиновников аппарата и др.

Другим вопросом, которому мы посвящаем вторую главу своей работы, является вопрос о формах земельной собственности и землевладения в эмирате. Они также нашли свое отражение в работах других авторов. Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма, ученые Таджикистана и Узбекистана на основе достижений науки с марксистской позиции освещали их в общих чертах [1].

Для правильного понимания аграрных отношений в Средней Азии, в том числе и форм земельной собственности и землевладения, большое значение имеет исследование И. П. Петрушевского по Ирану, Азербайджану и Армении [2]. Много полезного фактического материала по этому вопросу имеется в исследованиях Н. А. Кислякова, М. Рахимова, Н. Латыпова, М. Хамраева и Ш. Юсупова по Дарвазу, Гиссару и Кулябу, которые мы использовали в соответствующих местах своей работы.

Однако несмотря на заслуги исследователей по истории Таджикистана, в их работах имеются некоторые формулировки и толкования, которые расходятся с нашими источниками по Восточной Бухаре.

Касаясь форм землевладения, Н. А. Кисляков и М. Рахимов, на основе устных сообщений старожилов, перечисляют следующие категории: государственная, частновладельческая, вакуфная и общинная [3]. Такое деление по Восточной Бухаре абсолютно правильно и возражения не вызывает. Однако мы не можем согласиться с ним и по вопросу о том, что в Каратегинском и Дарвазском бекствах, как и в других районах Средней Азии, вся земля принадлежала шаху или эмиру, находясь во владении населения, которое платило собственнику налог [4].

В другом месте Н. А. Кисляков прямо подчеркивает, что «в Гиссаре, как и в бассейнах Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи, зем-

---

[1] *Б. Г. Гафуров,* История таджикского народа, т. I; История Узбекской ССР, т. I, кн. первая и вторая; О. Д. Чехович, Узбекистан (Очерки по истории СССР в XVIII в.); История таджикского народа, т. II, кн. 2 и др.

[2] *И. П. Петрушевский,* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Л., 1949 г.; его же, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960 г.

[3] *Н. А. Кисляков,* Очерки по истории Каратегина, стр. 153; М. Рахимов, Земледелие таджиков..., стр. 89.

[4] *Н. А. Кисляков,* Патриархально-феодальные отношения, стр. 80.

ли, которыми фактически владели крестьяне и с которых они платили ренту — налог государству, хотя и носили различные названия — мильк, амлок, подшои,— по существу были одного порядка»,[1] т. е. являлись амляковыми, находящимися в собственности государства. В другом месте Н. А. Кисляков пишет: все частновладельческие земли (в Каратегине—А. М.), принадлежавшие как крестьянству, так и феодальному сословию, независимо от того, были ли они обложены налогами или нет, носили общее название мульк и соответствовали амляку[2]. Какое бы название ни носили земли в Бухарском ханстве, по существу они не отличались от мульковой земли в Каратегине и Дарвазе[3]. Неточным является и утверждение, что там, где богарных земель было много, они свободно могли переходить из рук в руки и не могли быть объектом купли-продажи. Это без оговорки принять нельзя. В действительности, первоначально, когда земля была мертвой, то ее мог освоить любой человек, если он этого хотел, но когда она стала уже оживленной, т. е. годной к обработке, то из рук в руки могла переходить только путем купли-продажи, завещания или дарения.

Согласно шариатскому правопорядку, который существовал в Бухарском ханстве, она считалась частной собственностью и без разрешения собственника другим лицам использовать ее запрещалось. Доказательством этого являются ответ кушбеги политагентству[4] и доклад каракульского амлякдара на имя эмира[5].

В этом отношении считаем неверным утверждение Б. И. Искандарова о том, что богарные земли в Восточной Бухаре только в последнее время, в 1905—1907 гг., начали обращать в объект купли-продажи[6]. Этот процесс, безусловно, начался гораздо раньше указанного периода. Документы, относящиеся к 1870 г., свидетельствуют о том, что в районе Байсуна богарные земли покупались и продавались[7]. В 1891 г. такой же самый процесс происходил в Пенджикенте[8], а в начале XX в. он еще более усилился[9].

Вслед за Н. А. Кисляковым и М. Рахимовым изучением земельного вопроса в Дарвазском бексте занимался Н. Латыпов. Он подтверждает существование тех категорий землевладения, которые указывают его предшественники и к ним произвольно, без доказательств, добавляет пятую — ушровую. По этому по-

---

[1] *Н. А. Кисляков,* Патриархально-феодальные отношения. стр. 80.
[2] *Там же,* стр. 76.
[3] *Там же,* стр. 77, 79, 120—121.
[4] См. на стр. 96, 195 данной работы.
[5] См. на стр. 140—147 данной работы.
[6] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара..., ч. II, стр. 186.
[7] См. стр. 216 данной работы.
[8] См. стр. 225 данной работы.
[9] См. стр. 226 данной работы.

воду он пишет, что ушровые земли считались государственными и находились в «вечном наследственном пользовании мелких производителей — крестьян с правом их владельцев на продажу этих земель»[1].

В отличие от Н. А. Кислякова и М. Рахимова, Н. Латыпов приводит некоторые местные актовые документы и доказывает факты существования государственной и частной земельной собственности. Но по другим трем категориям никаких первоисточников он не приводит.

Касаясь Гиссара, М. Хамраев, без всякого научного доказательства, формы землевладения разделяет на 6 категорий: эмирские, амляковые, мульковые, вакуфные, общинные и айлачные,[2], но их содержания не раскрывает и документально не подтверждает. Здесь не трудно видеть, что эмирские и амляковые, так же как общинные и айлачные, являются одной и той же категорией. Поэтому его квалификация форм землевладения в Гиссарском бекстве совершенно ничем не отличается от тех, которые указаны по Каратегину, Дарвазу и Кулябу.

В вопрос о формах земельной собственности в Бухарском ханстве большую путаницу внес К. М. Мирзаев своей книгой «Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве». В ней он пишет, что сущность амляковой формы землевладения заключается в том, что в Бухарском ханстве «собственниками условий производства являются не отдельные феодалы, а мощное централизованное в государственном масштабе объединение феодалов во главе с эмирами», и далее «класс феодалов», составлявший государственный аппарат во главе с эмиром, коллективно эксплуатировал непосредственных производителей. В лице одного и того же человека мы видим... феодала и чиновника, он является не только винтиком аппарата насилия, но и лицом, присваивающим долю общего прибавочного труда непосредственных производителей[3].

Такая законченная формулировка, по существу являющаяся понятием «государственного феодализма», ничего нового не дает.

Большое количество документов изучаемого периода, которыми мы располагаем, подтверждает, что разными путями государственные и общинные земли превратились в частную собственность отдельных феодалов, и на этой основе в Восточной Бухаре образовалось крупное феодальное землевладение. Этот процесс получил интенсивный характер в XIX — начале XX вв. Этому способствовал целый ряд фактов, которые раскрываем в тексте данной работы.

Как только человек становился владельцем участка земли

[1] *Н. Латыпов,* указ. работа, стр. 182.
[2] *М. Хамраев,* указ. работа, стр. 58.
[3] *К. М. Мирзаев,* указ. работа, стр. 23—27.

или воды, он свободно, без вмешательства представителей власти, распоряжался ею, оставлял в наследство своим детям, продавал, отдавал в вакф и т. д., и никто ему в этом не препятствовал, наоборот, шариат и казии стояли на защите прав частной земельной собственности.

Сосредоточивая в своих руках земельные и водные ресурсы, феодалы сами не занимались ведением хозяйства. Они раздавали свою землю малоземельным и безземельным крестьянам на разных тяжелых условиях. На этой основе в Восточной Бухаре сложились такие производственные отношения, которые мало отличались от крепостничества. Безусловно, описания крепостнических отношений в шариате мы не находим. Такие отношения вытекают из содержания деловых документов правителей различных областей ханства. Из этих документов видно, что в Восточной Бухаре свободных крестьян было очень мало, основная масса производителей была прикреплена к земле того или иного феодала и на них возлагалось много обязанностей. Особенно тяжелое положение было крестьян, сидевших на земле танходора и государства. Характерным для этого является указ каратегинского мира о раздаче крестьян кишлаков ущелья Ярхапа в танхо ишану мулле Касыму и другие документы, которые изложены в главе III данной работы.

Большое место в нашем исследовании занимают вопросы о формах феодальной эксплуатации крестьян и их расслоении, которым посвящены III и IV главы данной работы. Многие вопросы данных глав правильно отражены в работах наших предшественников. Однако надо сказать, что в них феодальные взаимоотношения выступают в основном в виде отношений представителя государства и производителей. Что касается отношений между феодалами — собственниками земли и крестьянами, крепостничества в Восточной Бухаре, то о них ничего не сказано или упоминается вскользь. В них также не разбираются виды крестьянских повинностей и налогов, не указывается сходство и отличие между ними. Б. И. Искандаров на основе архивных материалов, а также некоторых местных документов, анализирует налоговую систему эмирата и ее связывает с собственностью на средства производства; автор приводит факты, касающиеся методов взимания ренты с крестьян, злоупотребления сборщиков, а также доходов эмира и чиновников Восточной Бухары, существования различных дополнительных податей и повинностей с крестьян в пользу государства, танходоров и других феодалов. Однако подробный анализ вопроса о феодальных отношениях не входил в его задачу, он их затрагивает попутно.

Анализируя конкретные материалы, изложенные в третьей главе, мы разбираем такие вопросы, как природные условия, занятия населения, орудия труда и обработка земли, крепостная зависимость и феодальные повинности крестьян, налоговая по-

литика Бухарского ханства, доходы эмира с Восточной Бухары. По всем этим вопросам приводим ряд документов, которые еще не известны в науке, и на их основе уточняем и дополняем исследования наших предшественников, раскрываем действительную картину феодальных отношений в Восточной Бухаре.

В приведенных нами источниках точно указан круг обязанностей крестьян в пользу своего господина, описание которых отсутствует в источниках шариата или в нарративных произведениях.

Как мы увидим в третьей главе, жизнь населения Бухарского ханства была связана со многими занятиями, и каждая профессия имела свои правила поведения, которые для всех членов данной отрасли производства являлись обязательными (ткач, кузнец, мельник, гончар, ювелир, земледелец и т. д.).

Мы располагаем уставом земледельцев. Это небольшая книжка, составляющая 20 страниц рукописи, не нашла своего отражения в произведениях наших предшественников. Она написана в религиозном духе, и в ней описываются все виды орудий и средства производства.

Такое мифологическое описание орудий и средств производства объясняется тем, что, по мусульманскому вероучению, всякое занятие, которое дает человеку пропитание, имеет божественное происхождение. Поэтому автор «Рисола» предлагает земледельцам, чтобы они хорошо знали эти правила и не отступали от них.

Исходя из вышеизложенного можно сделать заключение, что эти правила, выработанные в определенную эпоху, в новых условиях задерживали творческую инициативу производителей, их кругозор и размах деятельности сковывались в узкие рамки исламского религиозного вероучения. Поэтому веками крестьяне Бухарского ханства не могли выходить за рамки омача и кетменя, каждое новое явление духовенство встречало враждебно.

Много документов, изложенных в IV главе данной работы, связано с расслоением крестьянства Восточной Бухары, они конкретно доказывают деление производителей на разные группы. Такой процесс до середины XIX в. в Восточной Бухаре в условиях натурального хозяйства и феодальной раздробленности проходил медленно. Но после присоединения Средней Азии к России была ликвидирована феодальная раздробленность, усилилось влияние экономики России на области Восточной Бухары. В связи с этим происходил рост торговли между городом и деревней. Русский капитализм все больше распространял свое влияние на окраинные районы и втягивал их в общую сферу капиталистических отношений. Это привело к тому, что решающим образом изменился характер ренты, она превращалась в денежную, при которой у крестьян постоянно появлялась нужда в

деньгах, чем пользовались скупщики, ростовщики и феодалы для их закабаления.

Под влиянием этого процесса повсеместно в Восточной Бухаре происходило массовое отчуждение земли крестьян, споры между наследниками, обман друг друга, разложение семей и т. п.

Таким образом, в этих главах мы подробно анализируем следующие вопросы: расслоение крестьянства на почве развития товарно-денежных отношений, долговая кабала и разорение крестьянских хозяйств, споры и решения земельных вопросов между наследниками и ряд других вопросов, которые совсем не затрагивались или мало освещены в работах других авторов.

Глава пятая данной работы посвящена борьбе крестьян Восточной Бухары вокруг земельного вопроса. В такой постановке вопроса пока работ не написано. Отдельные крестьянские движения освещены в работах Б. Г. Гафурова,[1] Б. И. Искандарова,[2] И. А. Стеценко, И. А. Кислякова [3] и автора данной работы.[4] Они совершенно правильно раскрывают причины, ход и результаты того или иного народного движения. Однако наша работа в этой части не является простым повторением того, что написано. Главным вопросом в указанной главе является борьба крестьян против захвата их земли феодалами, на что до сих пор не обращали внимания другие исследователи истории Таджикистана.

Нами собрано большое количество документов, и на их основе мы показываем острую борьбу крестьян, которая продолжалась на протяжении всего изучаемого периода.

Кроме того, нами собраны новые источники о крестьянских волнениях в первой половине XIX в., волнениях и восстаниях крестьян в конце XIX — начале XX вв., которые дополняют и конкретизируют то, что уже нашло свое отражение в трудах советских историков.

Таким образом, в данной работе мы выдвигаем и, на основе документов, решаем целый ряд новых вопросов, а также уточняем и дополняем то, что уже написано другими историками нашей республики. Думается, что мы вносим посильную лепту в освещение ряда вопросов, и полагаем, что наша работа представляет интерес для читателей и исследователей, способствует делу разработки проблем истории социальных отношений Таджикистана в XIX — начале XX вв.

---

[1] *Б. Г. Гафуров,* История таджикского народа, т. I, М., 1955 г., стр. 446—449, 466—470.

[2] *Б. И. Искандаров,* указ. соч., ч. II, стр. 113—128, 315—351.

[3] *И. А. Стеценко,* указ. соч., стр. 94—147; Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина, стр. 176—180, где он говорит о восстании крестьян Каратегина под руководством Усмана.

[4] *А. Маджлисов,* Каратегин..., гл. III.

ГЛАВА I

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО БУХАРСКОГО ХАНСТВА

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

В антагонистическом обществе государство является политической организацией экономически господствующего класса и орудием в руках одного класса для подавления сопротивления другого класса. Говоря словами Ф. Энгельса, если не было бы государства, то классы с противоречивыми экономическими интересами пожрали бы друг друга [1].

Государство — это политическая надстройка, возвышающаяся над определенным экономическим базисом. Какова классовая природа экономического базиса, такова и классовая сущность государства. Или иначе: какой класс господствует в области экономической, тот класс является и политически господствующей силой.

По этому поводу К. Маркс в «Капитале» указывал, что «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности».[2]

Для осуществления своего господства господствующий класс организовал свое государство по следующим принципам:

1. Государство существует на определенной территории, которая разбита на отдельные единицы управления.

2. Государство должно иметь публичную власть, состоящую из людей, выделенной особой группы лиц, которые полностью порвали с производительным трудом и занялись управленческой деятельностью (образование профессионального чиновничества, пожизненно занятого на государственной службе). «Эта публич-

---

[1] О причинах и условиях возникновения государства, см. Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 170—172; В. И. Ленин, «Государство и революция», Соч., т. 25, стр. 353—462, «О государстве», Соч., т. 29, стр. 433—451.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955 г., стр. 339.

ная власть,— указывал Ф. Энгельс,— существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому устройству общества.»[1]

3. Создается специальный аппарат принуждения, который рассчитан на подавление сопротивления эксплуатируемых классов: армия, полиция, жандармерия, тюрьмы, суды и др. органы государства как средства принуждения.

4. Государством создается определенная материальная база для содержания чиновников государственного управления. Таковой являются налоги, которые взимаются с населения в принудительном порядке.

Конечно, задача государства заключается в подавлении сопротивления трудящихся господствующему классу, но в его функции входит и ведение хозяйственно-организаторской и воспитательной деятельности. Хозяйственная функция государства связана с тем, что оно как надстройка не может быть безразлично по отношению к своему экономическому базису, наоборот, стремится способствовать его развитию; что касается его воспитательной функции, то в условии антагонистического общества имеется господствующий класс, который стремится к тому, чтобы через государство навязать народу свою идеологию. В этом отношении важную роль играла религия, и поэтому в эпоху средневековья мы видим сотрудничество и союз государства с религией.

Но государство немыслимо без права. Государство и право — это своего рода близнецы. Марксизм-ленинизм в понятие «право» вкладывает совокупность юридических норм и законов, которые регулируют производственные отношения между господствующими классами и производителями. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что право во все исторические эпохи в конечном счете являлось отражением и выражением существующих производственных отношений, и законодатели (господствующие классы во главе с царем) вынуждены были подчиниться экономическим условиям, которым они вынуждены были подчинять издаваемые законы. «Как политическое так и гражданское законодательство всегда только выражает, протоколирует требования экономических отношений»[2].

Поэтому все теории и взгляды господствующего класса являются его политикой, которая осуществляется через органы государственной власти. Все виды права, как политика господствующего класса, санкционируются и охраняются государством. Следовательно, право есть воля господствующего класса, возве-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 170—171.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 112.

денная в закон. «Воля, если она государственная,— пишет В. И. Ленин,— должна быть выражена, как **закон,** установленный **властью**; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком».[1]

Право и государство способствуют друг другу, «...ибо право есть ничто без аппарата (т. е. без государства — А. М.), способного принуждать к соблюдению норм права».[2] И наоборот, государство при выполнении своих функций опирается на определенные нормы права.

Исходя из этих марксистско-ленинских указаний, мы должны подойти к разбору политико-административного устройства государства Бухары. Оно являлось органом политического господства класса феодалов над массами крестьян и ремесленников, и поэтому сущность его надо искать в экономической структуре общества, в производственных отношениях классов, из которых один являлся собственником средств производства — эксплуататором, а другой — лишенный этих средств производства — эксплуатируемым.

Отсюда вытекает вопрос о положении классов и социальных групп в производстве, о их взаимоотношении. Поэтому марксизм-ленинизм всегда земельную собственность при феодальном обществе рассматривает с классовой позиции. Монополия феодалов на землю создавала экономическую зависимость работника — трудящихся от собственников средств производства, от феодалов. Касаясь этой связи, К. Маркс указывал, что все докапиталистические способы производства покоятся или на естественно-родовых связях, или на непосредственных отношениях господства и подчинения[3]. В частности, говоря о средневековом обществе, он указывал, что «...отношения личной зависимости составляют основу данного общества...», что «...общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения...»[4].

Здесь речь идет о классовых взаимоотношениях в феодальном обществе. Классическое определение классов дано В. И. Лениным в работе «Великий почин». «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, 4-е изд., стр. 72.
[2] Там же, стр. 442.
[3] См. К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 83—84.
[4] *Там же,* стр. 83—84.

может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Марксизм-ленинизм из всех моментов, характеризующих разделение общества на классы, исходным и определяющим моментом считает отношение людей к средствам производства. Люди объединяются в производстве и занимают различное место в нем, играют различную роль в организации труда и получают различную долю общественного богатства только потому, что они имеют разное отношение к средствам производства, одни являются их владельцами (собственниками), а другие — лишенными их. Следовательно, одинаковых отношений людей к средствам производства не существует, наоборот, господство частной собственности на средства производства разъединяло людей на противоположные друг другу группы, одни (меньшинство) оказались господствующими, а другие (большинство) — подчиненными.

Все эти указания также непосредственно относятся к классовому делению общества Бухарского ханства вообще и Восточной Бухаре в частности. В силу географических условий Восточная Бухара была разбита на отдельные районы, которые друг от друга отделялись труднопроходимыми хребтами. Между отрогами Памирских и Гиндукушских гор в ущельях образовались Шугнанское и Ваханское шахства, а также Бадахшанское ханство, в которых в основном проживали таджики, за исключением восточной части Памира, где жили кочевые киргизы, входившие в состав Вахана; между Гиндукушем и хребтом Петра I по обеим берегам рек Пянджа и Хингоу было расположено Дарвазское шахство; за хребтом Петра I по обеим берегам реки Сурхоба — Каратегинское шахство, в которых жили таджики, и только в верховье указанной реки жили киргизы-скотоводы.

Пути сообщения в этих районах были очень трудные, и из одного района к другому можно было проходить по оврагам и ущельям, которые имели большое стратегическое значение с точки зрения обороны от внешнего нападения. Это способствовало тому, что здесь, во-первых, длительный период (до начала 80-х годов XIX в.) сохранилась феодальная раздробленность, во-вторых, горные районы оказались совершенно оторванными от внешнего мира.

Что касается Куляба, Кабадиана и Гиссара, то они были расположены на равнинной местности и меньше располагали естественной возможностью обороны. Кроме того, они располагали большим количеством пустыней, полупустыней и подножьем гор, создававших условия для развития скотоводства. Этим главным образом занимались разные узбекские племена: барлосы, карлуки, лакаи, катаганы и др., имевшие тесную связь с

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, 4-е изд., стр. 388.

другими узбеками, жившими в западной части Бухары. Поэтому вышеуказанные районы раньше, чем другие горные владения, стали зависимыми от Бухары и подчинялись ее правопорядкам. Однако, несмотря на это, они также до начала 60-х годов XIX в. сохранили свою независимость.

Таким образом, в результате сложившихся условий в районах южной, восточной и центральной части Таджикистана образовались разные самостоятельные и полунезависимые феодальные объединения.

Во главе каждого шахства стоял шах — «царек» — первый землевладелец, который себя именовал султаном, и его власть переходила по наследству к сыну или брату. Он со своей семьей и родственниками сосредоточивал в своих руках большое количество земли и скота данной местности. За родственником шаха шли другие светские землевладельцы, из числа которых назначались правители шахства в ранге вазира, районного масштаба — мира и сельского — миразара. Все это ярко выражено в указах Шугнанского, Дарвазского и Каратегинского шахств и изложено в разделе «танхо» данной работы.

За светскими феодалами второе место среди господствующего класса занимало духовенство. Поскольку на местах и в Бухарском ханстве в целом, кроме шариата, не было периодического законодательства, его толкование и осуществление было возложено на духовенство. Вес их и авторитет зависели от богатства и происхождения сословия саида, хаджа, ходжи,[1] а также ишана. Наиболее влиятельное духовное лицо назначалось личным советником местного шаха-шейхул — исламом (на Памире — ишан-исмаилитской секты). В каждом крупном населенном пункте и горных ущельях сидели казии, раисы и муфтии со своими мулазимами, которые осуществляли мусульманское «правосудие». Значительная часть духовенства группировалась вокруг духовных учреждений и составляла сословие богословов (улямо). В зависимости от господства мусульманских сект в одном месте ведущее место принадлежало саидам (памирское шахство), а в других — хаджа и ишанам (представителям суннитского толка ислама).

Из числа духовенства многие находились на службе в светском аппарате государственного управления, а те, которые не имели официальной должности, назывались «дуогуй» («богомольцы»), из числа которых были особо привилегированные — торхуны, освобожденные полностью или частично от налогов или других государственных обложений[2].

---

[1] Ходжи назывались те духовные лица, которые ездили на паломничество в Мекку и после возвращения считались священными.

[2] *Н. А. Кисляков,* Очерки по истории Каратегина, изд. 1954 г., стр. 129—130, а также документ, изложенный на стр. 112 данной работы.

В районе Куляба, Кабадиана и Гиссара, а также в Мургабе и Джиргатале, где жило много узбекских и киргизских племен, в число господствующего класса входили родо-племенная знать и главы племен, которые в силу своего богатства и военной организации имели большое влияние на местных правителей и являлись обладателями пастбища.

В условии господства натурального хозяйства ростовщики и купцы не выделялись из числа феодалов в специальные группы. Каждый вышеуказанный владелец земли и скота одновременно сам занимался и торговыми делами. Такая классовая структура господствующего класса в Восточной Бухаре сохранилась до 60—80 годов XIX в., когда ее завоевал бухарский эмир.

При господстве бухарских эмиров в классовой структуре Восточной Бухары значительных изменений не произошло. Только место шахов занял эмир, а их чиновников — бухарские правители, часть бывших местных феодалов, которые добровольно перешли на службу Бухары, стали пополнять состав штата государственного управления. Новым было то, что в связи с присоединением Средней Азии к России разрушилось натуральное хозяйство и произошла дифференциация крестьян, из среды которых появились новые эксплуататоры: баи, ростовщики, купцы и др.

Всем этим социальным группам господствующего класса противостоял класс трудящихся крестьян и ремесленники, которые создавали материальные блага и обогащали феодалов.

В принципе управления государством местные шахства и Бухарское эмиратство не отличались друг от друга. Поэтому все то, что будем говорить про Бухарское ханство, также относится к управлению местного феодального владения.

Во главе бухарского государства стоял эмир, как неограниченный монарх. Этот титул, принятый представителями династии мангитов, означал тогда лишь звание правителя одной области теократически единого мусульманского государства. Однако он другому мусульманскому государству не подчинялся, и поэтому с самого начала его возникновения на всей территории, принадлежавшей ему, являлся самодержавным, независимым государем. Обладая суверенностью, эмир мог обеспечить проведение внутренней и внешней политики господствующего класса.

В этом государстве никакого текущего законодательства, согласно которому могли бы регулироваться нормы поведения подданных, действия органов государственного управления или определяться право и действия того или иного органа власти на местах, не существовало. Однако на территории ханства продолжались многочисленные войны, происходили различного рода преступления, эмира окружали феодалы, служащие аппарата управления, которые злоупотребляли своей властью, совершали

преступления, часто возникали народные волнения, поднимались восстания. Возникал вопрос, как урегулировать социально-экономические и другие отношения? Духовенство в целях укрепления власти эмира и своего влияния на всю экономическую, политическую и духовную жизнь государства внушало массам идею божественного происхождения власти эмира. При этом оно исходило из чисто религиозных воззрений, согласно которым все то, что есть на земле, в том числе и государство с его неограниченной властью и насилием, организовано и существует по воле бога. Оно «доказывало», что все существующие правопорядки на земле заранее предопределялись всемогущественным богом, он живет на небе, а здесь на земле заниматься ими он поручил эмиру как своему заместителю.

Таким образом, это учение смотрело на эмира как на лицо, поставленное аллахом, и эмиру предлагало подражать первому. Поэтому оно нашло горячую поддержку со стороны правящих кругов.

Опираясь на это учение, все ханы, равно как шахи местных владений Шугнана, Рушана, Вахана, Дарваза, Каратегина и др., объявляли себя детьми человека, который был очень близок к богу, а последний якобы поручал первому управлять народом на земле. Это видно из содержания документов, которые исходили от бухарского эмира и местных шахов о назначении того или иного чиновника на ту или иную должность, о присвоении им почетного звания и о раздаче танхо.

Начинались такие документы словами: «Бисмилла» (во имя аллаха), «ху-ад-ху» (он, т. е. бог, вечно живой), «джаноби оли мадзила» (его величество, тень бога на земле), «ху-ал-файз» (он, т. е. эмир, щедрый из щедрейших по отношению к своим подданным) и т. д.[1] Или в документе местного шугнанского шаха в 1802 г. говорилось: он (т. е. шах) является наместником престола султана — наместника аллаха на земле, величайшим в мире управителем благословенных, высокой опорой шариата и полным счастья благороднейшим из султанов сферы обширности, небосвода, Юпитером по внешности, Марсом по стремительности, Солнцем по величине, Венерой по усладе, Меркурием по услужливости, Луной по красоте лица[2].

То же самое мы видим в указе дарвазского шаха Сираджиддина. Он в 1870 г., когда освободил своих слуг от налогов и податей и превратил их земли в мульки хурри халис, издал указ, в начале которого говорит о себе: «Владыка земли нации и веры, носитель прекрасной жизни народам Дарваза саид шах Мухаммад Сираджхан приказывает...», далее излагается содержа-

---

[1] Такие документы даны в работе А. А. Семенова, Очерк устройства..., а также во всех главах настоящей работы.

[2] См. Б. И. Искандаров, Восточная Бухара, ч. I, стр. 123.

ние приказа[1]. На территории ханства процветал произвол деспотичных эмиров, шахов и беков, которые в своих действиях и поступках не были ограничены. Все это были люди очень ограниченные, невежественные, большие эгоисты.

В целях укрепления своих политических позиций все местные феодальные правители, в том числе и мангитские эмиры, из среды которых, по словам покойного профессора А. А. Семенова, за исключением Шохмурада, не было ни одного способного государя,[2] объявили себя саидами (потомками Мухаммада — пророка). Любой из этих эмиров в ханстве или шахов на местах являлся якобы источником тех благ и милостей, которые ожидали или надеялись получить от них честолюбцы или «обиженные» судьбой люди. Бухарский эмир же, по словам А. А. Семенова, являлся и тем страшным началом, гнев которого губил множество людей и разрушал до основания их благосостояние[3].

После присоединения Средней Азии к России эмиры Ахад и Алимхан бывали в русских городах, встречались со многими царскими чиновниками. В 1885 г. было учреждено в Кагане политагентство, очень много русских купцов, военнослужащих, офицеров находилось на территории ханства, организовывались русские поселения. Все это оказывало известное влияние на эмира и его систему государственного управления. Однако, согласно договору от сентября 1873 г., власть эмира была ограничена только в вопросах внешней политики; договор совершенно не затрагивал и не ограничивал власть эмира во внутренних делах страны. Стремясь сохранить господство эмира, царское правительство поддерживало самый жестокий феодальный произвол, от которого задыхались народные массы. Поэтому говорить, что после присоединения эмиратства к России произошли какие-нибудь изменения в характере правления эмира и в его системе государственного управления, не приходится.

Бухарский эмир так же, как и местные шахи, для управления своего государства подбирал чиновников аппарата из класса феодалов, которые по своему положению в обществе делились на сословия и группы.

К классу светских феодалов относились родоплеменные вожди племен мангитов, карлуков, барлосов, кунгуратов, лакайцев, казахов, киргизов, туркмен и др., которые жили на территории ханства; потомственные землевладельцы таджики, арабы и иранцы, перешедшие на службу к бухарскому эмиру; новые землевладельцы, которые появились в результате пожалования эмиром за службу.

---

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 6.

[2] *А. Дониш.* Исторический трактат, в кн. «Путешествие...», стр. 43—49; А. А. Семенов, Очерк устройства..., стр. 3.

[3] *А. А. Семенов.* Очерк устройства..., стр. 21.

Все они в той или иной мере участвовали в управлении государством. Но высшие посты занимали представители племени мангитов, из которого происходили и эмиры. По своему происхождению все светские феодалы делились на две группы: благородных[1] и неблагородных. К числу первой относились саиды (потомки пророка) и хаджи (потомки халифа), а ко второй — те, которые выросли из среды рабов. Им присваивали почетные звания, в зависимости от сословного происхождения они назначались на ту или иную должность.

В светском аппарате по восходящему порядку от низшего к высшему существовали следующие звания: баходур, чургоси, мирзабоши, джебачи, караулбеги, мирахур, туксабо, ишикогобоши,[2] бий, додхо, инок,[3] парвоначи, диванбеги, кушбеги и оталык.[4] Из них в число сановников входили высшие от бия, которые занимали должность бека (правителя области) или работали в арке.

Важную часть господствующего класса составляло духовенство, в руках которого было сосредоточено ведение судебно-полицейских дел, толкование законов шариата, инспекция по торговле, меры веса на базарах, контроль за деятельностью мактабов и конфессиональных школ, надзор за исполнением вероисповедания и религиозных обычаев населением. Оно было сплочено в корпорацию, спаянную одним неподвижным духом мусульманства, и группировалось вокруг мечетей, мазаров, медресе и дервишских школ.

Духовные феодалы так же, как и светские феодалы, имели свои родословные и назывались саидами, хаджиями и ишанами. Эмир им присваивал почетные звания: урока, судура и садра,[5] файза[6] и охунда. Он их назначал на должности кази каляна, алама, шейхул ислама, кази аскара, муфти аскара, раиса, муфтия и мударрисами медресе в самом городе Бухаре, а в областях — только казия. Все остальные должности духовен-

---

[1] Определяющим сословие феодалов являлась шаджара (родословная) см. на стр. 42—44 данной работы.

[2] Местный правитель (бек) имел право до этого все звания сам присваивать феодалам без согласия эмира.

[3] Если происхождение феодала было из рабов, то дальше этого звания не присваивалось.

[4] *А. А. Семенов,* Очерк устройства..., стр. 60—61.

[5] *А. А. Семенов,* Очерк устройства..., стр. 61.

[6] Звание файза для духовенства в раб. А. А. Семенова не указано. Однако в новом документе (указ эмира), который мы обнаружили, в деловой части говорится: «расстилающая правосудие, наша мысль направлена на воспитание самоотверженных рабов и верных слуг и на предоставление им жизненных удобств; на этой основе мы выделяем незначительную часть из наших царственных милостей и присваиваем саёдатпанох (убежище саидского достоинства) и защитника веры мулле Яхья званием «файза» и назначаем мударрисом (преподавателем) медресе «Кукильдаша». Дата документа — 1887 г., Душанбинский госмузей, инв. кн. 1, оп. 1, док. № 12.

ства на местах являлись номенклатурой самого бека, о чем будем говорить ниже.

Документ о форме и содержании присвоения звания феодалам в центральном аппарате Бухарского ханства приводится в работе А. А. Семенова,[1] к этому можно добавить лишь некоторые новые источники, которые касаются феодалов Восточной Бухары. Например, эмир Ахадхан в 1888 г. издал указ о присвоении звания феодалу Мухаммаду Нугману из Дарваза, в котором говорится:

«Благоуханно-блистательная память и лучезарная, расстилающая правосудие мысль (наша) устремлены и направлены на воспитание самоотверженных наших рабов и верных слуг и на предоставление им жизненных удобств; на этом основании мы выделяем незначительную часть из наших царственных милостей и ее удостоим защитника государства Мухаммада Нугману туксабо, присваиваем ему звание ишикогобоши прекрасной благородной Бухары.

В связи с этим всем от мала до велика, аристократам и простонародию предлагаю, чтобы они признали и уважали упомянутого в этом звании, оказали ему почет и уважение, на что мы скрепляем его грамоту нашей царской печатью, месяца зулькада, 1305 (1888) г., на обороте внизу оттиск печати: эмир Ахадхан» [2].

Такое же содержание документа, в котором этому же феодалу Ахадхан в 1900 г. присвоил звание бия [3].

Феодалы, которые не имели звания, причислялись к разряду наукаров или торхунов и освобождались от уплаты налогов и податей государству. Об этом свидетельствуют следующие документы:

«Да будет известно, что по ходатайству аксакалов, от имени его величества (бухарского эмира), Мухаммада Зокира (жителя кишлака Верхнего Нушара [4]), вместо умершего отца, мы его причисляем в разряд наукаров. Поэтому предлагаю всем чиновникам, которые связаны со службой и жителями указанной местности, признать упомянутого наукаром и ни в чем ему не мешать, чтобы он спокойно жил и выполнял государственную службу, молился за здоровье эмира. Месяц рамазан, 1320» (1902) г. на обороте оттиск печати Мухаммада Мурада; 1315 (1895) г.[5] Рис. 1.

Такое же содержание документа 1333 (1914) г., в котором

---

[1] См. Очерк устройства..., стр. 62—63.

[2] Собранные нами материалы, дело № 1, документ № 1 (в дальнейшем наши материалы).

[3] Наши материалы, д. 1, документ № 2.

[4] Кишлак Нушор, расположен в Таджикабадском сельсовете, Гармского района.

[5] Наши материалы, д. 1, док. № 3.

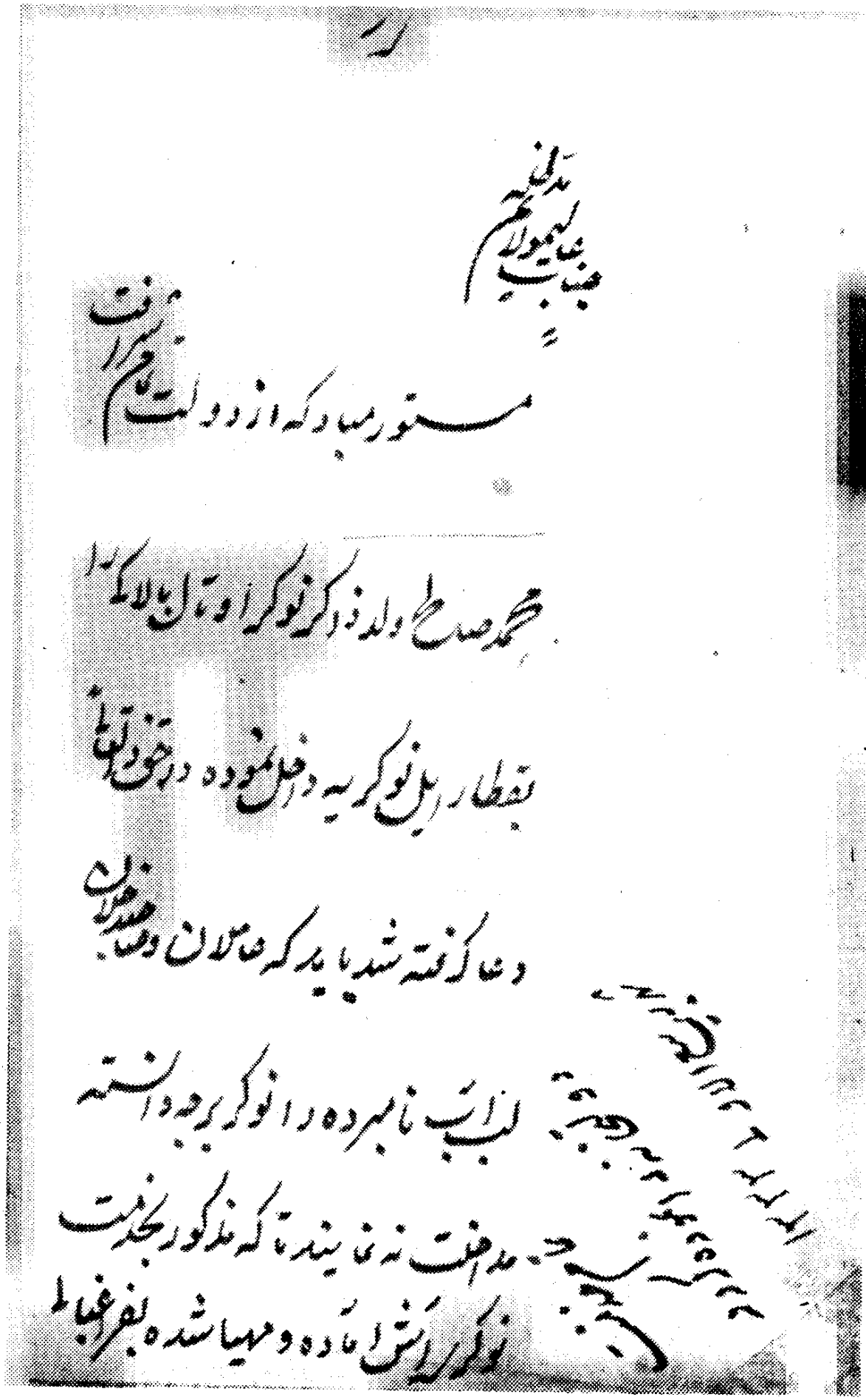


Рис. № 1.

Рахманкулбек издал распоряжение о зачислении сына указанного Закира — Мухаммада Солиха — в число наукаров [1].

В 1905 г. дарвазский бек Абдусаттор присвоил Ишанкулу звание караулбеги по документу следующего содержания: «Да будет известно мирам (т. е. амлякдарам — А. М.), аксакалам и благочестивым людям Сагирдашта, что во славу государства, его величество (эмира — А. М.) мы присваиваем Ишанкулбеку сыну Абдурахмана мирахура звание караулбеги» [2].

Все эти источники свидетельствуют о том, что разряд наукара переходил по наследству, из этой среды выросли чиновники государственного аппарата.

Некоторые другие источники изложены во второй главе, в разделе танхо, показывают, что правители Восточной Бухары привлекали к государственному управлению наиболее влиятельных феодалов и преданных людей своего класса, включая их хозяйства к категории мульки хурри халис, они освобождались от всяких обязанностей, государственных налогов, поборов и повинностей. Всего этого было мало, им еще раздавали крестьянские хозяйства [3] в качестве танхо.

К социальной группе эксплуататоров относились также купцы, которые были из числа всех народов, проживающих в городах, расположенных на территории ханства. Из их среды выросло большое количество ростовщиков, которые закабаляли трудовое дехканство и ремесленников. Эти социальные группы находились в тесном единстве с бухарскими феодалами и русскими капиталистами.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Как уже сказано, бухарского эмира окружали высшие сановники из числа феодалов мангитов, таджиков, иностранцев (главным образом иранцев), которым он раздавал почетные звания в соответствии с их происхождением и назначал на ту или иную должность в государственном управлении. Действия этого механизма зависели от воли наиболее крупных феодалов во главе с эмиром — руководящего ядра государства. К таким относились все члены семьи и рода эмира, вожди узбекских племен, наиболее крупные землевладельцы из таджиков, влиятельные деятели духовенства во главе с шейхул исламом и другие, которые одновременно являлись советниками эмира.

Из содержания одного стенда Бухарского облмузея, который по поручению соответствующих органов БНСР при участии

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 4.

[2] Документ опубликован в работе М. Рахимова, Об институте «танхо»... Известия АН Таджикской ССР, № 4, 1953, стр. 135.

[3] О группе крестьян см. в главе III данной работы.

бывшего бухарского высшего сановника, автора известной книги «Кашкули салими» мирзы Салимбека, был составлен в начале 20-х годов, видно, что в центральном управлении государства бухарского эмира существовали следующие учреждения:

Во главе государства стоял эмир, при котором постоянно находились 100 человек советников.

Его государством управлял кушбеги, аппарат которого состоял из 125 чиновников. Здесь же указываются отделы, которые находились в ведении кушбеги:

1) тупчибоши, с аппаратом в 50 чиновников;
2) лашкарбоши, с аппаратом в 20 человек;
3) миршаб, с аппаратом в 70 человек;
4) кушбеги поён (зякотчи), с аппаратом в 100 человек чиновников;
5) мираб, с аппаратом в 20 человек чиновников;
6) кази калян, с аппаратом в 150 человек духовного звания;
7) раис, с аппаратом в 100 чиновников духовного звания. Рис. 2.

Существование этих должностей при эмире подтверждается документами, которые исходили из арки. Например, когда Ахад-хан пришел к власти, кушбеги ему доложил о существовании высших должностей в его государстве: кушбеги, кази каляна, садри раиса, высших сановников (саркарды), представителей военного командования (катор саркарды), придворных чиновников (гулямони амалдори наукария) и военных чиновников (гулямони сарбозия) [1].

В другом документе указываются фамилии и должности высших сановников центрального аппарата управления: мулла Бадриддин — кази калян, Бакахадха — садри раис, Дурбин бий — кушбеги всей Бухары, Джанмирза, Астанакул, Мухаммад Юсуф, Гулямхайдар, Туробкулибек и Рахманкулибек — в должности диванбеги, Акрам бий — тупчибоши, мулла Шароф мирахур — тупчибоши ворот арки, мирза Абдурахим туксабо — миршаб, мирза Саидбек мирахур — мираб, хаджи мирза Исламкул — мушриф (помощник диванбеги — зякотчи) и мирза Садулла — мунши (личный секретарь эмира) [2]. Таким образом, должности, которые указываются в этих документах, совпадают с теми должностями, которые отражены на стенде Бухарского облмузея.

Безусловно, местные шахства или Бухарское ханство, как и всякое другое государство, играло немаловажную роль в урегулировании производственных отношений, которые вызваны к жизни данным обществом. При характеристике хозяйственных функций бухарского государства мы должны исходить из ука-

[1] Архив кушбеги, документ № 41.
[2] Архив кушбеги, документ № 44.

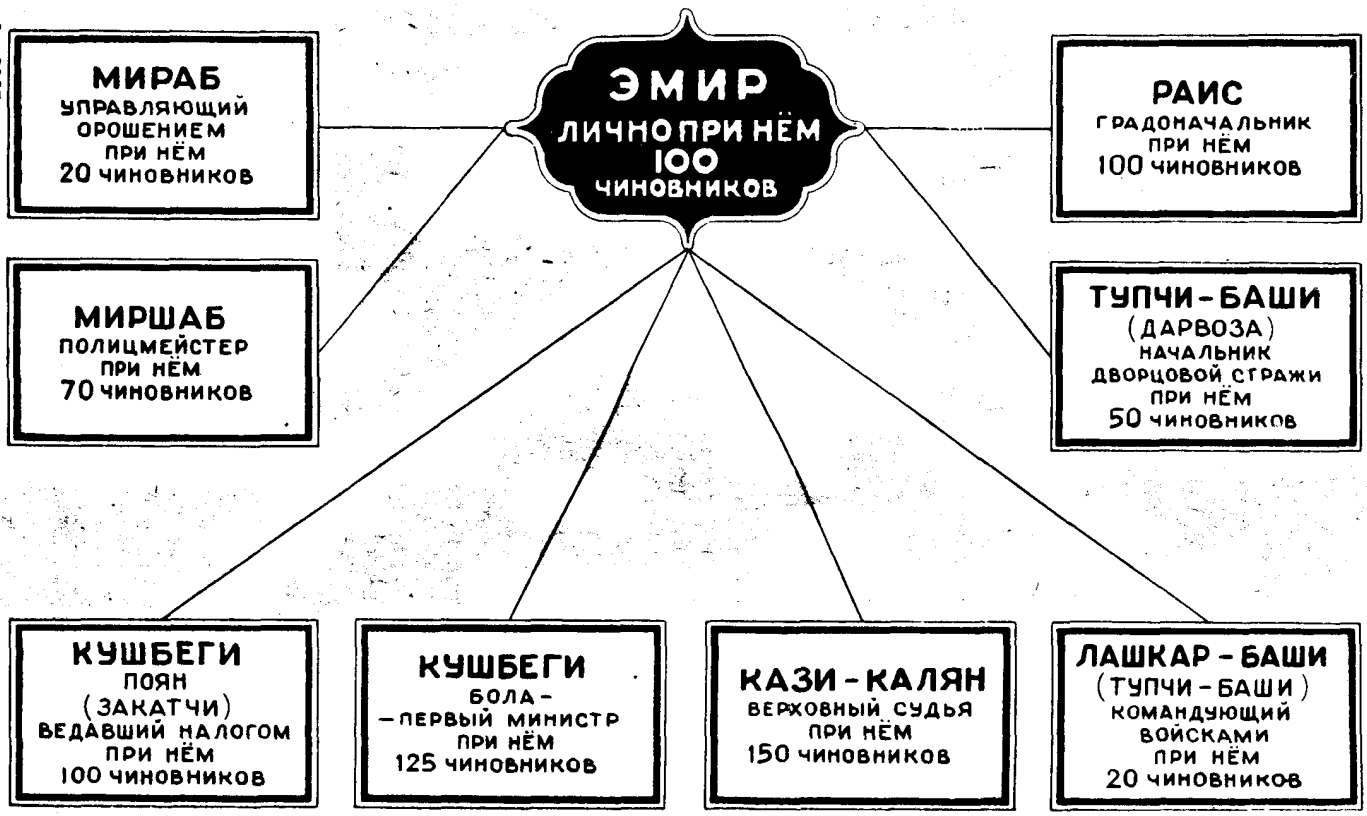

ЭМИР
ЛИЧНО ПРИ НЁМ
100
ЧИНОВНИКОВ
МИРАБ
УПРАВЛЯЮЩИЙ
ОРОШЕНИЕМ
ПРИ НЁМ
20 ЧИНОВНИКОВ
МИРШАБ
ПОЛИЦМЕЙСТЕР
ПРИ НЁМ
70 ЧИНОВНИКОВ
РАИС
ГРАДОНАЧАЛЬНИК
ПРИ НЁМ
100 ЧИНОВНИКОВ
ТУПЧИ-БАШИ
(ДАРВОЗА)
НАЧАЛЬНИК
ДВОРЦОВОЙ СТРАЖИ
ПРИ НЁМ
50 ЧИНОВНИКОВ
КУШБЕГИ
ПОЯН
(ЗАКАТЧИ)
ВЕДАВШИЙ НАЛОГОМ
ПРИ НЁМ
100 ЧИНОВНИКОВ
КУШБЕГИ
БОЛА-
— ПЕРВЫЙ МИНИСТР
ПРИ НЁМ
125 ЧИНОВНИКОВ
КАЗИ-КАЛЯН
ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ
ПРИ НЁМ
150 ЧИНОВНИКОВ
ЛАШКАР-БАШИ
(ТУПЧИ-БАШИ)
КОМАНДУЮЩИЙ
ВОЙСКАМИ
ПРИ НЁМ
20 ЧИНОВНИКОВ

Рис. 2.

заний К. Маркса, данных в его работе «Британское владычество в Индии», где говорится о функциях ведомств общественных работ, которые были связаны с искусственным орошением. К. Маркс указывает, что «климатические условия и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию,... до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия... Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды,... повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства..., а именно функции организации общественных работ». Далее подчеркивается, что эта система, зависящая от центрального правительства, приходила немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам. К этому надо добавить еще тот факт, что «одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации».[1]

В условиях Бухарского ханства конкретное выражение этого мы видим в том, что государство на своей территории через специальных чиновников (мирабов) повсеместно контролировало состояние оросительных каналов, хаузов, колодцев, производило их ремонт, распределяло воду поочередно, через арбабов и миразаров мобилизовало народ на дорожное строительство, на строительство мечетей, государственных зданий, через раисов организовывало контроль и налаживание торговли на базарах и т. д.;[2] в период феодальной раздробленности в горных условиях каждое местное владение самостоятельно мобилизовало свой народ на защиту от нападения врагов.

Следовательно, здесь государство в общебухарском масштабе или по областям вело некоторую хозяйственную работу, но для него первостепенная задача заключалась в том, чтобы служить своему классу, быть достойным орудием в его руках, держать в повиновении класс угнетенных. Все внимание эмиратства было направлено именно на это.

Организацию хозяйственной работы вели и отдельные феодалы, потому что в Бухарском ханстве существовала не только государственная собственность на землю и воду, но и частная, а принцип частной собственности на средства производства привел к тому, что хозяйством командовало не государство, а сами эксплуататорские классы. В хозяйственную деятельность феодалов, во взаимоотношения между собственником земли и производителем представители государства не вмешивались, не инте-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 132.

[2] См. стр. 66 данной работы.

ресовали бека или амлякдара и условия обработки крестьянами земли феодалов и их повинности в пользу последних.

В указанной работе К. Маркса также обращено внимание еще на две другие функции государств Востока, характерные и для Бухарского ханства. Эти функции выполняли военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, которые на разных этапах играли разную роль. Оба они подчинялись кушбеги.

Исторические документы подтверждают, что на протяжении всей истории XIX и начала XX вв. в руках кушбеги формально было сосредоточено все управление Бухарским ханством. Его учреждение являлось высшим распорядительным и исполнительным органом управления государства эмира. В его ведении были сосредоточены все дела: всё, связанное с ведением войны и заключением мира с соседними государствами, установление финансового порядка, контроль за доходами и расходами казны, назначение и увольнение высших светских сановников, в том числе и беков, раздача танхо или почетных званий феодалам, и т. д. Ему подчинялись все чиновники центрального аппарата, за исключением духовенства. Некоторые историки называют его премьер-министром.

Однако все это было только формально. Деятельность кушбеги была строго ограничена, и он не имел полной самостоятельности в своих действиях, так как зависел от самого эмира. По существу он являлся простым исполнителем воли эмира и самостоятельно ни одного серьезного шага не делал. Кроме того, его деятельность ограничивалась только пределами арки самого города Бухары и 9 туманов ее окрестностей.

По этому поводу мы встречаем различные противоречащие друг другу столкования в трудах русских исследователей, в частности, у М. Стремоухова, П. Шубинского, В. Крестовского, А. Семенова и др. Первый из них указывает, что центральное управление эмира находилось в городе Бухаре и было сосредоточено в руках кушбеги.[1] П. Шубинский и В. В. Крестовский отмечали, что кушбеги являлся первым и ближайшим помощником эмира. Если первые его сравнивали с вице-канцлером и называли комендантом арки, губернатором города Бухары, хранителем государственной печати и казны эмира,[2] то последний приравнивал его должность к должности великого вазира турок или государственного канцлера европейских держав.[3]

Характеризуя деятельность кушбеги, В. В. Крестовский указывает, что он был хранителем печати эмира, вел сношение с

---

[1] *Н. Стремоухов,* Поездка в Бухару, стр. 685.
[2] *П. Шубинский,* Очерки Бухары, стр. 139.
[3] *В. В. Крестовский,* В гостях у бухарского эмира, стр. 286.

иностранными государствами, заведывал финансами и сборами всех таможных пошлин с торговли, сбором налогов, раздачей земельных участков, обеспечивал безопасность эмирского дворца, поэтому он постоянно находился в арке, лично выдавал и принимал ключи от городских ворот Бухары, которые вечером закрывались, а утром открывались, и во время покоя все ключи находились у премьера. В его отсутствии все ключи находились у тупчибоши, являвшегося помощником кушбеги. Ввиду перегруженности другими делами кушбеги управление Бухарой и ее округами поручал иногда одному из своих помощников.[1]

А. А. Семенов называет кушбеги первым сановником в стране и заместителем эмира. Ему и принадлежал высший надзор за государственными доходами и расходами, он же отвечал за спокойствие в столице.[2] Обычно премьер все время был перегружен работой, это объясняется тем, что «Бухаре не было свойственно распределение функций государственного аппарата по отдельным ведомствам или министерствам».

Однако при такой полноте власти кушбеги все дела решал с ведома эмира,[3] даже по мельчайшим вопросам докладывал ему и действовал по его указанию. Следовательно, он являлся верным слугой теократического монарха и исполнителем его воли.

Источники свидетельствуют о том, что кушбеги при эмире Хайдаре был Уткур бий[4], а при Насрулле — Азиз бий[5]. О деятельности первого мы ничего не знаем, а второго Ахмад Дониш характеризует как способного правителя, который сумел обеспечить централизацию государства. На службу в государственный аппарат он привлек таких способных военачальников как: лашкарбоши Шахрух парвоначи, Каноатшох додхо, тупчибоши Абдулла бий парвоначи и др., которые с приходом к власти эмира Музаффара были отстранены от государственных должностей, а их имущество конфисковано.

При новом государе на должность кушбеги был назначен Мухаммадшо бий, вокруг которого собрались сановники: Дурбин диванбеги, Салимбек, Баратбек, Якуббек кушбеги, Абдулхакимбек бий парвоначи и др., бывшие в опале и нахоидвшиеся в изгнании в Кармине вместе с Музаффаром. По словам Ахма-

---

[1] *В. В. Крестовский,* В гостях у бухарского эмира, стр. 286—287.

[2] *А. А. Семенов,* Очерк устройства.., стр. 54.

[3] *Там же,* стр. 55.

[4] Душанбинская публичная библиотека, фонд рукописей, док. № 200.

[5] *Ахмад Дониш,* указ. соч., стр. 78. Н. Ханыков, указывает, что при Насрулле решение всех вопросов, связанных с наказанием чиновников и феодалов зависело от туркмена Рахманберды Нияза, которого повелитель назначил на должность райса (указ. соч., стр. 230—231; А. А. Семенов, утверждает, что первым помощником этого хана являлся перс из Тавреза Абдусамад, который носил титул «наиба», т. е. заместителя Насруллы (Очерк устройства.., стр. 4).

да Дониша, все они были трусливыми и неспособными правителями. Ахмад Дониш указывал, что какой-нибудь пропойца мог претендовать на звание царя, на базаре могли продавать ман пшеницы за 20 танег, а лепешку за 100 танег — все это их не касалось, за небольшие кражи казнили, а убийцу даже не наказывали. Это объясняется тем, что «...эмир по своей глупости назначал на все должности дураков, подлецов и мерзавцев, которые без его соизволения не могли решать ни одного дела».[1]

Касаясь характеристики премьера Мухаммадшо, Ахмад Дониш пишет, что «это был человек глупый и безграмотный, к тому же он постоянно болел и никогда не мог высказать эмиру хотя бы малейшую частицу правды. И никто другой также не дерзал слова сказать эмиру в интересах государства. И, естественно, общество и дела государства пришли в полное расстройство, войско и народ покинули покой»[2].

Дата начала правления Мухаммадшо бия — 1860 г., как указывает Ахмад Дониш, соответствует действительности. Это видно из документа, который поступил на имя Мухаммадшо как кушбеги в 1861 г.[3] О конце правления данного кушбеги в 1882 г. мы имеем сведения в одном из стихотворений Ахмада Дониша, в котором он дает ему характеристику.

Писатель говорит, что когда он и эмир находились недалеко от Кеша, они получили весть о смерти вазира и обрадовались, полагая, что теперь эмир волей-неволей вернется в Бухару». «Я был так рад,— пишет Ахмад Дониш,— что даже сочинил хронограмму по случаю смерти вазира:

Кушбеги, вазир Мухаммадшо
Похитил у Бухары величие.
От насилий его разорваны вороты людей,
Он не залатал карманы рубах.
Он болел, покуда был жив,
Ушел в ад с тысячью огорчений.
В день его смерти вестник мира тайн
Назвал эту дату: «Проститутка», «Шлюха»[4].

До присоединения Средней Азии к России основная функция кушбеги заключалась в руководстве военным ведомством. Бухарский эмир постоянно вел войны с Шахрисябзским, Кокандским и Хивинским ханствами, а также с самостоятельными владениями Восточной Бухары. В связи с этим в этот период на первое место выступили лашкарбоши и тупчи боши, которые являлись помощниками кушбеги по военным делам.

---

[1] *Ахмад Дониш,* указ. соч., стр. 86—88.

[2] Там же, стр. 46.

[3] Наши материалы, д. 1, док. 5.

[4] *А. Дониш,* Путешествие..., стр. 97—98. Годы смерти вазира указаны в слове «зани гарку», т. е. в 1882 г. Следовательно, он управлял с 1860 по 1882 гг.

При Шохмураде было организовано ряд походов против Шахрисябза, Ходжента, Кармине, Мерва, Китаба и др., в результате чего они подчинились Бухаре, но после его смерти вновь начались феодальные распри, которые привели к отпадению многих областей от центра. Поэтому эмиру Насрулле пришлось не только постоянно вести борьбу за их возвращение, но и воевать с Кокандом, Хивой, Шахрисябзом и др. правителями самостоятельных владений Средней Азии.

Систематические нападения Бухары на Коканд и Хиву, а также Хивы и Коканда на Бухару, нашествие казахов на Хиву и Коканд, военные действия Бухары против мелких соседних владений были постоянным непрекращающимся процессом.

В такой исторической обстановке старый порядок пополнения войска в системе феодальной иерархии оказался непригодным для обороны или войны с более сильными врагами.

В условиях феодальной раздробленности основным ядром феодальных войск являлись наукары.[1] Войско пополнялось за счет местного населения области и военнопленных. В запасе считались те, которые желали стать наукарами и получали от своего хана ярлык, освобождались от государственной подати и в мирное время отвечали за спокойствие своего села или города, а в случае войны являлись в армию. Другая часть постоянно находилась на военной службе во дворе хана или бека, назывались сарбазами и получали содержание от своего господина в виде натуры или деньгами.

С начала XVIII века в случае войны наукары являлись основным источником пополнения войска, которое феодалы поставляли хану. Однако, в случае поражения, наукары во главе со своим феодалом изменяли хану, переходили на сторону врага или уходили с поля боя.

Другим источником пополнения войск являлись мобилизации мужчин всех кишлаков и городов, которые находились под властью правителя. П. П. Иванов и В. Л. Вяткин это ополчение называют «карачириком»[2].

Однако они не были обучены и не умели воевать. Поэтому эмир Насрулла сделал первую попытку провести военную реформу. В 1837 году он за счет военнопленных создал регулярное войско, ядром которого являлись русские пленники. Таким образом, он впервые в истории Бухарского ханства создал отряды из 800 сарбазов и 250 тупчи (артиллеристы). Все они жили в казармах на полном иждивении государства и были разбиты на отделения (бара — командовал дахбоши), взводы (расад — командовал панджакбоши), полуроты (нимдаста — командовал

[1] *Наукар* — термин монгольского происхождения, обозначает «слуга» или «раб», «вассал».

[2] *П. П. Иванов,* Восстание китайкипчаков, стр. 35—42; В. Л. Вяткин, Каршинский округ, стр. 15—19.

караулбеги), ротой командовал юзбоши и батальоном командовал ишикогобоши (несколькими батальонами командовал бий) [1].

Так из года в год увеличивался личный состав регулярного войска, и эмир сумел быстро сломить сопротивление местных феодалов и вождей племен.

Для руководства армией были введены две должности: лашкарбоши и тупчбоши,[2] первый из которых занимался делами пехоты и кавалерии, а второй — артиллерии.

Кроме командиров, в регулярной армии по родам войск существовали еще должности муфти аскар (вроде военного прокурора) и кази аскар (воинский судья), которые постоянно находились вместе с воинами и по шариату наказывали нарушителей дисциплины.

Постоянные продолжительные войны Бухарского ханства были разорительными как для его врагов, так и для ханства и вызывали голод и эпидемии. Например, возьмем войны с Шахрисябзом. Неприязнь этих двух областей Средней Азии была длительной и упорной. Это объясняется тем, что со времени нашествия узбеков мангиты заняли Карши и Бухару, а кенагасы — Шахрисябзскую область, и оба эти племени постоянно спорили из-за пользования водой Кашка-Дарьи, которой орошали земли долины Шахрисябза и Карши[3]. Эти войны, начиная с XVI в., продолжались с перерывами до 1866 г. и закончились победой Бухары. Это видно из рапорта командующего на имя кушбеги Мухаммадшо бия, в котором сказано:

«Вашему высокопочтению, который является достойным правителем (речь идет о кушбеги Мухаммадшо бие — А. М.) докладываю, что по воле и поручению его величества, сегодня мы достигли Шахрисябзского вилоята и молимся богу. Таким образом, теперь вилоят находится в наших руках. Как только мы вошли в город, по моему приказу, был отдан радостный салют (накораи шодиёна) и все его слышали, после чего был устроен парад и прием, на котором все чиновники кадрового состава армии до караулбеги получили набот (вареный сахар), все чиновники гражданской службы: хаджа, наибы, шейхи, кази, файзы, а'лами, раисы, муфти и др.— большой кусок сахара (каждый по отдельности), все высшие сословия духовенства, купцы и другие, которые приехали из разных районов дальней области, угощались хлебом со сладким чаем и кишмишом, после чего все они прочли молитву за здоровье его величества и уехали по домам.

Покорение данной области было весьма сложным, и описать

---

[1] *А. Л. Троицкая,* Военное дело в Бухарском ханстве в первой половине XIX в., Труды АН Таджикской ССР, т. XVII, 1953 г.

[2] *А. А. Семенов,* Очерк устройства..., стр. 59.

[3] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1, оп. 34, д. 74, л. 2.

его нехватает слов, думаю, что эта грандиозная победа бухарских воинов также обрадует Вас. 1282 (1866) г.»[1]

В указанный период функции диванбеги и мираба, которые занимались сборами хараджа, податей и зякота, были подчинены военным функциям кушбеги, и в завоеванных областях они носили грабительский характер. Эти войны сопровождались разрушением народного хозяйства обеих сторон, повсеместным увеличением военных налогов, разрушением оросительной сети, городов и сел, сокращением посевных площадей, прекращением торговли между областями, а также городами и деревнями, что вызывало рост дороговизны по всей стране. Достаточно сказать, что во время одной из этих войн в 1851 г. сильно пострадал Шахрисябз, и его положение оказалось весьма тяжелым, дело доходило до того, что за пуд соли платили 100 коконов, а за батман пшеницы — 140 коконов[2].

Не лучше было положение самого города Бухары, где не хватало хлеба и других продуктов питания. Правительство эмира решило перевести солдат на самоснабжение за счет добытых трофеев, а с населения Карши собрать дополнительно в счет податей будущего года 2457 манов хлеба. Это видно из содержания докладной записки одного махрама на имя кушбеги, которая написана в то время. Он пишет: «Ставлю в известность вашего высокопочетного правителя (бухарского кушбеги) о том, что в прошлом году сборщики налога с населения Карши в казну его величества собрали 2457 манов хлеба. Сейчас они требуют его возвращения им. Положение народов Карши вам хорошо известно, они живут очень бедно и если им не будет возвращен взятый хлеб, то они будут нищенствовать. Поэтому прошу вас дать распоряжение опоре государства би иноку — правителю вилоята, чтобы он их освободил от налогов текущего года»[3].

В связи с присоединением Средней Азии к России и превращением Бухары в колонию царизма, войны между мелкими владетельными феодалами — шахами прекратились, а с ними отпали и военные функции кушбеги. Теперь главная роль (вплоть до революции 1920 г.) принадлежала ведомству диванбеги, и она заключалась в ограблении собственного народа. Именно в этом направлении расширяется круг деятельности кушбеги. Помимо отраслевых учреждений, при кушбеги создался аппарат управления — канцелярия, которая занималась теперь не военными

---

[1] Душанбинский госмузей, книга рукописей 1, оп. 1, док. № 7. В связи с этим считаем нужным отметить, что дата окончательной победы Бухары над Шахрисябзом, которая в «Истории Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 49 указана в 1856 г., является неточной.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 74, л. 4, 2, 1, кокон — стоимостью в 20 коп. серебром. (См. указ. работы М. Н. Ростиславова в кн. «Международный съезд ориенталистов в С. Петербурге, 1876 г., т. 1, стр. 335).

[3] Душанбинский госмузей, инв. кн. 1, документ № 6.

делами, а сбором и учетом доходов и расходов казны, дипломатической работой (с политагенством), обеспечением всем необходимым чиновнического аппарата управления государства эмира и его хозяйства.

В канцелярии кушбеги существовали следующие отделы: хисобчи, занимающийся учетом доходов и расходов казны эмира, хазиначи (отдел по охране богатства эмира), мирахурбоши (конюх эмира), секретарь (мунши — управляющий делами), еще в его ведение входило управление городом Бухарой и 9 туманами, расположенными в его окрестностях.[1]

После Мухаммадшо кушбеги бухарского эмиратства был мулла Мухаммади (1882—1885 гг.).[2] С приходом к власти Ахадхана кушбеги был назначен Джанмирза, который управлял с 1885 по 1901 гг., а его заместителем Астанкул, ставший затем кушбеги с 1901 по 1911 гг. Последними кушбеги были мирза Насрулла (1911—1918 гг.), мирза Урганджи (три месяца 1918 г., после колесовских событий), Усманбек (1918—1920 гг.).

При кушбеги этого периода центральными отраслевыми учреждениями были следующие:

ДИВАНБЕГИ (или же *кушбеги поен — нижний,* потому что он проживал внизу арыка) — занимался исключительно сбором податей в казну эмира. Он являлся исполнителем распоряжений бухарского кушбеги в деле пополнения доходов казны эмира и целиком отвечал за это.

Соответственно со статьями доходов он имел при себе чиновников (зякотчиков — сборщики зякота), дафтардаров (хранителей тетрадей по хараджу, ушру, по эксплуатации ирригационных каналов, базаров и т. п.), секретарей (мирзы мушрифия) и т. д. По его решению сбор зякота с торговли, со скота и мельниц сдавался на откуп любому человеку, который заранее вносил деньги в казну.

Лашкар — боши — до присоединения Средней Азии к России имел большой вес и значение, но после этого он имел лишь почетное звание и потерял прежние функции. Теперь он мог организовать военный поход только в том случае, если где-нибудь вспыхивало народное восстание. Тем не менее и в последнее время лашкарбоши занимался исключительно военными делами, ведал кадровым составом эмирской армии и имел в своем распоряжении всего 20 человек чиновников (саркарды), которые выполняли его распоряжения по осуществлению военных дел и обеспечению войск оружием, обмундированием и жалованием.

Тупчи — боши — его функции также были ограничены, глав-

---

[1] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, стр. 134.

[2] О дате его управления см. Ахмад Дониша, указ. соч., стр. 99—117; ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1, оп. 34, д. 453, л. 10, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 26—30, в котором на оттиске его печати приложены на документах переписки с политагенством, дата совпадает с вышеуказанным годом.

ным образом он занимался охраной арки и дома эмира, для этой цели он имел в своем распоряжении 50 человек чиновников.

Миршаб — это полицмейстер, главным образом занимался борьбой с воровством, хулиганством, фальшивомонетчиками и другими правонарушителями города Бухары и нес охрану столицы по ночам. Он имел в своем распоряжении 70 человек охранников города, тюрьмы и постовых складов.

Мираб — это лицо являлось крупной фигурой в ханстве, занималось надзором и распределением воды в самом городе Бухаре и осуществляло контроль за использованием воды того или иного арыка. Он ведал также орошением новых земель и строительством каналов. В своем распоряжении мираб имел всего 70 чиновников, но ему подчинялся многочисленный отряд аминов и арбабов арыков, расположенных в окрестностях города Бухары.

В центральном государственном управлении ханства имелись еще такие учреждения как шейхул ислама, кази каляна, садри раиса и др., которые играли важную роль в системе государственного управления Бухарского ханства.

Духовенство — в Бухарском ханстве светскую власть нельзя было отделить от власти духовной, между ними существовал тесный контакт и взаимная поддержка друг друга. В эмирате существовал единый закон для всех — шариат, который регулировал правовую жизнь населения. Он являлся уголовным и гражданским кодексом и защищал интересы господствующих классов, в число которых входило высшее духовенство как крупнейшие землевладельцы. Богатство поднимало их авторитет и влияние среди народа.

Поскольку другого законодательства, кроме шариата не существовало, то регулирование поведения людей по шариату было поручено духовенству.

Место того или иного лица из числа духовенства в государственном управлении Бухарского ханства зависило не только от его богатства, но и от степени знания шариата, родословной и личного знакомства с эмиром. Поэтому каждый из них стремился к тому, чтобы возвысить свой авторитет путем составления родословной грамоты, так называемой «шаджары». Такой документ — один из видов обмана темных народных масс. Повсеместно, опираясь на поддержку эмира, духовенство поддерживало старые традиции составления родословных грамот, в результате чего они как бы вступали в родственную связь с пророком или халифом. Для тех, которые свое происхождение вели от Мухаммада-пророка, устанавливалось сословное звание «саида», а от Халифа — «хаджи».[1]

---

[1] Традиция составления родословных грамот духовенством началась с периода политической борьбы за власть в халифате. Она продолжалась и в

В принципе составления родословных грамот саиды совершенно ничем не отличались от хаджи, первые, через детей Али и Фатимы, объявляли себя родственниками Мухаммада пророка, а вторые, через детей халифа, вели начало своего родства от Абубакра, Умара, Усмана или Аббаса.

Все высшие представители духовенства, независимо от того, занимали ли они государственные должности или нет, имели свои «шаджары» и входили в сословие саидов или хаджи, объявляя себя «священными». Составление таких документов было несложно, составитель должен был знать родословную и купить первую подпись у какого-нибудь духовного авторитетного лица, свидетельствующего о том, что последовательность перечисления составителем родословной пророка или халифа не имеет искажений. Примером составления такого документа может служить родословная грамота Саида Абдурахмана из Гиссара, которая была написана в 1919 году. В ней сначала даны мифологические указания следующего порядка: от Адама до Нуха прошло 1400 лет, от него до Ибрагима — 200 лет, а от этого до Сулаймана — 250 лет, между ними жил Аюб и Якуб, от Якуба до Аюба — 500 лет, от последнего до Мусо — 300 лет, от этого до Аднана — 400 лет, от последнего до Абдулманофа — 650 лет, затем идет простое перечисление детей, внуков и правнуков Абдулманофа и доходит до пророка.

Останавливаясь на этом, автор шаджары обращает внимание всех мусульман и саидов Файзабада Гиссарского вилоята (бекство) на то, что его предки являлись потомками саидов, но в результате различных причин, главным образом, невнимательности дедов их, документы не сохранились. Вследствие этого, при помощи и во славу его величества (эмира), в целях сохранения чистоты потомства, он составил настоящую шаджару. Затем идет перечисление имен отца и детей: от Мухаммада — Фатима и Зухра. От брака Фатимы с Алием родился имам Хусейн (близнецы). Саид Абдурахман начал свой род, насчитывающий 32 поколения, от имама Хусейна. После перечисления всех имен членов рода Абдурахман добавляет имена собственных детей: Абдулазиза, Карима, Одина, Джалила, Мухаммади, Исмаила и Абдулла.[1]

Таким образом, перечислив эти имена, Абдурахман себя объявил саидом и считал защитником рода пророка, а свою семью — благородной. Так составлялась родословная саидов.

Другим многолюдным сословием духовенства было «хаджа», начало носители этого рода брали от халифа (Абубакра, Умара, Усмана и Аббаса). По форме составления шаджари «хаджа»

последующий период истории. Таким путем духовенство искусственно создавало для себя авторитет, который передовые люди высмеивали. См. С. Айни, Восифи ва хулосаи «Бадоеъ-ул-Вакоеъ», Таджикгосиздат, 1956 г., стр. 30.

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 6.

совершенно ничем не отличались от шаджари саидов. Например, некий халиф Абдусаттар махдум начал составление своей родословной от Абубакра,[1] затем перечислил 26 его поколений и последнего — хаджи Хусейна — считает своим отцом. Таким образом, феодал себя объявлял потомком халифа и претендовал на участие в управлении государством эмира.

Кроме того, бухарский эмир духовным лицам присваивал различного рода звания и тем самым укреплял их авторитет. Эти звания делились на три категории: высшую, среднюю и низшую. К высшей относились: охунд, садри азам, хаджаи саодат, алам, садр. К средней — мухтасиб, судур, файз, мири асад. К низшей — урок[2].

Высшие звания давались саидам как родственникам пророка, и они считались «святыми», к числу их относился и бухарский эмир со всеми его родственниками обоего пола. На втором месте стояло сословие «хаджа», представители которого считались потомками трех первых халифов или аббасаидов. Им также присваивалось высшее духовное звание.

Если саиды и хаджи были грамотными и хорошо знали законы ислама, то они занимали высшие должности, а если не были таковыми, то просто считались людьми почетными и жили как за счет своего хозяйства, которое освобождалось от налогов, или же за счет средств, поступивших в пользу их от мазаров и других духовных учреждений.

В системе государственного управления бухарского эмира существовали следующие высшие должности духовенства:

1. Непосредственный советник эмира, который во время приема находился рядом с ним и постоянно давал ему консультацию по вопросам шариата. На эту должность назначались «охунд» или «а'лам», которые считались учеными из ученых.

2. Шейхул ислам — высшая судебная инстанция религии ислама, на эту должность назначались лица из числа «садри азама», «хаджаи саодата». Во время каких-либо приемов или церемоний шейхул ислам сидел с левой стороны эмира и считался вазиром левой руки (вазири дасти чап)[3].

3. Кази калян — лицо, осуществляющее правосудие на территории ханства. Кази калян являлся верховным судьей эмира, его должность можно было приравнять к должности министра

---

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 7.

[2] Если духовное лицо не имело отношения к сословиям саида или хаджи, то оно не получало звания выше «урока».

[3] Должность шейхул ислама в последнее время утратила свое значение и его функция переходила к кази каляну (см. А. А. Семенов, Бухарский трактат.., Советское востоковедение, т. V, 1948 г., стр. 139, его же, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929 г., стр. 13.

юстиции. На эту должность обычно назначались «а'ламы» или «садры».

4. Муфти а'лам — высшая консультационная инстанция по вопросам шариата, главным образом, занимающаяся составлением юридических справок. Муфти а'лам являлся советником кази каляна.

5. Раис — выполнял функции полицейского, торговой инспекции, надзора за правильностью выполнения норм шариата населением, делами мазаров, мечетей, медресе и школ. На эти должности назначались «садра», «файза», «мухтасиба» или другие по воле эмира.

Каждая из вышеуказанных должностей предусматривала наличие заместителя (наиб — советник), которого также назначал эмир. Все они имели право решения любого вопроса, имели при себе многочисленных агентов, исполнителей, секретарей-редакторов и т. п. Их назначал сам наиб, и они не имели права решать вопрос самостоятельно. При кази каляне работали 150, а при раисе — 100 человек исполнителей.[1]

Официальными документами первой половины XIX в. о порядке назначения и увольнения всех этих лиц — высших духовных сановников мы не располагаем. Однако источники позднейшего времени могут раскрыть картину прошлого в этом отношении, так как они были составлены в одном и том же стиле и по существу ничем не отличались друг от друга на протяжении всей истории XIX — начала XX вв.

С приходом эмира Ахада к власти ему кушбеги доложил, что на высших должностях духовных работают следующие лица: мулла Бадриддин садр — кази калян, мулла Сираджиддин судур — охунд, мулла Абдулфозыл — садри а'лам, мулла Бакохаджа — садри раис, к числу высших сановников этого ранга еще причислялся мулла Касымхаджа судур[2].

Как уже сказано, на территории ханства правосудие осуществлял кази калян, которого на эту должность назначал сам эмир специальным указом, и любое его решение считалось окончательным и не подлежало обжалованию. Например, мы обнаружили указ эмира Ахада от 1907 г. о назначении Иноятуллы на должность кази каляна, в котором сказано: «От мала до велика, как своим, так и иноземцам, бедным и богатым, таджикам и туркам и всему населению «благородной Бухары» объявляю, что мы удостоили и назначили ишана домуллу Иноятуллу мир асада на высокий пост кази каляна всей «благородной Бухары».

В связи с этим вам всем: «благородным» саидам, казиям, шейхам, эмирам (главам племен), вазирам, а также всему населению следует признать его своим законным казием и беспре-

---

[1] См. фотоснимок на стр. 33 данной работы.

[2] ЦГИА Узбекской ССР, архив кушбеги, док. № 74.

кословно уважать и выполнять все решения, распоряжения и поручения, которые он дает, и считать их окончательными»[1]. Такой же формы и содержания издавались указы о назначении других сановников духовенства высшего ранга в городе Бухаре.

Однако в арке находилась только незначительная часть духовенства. Основная масса духовенства государственные должности занимала вне арке. В городе Бухаре, выполняя обязанности казия, муфтия, мутавалия, шейхи мазара, мударриса, муллы имама и др., оно занималось прославлением класса феодалов во главе с эмиром[2].

Если в период эмира Насруллы права духовенства были ограничены светскими феодалами, в частности, родоплеменными вождями, то за последнее время, в связи с прекращением междоусобных войн, роль духовенства значительно повысилась. Достаточно привести хотя бы некоторые факты.

Эмир Ахадхан был весьма властный и всегда имел поддержку царизма, но несмотря на это в 1897 г. из-за столкновения с духовенством он покинул город Бухару и свою резиденцию перенёс в Кармину и только, по настоятельному требованию из Петербурга, в 1910 г. вернулся в Бухару[3].

Профессор А. А. Семенов рассказывает еще об одном событии, очевидцем которого он сам был. В сентябре 1917 г.,— говорит он,— мы посетили эмира Алимхана по вопросу закрытия новометодных школ. Эмир нам заявил, что «он отлично сознает всю незаконность такого мероприятия, тем более что новометодные школы существуют в столице очень давно, но в данном случае он совершенно бессилен что-либо предпринять, так как их закрытие потребовало бухарское духовенство в лице верховного судьи... Попробуйте поговорить лично с ним, сошлитесь на меня... может быть, вам удастся так или иначе убедить его — добавил эмир». И действительно, когда, по совету хана, русские послы посетили кази каляна и поставили затронутый вопрос, то последний категорически отказался удовлетворить их требование[4]. Все эти примеры доказывают, что духовенство в Бухаре являлось очень сплоченной корпорацией и сильно влияло на политику государства.

Местное управление

Для характеристики органов управления «независимых» владений горной Бухары мы достаточными источниками не располагаем. Только отдельные сведения путешественников или доку-

---

[1] Наши материалы, д. 1, док. 8.

[2] См. в разделе вакуфная форма землевладения.

[3] *А. А. Семенов,* К прошлому Бухары, в кн. С. Айни, Воспоминания, М., 1960 г., стр. 987.

[4] *Там же,* стр. 988.

менты самих шахов дают нам основание полагать, что их система государственного управления была похожа на ту, которая существовала в Бухарском ханстве.

Как известно, до 80-х годов XIX в. на территории Восточной Бухары существовало несколько самостоятельных феодальных владений и шахств, которые не подчинялись Бухарскому ханству. К таким владениям относились Гиссар, Куляб и Кабадиан, а к шахствам — Каратегин, Дарваз, Шугнан, Вахан и Рушан. Везде и всюду управление ими переходило по наследству, органы управления являлись орудием эксплуатации производителей и подавления борьбы трудящихся против угнетателей.

В период политической раздробленности не было прочных экономических связей между областями Таджикистана, и эти местные владения и шахства, как политическая надстройка, неизбежно отражали эту экономическую раздробленность. Каждый из владельцев или шахов на своей территории являлся верховным правителем, имел свои вооруженные отряды и суд, в любое время каждый из них мог бросить в тюрьму любого человека и применить телесные наказания. Таким образом, в своих владениях они являлись своего рода царьками.

По своему внутреннему устройству они напоминали государственное устройство Бухарского ханства. Шах в своих действиях руководствовался теологическим учением духовенства.

Его окружали многочисленные чиновники и наукары, которые денежного или другого вознаграждения от государства не получали, а жили за счет поборов с населения своей области. Правитель раздавал им звания и должности. Поэтому как в Западной, так и Восточной Бухаре мы встречаем одни и те же звания и должности для светских и духовных лиц.

Как известно, между областями шли постоянные междоусобные войны. Поэтому правители Каратегинского, Дарвазского, Шугнанского, Гиссарского, Кулябского владений постоянно держали свое население в боевой готовности и из их среды на добровольных началах вербовали наукаров, которые освобождались от всяких податей и повинностей, а в случае проявления храбрости получали вознаграждения — танхо.

В наукары зачисляли тех, которые изъявляли желание быть таковыми, наукары были обязаны за свой счет приобретать оружие, лошадей и другое военное снаряжение и в случае войны включиться в состав шахских войск и возглавить ополчение. В мирное время они все занимались своим хозяйством и несли караульную службу.[1]

Рядовые наукары делились на две категории: «галабатыри, имевшие холодное оружие, и хосабардор, вооруженные огне-

[1] *Кап. Лилиенталь,* Гиссарское и Кабадианское бекства, Сбор. Материалов по Азии, вып. VII, стр. 319.

стрельным оружием — пищалями»[1]. Число их было разное. Согласно сведениям Г. А. Арандаренко, если каратегинский шах мог выставить до 20—30 тысяч воинов, вооруженных саблями и фитильными ружьями,[2] то шугнанский — 7 тысяч воинов с таким же вооружением.

Что касается чиновнического состава, то по сведениям Мейендорфа, который в 1820 г. путешествовал по Бухаре, высшими должностными лицами по Гиссару были: оталык — вазир, додхо — начальник войска, шейхул ислам — глава духовенства и ниже их стояли: ишикогобоши — советник, дасторхончи — церемонмейстер, кушбеги — начальник охотничьих птиц правителя. По духовной линии из должностей второй категории он указал: а'лам, муфтий и за ними уже шли муллы и ахунды[3].

В Шугнанском шахстве, по документу 1802 г., существовали следующие должности: султан (шах) — глава местной династии, объявлялся наместником бога на земле, мир — правитель шахства, миразор — местный правитель, подобный амлякдару, садник — начальник, сельский администратор, подобный арбабу[4].

В документе по Дарвазскому шахству указаны следующие должности: шах — глава государства — наместник бога на земле, вазир — правитель государственных дел, другие чиновники из светских и духовных лиц обозначены словами «аркони динv давлат» (т. е. защитники государства и религии)[5].

Все эти факты говорят о том, что до присоединения горных районов Таджикистана к Бухаре, здесь существовали те же порядки, которые были во всех среднеазиатских ханствах.

Все дела по управлению государства местных шахов находились в руках чиновников из представителей различных прослоек имущих классов, выполнявших приказы своего непосредственного начальника. Их число по каждой области было различно. Например, согласно сведениям Арандаренко, которые относятся к периоду до присоединения горных районов к Бухаре, в Каратегине их насчитывалось 4000 человек, а в Дарвазе — 600[6]. И нет сомнения, что их было значительно больше в Гиссаре и Кулябе, чем в первых двух областях.

После присоединения Восточной Бухары к эмирату, хотя и появились новые должности и звания чиновников, новые порядки в государственных учреждениях, но содержание и характер их работы оставались прежними.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 118, л. 45, цитировано по указ. соч., Б. И. Искандарова, ч. I, стр. 120.

[2] Там же, стр. 121.

[3] Мейендорф, Статистический взгляд на Бухару, перевод с франц. яз. А. Каменского, «Северный архив» 1826 г., № XIX—XX стр. 165.

[4] *Б. И. Искандаров,* указ. соч., ч. I, стр. 123.

[5] См. на стр. 107—108 данной работы.

[6] *Г. А. Арандаренко,* Дарваз и Каратегин, Воен. сб. № 11, 1886 г., стр. 149.

Задачи аппарата как центрального, так и местного управления Бухарского ханства, заключались в том, чтобы удержать свое господство, объединить в подчинение громадное количество людей, подчинить их известным законам и правилам. «И все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[1].

В результате завоевания Восточной Бухары она была включена в состав административного управления Бухарского ханства. Вся территория эмиратства была разбита на 28 бекств и 9 туманов, из них 9 бывших бекств составляют ныне центральный, южный и восточный районы Таджикистана. К ним относятся Гиссарское, Курган-Тюбинское, Кабадианское, Кулябское, Бальджуанское, Каратегинское, Дарвазское, Шугнанское и Рушанское бекства. Остальные, как Чарджоуское, Зияваддинское, Нуратинское, Хатырчинское, Китабское, Шахрисябзское, Чиракчинское, Якабагское, Хузарское, Байсунское, Денауское, Келифское, Керкинское, Бурдалыкское, Каблыкское, Каршинское, Нарызымское находились на территории теперешнего Узбекистана и Туркменистана. Туманами считались: Каракульский, Зинданский, Пирмастский, Гиждуанский, Кенимехский, Ваганзинский, Вобкентский, Шафирканский и Яртепинский. Все они были расположены вокруг города Бухары и управлялись амлякдарами, подчинявшимися самому кушбеги[2].

Во главе каждого бекства стоял бек, который назначался специальным указом эмира и на отведенной ему территории являлся абсолютным, бесконтрольным, самостоятельным правителем. На местах все зависело от этого правителя.

В указе о их назначении функции бека были указаны очень абстрактно, они не менялись на протяжении всей истории XIX и начала XX вв. Поэтому в качестве примера приведем указ последнего эмира Алимхана о назначении Авлиякула беком Гиссарского бекства. В начале речь идет о восхвалении эмира и его государства, а затем следует деловая часть, в которой сказано:

«Выпала честь нашего доверия защитнику и опоре государства Авлиякулбека парвоначи, и мы из необъятья султанской щедрости выделили немножко и удостоили его, назначив правителем Гиссара и районов, входивших в него.

Поэтому следует всем жителям указанной области и районов признать Авлиякулбека своим хакимом, выполнять все его распоряжения, поручения и советы, которые он даст.

В свою очередь, хакиму следует постоянно проявлять заботу об улучшении жизни и благосостояния народа, относиться к ним с любовью, быть опорой и надежным осуществлением шариатского правосудия с тем, чтобы расцветало его владение, собы-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, 4-е изд., стр. 445.
[2] См. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 134—135.

рать харадж с данной области и из него одну долю отправлять в Бухару, а на другую — содержать войска и оставшуюся — тратить на свои нужды» (1329 (1911) г.[1]

Из этого видно, что эмир возлагал на народ обязанности: беспрекословно подчиняться беку и выполнять его распоряжения, а беку — постоянно держать народ в повиновении власти эмира, защищать шариат и содействовать осуществлению правосудия, собирать налоги и поборы с населения в пользу эмира и свою, материально обеспечивать войска и чиновников, находящихся у него на службе или стоящих на его территории. Что касается слов «проявлять заботу о населении», то имелась в виду охрана спокойствия в области и предотвращения восстаний и волнений народа.

По существу это были те же функции, которые в свое время выполняли губернаторы (вали) арабского халифата. К этим функциям после присоединения Средней Азии к России добавлялась обязанность: поддерживать тесные и дружественные взаимоотношения с русскими властями. Это относилось к тем бекствам, которые непосредственно соприкасались с русскими пограничными областями, пограничными постами, с администрацией железной дороги и т. п. Эта последняя обязанность вытекала из того, что по Шаарскому договору (23 июня 1868 г.) и договору от сентября 1873 г. Бухара попадала под протекторат России и ей запрещалось вести самостоятельные сношения с иностранными государствами.

Первоначально по всей Восточной Бухаре существовала должность наместника, которую занял сначала Якуббек (1868—1878 гг.), затем — Худойназар оталык[2]. И они практически осуществляли меры по укреплению власти эмира в горных областях.

Ввиду особого значения Каратегина, как пограничного района с русскими владениями, Худойназару было приказано сделать свою резиденцию в г. Гарме, оттуда он фактически управлял всей Восточной Бухарой (с весны 1878 г. по 1886 г.).

Деятельность Худойназара как правителя—наместника эмира заключалась в подавлении местных шахов и крупных феодалов, которые боролись с Бухарой за сохранение своего влияния, власти и имений, в проведении дорог от Гиссара до Гарма и Дарваза, Куляба и Кабадиана, в подборе новых сочувствующих Бухаре кадров из местных феодалов для управления бекством. По его инициативе все бекства Восточной Бухары были разбиты на амлякдарства. Здесь также строились новые укрепления и мечети, открывались религиозные школы. Стремясь опереться в управлении новым бекством на своих сторонников,

[1] Институт востоковедения АН Узб. ССР, инв. кн. 1, док. № 19.
[2] Это звание ему было присвоено после завоевания Дарваза.

Худойназар назначал амлякдаров из бухарцев, а на должности муфтия, раиса и т. п. из числа представителей местных духовных лиц. Управление Каратегинского, Дарвазского и других бекств велось по образцу Западно-бухарских бекств.

Система управления Бухарского ханства подобна средневековой иерархии феодальных государств: наверху иерархической лестницы стоял хан (эмир), которому подчинялся каждый бек — правитель области, вассал эмира, этот бек тоже на своей территории имел своих вассалов — феодалов, проживающих на данной территории. Это подтверждается структурой местного управления областью.

Как только бек получал назначение он со своей семьей и родственниками приезжал на место и приступал к выполнению обязанностей. Никакого приема и сдачи дел, за исключением книги зякота, не производилось, так как делопроизводство совершенно отсутствовало. По уточненным данным, для управления бекством при беке существовали следующие должности:

1. Диванбеги, или зякотчи, который занимался сбором налогов и податей. В его распоряжении находилось несколько секретарей, арбабов и ясаулов, которые выполняли поручения своего начальника.

2. Личный секретарь (мирзаи мунши), подбирался из числа наиболее грамотных с красивым почерком, он занимался перепиской мира.

3. Миршаб, в некоторых бекствах горных районов его называли «курбаши». В его ведение входила охрана и соблюдение порядка в городе (крепости), тюрьме, складах оружия и полицейские функции. Он имел при себе несколько ясаулов (чиновников) и наукаров.

4. Мираб, занимавшийся исключительно регулированием воды, используемой населением. Он имел в своем распоряжении амина — начальника одного арыка, или джуйбара, арбабов — контролеров, аксакалов — распорядителей воды, джуйбонов — сторожей арыков (пакашабеги), мирзу — секретаря.

5. Амин (староста), занимавшийся строительной работой, хозяйством крепости и города, мобилизацией людей на выполнение трудовой повинности в пользу бека и его чиновников. Он имел в своем распоряжении несколько арбобов.

6. Пайгирчи — сборщик зякота с торговли и со скота, который пригоняли на рынок для продажи. Рис. 3.

В системе местного государственного управления важное место занимало духовенство, которое ведало судебно-полицейскими делами. Эти должности в бекстве делились на три категории:

1. Кази (судья) осуществлял шариатское правосудие. В его распоряжении находились муллазимы (курьеры, судоисполнители) и секретарь.

2. Муфти, занимавшийся составлением и выдачей справок по

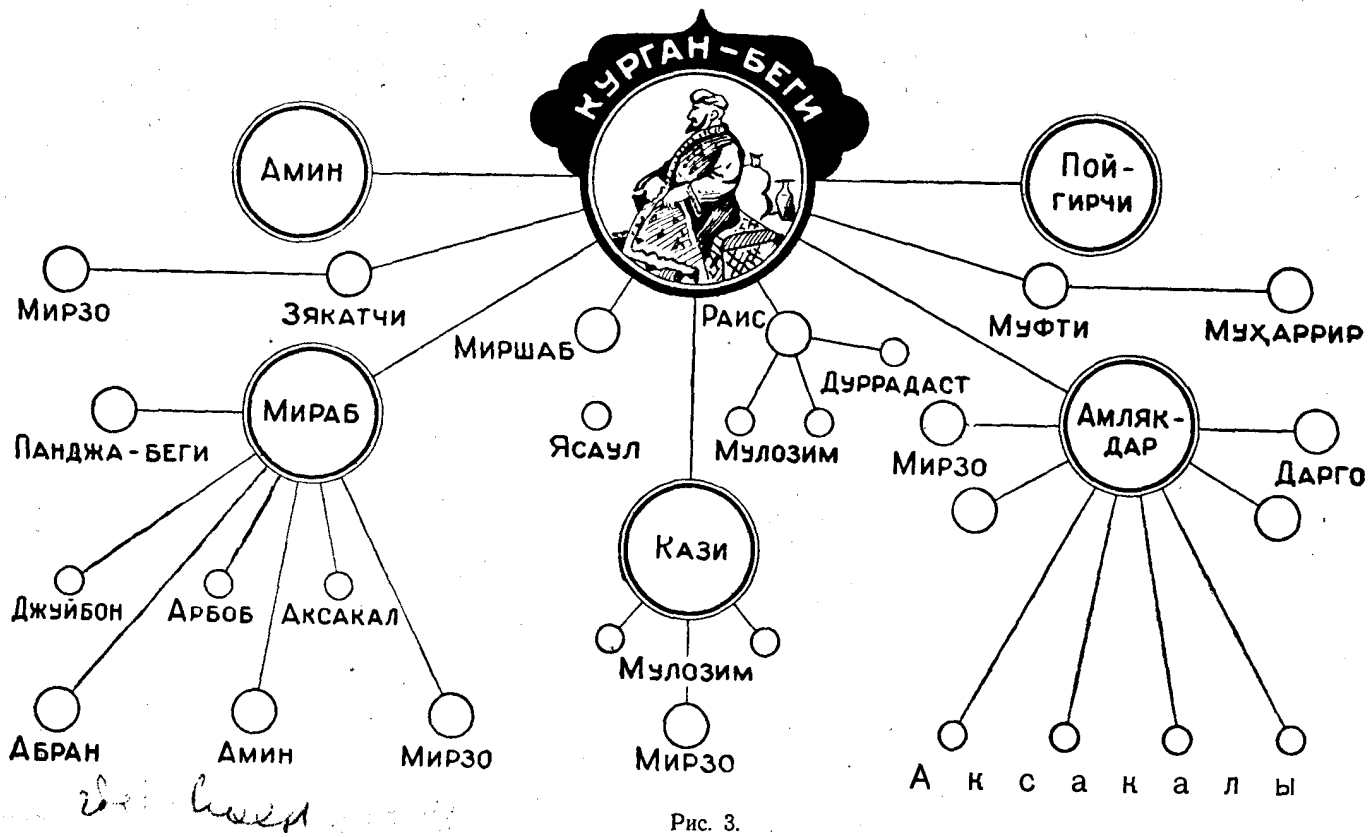

КУРГАН-БЕГИ
Амин
Мирзо
Зякатчи
Миршаб
Раис
Дуррадаст
Мулозим
Ясаул
Мираб
Панджа-беги
Джуйбон
Арбоб
Аксакал
Абран
Амин
Мирзо
Кази
Мулозим
Мирзо
Пой-гирчи
Муфти
Мухаррир
Амляк-дар
Мирзо
Дарго
Аксакалы

Рис. 3.

шариату. В его распоряжении находилось по 2—3 мухарира (редакторы-секретари).

3. Раис, занимавшийся полицейскими делами нарушителей исламской религии, торговлей, школами, семейным правопорядком, наследством и т. д. У него были помощники (дуррадасти — палачи), которые наказывали нарушителя по приказу начальника, мулозимы (агенты-сыщики), которые занимались поисками.

Согласно документу, который приводим ниже, видно, что на территории ханства действовали 67 казиев (казинишинов) и 68 раисов. Однако из последних 36 должностей являлись несамостоятельными, объединялись с казиями и их именовали кази-раисами. Чтобы ясно представить это, мы решили дать полный текст данной записки, в которой указано, где должности раиса и казия объединялись и где осуществлялись их функции раздельно. Так в источнике читаем:

«О ласкающий раба!

Да стану я жертвой за голову моего повелителя, докладывая, что ваши молельщики, которые находятся на высшем чине перо — кази и раисы, являются следующие:

1. Благородной Бухары — кази мулла Мухаммад Бакахаджа-кази калян.

2. Благородной Бухары — мулла Изамаддин-садри раис и кази по делам мазаров.

3. Харканруд — мира Мухаммад Рауф садр-кази и мулла Мухаммад Бака-раис.

4. Камат — мулла Мухаммад Камил урок-кази и мулла Камол-раис.

5. Каракуль — мулла мир Абдулсамадхаджа садр-кази и мулла Абдулкадирхаджа-раис.

6. Хайрабад — мулла Зайнуддин-кази и мулла Латифхафжараис.

7. Хутфари — мулла Мухаммадхаджа-кази и мулла Акбархаджа-раис.

8. Шафиркан — мулла Абулвахидхаджа-кази и мулла Вафахаджа-раис.

9. Пирмаст — мулла Арифхаджа-кази и мулла Фулат-раис.

10. Коми Абумуслим-мулла мирза Мухаммад Саид урок-кази и мулла Таир-раис.

11. Самджин — мулла Хайдархаджа-кази и мулла Джамаладдинхаджа-раис.

12. Карши — мулла Абдулхаджа судур-кази и мулла Махмудхаджа-раис.

13. Шахрисябз — мулла Сираджиддинхаджа судур-кази и мулла Мухаммад Муин-раис.

14. Китаб — мулла Абулхакимхаджа-кази и мулла Хамидхаджа-раис.

15. Якабаг — мулла Абдулазизхаджа-кази и мулла Абдулзохир-раис.
16. Чиракчи — мир Мирхаджа-кази и мулла Мухаммад Рахим-раис.
17. Хузар — мулла мирза Абдулхайр урок-кази и мулла Абдулзохир-раис.
18. Кармина — мулла Абдулкадир-кази и мулла Абдулрахимхаджа-раис.
19. Хитарчи — мулла мирза Шариф судур-кази и мулла Абдулхалик-раис.
20. Зиявaддин — мулла Казихаджа урок-кази и мулла Мухаммад-раис.
21. Нурата — мулла Мазинаддин-кази и мулла Хамид-раис.
22. Янги-Курган — мулла Хикматуллахаджа-кази и мулла Байзахаджа-раис.
23. Чарджоу — мулла мир Бурханаддин садр-кази и мулла Мухаммад Идрисхаджа-раис.
24. Карки — мулла Таджиддин судур-кази и мулла Аламхаджа садр-раис.
25. Байсун — мулла Абдулнаимхаджа-кази и мулла Абдулзохир-раис.
26. Куляб — мулла Мухаммад Саидхаджа-кази и мулла Абдулмаджит-раис.
27. Бальджуан — мулла мир Масумхаджа урок-кази и мулла Мухаммад Содык-раис.
28. Сариджуй — мулла Мухаммадхаджа-кази и мулла Сафар-раис.
29. Денау — мулла мир Нуъман-кази и мулла Мухаммад Курбан-раис.
30. Шерабад — мулла Абдурахман-кази и мулла Нусратуллахаджа-раис.
31. Гиссар — мулла Мухаммад Амин судур-кази и мулла Касимхаджа-раис.
32. Хавалинг — мулла мир Афзал-кази и мулла Обид-раис.

Молельщики, которые являются казием и раисом:

1. Курган-Тюбе — кази мулла Каримберди.
2. Кабадиан — кази мулла Мухаммад Мансур.
3. Юрчи — кази мулла Фозил.
4. Калиф — кази мулла Мухаммад Бакахаджа.
5. Бердалык — кази мулла Таджиддин.
6. Каралык Наршим — кази мулла Абдулхакимхаджа.
7. Исрори-Катаам-Макавал — кази мулла Холмурад.
8. Карабеги-Теппа — кази мулла Садуллахаджа.
9. Авесто — кази мулла Абдулхалил.

10. Регари Гиссар — кази мулла Мухаммад Ашур.
11. Шурупкан — кази мулла Негматулла.
12. Джаннияз — кази мулла Мухаммад Мансурхаджа.
13. Худжи — кази мулла Мухаммад Тахир.
14. Каниш — кази мулла Султанмурад.
15. Тутли-Кизыл-Апак — кази мулла Гулямаддин.
16. Бари-Руд — кази мулла Абдурахманхаджа.
17. Тепаки-Зумруд — кази мулла Шамсиддин.
18. Пошхурди — кази мулла Акмалхаджа.
19. Душанбе Гиссар — раис мулла Мухаммад Салих.
20. Курбат — кази мулла Садриддинхаджа.
21. Урта-Курган — раис мулла Мухаммад Муин.

Каратегинские казии:

1. Гарм — кази мулла Абдурахим урок.
2. Яхак — кази мулла Абдулбоки.
3. Калай Лябиоб — кази мулла Аббасхаджа судур.
4. Хаит — кази мулла Хусейн.
5. Муджихарф — кази мулла Икрам урок.
6. Науданак — кази мулла Сулайман.
7. Оби-Гарм — кази мулла Икрамхаджа урок.
8. Камароу — кази мулла Мухаммад Шариф.

Дарвазские казии:

1. По всем бекствам — кази мулла Гиясаддин и раис мулла Мухаммад Азим [1].
2. Тавиль-Дара и Нижний Вахиё — кази мулла Абдурахман.
3. Верхний Вахиё — кази мулла Мирхаджа.
4. Вандж — кази мулла Мирза.
5. Чильдаре — кази мулла Рузи.
6. Сагирдаште — кази мулла Мухаммад Шариф.
7. Калай Хумб — кази мулла Мухаммад Тахир [2].

Рис. 4.

[1] Эти должности обслуживали войсковые части; которые были расположены вдоль границы с Афганистаном.

[2] Наши материалы, д. 1, док. № 9. Дата в документе не указана, однако установлено, что она относится к 1910г. Когда Алимхан вступил на трон, то ему докладывали о существовании этих должностей. Это видно из оттиска печати одного гармского казия муллы Абдурахим урока, имя которого отражено в данном источнике. Он звание урока получил в 1328 г. х. (в 1910 г.), а в другом документе, который исходил от него, видно, что в 1912 г. он получил звание судура. Возникает вопрос, не написан ли он в 1911 г.? Нет, так как в это время Алимхан уже знал всех своих казиев, потому что в течение лета и осени они по обычаю уже отовсюду приезжали к нему на поклон.

Все казии и раисы назначались исключительно указами эмира и в решении уголовных и гражданских дел формально были самостоятельны и подчинялись только шариату. Однако документы свидетельствуют, что на местах существовало по несколько самостоятельных должностей раиса, которые входили в номенклатуру бека. Что касается их деятельности, то прежде всего нужно сказать, что они являлись представителями своего класса и действовали во имя укрепления эмирата и его бекств. Их классовая сущность прямо подчеркнута в указе о назначении казия, в котором сказано, что «...при разборе дела казий обязан обращать внимание на степень сословия обвинявшего и обвиняемого (высшая, средняя и низшая). При невыполнении этого требования он смещается с занимаемой должности».[1] Поэтому, согласно закону, в эмирате справедливости в решении дел не было; чем выше было сословие судившегося, тем больше он имел прав, тем больше у него было надежд выиграть дело, иначе и быть не могло, казии подобно попам в Германии «...хорошо знали, за что они получают деньги»[2].

Форма и содержание работ казия и раисов были изложены в указах о их назначении, которые являлись стандартными и похожими друг на друга. Для определения функций и обязанностей казия и раиса приведем один указ эмира. Например, в 1857 г. эмир Насрулла назначил муллу мирза Махмуда казием Самарканда, в указе говорится:

«Во имя всемогущего бога, который нам велел править религией и всеми племенами, опираясь на законную основу — изъявил желание удостоить защитника религии и знатока шариата, молельщика муллу мирзу Махмуда раиса назначением его казием Самаркандской области и туманов Шираза, Шавдара и Джуйбара, одновременно установить предел его действий, которого в любое время и при любых обстоятельствах он не должен преступать.

В связи с этим население указанной местности должно его признать и уважать как своего казия и выполнять все решения, которые он выносит. Одновременно ему поручено при разборе тщательно рассматривать дела с участием свидетелей обеих сторон и выносить справедливые решения, оформленные в соответствующем порядке».

В источнике сказано, что «в компетенцию названного казия входит разбор всех дел, связанных с бракосочетанием и разводом, распределением имущества между наследниками и мелкие уголовные преступления вроде драки и др., которые должен рассматривать он сам, а дела, связанные с убийством — отправлять в распоряжение кази каляна «благородной» Бухары.

---

[1] Наши материалы, д. 1, документ № 10.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 7, изд. 2, стр. 357.

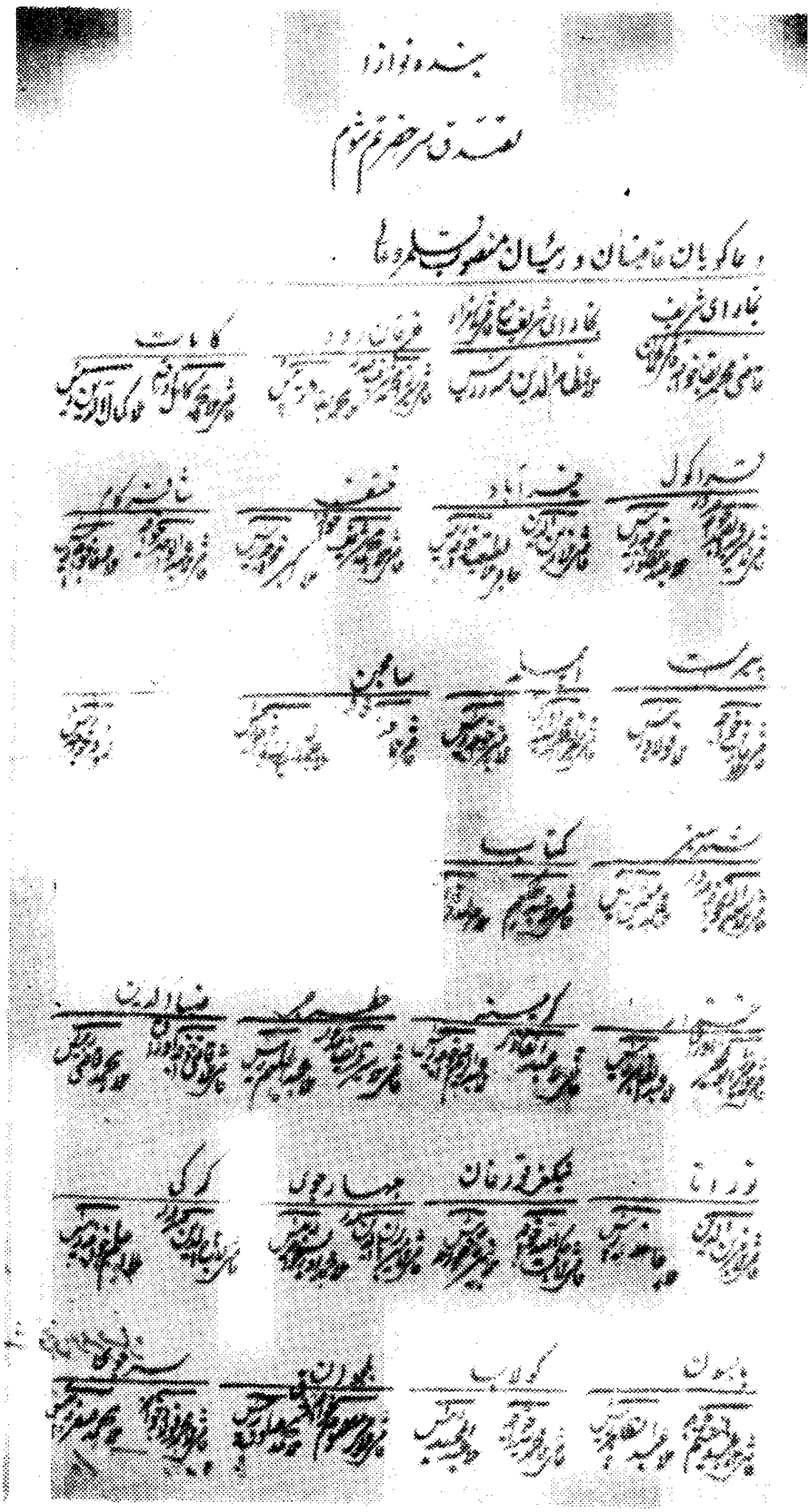


Рис. 4.

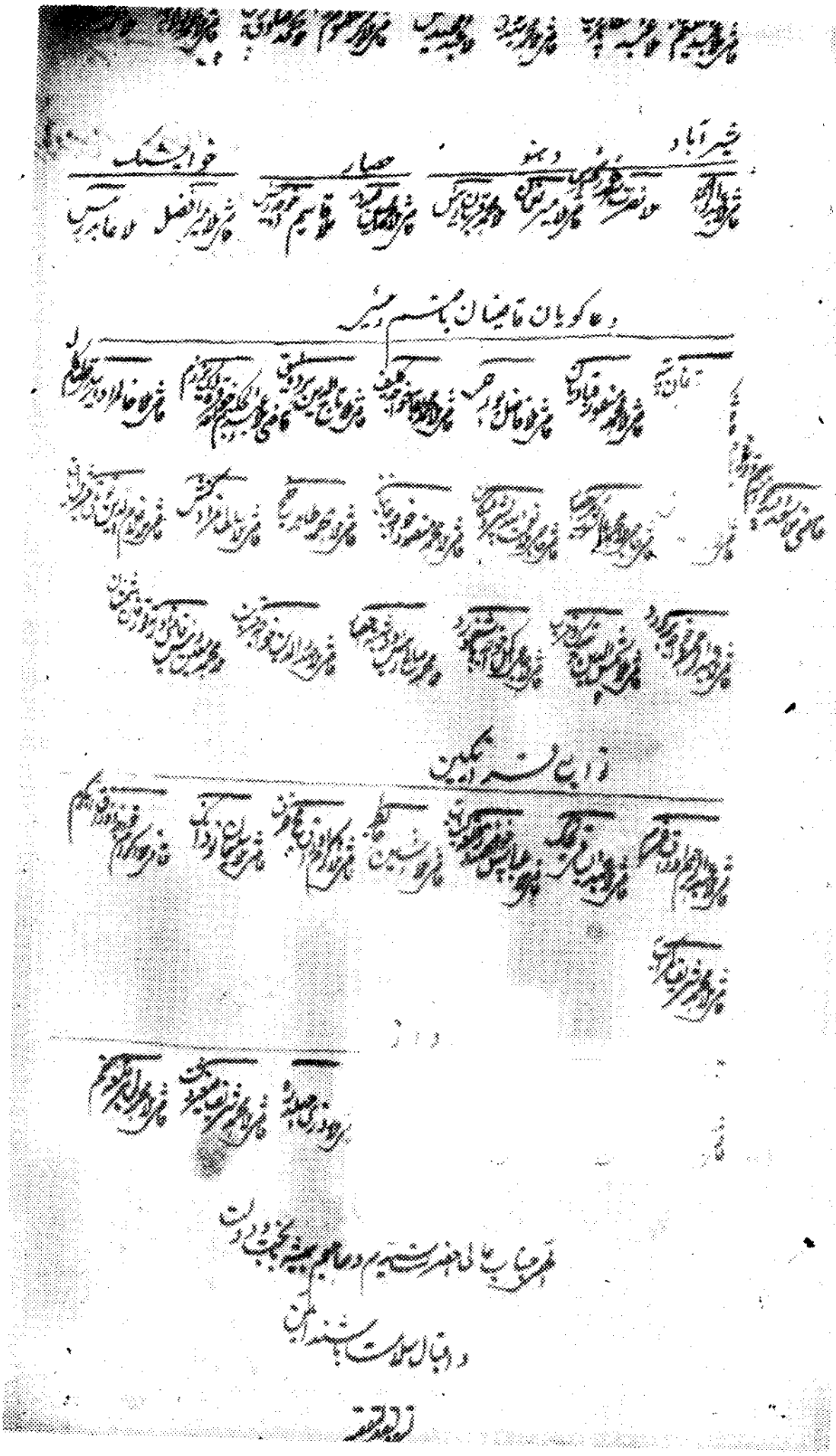


Рис. 4а.

Во время распределения имущества между наследниками он обязан брать в пользу государства с 1000 танег $^1/_5$ часть и собранную сумму через представителей сборщиков налогов передавать в казну.

Кази во время венчания не должен отходить от установленных двух условий и ничего не добавлять. При чтении молитвы (никах) брать плату с девушки 10, а с вдовы — 5 танег. От установленных пределов не отходить, в противном случае он будет смещен с занимаемой должности».[1] Рис. 5.

Нами просмотрено несколько таких документов, которые написаны в разные времена, и их содержание является таким же, как указ Насруллы о назначении мирзы Махмуда казием Самарканда. Такого содержания были указы эмира Шохмурада в 1822 г., назначившего муллу Холмурада урока казием Китаба,[2] эмира Алимхана в 1914 г., назначившего муллу Мухаммада Мансура казием Кабадиана,[3] а муллу Сабахаддина — казием и раисом Шерабада[4]. Следовательно, нет надобности повторять все это, скажем только, что 67 местных казиев выполняли одни и те же функции и обязанности на отведенной им территории.

Там, где были кази, обязательно существовала и должность муфтия, без которого суд не мог принимать дело для разбора. В самом городе Бухаре, кроме муфтия алама, работали еще 12 муфтиев, каждого из которых назначал эмир специальным указом, где точно были определены функции и обязанности. *В каждом бекстве было 5—12 муфтиев.*

Профессор А. А. Семенов указывает, что «должность муфтия не была самостоятельной и поэтому не могла вполне обеспечить жизнь, занимавшего ее лица; потому что она отправлялась обычно по совместительству с должностью мударриса медресе»[5]. Это не совсем точно.

Верно, что многие муфти города Бухары одновременно работали и преподавателями наиболее крупных медресе. Но это объясняется не тем, что они не могли обеспечивать свою жизнь этой должностью. Сам проф. А. А. Семенов указывал, что в ханстве отсутствовала штатно-окладная система и никто из чиновников как в центре, так и на местах зарплату не получал[6]. Следовательно, дело не в бедности муфтиев, а в том, что они являлись наиболее авторитетными людьми в ханстве, с которыми считались все другие духовные чиновники и сам эмир. Используя это, *они стремились занять место в наиболее богатом медресе* и пользоваться дополнительными доходами с вакфа, а иногда наибо-

---

[1] Душанбинский госмузей, кн. 1, оп. 1, док. № 16.
[2] Институт востоковедения АН Узбекской ССР, инв. кн. оп. 1, док. № 22.
[3] *Там же,* док. № 20.
[4] Наши материалы, д. 1, док. № 10.
[5] *А. А. Семенов,* Очерк устройства.., стр. 41.
[6] *А. А. Семенов,* Очерк устройства.., стр. 10—11.

Рис. № 5.

лее известные преподаватели назначались советниками эмира, кази каляна или просто муфтием города Бухары.

О порядке назначения муфтия города Бухары можно сказать следующее: кандидатуру подбирал кази калян и представлял на рассмотрение эмира и, после одобрения последнего, издавал указ о его назначении, о чем в документе говорится:

«...опираясь на законную основу, мы удостоили защитника религии муллу саид Нуххаджа-мударрисом медресе «Исхандархана» и одновременно назначили его на должность одного из муфтиев «благородной» Бухары.

Поэтому всем, от мала до велика, простым и знатным людям следует признать его законным муфтием и в соответствии с этим относиться к нему с уважением.

В свою очередь, данному муфтию следует заниматься составлением фетвы (юридической справки) по законам шариата и никого из тех, которые обращаются к нему, не задерживать; ему положено получать плату за составление справки от заинтересованных лиц и противошариатское действие категорически запрещается»[1].

Все муфтии Восточной Бухары назначались беком, и последний, без разрешения эмира, имел право назначать любого человека на эту должность, о чем издавал специальный указ. Доказательством этого является указ каратегинского бека о назначении муллы Мухаммада Юнуса муфтием Пумбачинского амлякдарства, в котором сказано:

«Ставлю в известность, что от имени его величества назначаю защитника религии ислама муллу Мухаммада Юнуса на должность муфтия Пумбачинского амлякдарства. Поэтому от малого до великого всем следует признать его своим муфтием и для получения шариатских справок обращаться к нему, а первому — при составлении справок — строго придерживаться шариата и не задерживать тех, которые обращаются к нему. Месяц мухарам, 1327 (1909 г.), печать Авлиякулбек бия парвоначи».[2]

Несмотря на ограниченность его функции, во всем мусульманском мире, в том числе и эмиратстве, муфти был самым авторитетным человеком по вопросам шариата. Всякие судебные споры, начиная от сельского и кончая кази каляна (верховный суд), без определения муфтия не разбирались.

В условиях феодальной Бухары часто наблюдались массовые преступления, воровство, обман друг друга, восстания и волнения. По всем этим вопросам пострадавшие люди обращались к казию, чтобы он наказал виновников и возместил ущерб. Если истец (частное лицо) устно обращался к казию, тот его от-

---

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 11.

[2] Там же, док. № 12.

правлял к муфтию за справкой о том, что данный иск не противоречит требованию шариата. Толкователь законов ислама, безусловно, принимал каждого и, согласно устному заявлению, находил в книгах соответствующее положение из ислама и составлял справку, которая состояла из двух частей: одна — заявление истца, где изложена суть дела, а рядом с ним — выдержка из Корана или хадиса, свидетельствующая о том, что его требования вполне соответствуют законоположениям шариата или же противоречит им. Какой бы ни был характер обращения, все равно функция муфтия заключалась только в составлении юридических справок.

Раз без справки муфтия суд не мог разобрать дело, то, безусловно, истец в первую очередь обращался к наиболее авторитетным толкователям шариата, справку которого кази не мог игнорировать. Чем выше был авторитет муфтия, тем сложнее было для казия принять самостоятельное решение. Конечно, получение такой справки было связано с большими хлопотами и затратами для истца, но, если он мог за высокую плату достать такой документ, то кази вынужден был решать дело в пользу заявителя.

Судопроизводство в Бухарском ханстве было несложным, но мучительным и разорительным для народа. У казиев постоянная канцелярия отсутствовала, посетителей они принимали дома, на улицах и на поле. Они часто сами выезжали на места разыскивать «преступников» и устанавливать «порядок», при этом часто они сами искусственно создавали «дело» и организовывали процесс его разбора.

Поскольку отсутствовала канцелярия, не было и делопроизводства или предварительного следствия. Никакой регистрации заявлений не производилось, следовательно, отсутствовал формальный характер созданного дела.

Такая система, да еще при отсутствии штатно-окладного расписания в ханстве, создавала условия для злоупотребления казиев при приеме и разборе заявлений.

Как правило, на имя казия заявление поступало в сопровождении «подарка», и к истцу он относился благожелательно.

С получением справки от муфтия, кази начинал разбор с того, что требовал от истца организовать явку ответчика на суд. Если по требованию истца ответчик не являлся, то суд брал это на себя и посылал ответчику повестку. В качестве примера приводим следующую:

«Хаитбаю! Ставлю в известность, что на вас поступила жалоба от муллы Ибрагима, который по шариату предъявляет вам обвинение. Поэтому необходимо, чтобы вы явились в суд и ответили по существу вопроса. В противном случае отправлю к вам муллазима, которому вы обязаны платить за услуги («хид-

матоны») [1]. И если с получением этого ответчик не являлся, то суд к нему отправлял муллазима, приезд которого был связан с большими затратами за счет виновника. Поэтому повестка была вполне достаточным основанием для явки в суд.

С появлением сторон кази заставлял их совершать омовение, а потом садиться на голые берданы лицом к нему, молиться богу и давать обещания, что они будут говорить правду. После этой церемонии допрос начинался всегда с истца, который излагал сущность дела и выставлял свидетелей, затем кази обращался к ответчику с вопросом: «Признаешь ли себя виновным, что скажешь по этому поводу?» Если последний признавал свою вину, то на этом заканчивался процесс суда, выносился приговор в пользу истца, а если ответчик не соглашался, то он должен был отвергнуть обвинение в таком порядке, каждый пункт которого считался вполне достоверным и отвечающим требованиям шариата: во-первых, выставить со своей стороны более авторитетных свидетелей; во-вторых, предъявить наиболее сильный ривоят муфтия; в-третьих, если отсутствовали два первых доказательства, то ответчик должен принять присягу. На этом заканчивался судебный процесс казия. Письменный документ оставался у того, в пользу которого было решено дело.

Судебные дела в такой же форме вел наиб (заместитель) казия, который был у каждого судьи. Согласно закону шариата кази не мог назначить себе заместителя [2]. Если ему нужно было иметь заместителя, то он должен был просить на это разрешение эмира. Учитывая, что выделенные кази территории обширны, эмир при назначении казиев в своем указе делал оговорку, что «в указанной области он сам как представитель шариата должен непосредственно принять участие и разрешить разнообразные вопросы, встречающиеся в жизни населения, или же поручить дело, связанное с венчанием (никох) и похоронами (джаноза), компетентному человеку» [3].

Опираясь на эту оговорку, кази назначал по собственному усмотрению любого человека своим заместителем, которому поручал разбирать только вопросы гражданского характера, такие, как купля и продажа земли (небольшого размера), чтение молитв во время венчания и похорон и т. д. Об этом свидетельствуют собранные нами документы, в которых указано, что дела рассмотрены не самим казием, а его заместителем (наибом). В качестве иллюстрации приведем один источник, в котором написано: «Да будет известно всем от малого до великого жителям Ляхша, что мы от имени государства его величества назначили вам мирзу Рахматулла наибом (заместителем).

Поэтому следует вам уважать его и каждый раз ставить его

[1] Душанбинский госмузей, инв. кн. рукописей № 1, док. № 9.
[2] См. Хидая, т. 11, стр. 388.
[3] Наши материалы, д. 1, док. № 10.

в известность с сопровождающим приглашения по каждому случаю бракосочетания (никох), похорон (джаназы) и т. д., чтобы он сам мог поехать на место и читать молитву, за что ему следует платить соответствующую плату и вечно прославлять его величество» [1].

Иногда бывало так, что кази поручал разбор дела своим наибам совместно с сельским старостой. Об этом свидетельствует документ, который находится в нашем архиве.

В Гиссарском бекстве из кишлака Хубаре Сариасиенского миразарства к казию Мирнугману обратились некие Мухаммади и Мирзаазиз, которые вели спор с Абдулмаджидом по поводу одного участка земли. Кази принял решение поручить разбор их спора аксакалам и мулле данного кишлака, о чем он пишет следующее:

«Мулла Ашур и Султанмурад аксакал! Ставлю вас в известность, что Мухаммади и Мирзаазиз предъявили обвинение Абдулмаджиду. Поэтому поручаю вам разобраться в деле обеих сторон и помирить их, получить мухрану и хизматону через надежные руки, вырученные суммы отправить нам. Если с вашим решением они не согласны, то прошу обеспечить их явку на суд для окончательного решения данного вопроса» [2].

Причем, надо подчеркнуть, что в любом варианте судебное производство кази не опиралось на внутреннее убеждение, а только на систему, предусмотренную шариатом, на степень сословия и на взятки.

Это обуславливалось тем, что никто из казиев не получал жалованье от государства. Кроме того, у них было по несколько наибов и непосредственных помощников, так называемых «муллазимов» (судоисполнителей и агентов), которые также жили за счет поборов с населения.

Старожил Гармского района Абдулла при беседе с нами рассказал, что однажды кази Калай Лябиоба Аббасхаджа судур утром до завтрака, просмотрев книгу, закрыл ее и, держа в руках, обратился к своему певцу со словами: «Мулла Дору,[3] в этой книге все хорошо, но если будем действовать на ее основании, то умрем с голоду».

---

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 13. На обратной стороне документа приложена печать (мухр) муллы Мухаммад Вазира, на которой написана дата: 1332 (1914) г. На месте выяснилось, что мулла Мухаммад Вазир был казием Хаитского амлякдарства, он заменил умершего казия мулло Хусейна. и в ущелье Ляхша (территория — ныне совхоза «Ляхша», Джиргитальского района) назначил мирза Рахматулла своим заместителем. Помимо указанного документа слово «наиби казия» (заместитель казия) встречается во многих других васиках (купчих крепостях).

[2] Наши материалы, д. 1, док. № 14.

[3] *Абдулла,* по прозвищу Дору, глубокий старик, при Аббасхадже работал певцом и музыкантом, в 1950 г. ему было 70 лет, жил в своем кишлаке Фатхабаде.

Кроме того, Бобохалим Назиров[1] нам рассказывал, что ему пришлось судиться с Усманом мирахуром по поводу одного танаба сада, который незаконно он у него отнял. «Я,— рассказывает он,— обратился с заявлением, оформленным в соответствии с ривоятом муфтия, к казию мулле Икрам уроку и подарил ему одну чалму, надеясь, что он справедливо решит вопрос в мою пользу. Процесс начался, я вижу, что ход дела идет в пользу Усмана мирахура, пришлось напомнить казию. Господин, ваша чалма на голове сидит криво, прошу исправить! Тот понял, что я намекаю ему про взятку и ответил: «прямую чалму съела корова, пришлось одевать кривую». Оказалось, что Усман подарил ему корову, и решение о саде вынесли, конечно, в пользу моего противника. Таковыми были «справедливые действия бухарских казиев».

Еще большими злоупотреблениями занимался раис и его помощники. По форме и содержанию указ эмира и бека о назначении того или иного человека на должность раиса ничем не отличался от указа о назначении казия и муфтия. Только в нем добавлялось, что он (т. е. раис) обязан не только контролировать, но и «заставлять» людей являться на молитвы, соблюдать правила исламской религии, привлекать людей к учебе, принимать меры к налаживанию работы мечетей и школ, а также защищать порядок права наследия»[2].

В этих указах права и обязанности раиса указаны очень сжато, но когда вникнешь в содержание его работы, то становится ясно, что он в своих руках сосредоточивал функции полиции, инспектора торговли, контроль за действием школ и медресе, а также за выполнением закона шариата населением и т. п. Все преступления, которые не носили уголовного характера, подобно обману во время торговли, нечтение молитв и недержание уразы, лишение детей и женщин наследства и запрещение учиться, неуплата налогов и целый ряд других — все это входило в ведение раиса.

По характеру исполнения функций знак равенства можно поставить между раисом и миршабом, но первый, в основном, действовал в сельских местностях, а второй — в городе.

Указом эмира по областям назначались только те раисы, должность которых объединялась с должностью казия, а все другие являлись номенклатурой бека и выполняли целый ряд

---

[1] Глубокий старик из кишлака Самсолика, Комсомолабадского района, о нем даны сведения в нашей книге «Каратегин...», стр. 46.

[2] Кроме наших источников в Институте востоковедения АН Узбекской ССР имеется несколько документов, касающихся назначения раисов, в частности, в документе № 18 из книги, оп. 1, говорится о назначении садра Изаматдина раисом города Бухары, и он по своему содержанию ничем не отличается от приведенных нами документов.

дополнительных работ, которые касались вопросов орошения, строительства и ремонта зданий, дорог и т. п.

Например, в 1325 (1907 г.) каратегинский бек Абдумумин назначил муллу Мухаммад Юнуса на должность раиса Пумбачинского амлякдарства и на него возложил обязанности надзора за чтением населением намаза, содержанием в порядке мечетей, налаживанием работы школ, за состоянием дорог и мостов и др.[1] (Рис. 6).

Каждый раис имел по 2—3 человека наибов (заместителей), 20—30 человек муллазимов, и ему подчинялись все имамы мечетей, шейхи мазаров и учителя мактабов.

Если наибы выполняли функцию раиса на мелких территориальных участках, то муллазимы являлись агентами и палачами у своего хозяина. Он или его люди в любое время появлялись на базаре, интересовались мерой и весом, мнением о товаре покупателей, в случае обнаруживания обмана виновников подвергали избиению и штрафам, задерживали людей и спрашивали у них знание молитв,[2] если кто-либо их не знал, то его также подвергали телесному наказанию; наказывали воров и тех, которые не платили государственные подати и повинности, не пускали детей в школу, не выполняли свои обязанности по благоустройству мечети, государственных зданий и дорог.

Таким образом, одно появление раиса и его людей вызывало неимоверный страх не только у преступников, но и у людей, которые ни в чем не были повинны. От наказания и штрафа освобождались только те люди, которые приносили подарки или давали деньги, скот, взятки.

Никакой контроль за работой высших лиц не осуществлялся, все зависело от совести казия, раиса и других чиновников ислама. Это позволяло каждому из них обогащаться за счет ограбления народных масс.

Для того, чтобы прикрыть свои преступные действия, казии и раисы всячески стремились угодить бухарскому эмиру. Они в год несколько раз приезжали к нему и привозили подарки (тортук), в случае поездки эмира в Россию или военного похода они приносили также подарки, так называемые «бухча»[3].

Все бекство Восточной Бухары были разбиты на несколько поземельно-податных участков, которые назывались амлякдарствами. Их в разных бекствах было разное количество. Например, если Каратегинское бекство было разбито на 10 амляк-

---

[1] Наши материалы, д. 1, док. № 15.

[2] Весь необходимый минимум знаний по правилам чтения намаза, держания уразы, по которым определяли отношение человека к исламу, изложен в книге «Фарз и Айн», состоящей из 34 страниц и изданной на всех языках народов мусульманского мира, что должен знать наизусть каждый мусульманин.

[3] См. об этом в III гл. данной работы.

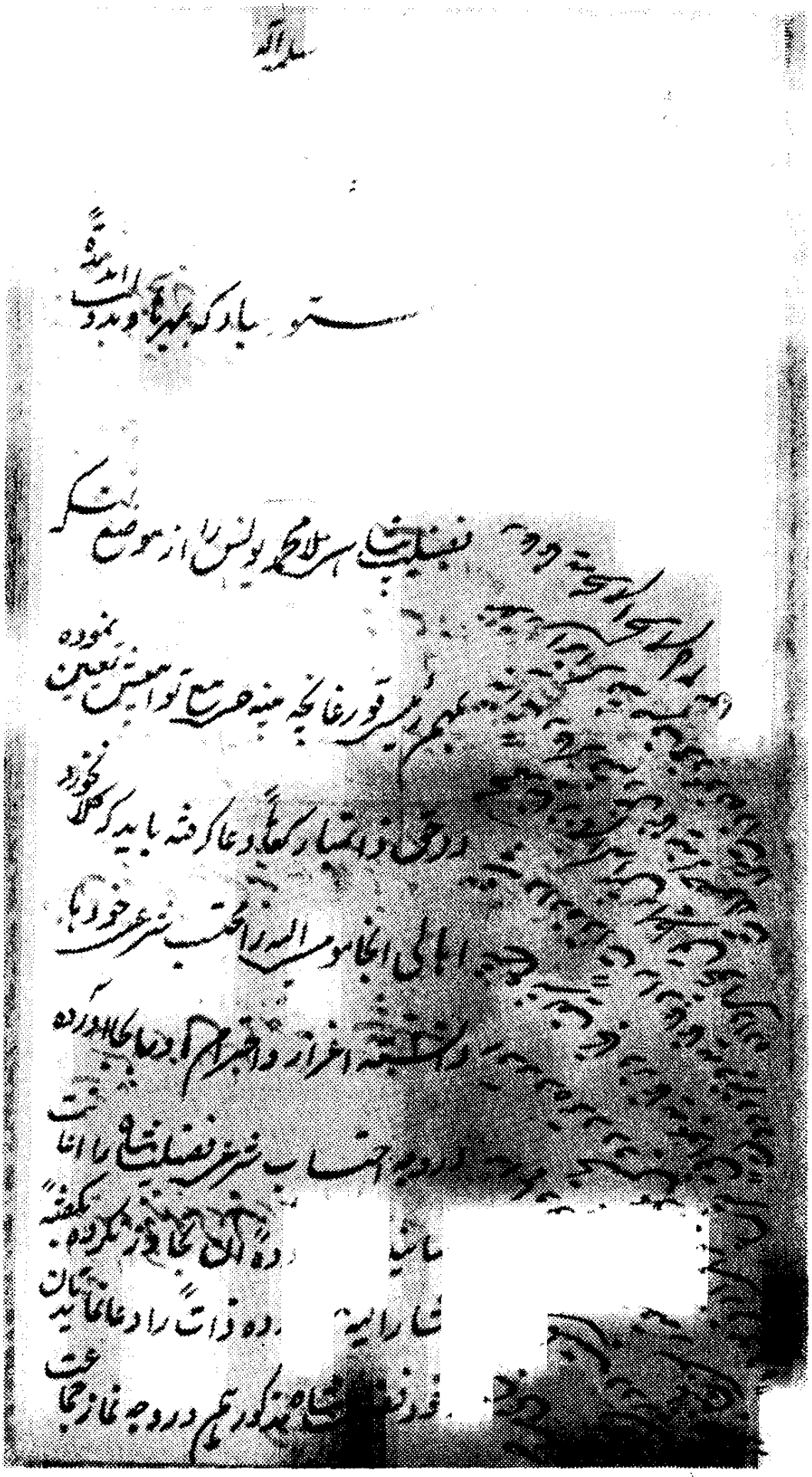


Рис. № 6

дарств,[1] то Дарвазское — 11 амлякдарств и 2 отделения,[2] Гиссарское — 18—24,[3] Кулябское — 8, Курган-Тюбинское — 3 и Кабадианское — 2[4].

В административном отношении каждое амлякдарство было разделено на миразорства, а последние — на арбабства. Их число не поддается подсчету, однако они были довольно многочисленными, по каждому большому кишлаку или нескольким мелким кишлакам был создан один арбаб, а из нескольких арбабств образовывались миразорства. Так, например, в Каратегинском бекстве в 10 амлякдарствах насчитывалось 34 миразорства[5]. Та же самая картина могла быть и в другом бекстве Восточной Бухары.

В амлякдарствах существовали те же, что и в бекствах административные должности: диванбеги, секретарий, мирабы, казии, муфтии и раисы. Но были и такие, которые отсутствовали в бекстве. К ним относились: доруга (землемеры), мушрифы (представитель амлякдара при съемке с тока урожая), миразоры, арбабы и др.

Амлякдар со своим аппаратом занимался сбором налогов, строительством дорог, регулированием судебно-полицейского порядка и пользования водой, продажей и сдачей в аренду государственных земель и т. п.

За исключением казия, все другие чиновники в амлякдарстве назначались самим беком, некоторые из них являлись выборными, в частности миразоры и арбабы. Но фактически их тоже назначал бек или амлякдар. Характерным для этого является приказ, который в 1302 (1885 г.) издал дарвазский бек Мухаммад Мурад. В нем сначала оповещаются все миразоры и арбабы амлякдарства Ванджа о том, что он, согласно пожеланию жителей кишлака Рохарва, назначает мирзу Набата их миразором. Затем бек приказывает, чтобы жители указанной местности, беспрекословно выполняли все его распоряжения, а последний должен воздерживаться от незаконных поступков[6]. (Рис. 7).

Начиная от амлякдара и кончая арбабом, все действия чиновников никакими законами не ограничивались, контроля над их деятельностью не осуществлялось, все зависело от воли амлякдара. Кроме того, как в бекстве, так и в амлякдарстве штатно-окладной системы, сметы доходов и расходов не существовало, строгого учета и отчетности не было, все учреждения

---

[1] *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 23—25.

[2] *Кузнецов,* Дарваз, Новый Маргелан, 1893 г.

[3] *Лилиенталь,* Гиссарское и Кабадианское бекство, 1889 г., стр. 316; Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, стр. 248.

[4] *П. Гаевский,* Курган-Тюбинское бекство, стр. 22—27; *Н. А. Бендерский,* О Гиссарском крае, стр. 155.

[5] *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 27.

[6] Наши материалы, д. 1, док. № 16.

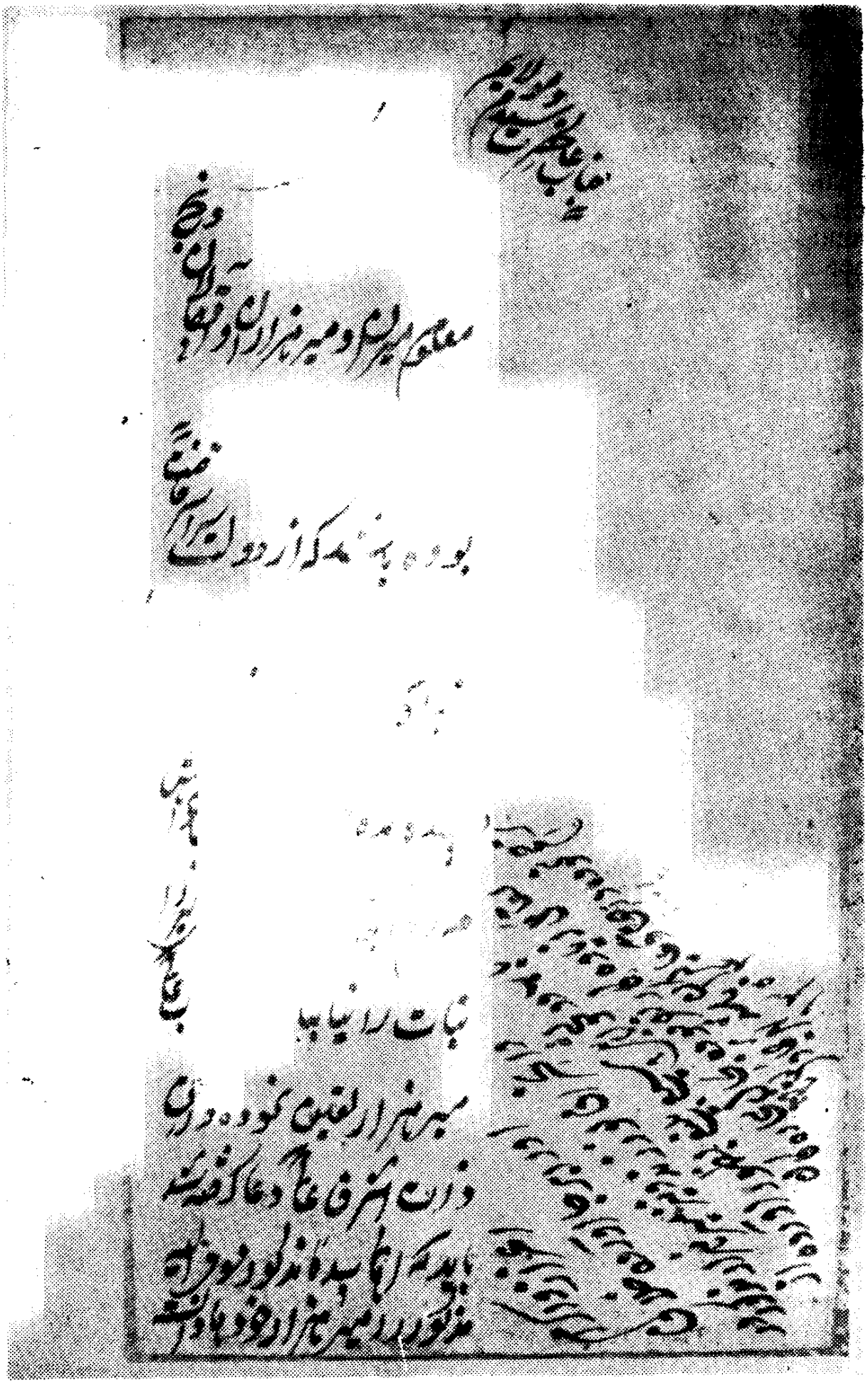


Рис. № 7.

и должности амлякдарства не имели связи с аналогичными учреждениями бекства, а последнего — с центром.

Таким образом, видно, что государственное управление Бухарского ханства не было централизованным, где бы существовало подчинение снизу до верху и соответствующие органы управления были бы подотчетными друг другу. Все эти обстоятельства усиливали чудовищную эксплуатацию и угнетение крестьян и ремесленников феодалами, которые являлись собственниками земли и аппарат государственного управления использовали в своих интересах.

ГЛАВА II

ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ОБЩИНА

Несмотря на значительные сдвиги в советской востоковедческой науке, до сих пор вопрос о земельных отношениях в Бухарском ханстве не решен. Этому препятствует целый ряд трудностей:

Во-первых, на протяжении всей истории эмиратства и местных феодальных владений никакого текущего законодательства по аграрному вопросу, согласно которому могли бы регулировать землевладение и землепользование и при их изучении можно было бы выяснить действительную картину, не существовало. Они регулировались на основе догм шариата, нормы которых давно были нарушены произвольными действиями феодалов.

Во-вторых, описание феодальных, в частности аграрных отношений, в произведениях писателей, историков и летописцев того времени не выходили за рамки шариата. Поэтому в этих источниках конкретно о количестве земель по областям и ханству, о их владельцах, а также взаимоотношениях классов мы ничего не находим. И если кое-где в нарративных источниках о них упоминается, то авторы дают толкования их только с точки зрения шариата.

В-третьих, на протяжении многих веков (до второй половины XIX в.) Средняя Азия являлась постоянным объектом вторжения различных завоевателей, ее раздирали феодальные междоусобицы, в результате чего уничтожались производительные силы или задерживалось их развитие. В силу этих обстоятельств ни одно из государственных образований, существовавших здесь, не поднялось до уровня феодальной монархии европейского типа и не могло заниматься упорядочением земельных отношений. Хан часто превращался в игрушку в руках той или иной феодальной аристократической группировки, которые в зависимости от своих сил и влияния часто сменяли друг друга.

В период феодальной раздробленности господствовал произвол эмиров, беков и чиновников, которые на словах признавали шариат, а на практике делали все, что им было выгодно. В результате этого вопрос земельных отношений в Средней Азии оказался в состоянии полнейшей неразберихи, с которой встретилась русская военная администрация при завоевании данного

края. Обращая внимание на это, отдельные исследователи указывали, что отсутствие точных формулированных законодательных норм и прочно организованных учреждений, произвол ханов, их приближенных и властей, почти полное отсутствие достоверных документов на владение землей, а также местные бытовые условия привели в конце концов к созданию в высшей степени запутанных земельных отношений [1].

В-четвертых, после присоединения Средней Азии к России, согласно договорам между эмиратом и Российской империей от 23 сентября 1873 и 23 июня 1888 гг., царским чиновникам не разрешалось вмешиваться во внутренние дела Бухарского ханства и нарушать внутренние правоотношения, которые здесь существовали. Если русским ученым нужно было что-то выяснить по вопросам землевладения в ханстве, то они через политагентство делали официальные запросы кушбеги и от него получали ответ, который был составлен на основе шариата.

В-пятых, русские или западноевропейские путешественники в большинстве случаев свои впечатления по земельно-водным отношениям на Востоке писали не на основе документов, а опираясь на сообщения чиновников местных властей, или просто делали субъективные выводы с позиций амляковой формы земельной собственности, в которых они сами не были уверены.

Например, когда царизм завоевал Среднюю Азию, его чиновники встретились с большим затруднением в отношении установления земельно-водных правопорядков. Поэтому они решили обратиться к местным жителям и установить истину, но результат получился противоречивый и искаженный. В Самаркандской области администраторы решили провести исследование в отношении мульковых землевладений. И, как указывает А. П. Хорошхин, толкование по этому поводу было весьма разнообразно. Первоначально казалось, что владельцы мульков, хаджи и саиды, получали их вместе с родословной грамотой [2] от отца или деда в наследство. «Администрация не могла не заинтересоваться их оригинальными преимуществами относительно податей», и когда производилось расследование, «неожиданно возникло новое толкование о происхождении мульков. Старожилы рассказывают, что эмиры ...жаловали им, т. е. мулькдо́рам, сборы хараджа и др. поземельных податей. После смерти тех, кому были пожалованы сборы, наследники их вместо того, чтобы отказаться от права сборов, противозаконно присвоили их как собственный мульк. Но прошло некоторое время и появилось третье суждение, а именно, что в настоящее время мульк —

[1] *В. И. Масальский,* Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1913 г., стр. 417—418; А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Труды Среднеаз. госуниверситета, серия II, вып. 1, Ташкент, 1929 г., стр. 42.

[2] О родословии духовенства см. на стр. 42—44 данной работы.

название, распространяющееся на свободные от сбора налога земли, теперь этим именем стали называться земли, поставленные в весьма разнообразные условия владения или пользования»[1]. Таким образом, как видно, русские не могли разобраться в правовых отношениях мульковых земель в новых завоеванных районах, где господствовал шариатский закон.

То же самое можно сказать в отношении амляковой формы землевладения. Этот вопрос оказался еще более запутанным, и в 1899 г. департамент окладных сборов Министерства финансов царского правительства организовал специальную комиссию по Туркестанскому краю для выяснения специфики амляковой формы земледелия. После обследования ее председатель, тайный советник Кобеко, в своей докладной записке от 19 июня того же года писал, что в Средней Азии существует четыре вида толкования характера амляковой земли:

первое — под амляковыми здесь понимаются все искусственно орошаемые земли, подлежащие обложению разного рода налогами, в отличии от земель мульковых, пользовавшихся теми или другими льготами в отношении податей;

второе толкование по данному вопросу исходит из Корана, согласно которому вся земельная площадь страны находится в распоряжении верховного правителя «имама». Следовательно, здесь амляк определяется как государственная земля, находящаяся в руках тех, которым правительство ее предоставляло. С населения, которое пользовалось амляковой землей, взимался налог;

по третьему толкованию амляк обозначал всю земельную территорию, занятую оседлым населением, независимо от того или иного налогового обложения. Сюда включались поливные и богарные земли;

и, наконец по четвертому толкованию амляк обозначал казну, и под его именем подразумевались все феодальные повинности, которые поступали в фонд правительства от населения[2].

Эти объяснения не вносили ясности в вопросы, связанные с амляковой формой землевладения. Тогда заинтересованные лица через политагентство обратились к бухарскому правительству, которое 12 октября 1912 года ответило, что амляк являлся казенной землей и ее мог дарить или продавать только эмир[3]. Однако в этом объяснении нет четкого и конкретного определения, как она образовалась и сколько составляла от общего количества земли пригодной к обработке на территории ханства. Исходя из этого, можно сказать, что абстрактный ответ кушбеги

---

[1] *А. П. Хорошхин,* Долина Зеравшана, Военный сборник, № 7, 1870 г., стр. 126—128.

[2] ЛГИА СССР, 1936 г., п. 1, д. 9, л. 5, заимствовано из книги Б. И. Искандарова, Восточная Бухара..., ч. I, стр. 84—85.

[3] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, л. 7.

не дает основания полагать, что все земли в Бухарском ханстве являлись амляковыми, т. е. государственными. Государство себя объявляло собственником всей земли, что было основано на догматическом учении духовенства. Опираясь на толкование «Кияса», мусульманские законоведы предполагали, что все земли и воды во всем мире принадлежат богу, как творцу всего существующего. Эта мистическая фикция, по определению одного русского исследователя, осуществлялась фактически тем, что верховное владение землей передано богом тени его на земле — пророку, от него оно перешло к наместникам — халифам, а затем к прочим светским властителям [1].

Вот что лежит в основе амляковой формы землевладения и оказалось мощным орудием в руках колонизаторов, которые использовали запутанность земельно-водных отношений Востока, все земли и воды завоеванных стран объявляли государственными, а их народ — рабами метрополии.

Это можно видеть из практической деятельности колонизаторов. Опираясь на вышеуказанное обстоятельство, как только была завоевана Средняя Азия царизмом, местная администрация в 1867 г. составила проект по землеустройству, в котором предусматривалась полная ликвидация частной собственности на землю и воду в этом крае. Однако этот проект был составлен поспешно и не был аргументирован, поэтому Министерство финансов и Министерство иностранных дел его не одобрили. Составляя новый проект, К. П. Кауфман настоятельно требовал скорейшего решения данного вопроса, особенно имея в виду ликвидацию частной собственности на землю и воду, и это, как он указывал, соответствовало местным правоотношениям и приносило империи большую экономическую выгоду [2].

В 1886 г. было утверждено «Положение и правила об управлении Туркестанского края», в ст. 255 которого говорится: «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях» [3].

Однако эти амляковые земли не являлись собственностью населения. Разъясняя содержание даной статьи, граф К. К. Пален указывал, что «...эта статья имеет целью лишь установить, какие земли подлежат утверждению за населением, отнюдь не определяя пространства прав населения на эти земли, ибо хотя в ней и упоминается о принадлежности населению права владения, пользования и распоряжения, но объем этих прав опреде-

---

[1] Торнау, Особенности мусульманского права, СПб., 1892 г., стр. 51.

[2] Проект отчета К. П. Кауфмана за 1868—1881 гг. СПб., 1885 г., стр. 242—244.

[3] Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1903 г., стр. 41.

ляется не общими гражданскими законами, а местными обычаями, являясь в существе своем в законе не установленным»[1]. Таким образом, царизм объявлял большинство земель казенными, и до 1917 г. они не были переданы в частную собственность населению Туркестана[2].

Это было характерно не только для царской России, но и для всех колонизаторов. Когда английские колонизаторы завоевали Индию, то они себя объявили верховными собственниками всех видов земель и вод и стали жестоко эксплуатировать крестьян. Кроме того они захватили огромные массивы лесов, необработанных и пахотных земель[3].

Таким образом, объявление территории колониальных народов собственностью метрополии являлось характерным фактом деятельности всех колонизаторов, и в этом деле понятие «амляковая форма земельной собственности», которая существовала в мусульманских странах, использовалась как орудие порабощения и ограбления трудящихся масс. Вот почему так долго в буржуазной востоковедческой литературе господствовала теория «государственной собственности» на все земли и воду на Востоке.

Буржуазные востоковеды к изучению аграрных отношений подходили поверхностно, из шариата использовали то, что им было выгодно, и не обращали внимания на документальное изучение данного вопроса. Поэтому в трудах многих дореволюционных историков и правоведов земельно-водные вопросы отражены абстрактно и искаженно.

Следовательно, определение амляка как особой категории землепользования до сих пор остается неясным, а под его именем буржуазные востоковеды и некоторые советские историки понимали и понимают всю землю и воду, которая находилась во владении крестьян на правах пользования. Амляковая земля раздавалась в танхо, но она ни в коем случае не превращалась в частную собственность, а оставалась амляковой[4]. Отдельные авторы последних работ утверждают, что амляковые земли «не могли ни завещаться, ни закладываться в чью бы то ни было пользу, ни обращаться в вакф и т. п.»[5].

Термин «амляк»,— пишет К. Мирзаев,— употреблялся не в значении совокупности «мильки хурри-халис», освобожденных

---

[1] *К. К. Пален,* Поземельно-податное дело, СПб., 1910 г., стр. 10.

[2] *Б. Г. Гафуров,* История таджикского народа, т. 1, М., 1949, стр. 419.

[3] *Г. Г. Котовский,* Индия, в кн. Аграрные отношения в странах Востока изд. АН СССР, М., 1958 г., стр. 10—11; Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в северо-западной пограничной провинции Индии, (1914—1947 гг.), М., 1958 г., стр. 52.

[4] *Л. И. Дембо,* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе, Л., 1954 г., стр. 116; К. М. Мирзаев, Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954 г.

[5] *Л. И. Дембо,* Земельные правоотношения..., стр. 116—119.

от уплаты хараджа, а как множественное число милька, принадлежавшего государству и охватывающего совокупность всех мелких крестьянских хозяйств, сидевших на раздробленных амляковых землях, каковые являлись единой государственной собственностью феодальной Бухары»[1].

Для доказательства своей точки зрения автор приводит цитаты из К. Маркса: «Государство здесь (в Азии — М. К.) верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[2].

Однако К. Маркс никогда это положение не рассматривал как догму, применимую для всех стран Востока и во все времена. Тут же он говорит, что признание государственной земельной собственности, вовсе «...не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[3]. Следовательно, как видно, К. Маркс не дает абсолютного рецепта, а нацеливает исследователей на творческий анализ конкретной действительности.

Ф. Энгельс в письме к Марксу от 6 июня 1853 г. тоже указывал на отсутствие земельной частной собственности на Востоке, он ее связывает с искусственным орошением, которое «...является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»[4]. Таким образом, ясно, что Ф. Энгельс, наравне с государственной собственностью, указывает и на общинную форму земельной собственности. Все это целиком и полностью относится и к средневековой истории Средней Азии, в том числе Восточной Бухаре. Ф. Энгельс, как и К. Маркс, требует творческого подхода к научно-исследовательской работе. По этому поводу он писал, что «...одними фразами тут ничего не сделаешь и что только массовый, критически проверенный, в совершенстве усвоенный исторический материал дает возможность разрешить такую задачу»[5]. То же самое говорил В. И. Ленин. «Но писать историю, давать **объяснения этапов рабочего движения,** основываясь не на фактах, а на том, что приятно личности исто-

---

[1] *К. М. Мирзаев,* Амляковая форма..., стр. 4.
[2] *К. М. Мирзаев,* Амляковая форма..., стр. 14.
[3] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 804.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1948 г., стр. 75.
[5] *К. Маркс,* К критике политической экономии. Рецензия **Ф. Энгельса,** 1951 г., стр. 231.

рика,—...это просто забавное ребячество»[1]. Таким образом, как видно, конкретный анализ конкретной действительности является живой душой марксизма-ленинизма, на что К. М. Мирзаев не обратил внимание. Сущность его тезиса заключается в том, что в Бухарском ханстве все земли и воды являются вотчиной эмира, а народ — арендатором этой собственности. Исходя из этого утверждения, можно поставить вопрос: какая разница между теорией «амляковой формы земельной собственности» и буржуазной реакционной теорией «патримониальной земельной собственности»? По существу никакой разницы между ними нет. Многие исследователи к амляковой форме земельной собственности сводят все виды землевладения и различие между ее категориями видят только в форме налогового обложения, а по содержанию права их считают равными.

Такое объяснение основано не на реальной действительности, а на догматическом воззрении мусульманских правоведов, которые постоянно смешивали два различных признака при делении видов землевладения — признак принадлежности земли и признак ее податного обложения. Путаницу создавало и смешение двух функций государства — как суверена на занимаемой им территории и, в ряде случаев, как собственника и непосредственного эксплуататора земель[2].

В свое время профессор А. А. Семенов большинство земель в Бухарском ханстве считал государственными[3], но он, как честный добросовестный ученый, по мере раскрытия новых источников сделал новые выводы. В связи с опубликованием документов по Хивинскому ханству он указал, что «до сих пор мы рассматривали земельно-водные отношения на основе разных сведений о землевладении в Средней Азии, основанных на источниках малодостоверных и на догадках»[4].

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что амляковая форма земельной собственности в таком понимании, о котором уже сказано, является догадочной и противоречит действительности.

На самом деле амляк происходил от арабского слова мульк (в ед. числе), а во множественном числе — амляк.

Это мы встречаем не только в отношении государственной земельной собственности, но и в отношении частновладельческих. Например, когда Хамракул бай в районе Сариасия (ныне территория Узбекской ССР) пожертвовал один ларек в пользу мечети данной местности и составил юридический документ — вакфнаме, в нем сказано: «Я по собственному желанию в соответствии с законом шариата заявляю, что из собственного иму-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, 4-е изд., стр. 434.
[2] *И. П. Петрушевский,* Земледелие..., стр. 234.
[3] *А. А. Семенов,* История Узбекской ССР, т. 1, кн. 1, стр. 393.
[4] Архив АН Таджикской ССР, ф. А. А. Семенова, оп. 1, ед. хр. 71, л. 1.

щества и чистого моего амляка выделяю вакф в пользу мечети всего-навсего один ларек принадлежавший мне»[1]. То же самое слово амляк мы встречаем во всех документах вакуфных грамот, в том числе и в вакуфнаме Мухаммада Дурбин диванбеги, изложенного в данной работе[2].

В другом документе, который составлен в 1317 (1899 г.) в Денауском бекстве в отношении распределения наследства Рузи бая между наследниками, сначала перечисляется все движимое имущество покойного, а потом указывается на земельные участки со словами: «амляки хона маъ[3] хавли», т. е. земельная собственность вместе с домом[4]. Следовательно, амляк здесь означает множественное число слова мулька. Подобные указания мы встречаем и в других документах, которые исходили из практической деятельности судейских органов Бухарского ханства по аграрному вопросу.

Таким образом, анализ документов дает нам основание полагать, что связывать понятие амляк только с одной государственной формой землевладения не совсем точно. В действительности амляк имеет двоякое понятие: политическое и экономическое. Когда мы говорим о его политическом значении, то под этим термином подразумевается представитель власти на определенной территории, которой управлял амлякдар. Здесь он со своим аппаратом чиновников собирал государственные налоги, налаживал пути сообщения, наблюдал за порядком и т. д. А когда в этот термин вкладывается экономический смысл, то подразумевается организация хозяйственной деятельности не на всей территории района, а только на тех государственных землях, которые находились в данном амлякдарстве. Амлякдар их раздавал в аренду и собирал с них не налог, а земельную ренту, он мог часть из этих земель от имени эмира давать в танхо чиновникам или дарить феодалам, продавать за деньги желающим, отдавать в вакф и т. п. В этом отношении амлякдар выступал от имени государства как земельный собственник. Амлякдар или бек распоряжался только государственными землями и водами, он не имел непосредственного отношения к частновладельческим средствам производства и производственным отношениям между собственниками и производителями. Он вмешивался тогда, когда между ними возникали споры и борьба на почве классовых интересов.

Буржуазное понимание амляковой формы землевладения явилось не результатом анализа существующих отношений и де-

---

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 18.

[2] См. на стр. 120 данной работы.

[3] Маъ — арабское слово, которое означает служебную часть речи (союз «и»), употребляющийся для соединения слов или предложений. Иногда оно употребляется как наречие «вместе».

[4] Наши материалы, д. 4, док. № 53.

ловых документов, а результатом формального изучения отдельных положений шариата. Однако, если глубоко анализировать, то становится ясно, что о праве собственности государства на частновладельческую землю и вообще на те земли и воды, которые находились в руках отдельных лиц, в шариате нет ни единого слова, наоборот, частная собственность на землю признается священной и неприкосновенной. Мы это находим во многих местах шариата, хотя между его толкователями нет единого мнения.

В одной книге толкования шариата, которая известна всем мусульманским законоведам — «Шархи мухтасар викоя», переведенной с арабского на персидский язык — Джалаладдином Мухаммадом ибн Абубакром под псевдонимом «Гури Мири», сказано:

«Та земля, которая из-за отсутствия воды оказалась солончаковой или в результате излишек воды стала болотистой и не имела своего владельца, считается мертвой (маита) и, по толкованию имама Рахматуллы (т. е. имама Ханифа — А. М.), является собственностью мусульманской общины» [1].

Как же тогда возникло право государства на взимание налога с частновладельческих земель, основано ли это на каком-нибудь положении? Подавляющее большинство исследователей Бухарского ханства налог и подати, которые государство получало с крестьян, готовы рассматривать как земельную ренту, как арендную плату за пользование государственной землей. Это совершенно ошибочно. Налоги существовали и существуют во всех странах мира с момента возникновения государства. Раз оно существует, значит должен быть аппарат насилия, для его содержания необходимо было создать специальную материальную базу. «Для содержания этой публичной власти,— как указывает Ф. Энгельс,— необходимы взносы граждан — налоги. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу» [2]. В эксплуататорском обществе, следовательно, трудящиеся принуждаются к оплате содержания того аппарата, посредством которого их угнетают правящие классы.

В Бухарском ханстве ежегодно из казны эмира расходовались миллионы рублей на содержание армии, полиции, гарема и хозяйства главы государства, на внесение взноса царизму и т. п. и т. д. Все эти миллионы собирались с населения независимо от того, на каких землях они сидели.

Взимание различных податей и поборов с крестьян и других слоев общества в Бухарском ханстве, как и в других государствах мусульманского мира, было окрашено религиозной оболочкой. Феодальные государства и их правоведы опирались на су-

---

[1] Мухтасар-аль-Викая, стр. 348.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, 2 изд..., стр. 171.

ру 2, ст. 104 Корана, где сказано, что по велению бога каждый мусульманин обязан «произвести очищение»[1] своего имущества, которое приносит прибыль. Опираясь на это положение, в эмирате население было обязанно платить налог со всех видов дохода: с земледелия, скотоводства, торговли, заготовки дров, сенокоса, рыболовства, охоты и т. п. Исключением было, если эмир или бек освобождал хозяйство от его уплаты.

Таким образом, взимание налогов и дани связано не с принципом государственной земельной собственности, а оно основано на принудительной силе государства.

Когда эмир завоевывал ту или иную область Восточной Бухары, то он объявлял всю землю и воду бывшего владельца своей собственностью, причем личное владение побежденных правителей переходило непосредственно в распоряжение казны, а те земли, которые находились у производителей, у них и оставались, но над ними, в силу вышеизложенного, устанавливалась верховная собственность государства, за что первый должен платить второму налоги, а также выполнять трудовые повинности. Так поступал не только бухарский эмир, но и другие победители. В классовом обществе главы всех государств-победителей везде себя объявляли верховными собственниками завоеванных территорий. Однако реализация прав на собственность зависела от силы и мощности центрального правительства. На завоеванных областях в условиях феодализма победитель был не в состоянии организовать свое хозяйство, возделывать землю и использовать воду, и поэтому он их оставлял в распоряжении прежнего владельца. Кроме того, надо подчеркнуть, что по шариату нельзя было конфисковать имущество населения, если владелец не сопротивлялся завоевателю.

Исторические факты доказывают, что в период завоевания Восточной Бухары масса феодалов добровольно перешла на сторону эмира и помогла ему, в результате чего они не только не потеряли свои владения, а получали в качестве вознаграждения к старым новые имения за счет свободных земель, отходивших в распоряжение казны.

Вследствие всего этого, как только завоевывали область, земли оставлялись в распоряжении прежнего владельца или отдавались феодалам, которые становились собственниками, и к ним государство не имело никакого отношения. Его право собственности на все земли и воды являлось чисто символическим и не имело практического значения.

Подчеркивая это, мы вовсе не собираемся отрицать факты существования государственной формы земельной собственности в Бухарском ханстве. В действительности, здесь существовала государственная собственность на землю и воду, она образова-

[1] Коран, 1963 г, стр. 26; Мухтасар-аль-Викая, стр. 95.

лась разными путями. Однако, прежде чем говорить о них, надо подчеркнуть, что ее ни в коем случае нельзя смешивать с суверенностью верховной власти, действие которой как главного орудия политического господства феодалов, как их диктатуры осуществлялось на определенной территории. В феодальной Бухаре, как и во всей средневековой истории, суверенитет верховной власти принадлежал монарху, королю (в Бухаре — эмиру), и это совершенно не препятствовало фактам существования государственной и частной собственности на землю и воду.

В Бухарском ханстве, как уже сказано в первой главе, на протяжении всей истории Средней Азии до ее присоединения к России, происходили постоянные междоусобные войны, из которых часто Бухара выходила победительницей. Затем при помощи царизма она завоевала всю Восточную Бухару. Собственное имение правителей побежденных областей переходило в распоряжение казны эмира. За счет таковых последний оказался обладателем большого количества земли и воды.

Немаловажным источником образования государственной собственности являлась конфискация частной земельной собственности отдельных лиц. На территории ханства часто происходили заговоры и восстания или иные преступления против государства, которые оно подавляло и имущество их руководителей объявляло конфискованным в собственность казны.

Бывало так, что у частного владельца не было наследников, и после смерти все его имущество объявлялось выморочным, владельцем которого становилось государство.

Согласно правонаследию по шариату мусульманину была предоставлена возможность завещать свое имущество любому человеку или учреждению по его желанию. Собственник мог добровольно завещать свою землю и воду государству, но такие завещания были очень редким явлением.

В распоряжении государства находились все каналы, хаузы и искусственные водохранилища, которые были построены на средства казны или по ее инициативе на общественных началах.

Кроме того, права собственности государства прямо или косвенно распространялись на общинную землю и воду. На территории ханства существовала общинная форма земельной собственности, которая делилась на две части: неподлежащая превращению в частную собственность и маита, которая могла превратиться в частную собственность. К первой относились: берега рек, каналов, озер, хаузов, водохранилищ, общественные дороги, базарные и городские площади, место мечетей, мазаров и подобные им общественные места. Ко второй — все то, что находилось в естественном состоянии, а именно: все горы, подножия гор, выгоны, пустыни и полупустыни, целинные и залежные земли, богатства в недрах земли и воды, лес и вода морей, озер,

родников и рек, протекающих в своем естественном русле. Все это считалось «маитом», т. е. мертвым [1].

На все это по шариату каждому мусульманину были предоставлены права общепользования (заниматься сенокосом, пасти скот, заготовлять дрова, утолять жажду, поить скот, а также поливать свои земли, сады и огороды). Формы их использования правильно изложены в работе Н. А. Кислякова [2] и нет надобности повторять. Возражение вызывает то, что он их относит к числу амляковых форм земельной собственности.

Степень сохранения и использования этих источников богатств, безусловно, зависела не от дара государства, а от борьбы народов против феодалов, которые постоянно стремились к их захвату. Общинная форма землевладения являлась пережитком древнего общества. Там, где феодализм возникал на почве рабства, не развившегося в сложившуюся рабовладельческую формацию, в результате упорной борьбы народа общинные формы земельной собственности сохранились дольше, чем в тех странах, в которых феодализм возникал на почве подготовленной, экономически зрелом рабстве. К первым относится Восточная Европа, Средняя Азия и ряд стран Востока. В них общинная форма земельной собственности держалась прочно, и процесс феодализации протекал в условиях острой борьбы классов.

Безусловно, в раннем периоде истории средних веков во многих странах Запада и Востока общинная форма землевладения являлась господствующей. По мере развития общественных отношений постепенно общинная собственность уступает место крепостничеству, и на этой основе она разлагается, но не уничтожается.

Степень влияния общинной собственности зависела от конкретных условий той или иной страны. Например, в России при наличии обилия неосвоенных земель, влияния процесса колонизации и ряде других факторов община оказалась жизнеспособной, сохранялось большое количество пахотных земель, которые крестьяне использовали на основе принципов ежегодного перераспределения. При закреплении общины в новых районах колонизации она восстанавливалась в прежнем виде. Это означает, что община не уничтожалась.

Таким образом, она оказалась более жизнеспособной, даже в период своего расцвета крепостничество не смогло поглотить все крестьянство России. Поэтому наравне с крепостными крестьянами существовали многочисленные государственные крестьяне, которые не были лично зависимыми от того или иного феодала.

---

[1] Мухтасар-аль-Викая, стр. 348.

[2] Патриархально-феодальные отношения..., стр. 120—138.

В условиях Средней Азии, где в западной части развивалось искусственное орошение, садоводство и технические культуры, а в Восточной Бухаре наравне с этим развивалось еще богарное земледелие, все земли и воды, расположенные вокруг кишлаков, давно превратились в частную собственность, и на них отсутствовало общинное пользование. Только вершины гор, подножия и равнины, где было расположено большое количество участков, пригодных к обработке, являлись общинными, и на них крестьяне засевали скороспелые культуры: ячмень, бобовые, просо и др. Участки, которые в этом году засевал один, на будущий год мог достаться другому. Следовательно, объектом общинной собственности могли оказаться только те земли и воды, которые не имели своего собственного владельца. Их общество охраняло как всенародное достояние. Тем не менее за последнее время вокруг этих источников разгоралась острая борьба между феодалами и крестьянами, о чем говорится в документах, изложенных в V главе данной работы.

Ввиду этого по мере усиления классовой борьбы государство стало вмешиваться в дела общин и объявляло себя собственником этих источников.

Действие права собственности государства на эти земли зависело от конкретной исторической обстановки. В условии феодальной раздробленности в Бухарском ханстве господствовала децентрализация, в которой глава государства обладал реальной властью лишь в пределах своих собственных владений, в остальной части страны хозяйничали местные феодалы, и вся его территория была разбита на множество мелких и крупных феодальных владений, правители которых себя считали вассалами хана. После присоединения края к России власть эмира значительно укрепилась, было покончено с феодальной раздробленностью, власть была сосредоточена в руках эмира. Однако в структуре землевладения значительного изменения не происходило. К введению каких-нибудь изменений бухарское правительство не было готово, а царская Россия не вмешивалась в его внутренние дела. Поэтому по-прежнему существовали те формы землевладения, которые здесь господствовали до 70-х годов XIX в.

Несмотря на усиление власти эмира и его государства, он не приобрел такого права, согласно которому мог бы полностью распоряжаться не только частновладельческой землей, но и общинной. В государственном управлении эмирата совершенно отсутствовали органы земледелия, и оно не знало о том, что делается на местах.

Например, в период феодальной раздробленности общественность не признавала права частной собственности на общинные земли (пустыни, пастбища, лесные массивы, горы и подножья гор, а также на воды рек и др.). Но после присоединения Сред-

ней Азии к России изменился характер их использования. Там, где кочевали скотоводы, раньше племенные вожди себя считали представителями хана на данной территории и были вынуждены считаться со сложившейся традицией, но по мере укрепления власти эмира вожди племен перестали считаться с волей общества, они объявляли эти общинные земли и воды «государственными» и начинали распоряжаться ими как своей частной собственностью.

То же самое положение наблюдалось и в земледельческих районах Восточной Бухары. Бек и амлякдар подобные земли и воды также объявляли «государственными» и за их использование с населения взимали различные поборы, которые шли не в казну, а в собственные карманы местных правителей, а те земли, которые были пригодны к обработке, стали продаваться за деньги.

Таким образом, объявление общинных земель государственной собственностью являлось замаскированной формой эксплуатации трудящихся, способом укрепления личной монополии феодалов на средства производства.

Все это видно из конкретных фактов, которые были связаны с аграрными отношениями в Бухарском ханстве в колониальный период. Согласно договору от 24 сентября 1873 г. и протоколу соглашения от 23 июня 1888 г. между Россией и Бухарой русским поданным было предоставлено право на территории Бухарского ханства свободно приобретать за деньги земельные участки для постройки, эти покупки должны оформить в соответствии с действующими законами и обычаями, которые существовали на территории ханства, каждая такая сделка должна была утверждаться эмиром и политагентством.

Основываясь на этом, в 1907 г., по просьбе железнодорожного инженера, политагентство просило бухарское правительство сдать в аренду 1000 десятин земли, которая была расположена в районе Шерабада, на условиях договора между сдающим в аренду и арендатором.

Если эмир действительно являлся бы законным распорядителем всей земли, то он мог бы самостоятельно решить и установить условия аренды. Однако это было не так: во-первых, он совершенно ничего не знал о состоянии земли, которую просили в аренду; во-вторых, судьбу земли решал не он, а феодалы. Доказательством этого является ответ Астанакула кушбеги от 14 октября того же года, в котором сказано:

«В отношении вашей просьбы, касающейся вопросов аренды одной тысячи десятин земли, мы сделали запрос шерабадскому хакиму, на что он ответил, что эта земля является владением жителей амляка. Согласно сообщениям аминов и аксакалов, по местным обычаям каждый кишлак имеет несколько видов земли, на которых население занимается посевом по очереди; та земля,

которая находится в самой нижней части указанной местности, которую вы просите в аренду, из-за отсутствия достаточного количества рабочей силы и недостатка воды уже 5—6 лет как не обрабатывается, в результате чего она превратилась в мертвую (маита), где люди пасут свой скот и живут скотоводы, которые категорически возражают против отдачи ее в аренду. В связи с этим вашу просьбу об отдаче данной земли в аренду удовлетворить не можем, что вам и следует сообщить заинтересованным лицам»[1].

Из содержания других документов явствует, что телеграфист станции Зияваддин некий Андреев через политагентство несколько раз просил у бухарского эмира разрешения на аренду земли для постройки дома и для огорода. Последний ответил ему, что он может арендовать только землю, принадлежащую государству, или же по согласованию с населением Зияваддина его землю, если оно желает этого[2].

Все эти факты доказывают, что государство в эмиратстве не являлось владельцем и распорядителем всей земли и воды, которые находились на его территории.

Исходя из вышеизложенного нетрудно понять, что государственная собственность на землю и воду в Бухарском ханстве распространялась только на те земли и воды, которые находились в распоряжении казны. Правительство имело право эти земельные фонды продавать, раздавать чиновникам в танхо за службу, выделять участки для пожертвования в пользу мечетей, мазаров и других духовных учреждений, раздавать своим родственникам на право узурфрукта[3].

Его право как верховного собственника распространялось также на те земли, которые считались целинными, залежными, пустынными, полупустынными, горными, подножными и т. п., не имевшими своих конкретных владельцев, на источники вод, которые находились в естественном состоянии. Но когда мы говорим о землеводном владении, то надо понимать не мертвые, а те, которые обрабатывались и находились в правопользовании. И на конкретных фактах мы увидим, что подавляющее большинство таких земель находилось в руках частных владельцев и считалось частной собственностью того или иного лица.

В распоряжении государства находилось большое количество оживленных земель, т. е. земель, годных к обработке. Все эти последние именовались «мамлака». Они делились на две части: первая — «мамлакаи дахъякдор» (десятинная), т. е. отданная на «вечное пользование» крестьянам, которые ее обра-

---

[1] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 39.

[2] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 51, вообще все переписки материалов данного дела говорят об этом.

[3] Узурфрукт — право на получение только дохода с земли, но без права ею распоряжаться.

батывали и платили государству $^1/_{10}$ часть дохода, и вторая — находилась в распоряжении казны и отдавалась на разных условиях малоземельному крестьянину на обработку. Причем, эта часть находилась не в вечном, а во временном пользовании, и в любое время ее могли отнять и превратить в объект купли и продажи, могли отдать в танхо или в вакф.

Сведениями о количестве такой земли по всей территории эмиратства мы не располагаем. Однако, отдельные факты свидетельствуют, что их было довольно много. У нас находится отчет каракульского амлякдара. Согласно этому документу в данном амлякдарстве государство обладало 35360 танабов. Другие источники сообщают, что оно имело 203900 танабов в районе Шахрисябза, 36000 манов в Каратегине, 11000 танабов в Шерабаде.[1] В его распоряжении находилось много каналов и джуйбаров, мельниц, каравансараев, обджувозов, маслобоен и ряд других источников дохода.

Таким образом, государство могло распоряжаться только теми землями, которые не имели своего владельца, и теми, которые забирались в распоряжение казны, а также мертвыми (маита). И все они являлись источником образования частной и вакуфной земельной собственности, о чем будем говорить ниже.

ФОРМА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ВОДУ

Не вникая в древнюю историю, можно сказать, что возникновение частной собственности на землю и воду имеет очень давнюю историю, процесс, который совершался постепенно и совершенствовался на основе опыта на протяжении всей истории феодализма. Следовательно, переход от одной стадии развития к другой осуществлялся не сразу, а постепенно, по мере создавшихся условий.

Советская историческая наука доказала, что еще задолго до прихода арабов в Среднюю Азию здесь в сельской общине (кеда) выделилась группа земельных собственников — верхушка (дехкане), которая вошла в тесный союз сначала с рабовладельцами, а затем с арабами и домами местных феодалов (правителей) и стала главным собственником не только земли, но и воды. Историческая наука располагает большим количеством фактов, свидетельствующих о росте частной собственности на эти средства производства[2]. Касаясь этого вопроса, О. Д. Чехо-

---

[1] Об этих источниках см. в конце данной главы.

[2] См.: Мухаммад Наршахи, История Бухары, перевод Н. Локошина, Ташкент, 1897 г., стр. 40—43, 70—71; Низамул Мульк, Сиасет-Намэ, М.—Л., 1949 г., гл. 27; С. П. Толстов, Выступление на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. (Материалы научной сессии, Ташкент, 1954 г., стр. 552—560); А. Ю. Якубовский, Средняя Азия в IX — первой четверти XIII в. в кн. Очерки истории СССР, IX—

вич указывает, что «во второй половине XVIII в. земельные участки в Бухаре приобретали характер товара в такой степени, что, с одной стороны, возможна была быстрая распродажа значительных имений, а с другой — концентрация земельной собственности в руках отдельных магнатов».[1]

Документы изучаемого периода свидетельствуют, что превращение государственных или общинных земель в частную собственность носило интенсивный характер на протяжении всего XIX — начала XX вв. И этот процесс проходил тремя путями: во-первых, путем освоения общинных и мертвых земель, т. е. путем затраченного труда; во-вторых, путем купли-продажи государственных и общинных земель частными лицами, в-третьих, путем дарения, пожалования со стороны государства чиновникам и влиятельным феодалам. Теперь каждый из этих путей рассмотрим в отдельности.

Освоение общинных и мертвых земель. Характер освоения этих земель в шариате изложен в пользу феодалов. Согласно его положений любому человеку предоставлено право в неограниченном количестве осваивать и превращать в частную собственность те земли и воды, которые назывались мертвыми (маита).

В этом отношении среди мусульманских толков нет никакого разногласия и противоречивых рассуждений. Таковые возникали по вопросу о том, что для этого разрешение правительства обязательно или нет?

Одни говорят — да, а другие — нет. Следовательно, здесь отсутствует твердое мнение. Вот что сказано по этому вопросу в шариате:

«Кто желает возделывать эту землю (т. е. мертвую — А. М.) под посевы, тот может стать ее владельцем (моликом), если на это он имеет разрешение от имама (государства) [2]. Однако, если он это сделал и без разрешения имама, то тоже может быть ее владельцем» [3]. При этом толкователи шариата исходили из изречения пророка о том, что тот, кто возделывает пустые поля, при-

---

XIII вв., ч. 1, М., 1953 г., гл. 4, § 1, его же, Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды ИАИ и ИВ АН, Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Л., 1933 г.; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М., 1954 г., стр. 9—11; О. Д. Чехович, Узбекистан в XVIII в. (Очерки истории СССР XVIII в., вторая четверть, М., 1957 г., стр. 780—792; Очерки истории СССР, вторая половина XVIII в. М., 1956 г., стр. 797—809), ее же, Документы к истории..., стр. 94—124, Е. А. Давидович, История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., Душанбе, 1964 г., стр. 207—211; М. А. Абдураимов, О некоторых категориях землевладения и положения крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX вв. (Общественные науки в Узбекистане, 7, 1963, стр. 37).

[1] Очерки истории СССР в XVIII в., вторая половина, М., 1956 г., стр. 799.

[2] По толкованию имама Ханифы.

[3] По толкованию других имамов, Мухтасар-аль-Викая, стр. 348; Хидая, т. IV, стр. 104.

носит пользу и тем самым приобретает право собственности на них. Если пустые поля, ранее составлявшие общую собственность, кем-то возделываются, то возделанная земля становится «собственностью возделывателя в силу того, что он сделался первым владельцем, таким же, как ловец зверей или собиратель дров» [1].

На территории ханства были действительны все направления толкования шариата, на основе которых население могло превращать мертвые земли и воду в частную собственность с разрешения имама и без него.

Срок для освоения и превращения мертвых земель в частную собственность по шариату установлен был три года, а условия ее возделывания — разграничение с четырех сторон. Вот, что написано по данному вопросу в шариате:

«Если земля не будет возделана в течение трех лет после ее ограничения, (т. е. предъявления на нее права собственности), то она может быть передана имамом другому лицу, если кто-либо ограничит участок земли, поставив на ней знак из камня и оставит ее в этом положении в течение трех лет, не возделывая, то имам может взять ее обратно и передать другому лицу. Ибо земля была дана для возделывания, чтобы мусульмане имели пользу, получая десятину и подати, а так как теперешний владелец пренебрег этим, то имам обязан передать землю другому для того, чтобы цель, для которой земля дана, была достигнута. Ограничение участка камнями и т. п. не создает подобно возделыванию права собственности, ибо под возделыванием понимается придание земле плодородия, между тем как ограничение ее камнями служит лишь указанием границ» [2].

Такие указания шариата являлись мощным рычагом в руках феодалов, которые не только осваивали мертвые земли и водные источники, но и пустопорожние участки крестьян, которые крестьяне не могли обрабатывать.

Как уже сказано, в ханстве действовали различные мусульманские школы. Противники имама Ханифа считали, что в освоении и превращении мертвых земель в частную собственность главную роль играет не разрешение государства, а труд. Это соответствовало учению других имамов.

Например, в начале XIX в. некий Мухаммад Ариф самовольно, без разрешения государства, освоил один участок мертвой богарной земли и, когда возник спор, законоведы признали его действия законными, и эта земля стала собственностью возде-

---

[1] Хидая, т. IV, стр. 103.

[2] Хидая, т. IV, стр. 104; Мухтасар-аль-Викая, стр. 348. Опираясь на это положение, всякая земля и предметы, которые носили недвижимый характер и находились в частной собственности, в обязательном порядке имели описание границ с четырех сторон, и без этого собственность считалась недействительной.

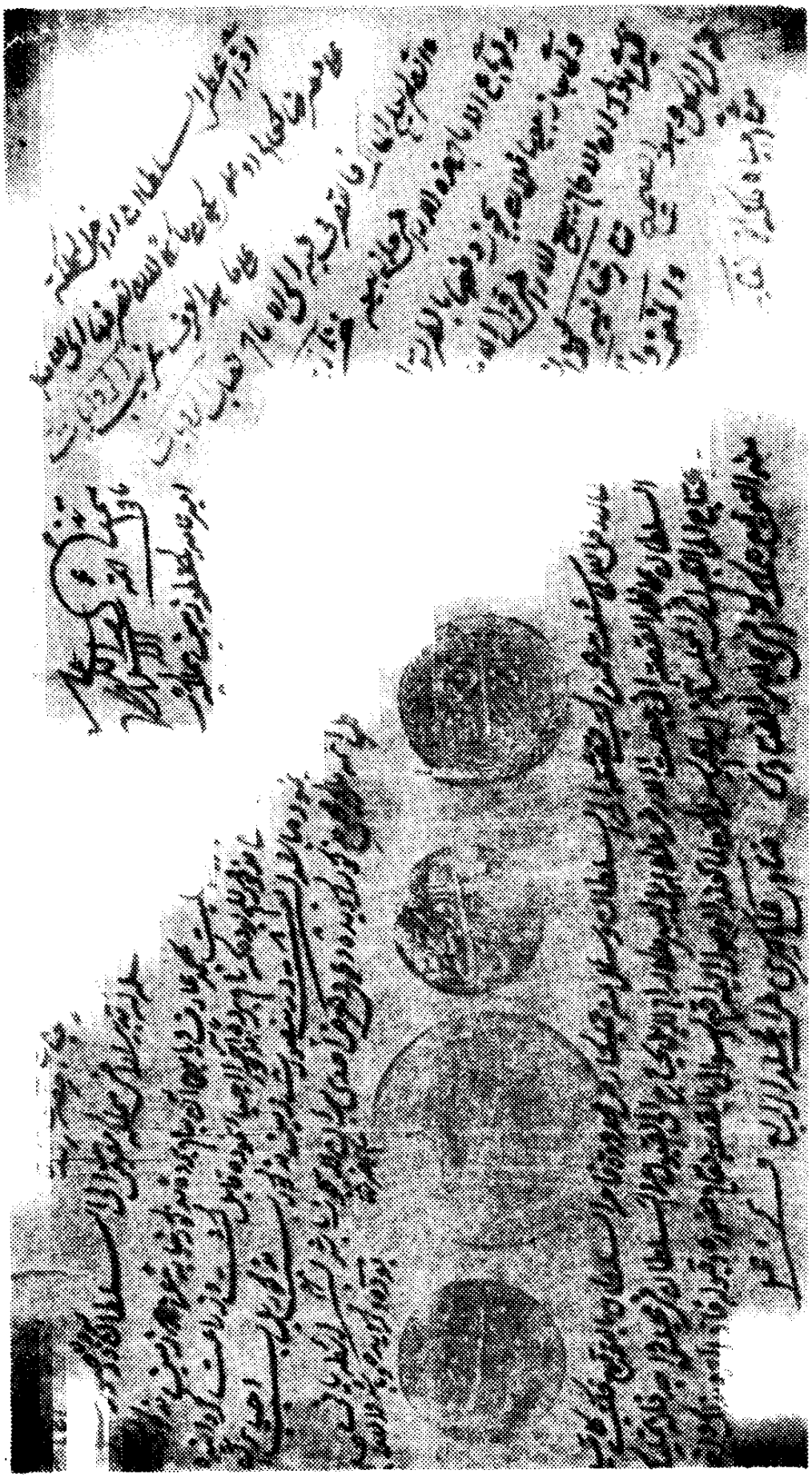


Рис. 8.

лывателя. В документе сказано, что «...мы рассматривали мероопределение к вопросу, касающемуся одного участка богарной государственной земли, находящейся в распоряжении масс, а сейчас превращенной в собственность — мульк Мухаммадом Арифом, установили: в действительности упомянутый Мухаммад Ариф на упомянутой земле потратил труд, в результате чего ее возделал, и она теперь имеет ценность. Поэтому, согласно законам шариата, данная земля является теперь собственностью Мухаммада Арифа, и только он может стать заместителем имама на данной земле, т. е. ее владельцем, и всякие претензии к нему раз и навсегда лишены законной силы, так как только он теперь возделыватель данной земли, а никто другой»[1]. Рис. 8.

Такое же определение в 1874 г. вынес один законовед по отношению одного участка мертвой земли, которую в результате приложения своего труда освоил мулла Мухаммад Назир в районе Пенджикента[2].

Источник, который к нам попал из Гиссарского бекства, свидетельствует о том, что некий Рахманберды освоил один участок общинной земли и сделал ее из мертвой жизнеспособной, однако через 12 лет к нему стал придираться какой-то чиновник, обвиняя его в незаконном действии в отношении «государственной» земли. Рахманберды обратился к муфтию с заявлением, и последний ему дал справку следующего содержания: «По вопросу, касающемуся одного участка общинной земли, которая уже 12 лет находится во владении Рахманберды и в течении этого времени осваивается с выплатой хараджа и всех правительственных поборов. Несомненно, что она является его собственным мульком и никто не имеет права мешать Рахманберды. Такое наше определение исходит из повеления всемогущественного создателя порядка и мира — Аллаха, который распорядился так:

«Каждый человек, который владеет в течение 3 лет мертвой землей и сделал ее оживленной, и платит с нее установленные харадж и подати, то эта земля становится его собственным мульком».

Исходя из этого, можно установить, что предъявленные претензии к Рахманберды по поводу указанной земли противоречат шариату, и казий, как защитник закона, должен отвергнуть претензии, предъявленные к Рахманберды, так как они не имеют законной силы»[3].

О действии школы имама Ханифа свидетельствует тот факт, что во второй половине XIX в. государство разрешило жителям села Муминабада Каматского тумана освоить 75 танабов мерт-

---

[1] К документу приложены мухры четырех муфтиев, в одной мухре указана дата 1236 г. хиджры (1810 г.), а в другом 1241 (1815 г.). (Наши материалы, д. 2, док. № 1).

[2] Наши материалы, д. 2, док. № 2.

[3] Наши материалы, д. 2, док. № 3.

вых земель и превратить их в собственные мульки. Однако они освоили 100 танабов, что якобы являлось нарушением государственных указаний, и бухарский чиновник мир Хамид мирахур сообщил об этом эмиру и просил его разрешения на изъятие излишка в пользу казны [1].

Таким же путем можно было превратить и воду в частную собственность. По шариату, вода — это есть дар бога, и каждый человек имеет право утолить жажду, поить скот, орошать посевы. Такими водами являются дождевые, реки, озера, моря и родники, распорядителем которых является государство. Но оно по закону не имеет права запретить кому-нибудь использовать их, так как по хадису жизнь людей связана с тремя предметами: «водой, травой и огнем». Поэтому государство, как защитник шариата, никому не могло препятствовать в использовании этих источников жизни. Закон каждому мусульманину разрешал превращать воды из общинных владений в частные при условии затраченного труда.

Используя это, состоятельные люди могли строить каналы для орошения, и они считались их собственностью. Они могли продавать воду крестьянам за деньги или натурой, а также использовать их труд на чистку каналов. Контроль за использованием воды таких каналов принадлежал самому собственнику. Были еще каналы, построенные по инициативе государства или сельских общин. Воды таких каналов были не частной собственностью, а общественной. Ее контролировал и распределял представитель государства в лице мираба и его чиновников, за что крестьянин каждый год платил подати. Из общего канала каждый живущий ниже от него мог по разрешению собственника провести к своему двору и земле маленький арык, который назывался «джуйбаром», его воды считались собственностью крестьянина. Степень обеспеченности водой этих джуйбаров зависела от владельца главного источника, и это обстоятельство заставляло производителя платить ренту и выполнять трудовую повинность в пользу собственника воды.

Право частной собственности распространялось и на воду колодцев, которые копали по собственной инициативе. Собственность по шариату распространялась не только на воду, но и на землю в окрестностях колодцев со стороной в 40 газов [2].

---

[1] Документы к истории..., стр. 205—206. В оригинале везде «имение» дано как «мульк», что означает — собственность.

[2] Газ как мера земельной площади имеет различные определения: одни считают его размер 1,5 аршина (Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, стр. 113); М. Рахимов — 71 см. (Земледелие таджиков... стр. 176); В. Л. Воронин — 110 см. (К вопросу о древней метрологии Средней Азии. Краткие сообщения ИИМК, вып. XXXIX, 1951 г., стр. 64); шариат признает газ в 24 пальца, прижатые друг к другу, т. е. примерно 90 см. (Мухтасар-аль-Викая, стр. 349). Исходя из этого, доля собственника колодца составляла 5184 кв. м. земельной площади.

Однако надо сказать, что в Восточной Бухаре корезы и крупные каналы не были построены, а были только джуйбары из маленьких горных рек и ручьев [1]. Все это, главным образом, было построено по инициативе общин, каждая из которых имеет давнюю историю. За последний период бухарские эмиры в этом направлении никакой заботы не проявляли, наоборот, если обратить внимание на факты, то препятствовали такому строительству. Повсеместно на территории ханства не хватало воды, постоянно из-за нее шел спор и драки между населением районов и сел, которые пользовались ею из одного канала или арыка. Дело доходило до убийства, люди голодали, бросали свои дома и уходили из одной области в другую. А что делал эмир и его государство? Буквально ничего, наоборот, разрушали те источники, которые были объектами спора.

Это подтверждает документ, который исходил не от какого-нибудь чиновника, а из рук самого эмира, на котором приложена его печать. Из содержания этого документа явствует, что когда-то в пустыне Харканрудского тумана, где жили казахские скотоводы, было построено три колодца: Пулад баем, Куванди баем, Садир баем, из которых жители поили свой скот. Один из баев, Куванди, решил построить еще один колодец, по его примеру скотоводы построили два новых колодца. Между Куванди баем и массой казахов возникали споры и столкновения, в 1912 г. дело дошло даже до самого эмира.

Разбирая заявление скотоводов, эмир повелел казию каляну мулле Мухаммаду Бакахадже и кушбеги мирзе Насрулле, чтобы они дали распоряжение закопать эти три новопостроенных колодца. Подобным образом были ликвидированы споры и недоразумения, которые возникали у казахов. И последние, по велению эмира, должны были мирно жить и поить свой скот из трех старых колодцев,[2] воды в которых не хватало для удовлетворения потребностей скотоводов.

Таким образом, этот документ показывает, что для рытья колодцев никакого разрешения от правительства не требовалось, оно не знало, кто и как их строил и как они использовались — это его не касалось до тех пор, пока не возникали споры между населением. А если возникали таковые, то правительство часто предотвращало дальнейшие споры закрытием колодцев. И, наконец, видно, что каждый феодал стремился к тому, чтобы завладеть водными источниками, что давало им возможность еще больше порабощать трудящихся.

Что касается рек и речушек, то они, как уже сказано, считались «государственными», но каждому, кто хотел построить канал или арык, правительство давало разрешение, и вода (из

---

[1] Всемирная история, т. III, стр. 94—95.

[2] Душанбинский госмузей, инв. кн. 1, док. № 15.

общественной собственности) превращалась в частную собственность.

В исторической науке распространялись мнения, согласно которым государство якобы являлось инициатором строительства ирригационной системы в Средней Азии. Применительно это к Бухарскому ханству или нет, действительно ли его роль в этом отношении была велика? Мы на это отвечаем отрицательно. Правда, во многих местах существовали каналы и арыки, которые не имели собственого владельца и считались «джуи ом» («общественные арыки»), но разве это означает, что их построило государство? Нет. На деньги казны, по крайней мере на территории Таджикистана, в течение последнего периода истории ханства, начиная с 70-х годов XIX века, ни одного канала или арыка не было построено. Роль государства заключалась в том, что оно объявляло общинные каналы и арыки своей собственностью и назначало мираба для регулирования воды и содержания их в чистоте и порядке. За использование воды население было обязано платить государству налоги и выполнять работы по их очистке.

На территории Восточной Бухары было несколько джуйбаров, которые, очевидно, были построены задолго до XIX в. Характерной чертой этих сооружений являлось то, что по берегам рек у подножия гор они были очень коротки и узки, а на равнине — длинны и широки. Например, у кишлака Каратаг, который расположен на самом берегу Каратаг-Дарьи, существовало 4 арыка, длина каждого из них были не более 3—3,5 км. У подножия Варзобских гор, на месте современного города Душанбе, существовало 2 арыка — Сариасиенский и Шахмансурский, которые брали начало из реки Душанбинки и орошали небольшое количество земли кишлаков Шахмансур, Сариасии, Алачабафан и Заргар.

Район Янгибазара орошал десятикилометровый Кафирниганский арык, который проходил по левому берегу р. Кафирнигана. На правом берегу орошение проходило за счет небольших рек Дуоба, Семиганджа и Кушво.

На территории Куляба наиболее важное значение имели арыки «Дахана» и «Зираки», которые брали начало из Сурхоба и орошали земли десятков кишлаков. Однако длина их была не более 10—15 км.

В Каратегине, Дарвазе и на Памире существовали очень мелкие арыки, построенные по берегам различных притоков рек Пянджа, Хингоу и Сурхоба. Поэтому в этих долинах, несмотря на богатые водные источники, из-за горных условий воду не могли использовать, в силу чего по всей местности районов Гиссарской, Кулябской, Каратегинской, Дарвазской долин и на Памире широко распространялось богарное земледелие (лалмикори).

Исключение представляла Вахшская долина, где были расположены Курган-Тюбинское и Кабадианское бекства. Здесь климатические условия не способствовали развитию богарного земледелия. Эти районы жили в основном за счет искусственного орошения. Из реки Вахш на протяжении десятков километров были построены Курган-Тюбинский и Джиликульский арыки, которые орошали земли этого бекства.

В районе Кабадианского бекства из разных мест реки Кафирниган были построены арыки (13 арыков), каждый из которых назывался именем того или иного кишлака: Чорку, Хокаки-Боло, Хокаки-Поен, Чоршамбе, Шаартуз, Саед, Чиянчи, Худаши, Лубьекор, Айвадж, Кабадиан, Чирик и Шах. Кроме того, из родника «Чилу Чор чашма» орошался кишлак Бешкент.

Все эти арыки в Восточной части Бухары были построены на основе тех же принципов, о которых уже сказано, они являлись частными и общинными.

Начиная с 70-х годов XIX в., этот край входил в состав Бухарского ханства, и на протяжении всей истории до 1920 г. по инициативе государства не было построено ни одного водного сооружения.

Еще хуже обстояло дело в этом отношении в западных районах ханства. Одна единственная река Зеравшан, протяжением в 400 км, протекает по Самаркандской равнине, Катта-Курганской, Бухарской и Каракульской, образуя оазисы, но как с левой, так и с правой сторон никаких притоков не принимает. Поэтому ее воды полностью шли на орошение и не могли вполне удовлетворить потребности густонаселенных районов, которые расположены по обеим берегам.

Наряду с этим, надо подчеркнуть, что по всей местности, в результате отсутствия контроля со стороны государства и жульничества мирабов, воды Зеравшана разбазаривались на разные бесцельные пруды, водоемы и болота, в результате чего в нижней части каналов люди совершенно оставались без воды, что вызывало возмущение народных масс. Особенно сильно страдали жители Каракульского оазиса. Эта область находится в самом крайнем углу юго-западной территории ханства, и ее жители, используя нижнее течение Зеравшана, провели два больших канала (Нахри Куикули и Дугул), которые были построены силами общин, и 31 арык — частными лицами. На потребности области нужны были 140 сангов воды[1], а мираб отпускал только 10 сангов, подати за воду собирал с 20 сангов. В результате этого из 155160 танабов земли 77720 танабов стали непригодными к обработке[2].

[1] Один санг — считался мерой воды, силой которой двигался камень мельницы.

[2] Доклад каракульского амлякдара эмиру о земельно-водных отношениях в области. Этот документ находится в Бухарском музее за № 9728/12.

Никаких мер не было принято по строительству каналов в Каракульском тумане. Из-за недостатка воды задыхались жители самой «благородной» Бухары, в которой население постоянно страдало от болезни, так называемой «ришты».

Казию Абдулвахаб садру, работавшему по разным тюменям Западной Бухары, приходилось постоянно разбирать жалобы крестьян и их споры с феодалами. На основе накопившихся документов он делал доклады эмиру, убеждая его в необходимости строительства новых каналов для Каракуля и усилении борьбы с хищническим использованием воды. Все это он излагает в своем докладе на имя эмира «Об упорядочении водного режима и расширении оросительной системы». Однако эмир в этом направлении ничего не сделал. Население указанного района переживало острый голод и во избежание смерти перекочевывало из долины Самарканда к границам Харезма [1].

Конечно, крестьянин-бедняк не был в состоянии приложить индивидуальный труд и освоить много земель или построить канал, хотя формально дорога для него была открыта. На освоение таких земель или проведение канала и арыка к мертвым участкам земли требовалась большая затрата средств, мобилизация людских ресурсов и рабочего скота, которого у производителей не было. Осуществление этого было только под силу богатым людям и вождям племен, которые путем хашара или иным методом могли бы мобилизовать своих крестьян — односельчан, использовать установленное положение шариата, освоить большое количество земли и воды и превратить их в частную собственность.

Купля-продажа государственных и общинных земель. Второй путь превращения государственных и общинных земель в частную собственность — это купля-продажа, о чем свидетельствуют многочисленные документы, которые исходили от центрального и местного правительств Бухарского ханства. Согласно этим источникам, основными покупателями были богатые феодалы, в том числе и чиновники государственного аппарата управления. В зависимости от своих возможностей они в индивидуальном порядке покупали большое количество государственных земель. В этом отношении мы располагаем многочисленными документами, которые исходили от разных представителей государства Бухарского ханства.

Над выяснением вопросов о категории землевладения в ханстве, особенно мульк хурри халиса, много потрудились русские исследователи. По их просьбе в 1912 г. вопросами о существовании категорий земель в ханстве интересовалось политагент-

[1] Доклад казия муллы Абдулвахаба на имя эмира, Бухарский облмузей, № 9831/12.

ство, и в ответ на вопрос в отношении мульк хурри халис кушбеги мирза Насрулла от 6 октября того же года писал так:

«Мульки хурри халис есть казенная земля, купленная богатыми лицами с давних времен, которые, согласно шариату, уступили в пользу казны две третьи части этой земли, оставив себе одну третью часть как уже очищенную от всякого налога. Такие земли назывались мульки хурри халис» [1].

Следовательно, первоначально мульки хурри халис образовались из числа государственных или общинных земель, и как только она была очищена от податей и повиностей, то государство не имело к ней никакого касательства. Землю покупали феодалы, главным образом, чиновники и духовенство, которые различными путями за счет эксплуатации народных масс собирали деньги и тратили их на покупку земли. Многие государственные и общинные земли приобретались в частную собственность родственниками самого правителя, причем совершенно за бесценок. Поскольку бесплатно ею владеть запрещалось шариатом, то они за большое количество земли для отвода глаз и узаконения своих действий платили государству один экземпляр Корана. Такой процесс в XIX — начале XX вв. являлся продолжением той традиции, начало которой было положено в прошлых столетиях. В качестве примера приведем один документ, который характеризует принцип образования мульки хурри халис в XIX в.

В 1800 г. Мухаммад Амин (бухарский чиновник) купил у государства 78 танабов земли за 340 ашрафи червонного золота,[2] в 1801 г. он же еще купил 150 танабов государственной земли за 500 ашрафи[3]. Таким образом, он за 228 танабов заплатил 840 ашрафи. Мухаммад Амин из них 152 танаба бесплатно возвратил государству в качестве налогов, податей и повинностей. Оставшиеся 76 танабов теперь были очищены от всяких государственных податей и повинностей и превратились в мульки хурри халис на вечные времена. В таком качестве они стали в дальнейшем переходить по наследству от поколения к поколению.

Такая форма образования мульки хурри халис, согласно закону шариата, считалась священной, также как и вакф, и поэтому различного рода завоеватели мусульманского мира не могли внести в нее изменения, если только ее владельцами не оказывались государственные преступники. Такая земля, по выражению местного населения, считалась лучше мульки [4].

Другая часть государственных земель путем купли-продажи превращалась в полную собственность, но не освобождалась от

---

[1] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, л. 6.

[2] Душанбинская публичная биб. им. Фирдоуси, рукоп. фонд., док. № 200.

[3] Документы к истории..., стр. 184—189.

[4] *М. И. Ростиславов,* Очерк..., указ. труды, стр. 334.

налогов и податей. Например в документе, написанном в 1267 (1851) г., сказано, что эмир через своего представителя 36 танабов казенной земли, расположенной в районе Утрара,[1] продал в полную собственность Шокирбеку и его сыну Мукимбеку за 223 ашрафи червонного золота (стоимость каждой из ашрафи составляла 19 бухарских танег) [2]. В то же время судья Хикматулла докладывал, что он от имени эмира в селе Мавсиче Самиджанского тумана продал 25 танабов государственной мертвой земли жителям данной местности за 25 тилло, стоимость каждой равнялась 20 бухарским танег. Вырученная сумма в размере 500 танег оприходована в казну, а упомянутую землю включили в категорию хараджевой [3]. По такой же цене другой чиновник в другом месте продал мертвую землю. Это видно из документа, в котором указано, что бухарский чиновник в районе Фаракту продал 12 танабов мертвых земель за 12 ашрафи и на это он просил санкцию правительства. Бухарский кушбеги Мухаммадшо в ответном письме на имя того же чиновника (1870 г.) одобрил его действие и разрешил ему выдать документ на указанную продажу [4].

Такой же процесс продолжался и в Восточной Бухаре. Однако он имел свои специфические особенности, которые заключались в следующем:

а) если в западной части Бухары представителями государства в таких сделках выступал бек, амлякдар, казий и чиновники центрального аппарата, то здесь — только бек и амлякдар; казий и чиновники, как центральных, так и местных органов управления не имели такого права;

б) если на западе каждая такая сделка в обязательном порядке требовала одобрения центрального правительства, то здесь это не было обязательным. Все прямые сделки бека и амлякдара сразу же вступали в силу и считались законными;

в) во всех документах о превращении государственных и общинных земель в частную собственность в западной части указывались причины продажи, стоимость, если же ее дарили, то указывался мотив. Однако по Восточной Бухаре это не наблюдалось. Здесь во всех документах указано одно слово «додем» (дали), а на самом деле под этим словом скрывалась настоящая продажа. Это объясняется тем, что в Восточной Бухаре совершенно отсутствовал контроль со стороны центрального правительства, все зависело от двух лиц — бека и амлякдара;

г) ввиду климатических условий на западе любая земля без воды считалась мертвой. Поэтому в большом количестве ее там превратить в частную собственность было невозможно. В силу

[1] Утрар, местность недалеко от гор. Бухары.
[2] Документы к истории..., стр. 193—196.
[3] Документы к истории..., стр. 218—219.
[4] Документы к истории..., стр. 261—262.

этого там раздавались или продавались мелкие участки, в свою очередь, новые владельцы так же продавали другим собственникам, отдавали их в вакф или в аренду малоземельным или безземельным крестьянам. В Восточной Бухаре условия были совсем другие. В горных районах, особенно в Кулябской, Гиссарской, Каратегинской, Тавильдаринской, Дарвазской и Пянджской долинах, а также в горной местности Сурхан-Дарьинской области, где летом было не так жарко и почва долго сохраняла влагу, можно было на высоте до 3500 метров над уровнем моря засевать зерно (бобовые культуры), а несколько ниже, на высоте до 2000 метров, выращивать сады. Здесь создавалась возможность развития богарного земледелия и скотоводства. Это привело к тому, что в массовом порядке богарные земли превращались в частную собственность феодалов. Таким образом, в их руках стало сосредоточиваться огромное количество земельных угодий как поливных, так и богарных;

д) во избежание разоблачений со стороны духовенства, как знатоков шариата, бек и амлякдар раздавали им в качестве «дара» земли, а также крестьянские хозяйства в танхо, хотя они и не несли государственную службу. Тем самым местные правители прикрывали свою преступную деятельность.

Все эти особенности вытекают из содержания документов и этнографических источников, собранных нами по Восточной Бухаре, согласно которым видно, что превращение государственных и общинных земель в частную собственность является результатом действий бека и амлякдара, выступавших от имени государства. Чтобы эти сделки стали законными, в качестве свидетелей всегда выступали представители сельской общины данной местности, где происходила ее передача.

Как уже сказано, здесь продажа земли происходила скрыто, замаскировано, и поэтому содержание документов становится непонятным, так как в большинстве из них мотивы ее передачи не указываются. В них везде употребляется слово «додем», означающее дар, т. е. земля якобы дарилась, а на самом деле оно прикрывало продажу. Это выяснилось путем этнографических исследований. Все это делалось чиновниками для того, чтобы скрыть сумму вырученных денег от эмира и присвоить их себе, а в актах писалось «додем» (подарили), что не противоречило требованиям шариата.

В Каратегине таким же образом было продано несколько участков государственной земли отдельным феодалам, причем «раздача» производилась не только беком, но и амлякдаром, и это считалось вполне законным. Например, в 1912 г. в Калай Лябиобе амлякдар Нусратуллабек передал местному феодалу Миясабу, сыну Рохатшо, один участок земли по документу следующего содержания:

«Оповещаю, что во имя славы государства его величества

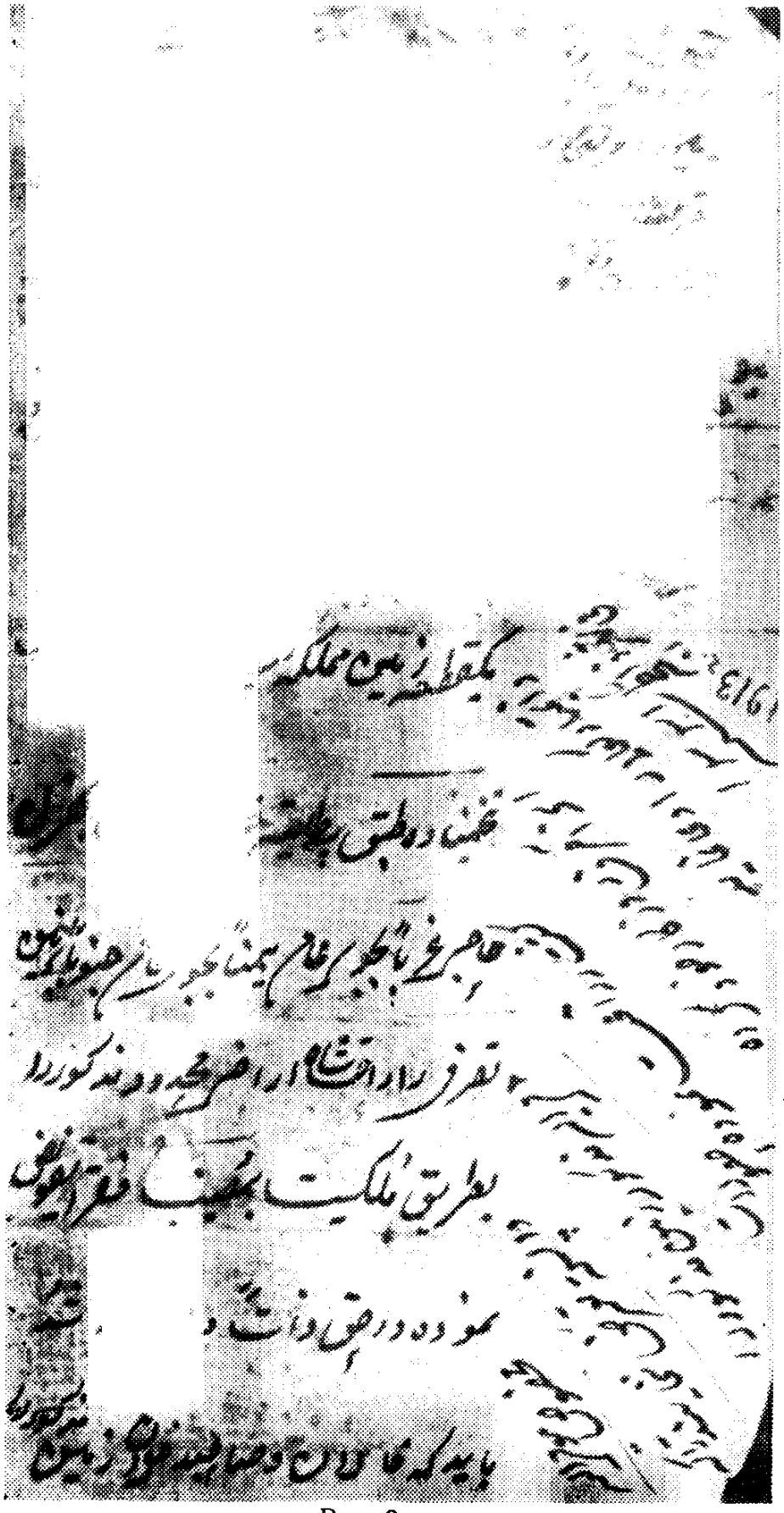


Рис. 9.

(бухарского эмира) мы удостоили и передали в собственность жителю села Биявака[1] Миясабу, сыну Рохатшо, один участок государственной земли, на котором можно сеять по 10 табаков[2] семян, каждый из которых вмещает по три тюбетейки зерна. За этот дар мы от него получили молитву за здоровье его величества»[3]. Рис. 9.

Были ли такие действия амлякдара правильными? Мусульманские законоведы данного бекства отвечали утвердительно. Как только он стал передавать землю Миясабу, тут же группа казиев и муфтиев дала фатво (определение) следующего содержания:

«По вопросу о том, что мулла Нусратулла сын Негматуллыбека додхо, как представитель его величества отдал в качестве «дара» Миясабу, сыну Рахатшо, один участок султанской земли, которая находится в селе Бияваке, и указаны ее точные границы, вполне соответствуют шариату. Поэтому указанная земля отныне считается собственным мульком Миясаба, и он может ее продавать, отдавать в аренду и оставлять в наследство». Приложены четыре печати казия и муфти[4].

Этим пользовались ростовщики и зажиточные крестьяне, которые покупали государственные земли по дешевым ценам, превращая их в частную собственность, и несколько дороже продавали малоземельным крестьянам[5].

Во время беседы со стариками выяснились и способы продажи государственных земель. Их продавали только по разрешению бека или амлякдара.

Во всех документах о продаже государственной земли частному лицу указано, что продавец (государство) продал землю, принадлежавшую ему со всеми своими правами, которые имелись на данном участке. Следовательно, как только установленная сумма поступала в казну, с того момента права на эту землю переходили к новому хозяину и государство к нему не имело никакого дела.

Другой формой увеличения частной собственности на землю и концентрация ее в руках феодалов являлось танхо.

Танхо как форма феодального землевладения и образование частной земельной собственности. На протяжении всей истории XIX — начала XX вв. в Бухарском ханстве широко распространилась такая форма феодального землевладения как танхо.

В исторической литературе утвердилось мнение о том, что в Бухарском ханстве танхо распространилось на доходы

---

[1] Кишлак Биявак расположен в Таджикабадском сельсовете Гармского района.

[2] *Табак* — деревянное блюдо, мера веса зерна, около пяти кг. зерна.

[3] Наши материалы, д. 2, док. № 4.

[4] Наши материалы, д. 2, док. № 5.

[5] См. стр. 224 данной работы.

с земли [1]. Это абсолютно правильно, но не должно исключать возможности передачи самой земли в танхо. Документы, которыми мы располагаем, говорят о том, что действительно в танхо раздавались доли налога и другие государственные доходы с хозяйства, а также непосредственно земли. Кроме того, надо учесть, что тот крестьянин, который попадал в танхо, был владельцем земли, скота, инвентаря и другого имущества, и как только феодал получал его, то он становился распорядителем земли, о чем будем говорить в третьей главе.

Возникновение танхо связано с завоеванием Средней Азии новыми узбекскими племенами во главе с Мухаммадом Шайбаниханом. Когда они покорили ее, то в силу господства пережитков родовых отношений верховная власть — власть хана — рассматривалась как прерогатива всего ханского рода, и каждый из ее членов (сын, брат, дядя и тетя) претендовал на свою долю в управлении завоеванными странами. На этой основе Мухаммад Шайбанихан и его преемники на протяжении всего XVI в. Среднюю Азию разделяли на отдельные области и раздавали их своим сородичам: Туркестан — Кучкунджи султану, Ташкент — Суюнчхаджа хану, Бухару — Убайдулла султану, Карши и Сагараджа — Кдычкара султану, Ферганскую долину — султанам Хосрову и Искандархану, Гиссар — Хамза султану и Мехди султану, Куляб — Узбек султану и т. п.[2]

Кроме того, ряд областей был отдан в управление вождям кочевых племен и местным феодалам, перешедшим на службу к ханам. Не должно оставаться без внимания то обстоятельство, что с самого начала завоевания узбеков многочисленное мусульманское духовенство Средней Азии также перешло на службу к Шайбанихану и содействовало укреплению его власти. Все они явились дополнительными претендентами на получение земельных массивов в качестве пожалования (в виде танхо или на правах мулька).

Первоначальная раздача земли сородичам и военно-кочевой знати в Бухарском ханстве при шайбонидах напоминала суюргал типа тимуридов, и этот институт «наследственного условного (обусловленного службой хану) лена,— как пишет Иванов,— вполне соответствовал интересам узбекской военной власти и, будучи ею принят, способствовал процессу феодализации внутреннего строя кочевых узбекских племен» [3].

---

[1] *Н. А. Кисляков,* Патриархально-феодальные отношения..., стр. 93; М. А. Абдураимов, О некоторых категориях феодального землевладения..., Общественные науки в Узбекистане, 7, 1963 г., стр. 39.

[2] *П. П. Иванов,* Хозяйство джуйбарских шейхов, М., 1954 г., стр. 26—27; А. А. Семенов, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, труды АН Таджикской ССР, т. XII, стр. 114, История Узбекской ССР, кн. первая, стр .385—390.

[3] *П. П. Иванов,* Хозяйство..., стр. 26.

Однако принцип распределения земли по типу суюргала привел к необычайному ослаблению центрального правительства. Это наблюдалось сразу же при Шайбанихане. Когда он, выступив в поход против иранского шаха (Исмаила), приказал своим султанам выставить ему дополнительное войско, то по разным мотивам они этого не сделали, и поэтому хану пришлось вступить в неравный бой, что привело к разгрому его армии и гибели самого главы государства.

После гибели хана престол достался не его сыну, а дяде — Кучкунджи султану, что вызвало недовольство царевичей, от имени которых Тимур султан (сын Мухаммада Шайбанихан — правитель Бухары) пошел на переговоры с иранским шахом и хотел при помощи последнего захватить власть. Это вызвало серьезное возмущение среди многочисленных султанов и вождей узбекских племен, не хотевших подчиняться Тимур султану, и самих претендовавших на престол. Кроме того, к этому времени с севера на Туркестан напали казахи во главе с Касымханом.

Все эти обстоятельства привели к ожесточенной борьбе царевичей и султанов за престол и к междоусобным войнам, сопровождавшимся ограблением территории друг друга.

От таких войн прежде всего сильно страдали крестьяне и городское население земледельческих районов. Поэтому отдельные феодалы таких областей поддерживали тех ханов, которые вели борьбу против носителей междоусобных войн.

Таким ханом оказался Абдуллахан (1557—1598 гг.). Он нашел широкую поддержку не только у светских, но и у духовных феодалов, за что он им раздал большое количество земли на правах мулька или же танхо, расширил политические права шейхов и других влиятельных лиц исламского богослужения, подобных Джуйбарским шейхам, о хозяйстве и политическом влиянии которых очень ярко писал профессор П. П. Иванов.

При помощи новых союзников Абдуллахан сумел во второй половине XVI в. не только ограничить, но и истребить всех феодалов и царевичей, которые не желали ему подчиняться, создать центральный аппарат управления и армию, и тем самым укрепить северную и западную границы от нападения Ирана, а также кочевников. При нем был организован поход против Хорасана и других областей и они были подчинены Бухаре.

Этот правитель отменил институт суаргала и установил новую систему пожалования — танхо.

Еще до конца XVI в. кое-где икта встречается наравне с танхо, но с начала XVII в. она в исторической литературе больше не появляется, а если упоминается, то только в качестве традиционного пережитка, книжного выражения [1].

Повсеместно в государственных документах и исторических

[1] См.: П. П. Иванов, указ. соч., стр. 27.

летописях мы видим слово «танхо», которое имело разнообразный характер: кормление солдат за счет доходов с населения, пожалование и вознаграждение ханам за службу[1]. Из других источников известно, что в этом столетии большое количество земли в виде танхо сосредоточивалось в руках светских и духовных феодалов. Это видно из дневников русских послов Пазухиных.

В декабре 1669 г. в Бухару приехали послы русского царя Алексея Михайловича — Борис и Семен Пазухины, и они дали подробные сведения о приеме хана, о военном и экономическом состоянии страны. Один из этих послов — Борис Андреевич Пазухин, касаясь танхо, указывает, что в Бухарском ханстве «расписаны все деревни на жалование ратным и всяких чинов людям», отчего, по его словам, сильно страдала ханская казна»[2].

Слово «танхо» упоминается во многих деловых документах XVIII в. Например, при описании границ земли Шамсибону в 1702 г. указано, что она «с запада примыкает к местности Джурутма Хузарского вилоята, которая в качестве танхо находилась в распоряжении добродетельного муллы Мухаммада Амина раиса, сына муллы Назар Мухаммада»[3].

Какой характер носило танхо этого чиновника духовного звания, мы не знаем, однако нам совершенно ясно, что власть ханов аштраханидов была настолько слабой, что она держалась только на том, что ханы раздавали большое количество земли феодалам в качестве танхо, превращая ее в категорию мулька.

В условии феодальной междоусобной борьбы трон захватила мангитская родоплеменная знать, которая в середине XVIII в. в Бухаре основала свою династию.

Задачи новой династии заключались в том, чтобы покончить с феодальной раздробленностью и создать крепкое централизованное государство. К этому стремились все эмиры мангитов. Мухаммад Рахим (1745—1753 гг.) добился значительных успехов в этом деле. Но после его смерти против мангитов подняли мятеж в Нурата, Хузаре, мятеж «семи племен» в долине Зеравшана и др. Миankала, Шахрисябз, Хузар и Байсун, Шерабад и Гиссар, Ура-Тюбе и Ходжент были охвачены вечной междоусобной войной. Даниял бий (1758—1785 гг.) и его сын Шохмурад (1785—1800 гг.), а также эмир Хайдар (1800—1826 гг.) все средства и ресурсы направили на создание армии и государственного аппарата. Для этого они ничего не жалели.

Главную силу этих эмиров составляли их соплеменники (мангиты), родовая феодальная знать и духовенство, которые, поддерживая друг друга, боролись во имя укрепления власти первых. Поэтому эмиры покровительствовали им.

[1] П. П. Иванов, указ. соч., стр. 26, Документы к истории..., стр. 13.
[2] Цитировано по истории Узбекской ССР, т. 1, кн. первая, стр. 394.
[3] Документы к истории..., стр. 96.

Опираясь на эти силы, правители не только подавили внутренние мятежи, но и успешно (особенно Шохмурад) вели войны с Ираном и Афганистаном.

Все земли и личное имущество мятежников объявлялись казенными и по велению хана раздавались воинам и духовным лицам, военная добыча привозилась в Бухару, светским и духовным чиновникам платили большое жалование. Это мы видим из сообщения Мухаммада Якуба, который указывает в своем сочинении «Гульшен-аль-мулюк», что эмир Хайдар в начале своего царствования назначил на различные государственные должности 4000 человек, которые от государства получали деньги и натуру [1].

Если этот автор не сообщает о количестве получаемого чиновниками жалования, то другие источники говорят, что каждый из них в год получал от эмира бухарского от 100 до 1000 тилло, а главный вазир — 5000 тилло [2]. Кроме того, эмир ряд важнейших государственных должностей предоставлял наиболее влиятельным кругам духовенства. 500 человек из числа видных мулл получали на свое содержание от 100 до 300 танег [3]. По неполным данным чиновничий аппарат и число наукаров в период эмира Хайдара достигали 36 тыс. человек [4].

Однако приведенные факты вовсе не означают, что с введением денежного жалования, ослабляется институт танхо. Мухаммад Якуб пишет, что хотя доходы эмира Хайдара вдвое превышали доходы его отца, однако они только наполовину покрывали расходы [6].

Это обстоятельство вынудило правителя часть своих чиновников и воинов содержать за счет танхо. Причем в танхо раздавали не только доходы с крестьянских хозяйств, караван-сараев, мельниц, но и государственных земель. Например, сержант русской армии при Екатерине II Филипп Ефремов в 1774 г. попал в плен к казахам, а последние продали его в Бухару, затем он был подарен Даниял оталыку и служил в его армии. За образцовую службу Ефремов получил военное звание и поднялся до чина юзбошия (капитана), хан пожаловал ему землю в танхо, «с которой, как он сообщает, доход в год доходил до 300 червонцев, кои в России меняются по 3 рубля» [6]. Это для того времени была довольно большая сумма.

---

[1] См.: Гульшен-аль-мулюк, л. 170-а.

[2] См.: Азиатский вестник, 1825 г., книга 5, стр. 380.

[3] См.: Гульшен-аль-мулюк, л. 29-б, вышеназванные источники П. П. Иванов приводит в своей работе «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.» М.—Л., 1937 г., стр. 35.

[4] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, стр. 39, а также П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии, М., 1958 г., стр. 130.

[5] См.: Гульшен-аль-мулюк, л. 29-б.

[6] Цитировано по Истории народов Узбекистана, т. 2, изд. 1947 г., стр. 122.

В танхо государственные земли получали не только военные, но и гражданские чиновники. Такой факт мы встречаем в документах купли и продажи земли, в которых упоминается, что государственные земли находятся в танхо у чиновников гражданской службы. Например, в 1801 г. эмир Хайдар продал несколько десятков танабов государственных земель Мухаммаду Амин бию тупчибаши за деньги, и когда описываются границы одного участка из этих земель, который насчитывал 40 танабов, упоминается, что эта земля примыкает к поместью (танхо — А. М.) Джумакула джебачи, сына Мумин баходура, и находится на обработке у Эшмурад бая, сына Мирза бая [1].

Объектом танхо оказались не только земли, но и другие источники доходов, как мельницы, караван-сараи, обджувозы и т. п. Например, когда один из главарей восстания китай-кипчаков Одинакул бий, который защищал крепость Чиляк, а затем добровольно сдался эмиру и просил от него помилования, то эмир его не только помиловал, но и пожаловал чином додхо и на его содержание отдал мельницу и некоторые другие источники доходов в танхо [2].

В такой форме танхо носило условный характер феодальной собственности.

Наблюдались факты, когда путем раздачи танхо земля превращалась в частную собственность, напоминавшую мульки хурри халис. Мы располагаем документами, говорящими о том, что эмир за выполнение государственной службы освобождал земли духовенства от всяких податей и повинностей и превращал их в мульки хурри халис. Например, в 1827 г. эмир Насрулла издал указ об освобождении земли Бокимухаммада муфтия Наманганского от всяких податей и повинностей, в указе сказано:

«Приказываю 0,5 танабов виноградника, 2,5 танабов сада и 20 танабов посевной площади защитника шариата охунды Бокимухаммада муфтии Наманганского, которые находятся в районе Суфияна, южнее от канала города Бухары, освободить от подати и повинностей. В связи с этим следует всем администраторам (сборщикам хараджа) и Абдулхайру счетоводу (дафтардору) по данному вопросу впредь не обращаться к указанному землевладельцу» [3].

Институт танхо возник и развился также и в Восточной Бухаре. Эта часть Средней Азии являлась высокогорной местностью. Труднопроходимые пути сообщения и географические условия ее способствовали тому, что здесь на протяжении нескольких столетий до середины 70-х годов XIX в. господствовала феодальная раздробленность, в каждой долине существовали самостоя-

[1] Документы к истории..., стр. 185—187.
[2] См.: П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков..., стр. 76.
[3] Бухарский облмузей, док. № 9753/12.

тельные и полусамостоятельные феодальные владения. Правители каждой из этих земель считали себя «владыками земли, наций, веры и носителями прекрасной жизни своего народа»[1]. И этот «владыка» в условиях натурального хозяйства, где денежное обращение было весьма мало развито, свой аппарат чиновников держал в подчинении, главным образом, за счет земельных пожалований или же освобождения их земли от всяких податей и повинностей. Это видно из содержания документа, который исходил от правителя Шугнана Махмуда шаха в 1100 (1689) г. Там говорится, что правитель пожаловал некому Ляшкарбеку государственную землю в размере трех амбана[2]. Тот же самый порядок в Шугнане наблюдался в последующий период истории до присоединения Средней Азии к России. Это видно из содержания следующего документа:

«1743/44 гг. мы по собственному желанию оказали милость и из собственной нашей земли выделили и раз навсегда пожаловали Гулям Хамдину, сыну Хазарабека, следующее: землю, засеваемую шестью ковшами зерна вместе с одним садом, расположенным выше арыка, и другую часть земли, засеваемую двумя ковшами зерна, которая находится ниже арыка. Мы узаконили, что согласно нашему постановлению указанные земли освобождаются от всяких податей и повинностей, раз и навсегда переходят в распоряжение указанного лица и отныне никто не имеет права мешать Гулям Хамдину в чем-нибудь[3]...»

Это еще яснее выражено в указе Дарвазского шаха Мухаммада Сираджхана об освобождении земли Хола и его брата Бобия от налогов и податей и превращение ее в категорию мульки хурри халис, хотя она такого титула и не стала носить. Для полного представления мы решили здесь дать полный текст данного источника, в котором сказано:

«Он жизни приносит счастье!
Владыка земли, нации, веры, несущей прекрасную жизнь, саидшах Мухаммад Сираджхан приказывает:

Да будут оповещены братья высшей сферы небосвода и сыны (солнца) наивысшего величия, могущественные и мудрые вазиры, как столпы веры и государства, все соотечественники, двенадцать тысяч жителей Дарваза, которым желаю счастья в жизни, а в особенности людям кишлака Сафедсанга, что за особые заслуги, ищущим одобрения ясного чела и вероустановления Холу вместе с его братом муллой Боби, оказывая великую милость и снисхождение, мы жалуем ему следующее: освобождаем землю, дома их отцов от всех хакимских повинностей и

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 6.
[2] *Амбан* — мера веса, равная 100 кг. См.: Б. И. Искандарова, Восточная Бухара..., ч. 1, стр. 92.
[3] Документ Б. И. Искандарова, опубликован в журн. «История СССР», № 4, 1959 г., стр. 129.

обложений, как например, ушр, амал, поставки транспортных животных и прочее. Все это написали навечно.

Таким образом, отныне это пожалование носит законную силу и все люди, а также должностные лица не должны мешать вышеназванным Холу и Боби в чем-нибудь.

Что касается нас, то наше поколение к детям и правнукам вышеупомянутых лиц никакого касательства не имеет, а если кто-нибудь будет проявлять требования к ним и их правнукам, их требования раз и навсегда считать лишенными законной силы. Они, т. е. дети и правнуки Хола и муллы Боби, находятся под защитой высочайшей божей помощи (1870) 71 г.»

Приложены печати: 1. Мухаммад Сираджхан ибн султан Махмуд,

2. мир мирза Абдулла и др.»[1]. Рис. 10.

Такие же факты наблюдались и в других бекствах Восточной Бухары, так как по условиям социально-экономической жизни, а также политическому устройству, религии и обычаям Куляб, Вахан, Рушан и Гиссар находились на уровне развития Шугнана, Дарваза и Каратегина и совершенно ничем не отличались друг от друга.

Во второй половине XIX в. изменилось политическое положение Бухарского ханства. По Шаарскому мирному договору (23 июня 1868 г.) эмир Музаффар был вынужден признать себя царским вассалом. Туркестанский генерал-губернатор поставил своей задачей полностью подчинить России все мелкие феодальные самостоятельные и полусамостоятельные владения, особенно те горные области, которые граничили с Афганистаном, чтобы обеспечить прочность границ новых среднеазиатских приобретений. Однако горные районы Таджикистана царизм присоединил не к Туркестанскому генерал-губернаторству, а, по политическим соображениям, к Бухарскому ханству.

Во исполнение воли царизма и с его помощью бухарский эмир разгромил сначала сопротивление местных феодалов в центральных районах, подчинил их себе, а затем организовал так называемый «восточный поход». Но этот поход дорого обошелся завоевателю: почти повсеместно эмир встречал сопротивление местного населения, особенно долго противились воле завоевателя Каратегин и Дарваз.

Бухарское правительство сломало сопротивление народных масс, но в горных местностях волнения могли повториться. Поэтому бухарский эмир держал курс на истребление родовых связей бывших местных шахов, претендовавших на восстановление потерянной власти. В этой борьбе он опирался на местных влиятельных светских и духовных феодалов, которые охотно пошли на службу к Бухаре, за что получили звания, чины и танхо.

---

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 6.

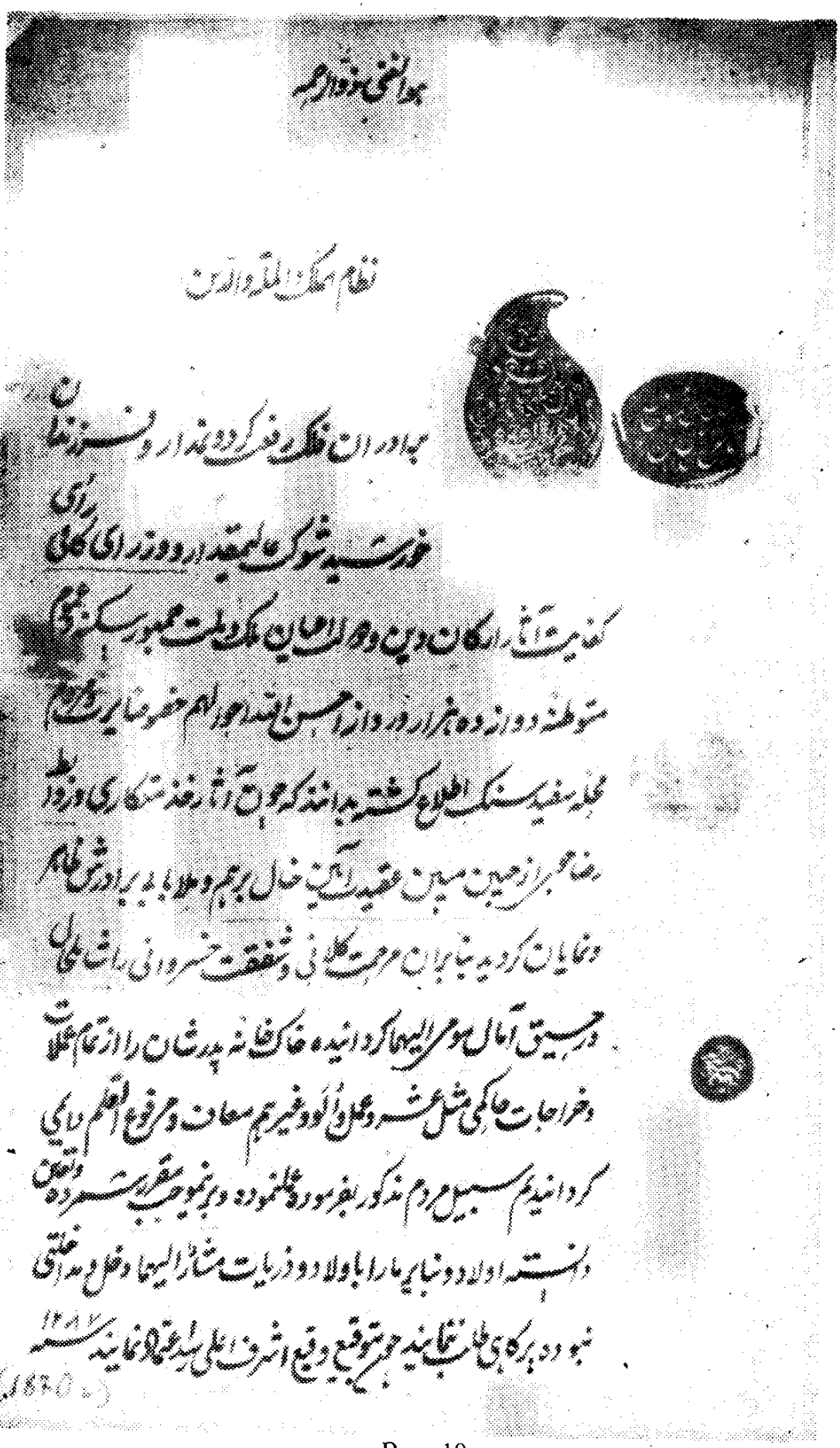


Рис. 10.

Когда повсеместно прекратилась борьба потомков бывших шахов за восстановление своей власти, положение изменилось. Власть эмира и его наместников в областях упрочилась, теперь феодалы или родоплеменная знать для бухарского правительства не представляли опасности, поскольку за его спиной стоял царизм.

Все эти обстоятельства привели к тому, что даже в самой отдаленной и глухой местности правители (мир, бек) считали теперь себя «ничтожными рабами» и при написании докладов и донесений о своих делах они восхваляли эмира и его трон.

Примером обращения местных правителей к эмиру может послужить донесение дарвазского бека — Мухаммада Назарбека, в котором он докладывает центральному правительству об урегулировании пограничных вопросов и установлении добрососедских отношений между бухарским и афганским государствами на дарвазском участке. Донесение начинается с восхваления эмира и унижением самого себя (бека):

«О господин, ласкающий раба, да буду я тысячу раз жертвой за голову моего повелителя». Затем, излагая суть дела, на случай, если решение бека не будет одобрено эмиром, первый ко второму в заключении обращался со словами:

«Я по своему скудному рабскому уму доложил, теперь же во всем — воля вашего величества, моего владыки, и вы лучше знаете, как поступить по данному вопросу. Я только молельщик и раб, мой недостаток — виноват, виноват, виноват...» [1]

Отсюда ясно, что взаимоотношения между эмиром и его бюрократическим аппаратом чиновников изменились, последние становятся везде и всюду исполнителями воли первого. Поэтому повелитель считал нужным поднять авторитет своих сановников и духовенства. Он из числа своих родственников, мангитских аристократов, таджикских и иранских феодалов, которые находились на его службе, в каждое бекство назначал по одному хакиму и несколько казиев. Все остальные чиновники зависели от этих лиц.

Что касается присвоения звания им, то эмир, сохраняя за собой право присвоения любого звания любому человеку, в основном присваивал звания выше «бия» и «судура», а остальные (ниже этих) оставлял в ведении областных правителей (бека). Они сами, без разрешения эмира, феодалам и чиновникам раздавали землю в собственность и освобождали их хозяйство от всяких податей и повинностей, превращали в категорию мульки хурри халис. Приводим некоторые факты. В источнике по Дарвазскому бекству прямо говорится о передаче государственной земли чиновникам:

---

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 8.

«Да будет известно всем амлякдарам, аксакалам и другим лицам администраторов Ванджа,[1] что во славу даренного богом государства его величеству (эмиру) передали во владение вручителю данного распоряжения Азизу караулбеги государственную землю под именем Одина[2], которая находится у кишлака Рохарва, за что указанный караулбеги славил его величество.

Данное распоряжение вы должны впредь считать законом, соответствующим шариату, и эту землю признать собственностью Азизбека караулбеги; в дальнейшем никто ни в чем не должен мешать ему заниматься посевом, получать урожай и вместе с причитающимся ушром[3] с данного участка земли тратить на свои нужды, за что он молится богу за здоровье его величества (бухарского эмира)». На обороте источника приложена печать бека — Туробкулбека, 1335 хиджары (1916) г.[4]

Здесь, конечно, речь идет не о продаже государственных земель, а о пожаловании, потому что: во-первых, Азизбек — чиновник местного аппарата управления, во-вторых, данный участок земли целиком и полностью был освобожден от всяких податей и повинностей и превращен в категорию мульки хурри халис. Если бек продал бы ее, то она не освобождалась бы от хараджевых обложений. Для такого рода передачи земли существовал другой стиль составления документов.

Большое количество земли получало в танхо также духовенство, которое даже не находилось на государственной службе. Например, в Каратегинском бекстве некий ишан мулла Касым, не имея никакой должности, от правителя Мухаммадшо парвоначи в начале 70-х годов XIX в. получил большое количество земли. В одном из документов написано, что на равнине кишлака Верхнего Нушора указанный правитель передал ему 4 мана государственной земли на правах полной собственности, на которой мулла построил дом и засадил огород, завел там новую семью, и все его имущество затем перешло в наследство сыну — Давляту[5].

В том же бекстве в 1918 г. бек Абдулхафиз освободил земли феодальной аристократии от всяких податей и повинностей и превратил ее в категорию мульки хурри халис по документам, со-

---

[1] Ванджа — амлякдарство в составе бывшего Дарвазского бекства, ныне Ванджского района Горно-Бадахшанской автономной области.

[2] *Одина* — пятница, духовенство его считало днем очищения от грехов, так как он является днем рождения пророка Мухаммада, Замини Одина в переносном смысле слова означает чистую землю, не имевшую владельца.

[3] *Ушр* — земельная рента ($^1/_{10}$ часть урожая, которую земледелец должен платить государству). Теперь эта часть идет в пользу танходора — Азиза караулбеги. Таким образом, переданные в танхо земли освобождались от налогов и податей.

[4] *Н. Латыпов,* указ. дис., стр. 159.

[5] Наши материалы, д. 2, док. № 11.

держание которых напоминает вышеуказанный указ дарвазского шаха. Вот что в нем сказано:

«Да будет известно, что от имени государства его величества (бухарского эмира), мы как его представители, Мухаммада Икрама и Абдулхада детей благородного покойного муллы Насратуллы (из кишлака Лангар Пумбачинского амлякдарства) включили в число торхунов, их хозяйства превратили в категорию мульки хурри халис, за что от них получили молитву за здоровье эмира.

Поэтому предлагаю всем чиновникам Пумбачинского амлякдарства, чтобы они указанных молельщиков считали вполне свободными от всяких государственных поборов и ни в чем к ним не касались, дать полную возможность, чтобы они доходы от своих хозяйств тратили на свое благосостояние и молились его величеству» месяца джамади сани, 1337 (1918) г. на обороте оттиск печати Абдулхафизбека бия парвоначи». Таким образом, все эти факты говорят о том, что в Восточной Бухаре раздача государственной земли чиновникам и влиятельным феодалам в качестве танхо или освобождение их хозяйства от всяких податей и повинностей превращала землю в категорию мульки хурри халис, являлась единым процессом, который происходил по всей Восточной Бухаре в период господства мангитских эмиров. Рис. 11.

Частная собственность на землю сохранилась и за крестьянами, которые выделялись из общины, но она по отношению к количеству земли других собственников составляла совершенно незначительную величину. Сохранилась и общинная форма землевладения. Часть крестьян в результате упорной борьбы сумела отстоять самостоятельность своего хозяйства и часть общинных земель.

ВАКУФНАЯ ФОРМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Как уже мы говорили, государство эмирата являлось не только политическим оружием в руках феодалов, но и защитником выработанной ими идеологии. При этом надо исходить из того, что «...Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями...» [1]. Следовательно, ясно, что они нуждались в идеологической системе, через которую внедряли в общество свои взгляды и мнения, выгодные для них. Такой идеологической системой являлась исламская религия, которая в свою очередь оказала сильное влияние на политику господствующего класса.

Ислам, как и всякая другая религия, является формой общественного сознания, которая отражала окружающую действи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, изд. 2, стр. 45.

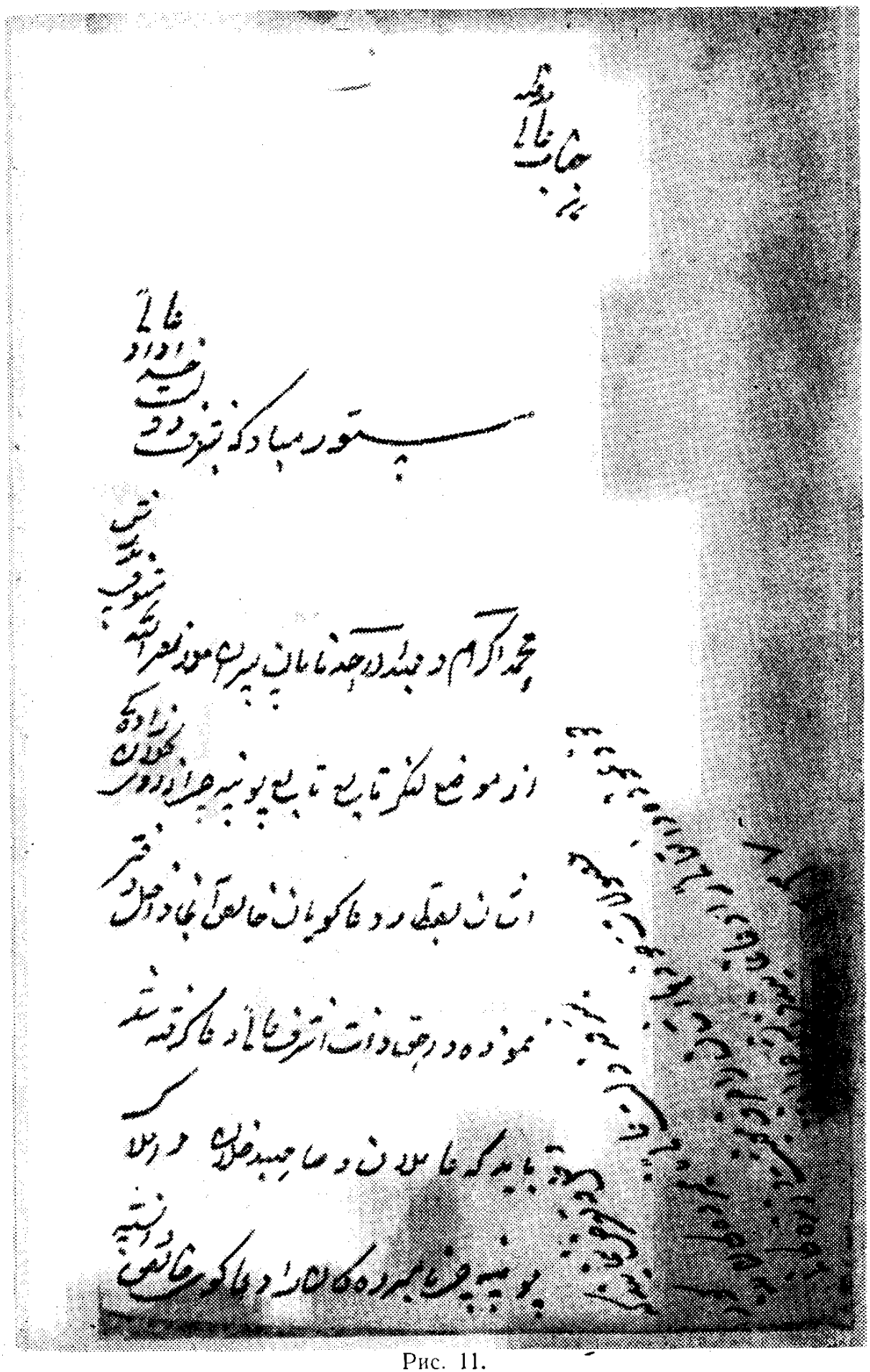


Рис. 11.

тельность в сознании людей. Однако это отражение носило превратный и фантастический характер. Реальные условия жизни людей, явления природы и общества получают в религии извращенное и ложное толкование. Ислам призывал к пассивному упованию на сверхъестественное чудо, отвлекал верующих от практических задач переустройства общества, от борьбы за удовлетворение насущных потребностей людей. Его проповедники утверждали, что творцом всего является бог, и он существует вечно и неизменно, а все остальное является результатом его деятельности. Что касается людей, их норм поведения, взглядов и морали, а также быта и права, то все это заранее предопределено богом и под его диктовку в шариате записано пророком. То, что у человека плохое и хорошее, то, что наблюдается в природе и обществе — все это заранее определялось богом. По мнению проповедников ислама, все зависит от судьбы (хар чи ба такдир вобаста аст). Таким образом, они закабаляли не только деяние, но даже и воображение верующего мусульманина.

Следовательно, в исламе, больше чем в других религиях, отразились элементы гражданско-политических отношений, которые стали регулировать все стороны жизни мусульман.

Это объясняется тем, что он является самой молодой из всех религий и его учение более усовершенствовано и разработано. Поэтому именно ислам имел многочисленную армию духовенства, которая сумела подчинить своему влиянию все стороны жизни людей. Тем самым ислам являлся мощным орудием в руках эмира и феодалов. Духовенство на протяжении 12 веков проповедовало догмы ислама, ссылаясь на Коран и шариат, звало народ быть преданным аллаху, пророку и тени бога на земле — эмиру.

Для того, чтобы быть истинным мусульманином и надеяться на прощение своих грехов, утверждали проповедники, каждый правоверный по предписанию шариата должен платить налог с благотворительными целями (зякот), соблюдать пост (ураза), совершать пять раз в день молитву и т. д. Все это считалось фарзом, т. е. обязательным к исполнению, тем самым господствующий класс через религию и духовенство навязывал угнетенным классам нормы и принципы своей морали, объявляя их общечеловеческими.

Успехи исламского духовенства среди народных масс в Бухарском ханстве обуславливались тремя факторами.

Во-первых, «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [1]

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, 4-е изд., стр. 65.

Во-вторых, с момента победы ислама над древней религией в течение многих веков в Средней Азии не было религиозной борьбы, если не считать трения между сунитами и шиитами, которые в конечном счете привели не к религиозному гонению, а к союзу. Поэтому духовенство всех толков защищало и философски «обосновывало» классовое неравенство, укрепляло позиции господствующих классов, идеологически воздействовало на трудящихся.

В-третьих, государство всячески поддерживало и поощряло духовенство, объединяло силы шейхов, ишанов, казиев, муфтиев, раисов, мударрисов, имамов, знахарей, саидов, хаджаев и т. п. и направлял их на укрепление власти феодалов во главе с эмиром. Независимо от их принадлежности к той или иной секте духовенство фанатично выполняло эту задачу.

Бухарский эмир в свою очередь проявлял неустанную заботу о подъеме авторитета духовенства и духовных учреждений. Он хотел превратить Бухару в центр ислама не только в Средней Азии, но и в мусульманском мире, всячески мешал тем государствам, которые претендовали на роль гегемона в этом отношении.

Наглядным доказательством этого является то, что в результате междоусобных войн в конце XVIII — начале XIX вв. выдвинулся Коканд как самостоятельное государство, и его ханы стали собирать духовенство в своем дворе и соперничать с Бухарой, что вызвало сильное сопротивление второго, и между ними продолжались кровопролитные войны почти на протяжении 50 лет.

В таких исторических условиях еще больше усиливалась реакционная роль духовенства, особенно после па́дения Коканда. Во второй половине XIX в. центром мракобесия Средней Азии стала Бухара, где со всей силой начал господствовать фанатизм ислама в общественно-государственной жизни страны. Виднейшее духовенство пробралось к политической власти и стало верным слугой эмира.

Образовавшееся сословие духовенства сгруппировалось вокруг мазаров, мечетей, медресе и других духовных учреждений, которые являлись их формой социальной организации, а таковых на территории ханства было очень много, особенно мазаров и мечетей.

Каждое из вышеуказанных учреждений имело своего шейха (хранителя), мутавалия (если оно имело вакф), которые назначались эмиром, и со всеми членами семьи служили ему и содержали большое количество колдунов, знахарей, максураханов, секретарей, имамов и другой обслуживающий персонал, который сочинял различные фантастические небылицы про своего святого, тем самым искусственно поднимал его авторитет и

расчищал путь поборам и добровольным пожертвованиям верующих.

Сведений о количестве работников культа при эмиратстве не имелось, так как не существовало статистики в то время. В конце 1920 г. органы государственной власти БНСР взяли на учет всех служителей при этих учреждениях в самом городе Бухаре и установили, что там работали 700 максураханов, 400 мутавалиев, 333 муаззинов, 220 имамов, 19 хатибов и 15 маснавиханов (чтецов религиозных книг) [1].

Кроме мазаров большую роль играли мечети. На территории ханства их было очень много. В каждом кишлаке имелись таковые. В городах Самарканде и Бухаре они были рассчитаны на 400—500 человек, а в провинциальных городах — на 250—300 человек.

Согласно нашим сведениям, которые относятся к первым годам Советской власти, в Бухаре при эмирате имелись 360 мечетей, в которых работали около 300 суфиев, 120 муаззинов [2]. Имамы, суфи и муаззины были во всех мечетях провинциальных городов и крупных кишлаках.

Главная задача мечетей эмиратства заключалась в том, чтобы постоянно действовать на народ, проповедовать идеи ислама, держать население в вечном порабощении кучкой феодалов во главе с эмиром.

В этом деле самым мощным средством являлись намазы (молитвы), которых было очень много. Они не только отнимали время, но и не давали возможности для развития духовной жизни мусульманина. Начиная с 12-летнего возраста и до глубокой старости каждый мусульманин в сутки прочитывал 32 ракаата намаза, сущность которых они сами не понимали. Муллы, имамы, как представители шариата, возглавляли чтение намаза и сами громко читали две суры из Корана на арабском языке, по окончании чего строго по правилам садились на землю и поднимались во весь рост, то же самое повторяли все присутствующие, молящиеся в мечети, что символически означало: верующий готов отдать жизнь по воле Аллаха, пойти на самопожертвование и быть покорным рабом его тени на земле — султану, хану или эмиру.

Мечети являлись не только местом для общения мусульман и распространения покорности власти эмира, но и школой чтения Корана, повсеместной общественной гостиницей (за исключением некоторых мечетей городов Бухары и Самарканда).

Поэтому государство всячески поддерживало и расширяло их авторитет и влияние, защищало богатство мечетей от любого посягательства, подбирало и назначало на должность имамов и

---

[1] ЦГАОР Узбекской ССР, ф. 57, оп. 1, д. 90, л. 137.
[2] ЦГАОР Узбекской ССР, ф. 57, оп. 1, л. 137.

максураханов лиц из числа наиболее реакционного духовенства, с благодарностью относилось к тем, которые отдавали свое имущество в вакф, т. е. в пользу духовного учреждения.

Духовные школы, в которых изучали закон божий, играли важную роль в деле порабощения масс. Эти школы были организованы при каждой мечети в кишлаках, аулах и кварталах городов и очень редко — в доме учителя. Принцип обучения в этой школе был построен в интересах класса феодалов.

В эмирате отсутствовала система народного образования. В этой области царила полнейшая неразбериха, государство в отношении школ никакой ответственности на себя не брало, в его административном аппарате не существовало органов народного образования. Все школы были частными и не имели единого учебного плана и программ. Все расходы, начиная от приобретения учебных пособий и кончая платой учителям, производились за счет учащихся.

По форме школы делились на два типа: мактабы и медресе, первые существовали в каждом кишлаке при мечетях или в специально отведенном месте, где обучались дети данной местности в обязательном порядке, вторые,— в центрах многих амлякдарств, бекств и в самом городе Бухаре.

Первые два года обучения в школе все дети должны были обучаться афтияку (азбуке), в которой были изложены основные (выборочные) суры из Корана. Кроме того, в программу обучения входили правила чтения намаза, держания уразы, они были изложены в книге «фарз и айн» (обязательное и действительное).

Однако, за исключением детей богатых, ни один из учащихся не имел этих учебников. Поэтому ежедневно один человек громко читал одну суру Корана из «афтияка», а другие слушали внимательно и старались запомнить ее наизусть. Что касается тех, которые имели учебники, они просто следили за чтением и выучивали уроки по учебнику. Следовательно, задача мактабов заключалась в том, чтобы научить детей тому, что было нужно господствующему классу. Как только дети ознакамливались с основными элементами исламской религии, они заканчивали школу и выпускались.

После окончания начальной школы дети состоятельных людей, которые умели читать, отправлялись учиться в медресе в центр амлякдарства или бекства, где в течение 7 лет изучали книги «Чоркитаб», «Хаджа-Хафиз», «Мирза Бедила» и др., а затем уезжали учиться в высшее медресе города Бухары.

Учителя кишлачных мактабов и медресе провинциальных городов и амлякдарств назначались местными правителями и контролировались через раисов соответствующих участков. Что касается преподавателей медресе Бухары, Самарканда и других

городов, а также имамов мечетей, то они назначались самим эмиром.

По уточненным данным, только в одном городе Бухаре в разные времена разными лицами было построено более 110 медресе, каждая из которых носила имя того, кто ее строил, и они имели своего мударриса, муфтия, имама, муттавалия и другой обслуживающий персонал, который назначался эмиром и жил за счет доходов, главным образом, вакфа. При подборе кандидатур, в первую очередь, взор повелителя падал на саидов и хаджей. Бывало так, что одно и то же лицо являлось и чиновником, и мударрисом, и имамом.

Доказательством этого является то, что на три главные медресе города Бухары: «Кукильдаш», «Гавкушон» и «Мир-Араб» существовала монополия трех главных лиц, руководителей исламской религии в Бухарском ханстве, шейхул ислама, муфти а'лям и муфти аскар [1]. Кроме того, мы располагаем несколькими оригинальными документами — указами эмира, которые свидетельствуют о том, что одно и то же лицо одновременно занимало несколько должностей.

В 1853 г. эмир Насрулла назначил муфтия города Бухары муллу Яхъя и мударрисом медресе «Хаджа Нихала», а через 14 лет Музаффархан ему же присвоил звание «файзы» и назначил мударрисом медресе «Кукильдаша» [2]. В другом указе эмира Ахада, изданном в 1894 г., говорится, что мударрис медресе «Хиябана» мулла Максуд одновременно назначается мударрисом медресе и имамом мечети муллы Абдулкахара, находившейся в квартале «Собунгароне» города Бухары, при котором имеется худжры» [3]. Наравне с этим существовали и незаменяемые должности. Например, в 1891 г. эмир Ахадхан издал указ, в котором было сказано, что мы назначили кари Салахаддина на должность хатиба мечети Атаулла, которая построена в квартале «Суфияна» города Бухары, и пусть все доходы, поступающие от чтения хатманы, станут его собственными, и никто ему в этом не должен мешать, о чем издан настоящий указ» [4].

В начале XX века при Алимхане продолжали существовать те же формы и порядки назначения, которые существовали раньше. Например, в 1915 г. был издан указ, в котором говорилось, что «мы назначили вместо умершего муллы Абдурахмана муллу Саида Нуххаджа имамом и мударрисом мечети и худжры мед-

---

[1] *Шейхул ислам* — глава мусульманства, высший суд исламской религии являлся одновременно мударрисом медресе «Кукильдаша», муфти алям — верховного прокурора ислама в Бухаре,— в медресе «Гавкушоне», муфти аскар — военный прокурор — в медресе «Мир-Арабе» (см.: Е. Федорова, «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии», изд. Средазбюро ЦК ВКП(б), Ташкент, 1925 г., стр. 26.

[2] Наши материалы, д. 2, док. № 14.

[3] Наши материалы, д. 2, док. № 15.

[4] Наши материалы, д. 2, док. № 16.

ресе «Искандерхана» и на него возлагаем обязанности чтения лекций студентам и имамам мечети данного медресе». Или же в указе от 1919 г. сказано о назначении этого же Саида Нуххаджа (сохраняя за ним должность мударриса медресе Искандерхана) муфтием всего города Бухары. Оповещая об этом от мала до велика, всех знатных и простых, эмир предупреждает, чтобы они его уважали и обращались к нему за справками.

В свою очередь, муфтию следует не задерживать тех, которые обращаются к нему с просьбами и правильно составлять юридические справки [1].

По таким же принципам и подобного содержания указам назначались все шейхи мазара, имамы и максураханы мечетей и мударрисы медресе городов Бухарского ханства эмиром, а на местах — беком.

Духовенство служило во имя укрепления власти эмира, и за службу оно должно было получать от государства содержание, а учащиеся высших духовных школ — стипендию, на что пошла бы огромная сумма денег, которая отсутствовала в казне. Поэтому правительство осуществляло такой способ обеспечения этой армии служителей, чтобы затрата средств падала не на казну, а на народ. Этот способ заключался в передаче государственного или частного имущества и земли в вакф.

О значении вакфа в шариате сказано, что он означает изъятие имущества из частной собственности и возведение его на уровень имущества, принадлежавшего господу богу [2]. Следовательно, с момента объявления о передаче имущества в вакф на него теряет право прежний собственник и вступают в силу новые собственники — представители «господа бога» — духовные учреждения.

Порядок передачи имущества в вакф был как письменный, так и устный, причем оба варианта считались законными, но во избежание всяких последствий кази в присутствии жертвователя и свидетелей составлял юридический документ «вакуфнаму», и он оставался у мутавалия учреждения, в пользу которого дан вакф.

Главные задачи духовенства в экономической области заключались в том, чтобы увеличить богатство духовных учреждений за счет вакфа. Согласно учению исламоведов, были составлены списки предметов, подлежащих передаче в вакф, в число которых прежде всего входило недвижимое имущество и предметы, необходимые для ведения хозяйства. К первому относились — земля, вода, караван-сараи, мельницы, толчеи (обджувоз), ларьки и пассажные ряды на базарах, бани, мастерские, здания и т. п., ко вторым — книги, топоры, кетмени, лопаты, пилы, котлы,

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 17.
[2] Хидая, т. 11, стр. 137.

блюда, покрывала, ковры и т. п.; что касается предметов питания, денег, скота и др., которые не имели непрерывного и постоянного характера, передаче в вакф они не подлежали [1]. Однако это не соблюдалось. Мы располагаем документами, которые свидетельствуют о том, что как в Бухаре, так и в Хиве в вакф брали и деньги, о чем будем говорить ниже.

Вакф существовал в двух формах: мутлак ва е омм и вакфи авлади ва е вакфи хос, содержание которых определялось документами, составляемыми во время пожертвования.

Вакф мутлак. Большинство из богатых лиц стремились оставить о себе память, для чего некоторые из них строили медресе и мечети, а для их содержания покупали землю, караван-сараи и другие источники доходов и отдавали их в вакф; другие — просто из своего владения жертвовали имущество в пользу того или иного духовного учреждения. Поэтому на территории Бухарского ханства каждый мазар, мечети и медресе имели подобный вакф, носили имя своего строителя и пожертвователя.

Процесс отдачи имущества в вакф происходил так: богатое лицо, которое намерено было увековечить о себе память, приходило к казию и в присутствии свидетелей заявляло о своем намерении добровольно, без какого-нибудь принуждения со стороны отдать свое собственное имущество, землю и воду в вакф такого-то духовного учреждения и устанавливало условия, которые никто не имел права обходить. После этого кази принимает условия вакфодателя и составляет документ «вакфнома» и к нему прикладывает свою печать (мухр).

Например, крупнейший бухарский шейх «мавлоно охунд» хаджа Мухаммад, желая увековечить о себе память, купил два участка земли в тумане Хутфари в 1667 г. и пожертвовал в пользу всех туркестанских студентов, которые учились в медресе города Бухары, на следующих условиях:

во-первых, мутавалием данного вакфа назначаю муллу Алауддина валади Дехкана;

во-вторых, после смерти Алауддина право назначения мутавалия моего вакфа переходит в распоряжение казия ислама, и он может на эту должность назначить любого человека из числа студентов, в пользу которых пожертвована данная земля;

в-третьих, мутавалию положено получать 0,5 части ушра от общего количества дохода данных земель, а затем оставшуюся часть дохода данного вакфа разделить на указанных студентов и раздавать по принципу: отличнику — 1,5 доли, а среднеуспевающему — 1 долю [2].

---

[1] Хидая, т. 11, стр. 147; Мухтасар-аль-Викая, стр. 354; М. И. Ростиславов, Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестане. В кн. «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876 г., т. 1, стр. 342.

[2] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 323, док. № 741.

В начале XIX в. другое духовное лицо, некий «охунд» мулла Джуракул из города Бухары решил оставить по себе «славу» у населения квартала, где он жил. С этой целью он купил один деревянный ларек около старой стены города за 10 ашрафи и пожертвовал его в пользу мечети названного квартала, составив вакфному следующего содержания:

«По воле и согласию его величества (бухарского эмира) я купил ларек и дорбовольно, без всякого принуждения со стороны кого-либо, пожертвовал его в пользу мечети своего квартала на следующих условиях: мутавалием назначаю имама данной мечети, которого назначает правительство, и этот мой мутавалий должен собирать все доходы ларька и делить их на четыре части, две из них брать себе, одну давать сторожу и последнюю часть тратить на ремонт, содержание, снабжение топливом и освещение мечети»[1].

Такую «славу» о себе оставляли и светские феодалы. Они обладали не только землей, но и являлись владельцами других источников доходов. Например, крупным сановником эмира в начале XIX в. являлся Мухаммад Дурбин диванбеги. Он на внутреннем базаре города Бухары владел большим капоном (пассаж) по продаже зернобобовых культур (нахутфуруши), с которого ежегодно получал немало доходов. Это хозяйство он жертвует в пользу мазара «Файзул Асрора» по такому документу:

«В присутствии всех, известный нам защитник и опора государственного порядка — Мухаммад Дурбин диванбеги по собственному желанию, без принуждения со стороны кого-либо, согласно с законом шариата изъявил желание сказать следующее:

«Я из собственных принадлежавших мне амляка выделяю в знак преданности аллаху и передаю всего-навсего один капон по продаже нахута со всем его оборудованием, который находится в регистане города Бухары, в пользу мазара «Файзул Асрара».

После описания границ капона указываются условия, на которых он пожертвовал вакф: «тот, кто по велению его величества удостоен быть мутавалием данного мазара, является распорядителем дохода капона и обязан: из общей суммы вырученного дохода вакфа в первую очередь произвести ремонт данного мазара и могил моих родственников, которые похоронены позади этого мазара, получать за услуги $^1/_{10}$ оставшейся суммы, за счет остальной суммы содержать 5 кариев (чтецы Корана), которые обязаны каждый день красивым звонким голосом читать Коран так, чтобы в шесть дней заканчивать его чтение, а по пят-

[1] Душанбинский госмузей книги, оп. 1, док. 1.

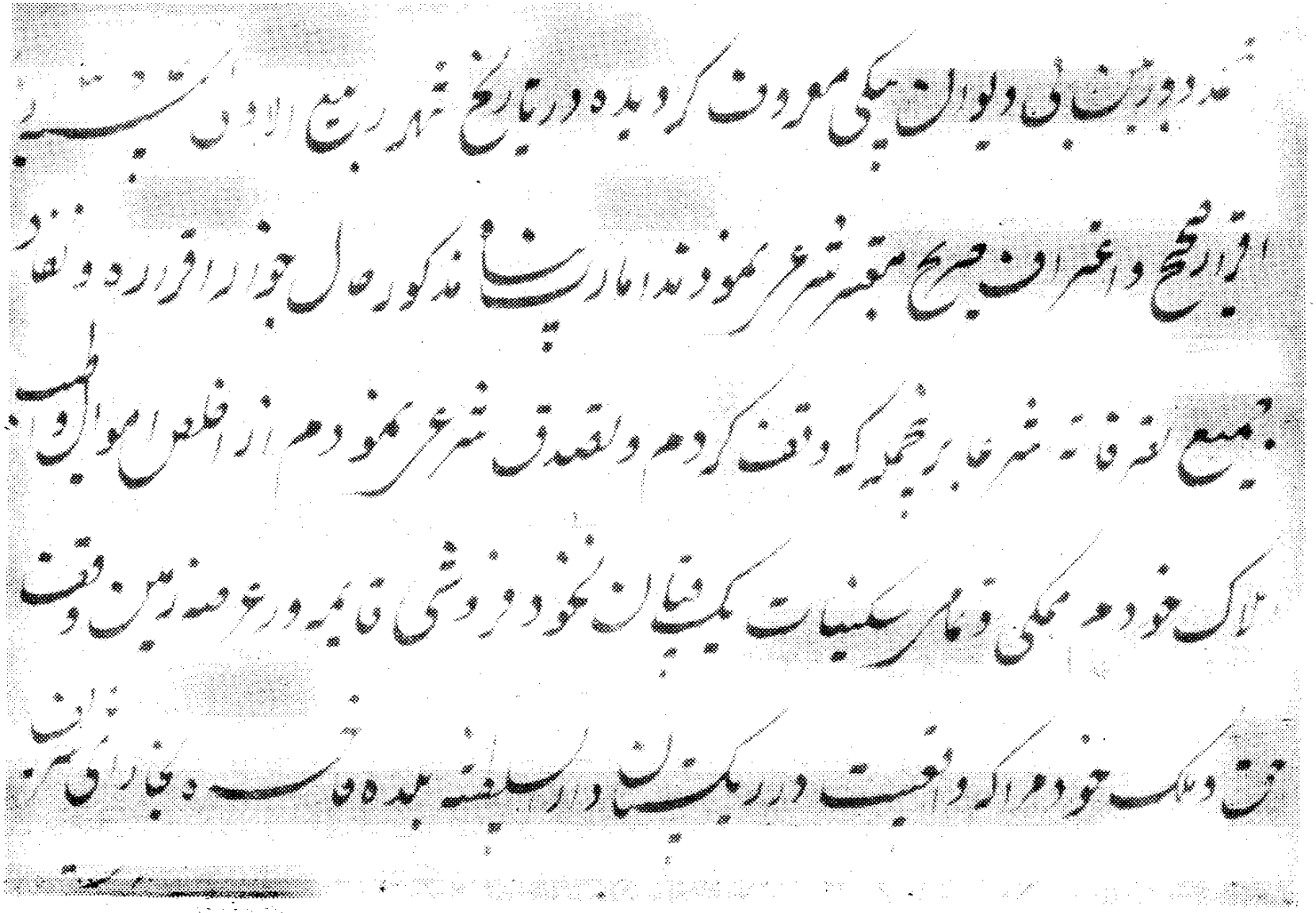


Рис. № 12.

ницам один из пяти кариев после намаза (молитвы) должен ходить на кладбище моего рода и за них молиться богу»[1]. Рис. 12.

«В 1324 (1906) г. пришел к казию сарыджуйскому благородной Бухары собственник земли и имущества редкобородый и среднего роста Хамракул бай, сын Абдулхалила джебачи, и сделал законное заявление о том, что он, по собственному желанию, в соответствии с требованием шариата заявляет, что из собственного имущества и чистого своего амляка выделяет в вакф в пользу сариасиенской мечети всего-навсего один ларек, который принадлежит ему и находится в упомянутом Сарыджуе (описываются границы ларька с четырех сторон), на следующих условиях:

1. Мутавалием данного вакфа назначить мударриса медресе, в котором учатся и молятся студенты, проживающие в кельях указанной мечети;

2. Мутавалий обязан данный ларек сдать в аренду и с него получать доходы, из которых в первую очередь за службу ему принадлежит получить $^1/_{10}$ часть;

3. Оставшиеся доходы он должен тратить на содержание чистоты, освещение и отопление мечети и пяти келий, находившихся в ней»[2].

В такой же форме и по такому же содержанию пожертвование имущества в пользу духовных учреждений со стороны отдельных лиц продолжалось на протяжении всей истории Бухарского ханства и начала XX в. Пожертвование приносили не только частные лица, но и государство.

Например, в Арке находился самый оборудованный мазар «десяти райских друзей» (дах ёри бихишти) и мечеть, которые имели вакф за счет казенного хозяйства. Государство раздавало вакф мечетям, медресе и мазарам вне города Бухары. Документ на такое пожертвование подписывал сам эмир и кази калян. Образцом такой формы пожертвования является указ эмира Музаффара, который написан в 1289 (1872) г. об отдаче одного каравансарая в пользу Каратагского медресе. В нем сказано:

«В месяце джамодисони 1289 (1872) г. его величество законно утвердило в вакфе один деревянный казенный сарай и 29 келий в нем в пользу Каратагского медресе, Гиссарского вилоята (границы описываются с четырех сторон) на следующих условиях:

во-первых, мутавалием данного вакфа может быть один из наиболее передовых преподавателей этого медресе, который хорошо преподает;

во-вторых, из общего дохода вакфа мутавалий обязан в пер-

---

[1] Душанбинский госмузей, инв. кн. рукописей 1, док. № 20.

[2] Наши материалы, д. 2, док. № 18.

вую очередь ремонтировать все здания, входившие в его учреждения;

в-третьих, всю оставшуюся часть дохода разделить на 20 частей, из которых две он должен взять сам как мутавалий, а две—как мударрис, три части (по полутора) должен отдать имаму и хатибу мечети данной медресе, кто бы они ни были, десять частей раздать тем студентам, которые живут в этих кельях, одну дать азончикам [1], одну — швейцарам и одну — парикмахерам» [2].

Сколько бы мы не продолжали перечисления документов об отдаче имущества в вакф, их форма и содержание были одинаковы, как приведены выше, и за счет чего собиралось большое количество земли и других богатств духовными учреждениями.

К сожалению, в ханстве никакого (в том числе и по вакфам) учета не велось. Поэтому количество земли, прнадлежавшей духовным учреждениям на правах вакфа из общего количества земли по всей стране неизвестно. Однако отдельные сведения по той или иной области могут довольно ясно раскрыть картину.

Впервые начали вести учет вакфа русские в период после присоединения Средней Азии к России. В частности русская администрация в Самаркандской области уточнила, что здесь в 70-х годах XIX в. насчитывалось 142 учреждения, которые владели вакфом, и в их распоряжении находилось 59991 танаб земли, дававшей доход в 34621 р. 40 коп. в год; 210 лавок на базарах с доходами более 7 млн. танег; 4 толчеи, 7 караван-сараев, дававших доход в десятки тысяч рублей. В Катта-Кургане в распоряжении духовных учреждений находилось 14683 танаба земли, которые давали духовенству чистой прибыли около 70 тысяч танег [3].

Подобными вакфами обладали все крупные духовные учреждения в долинах бухарского оазиса, Восточной Бухары и Ферганы.

Как письменные, так и этнографические источники свидетельствуют, что духовные учреждения города Бухары обладали вакфом не только внутри города, но и за его пределами. Например, все земли от ворот «Хазрати Имама до ворот Углана», от «Углана» до «Талипача» принадлежали мазару «Аюбу»; от последнего до «Тиргарана» — мазару «Исмаила Самани» [4]. Кроме того, в одном из документов сказано, что в Каракульском тумане из 155160 танабов, пригодных к обработке земель, 15570 танабов принадлежали к вакфу, которые получали воду для полива со следующих арыков: «Шеркишлака» — 100, «Чавдара» — 300.

---

[1] Человек, взывающий к молитве.

[2] Публичная библиотека им. Фирдоуси, фонд рукописей, документ № 84.

[3] См.: В. Вяткин. О вакфах Самаркандской области, В кн.: Сбор. Самаркандской области, вып. X, 1912 г., стр. 98.

[4] *Н. А. Кисляков,* Патриархально-феодальные отношения, стр. 97.

«Кушбеги» — 300, «Кундали» — 30, «Джаркандали» — 200, «Мухтасар» — 50, «Кайкли» — 300, «Ошхонаи муллы Ер» — 400, «Канала вакф Баба» — 200, «Средний арык» — 600, «Ханака» — 200, «Дугула» — 200, «Илтисая» — 1600, «Хоса» — 4300, «Таркана» — 2500, «Янги-арык Иргаша» — 100, «Арык мечети шейх Усмана» — 100 и «Арык мираба» — 150 танабов [1] и т. д.

На территории Восточной Бухары вакфом обладало несколько мазаров, медресе, в отношении мечетей мы сведениями не располагаем. Мазар «Мавляна Якуб Чархи», который находится на юго-востоке города Душанбе, владел несколькими десятками манов земли в окрестности кишлака Рахаты [2].

Кроме названных мазаров, обладателями вакфа в Гиссарской долине являлись медресе «Старый», «Новый», «Чашмаи мохион», «Карион» в городе Гиссаре, медресе «Карион» в кишлаке Каратаг и др.

Согласно устному сообщению старожилов, все земли, расположенные в кишлаках Карамишкора, Алачабофона, Нижний Куш-Тепе, Верхний Куш-Тепе, Фалакона, Сабзикора, Халкаджара и др., являлись вакфом «Старой» медресе, а Джуйбодом, Чортепа и др.— «Новой» медресе [3]; медресе «Чашмаи Мохион» имел вакф в кишлаке Шайнак [4]. В окрестности кишлака Каратага были отведены 400 манов богарных земель для вакфа медресе «Кариона» того же кишлака. В кишлаке Чузи находилось 60 манов поливной земли, доход с которых шел в пользу медресе «Кариона» Гиссара и Каратага. Помимо этих еще указывают 500 манов вакуфных земель, расположенных в районе Файзабада [5].

Р. Тураев сообщает, что каждый год осенью происходил дележ доходов с вакуфных земель, которые обрабатывали крестьяне на условиях аренды. В первую очередь, из общей суммы выделяли доли мираба и мушрифа, затем остальная часть делилась между мутавалием и крестьянами. Формально, как говорит Тураев, весь чистый доход вакфа должен был расходоваться на ремонт и содержание мазара, медресе и мечети, а так же на оказание помощи ученикам. Но поскольку учащиеся Гиссара являлись сыновьями местных богачей и не нуждались так, как, допустим, бухарские студенты, поэтому они мало пользовались доходами вакфа. Отсюда ясно, что все доходы вакфа шли на ремонт зданий и в пользу мутавалия, мударриса, муфтия, казия и других духовных лиц, находящихся на службе в данном учреж-

---

[1] Бухарский областной музей, документ № 9728/12.

[2] *Н. А. Кисляков,* указ. соч., стр. 79.

[3] *М. Хамраев,* Очерки истории..., стр. 52.

[4] Рустам Тураев, 1893 года рождения, из кишлака Чузи, в 1916—1920 гг. учился в «Новом» медресе Гиссара.

[5] *М. Хамраев,* указ. соч., стр. 53.

дении. Все они зависели от первого, который являлся бесконтрольным правителем вакфа.

Вакуфные земли также находились в разных местах Каратегина в количестве 1500 манов, в районах Кулябском, Бальджуанском, Кабадианском, Денауском, Байсунском и других бекствах Восточной Бухары. Но в целом надо сказать, что здесь их было значительно меньше, чем в Западной части Бухары. Это объясняется тем, что:

во-первых, долгое время, до 80-х годов XIX в., существовали междоусобные войны, которые не давали возможности концентрировать земли в руках духовных феодалов;

во-вторых, горные условия, низкая техника не создавали предпосылок для расширения земледелия, а следовательно — пожертвований земли в пользу мазара, мечети и медресе;

в-третьих, постоянно Бухарское ханство держало курс на возвышение религиозных учреждений города Бухары и мало обращало внимания на те, которые существовали на окраине.

В связи с этим здесь такие крупные медресе, мечети или влиятельные мазары, которые имелись в Западной Бухаре, особенно в самом городе, отсутствовали.

Большое количество вакуфных земель находилось во владении духовных учреждений, расположенных в районе таджикской части Ферганской долины.

Нам удалось обнаружить полный текст вакуфной грамоты мазара шейха Маслихатдина, которую составил мутавалий мирза Каландар в 1848 г.

Этот мазар на протяжении 500 лет эксплуатировал население северных районов Таджикистана и трудящихся Ферганской долины. Его служители, из рода «мирзохо» (мирзы) города Ходжента выдумывали легенду о том, что «шейх Маслихатдин» являлся близким богу и на том свете помогает людям войти в рай. Поэтому они призывают их жертвовать в пользу мазара землю и ценные вещи.

Из содержания данного документа видно, что в разное время в пользу его было пожертвовано 33 участка земли, которые насчитывали около двухсот манов [1].

Кроме земель, торговых ларьков, караван-сараев, мельниц и других объектов, которые имели постоянный характер, а также орудий труда, в вакф давались и деньги, хотя как уже сказано, это противоречило шариату. Об этом свидетельствует тот факт, что в городе Бухаре некая Робия Одинаева в 1912 г. пожертвовала 4000 танег в пользу будущей своей могилы, которая установлена позади мазара «Файзул Асрора».

Пожертвовав эту сумму, она поставила условия, что тот, который использует эти деньги, обязан их отдать в оборот или

---

[1] Душанбинский госмузей, книга 1, документ № 4.

купить землю, отдать ее в обработку, и на эти доходы содержать одного чтеца Корана (максурахана), который по пятницам после общей молитвы пошел бы на ее могилу и за ее душу почитал суры «альмулька» [1].

Аналогичный факт наблюдался в Хивинском ханстве. Из содержания одного документа явствует, что некий Курбанали в районе Хазари отдал 22 танги в вакф в пользу шейха Абдурахманхаджи [2]. Это говорит о том, что духовенство ничем не брезговало и брало все то, что им «давал» бог.

Вакф «мутлак» («абсолютный») освобождался от всяких государственных податей и повинностей. Поэтому мусульманские законоведы, которые жили и обогащались за счет вакфа, опираясь на шариат, всячески стремились к тому, чтобы сохранить и умножить богатство мазаров, мечетей, медресе и т. п., как источник личной наживы.

Все духовное сословие, начиная от шейхул ислама, кончая рядовым работником вышесказанных учреждений, очень метко и хитро толковало условия передачи вакфа, но что касается учета и отчетности по его доходу, то ни в шариате, ни в вакуфных грамотах ничего конкретно не сказано. Эти вопросы шариат оставлял на «совесть» духовных служителей.

Все то, что отдано в вакф, навсегда оставалось собственностью духовного учреждения, и возвратить прежнему владельцу не могли ни шариат, ни государство, ни практическая деятельность «юристов», которые не давали санкции на это. Об этом свидетельствует актовый материал, который исходил от высших чинов Бухарского ханства.

В шариате сказано, что все предметы, обращенные в вакф, не могут быть возвращены обратно его учредителям, равно как они не могут быть объектом купли-продажи, дара, а также завещания [3].

Несмотря на это, часто возникали споры между жертвователем и владельцем вакфа и дело доходило не только до казия, но и даже до самого эмира, ответ обычно давали короткий, но ясный: «каждый кто скажет: «этот вакф — мой» — пусть подтвердит Кораном в вашем присутствии. Без доказательств пусть не вмешиваются и не составляют документ» [4]. Это было директивное указание, которым руководствовались казии при разборе споров по данным вопросам.

---

[1] Душанбинская публичная библиотека им. Фирдоуси, отд. рукописей, док. № 114.

[2] Институт востоковедения АН Узб. ССР, инв. кн. рукописей, оп. 3, док. 584-а.

[3] Хидая, т. 11, стр. 137—138.

[4] Так написано в одном письме эмира Хайдара, опубликованном в книге М. А. Абдураимова «Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара», Ташкент, 1961 г., стр. 87.

В другом документе, который исходил от муфтия Гиссарского бекства, сказано, что «если землевладелец добровольно сказал: «Я собственную свою землю передаю в вакф (в пользу того или иного духовного учреждения), это является законным, священным, и она становится вакуфной, не подлежащей возврату к прежнему владельцу. Следовательно, претензии наследника жертвователя на возвращение данной земли являются незаконными и противоречат шариату» [1].

Отсюда ясно, что отданное в вакф не подлежит возврату, для этого претендент должен предъявить доказательство, подтверждавшееся шариатом, что сделать было нельзя, т. е. в Коране указаний по этому поводу нет.

Однако духовенство находило право без документа, восстанавливая вакуфные грамоты, которые якобы утеряны. Например, в первой части вакуфного документа мазара шейха Маслихаддина сказано, что кокандский хан — Мадали в 1838 г. назначил мавлоно мирза Каландара мутавалием, поручил ему составить грамоту и управлять хозяйством данного мазара.

Выполняя это, в предисловии к документу мутавалий пишет: «Когда-то, в 1589 г., предок его (т. е. мирза Каландар — А. М.) — эмир Ибрагим являлся халифом этого мазара и имел под рукой написанный вакфноме на все имущество, но по истечении долгого времени, в результате безответственного отношения последующих мутавалиев к сбережению имущества вакфа, он утерян. Теперь с разрешением законного правительства мною расследовано, разыскано и установлено, что наш мазар обладает следующими вакуфами» и далее перечисляет хозяйство вакфа, о чем уже изложено.

Или же возьмем другой факт. В 1340 (1921) г., когда еще в БНСР в области вакфа и духовенства существовали многие правопорядки старого мира, мутавалий мечети базара пришел к казию и предъявил иск о возврате одного магазина, находившегося под торговым куполом, ранее принадлежавшего мулле Мухаммаду Исхакову, который пожертвовал его в вакф мечети. Для этого он выставил свидетелей Исматуллу Маликова, Абдуллу Джамалова, Джуракула Мухаммада Аминова, которые дали следующие показания: «мы, во имя аллаха, говорим правду, знаем и свидетельствуем о том, что данный магазин, границы которого описаны (с четырех сторон), действительно, по собственному желанию вышеуказанного Мухаммада Исхакова был отдан в вакф мечети базара. Однако по истечению времени его вакуфная грамота утеряна». Далее свидетели приблизительно

[1] Документ нам передал учитель средней школы Рахаты Хусейнов Изатулла. В этом источнике дата и место происшествия не указаны. Однако по виду бумаги она не очень старая и примерно относится ко второй половине XIX в. После ривоята (толкования), к ней приложена мухр (печать) муфти муллы Абдурахмана ибн Абдурасула, (наши материалы, д. 2, док. № 19).

указывают условия пожертвования. На основе их показаний казий выносит решение в пользу мутавалия. Подобные факты отражены и в других документах, исходивших от разных законоведов бухарского ханства.

Вакф авлади — кроме абсолютного вакфа существовал еще так называемый «вакф авлади» (родовой вакф). Он по своей форме образовался очень просто и хитро.

Отдельные феодалы на протяжении всей жизни занимались покупкой земельных участков и сконцентрировали в своих руках огромное количество земельных богатств.

Для того, чтобы сохранить землю как неделимое целое, землевладелец объявлял ее вакфом всего рода, к которому он сам принадлежал, и устанавливал строго регламентированные условия использования ее доходов.

Характерным для такого вида вакфа является грамота Хаджи Ахрора, которая уже опубликована и сделана достоянием советской исторической науки.

Согласно этому документу видно, что Хаджа Ахрор, в первую очередь, проявляет заботу о мутавалии. По его завещанию, мутавалия назначает он сам, затем указывается, что в последующие периоды таковыми могут быть те члены его рода, которые являются благочестивыми, занимаются наукой и проявляют заботу о спокойствии и благосостоянии всех членов рода.

В случае прекращения рода, право назначения мутавалия переходит в распоряжение казия данной местности (Бухары, Самарканда, Ташкента, Кабула и др.), где имеется вакф данного рода.

В отношении распределения дохода данного вакфа сказано, что из общего количества дохода вакфа мутавалий обязан сначала оплатить государственные расходы (налоги и поборы), затем выделить необходимую сумму для ремонта помещения, засыпки семян, приобретения инвентаря, заготовки отопления и освещения мечети, медресе и бани, которые вакфодатель брал на свое содержание, за счет оставшейся суммы содержать в каждой медресе по два мударриса, которые должны быть заняты чтением лекций (один в медресе, другой в мечете при медресе), 200 учеников (муллыбачи), 4 певца Корана в мечети, 4 водовоза и дворника в каждом духовном учреждении, муллу имама и мактабдору и другой обслуживающий персонал, который находится непосредственно в распоряжении мутавалия. Их общее количество было установлено: 16 человек, каждый из которых за свою службу должен получить за счет вакфа по три доли. Затем из всего оставшегося дохода мутавалий должен обеспечивать всех членов рода и перед ними отчитываться о расходах и доходах вакфа [1].

---

[1] Институт востоковедения АН Узбекской ССР, кн. оп. 1. док. № 9.

Эти порядки в отношении родового вакфа продолжали существовать на протяжении всей истории Бухарского ханства вплоть до 1920 г. Обязательство, которое брал на себя вакфодатель в пользу духовных учреждений, зависело от размера земельного богатства, которое было отведено для этой цели.

Из анализа вакуфных документов XIX и начала XX вв. видно, что они по размеру и степени экономического обеспечения духовных учреждений носили разнообразный характер.

Например, один из жителей Бухары мирза Мухаммад, сын Мухаммада Амина, в 1221 (1807) г. из своего собственного владения 18 танабов земли и один виноградный сад пожертвовал в пользу своего рода на следующих условиях:

«1. Я сам являюсь мутавалием данного вакфа и как хочу, так и распоряжаюсь его доходами, никто не имеет права вмешиваться в это дело.

2. После моей смерти мутавалием из моего рода может стать тот, который является наиболее способным.

3. Мутавалий обязан в первую очередь из дохода вакфа платить государству ушр.

4. Мутавалий должен выделить определенную сумму для ремонта мечети и забора сада, а потом из оставшегося дохода должен получить свою $^1/_5$ долю, а остатки распределить между членами рода; мутавалий дополнительно получает долю одного члена рода.

5. Должность мутавалия переходит по наследству к представителю мужского пола рода, женский пол в расчет не берется.

6. Мутавалий, если к вакфу относится хладнокровно, лишается этой должности и права пользования доходом вакфа [1].

Как видно, здесь вакфодатель по отношению духовного учреждения берет небольшое обязательство — ремонт одной мечети и сада.

В другом источнике мы находим факты, похожие на условия, установленные в грамоте Хаджа Ахрора. Например, некий Мирзашо совместно с сестрой в 1247 (1857) г. отдал в вакф своего рода один караван-сарай, один ларек и один колодец на условиях, по которым его мутавалий (назначаемый по наследству из его рода) обязан:

1. Из доходов этих источников сначала платить государственный ушр.

2. Сам мутавалий должен получить $^1/_{10}$ часть доходов из оставшейся части после уплаты ушра.

3. Ремонтировать торатхоны (умывальные комнаты), затем остальное разделить на 9 частей, из которых 3 давать тому, который зимой обеспечивает горячей водой для умывания, 1 — учи-

[1] Душанбинская публичная библиотека им. Фирдоуси, отд. рукописи, док. № 115.

телю, 2 — двум чтецам Корана, которые обязаны по пятницам и понедельникам читать Коран за душу всех умерших членов рода, 1 — имаму мечети, который с той же целью должен каждое утро читать Коран, 2 — оставить у себя дома для хатма (чтение Корана в доме) [1].

Подобный этому был родовой вакф светского феодала Назаркулибека, сына Абдулкадырбека из Кагана. Мы его грамоты не имеем, поэтому трудно судить, какие духовные учреждения он обеспечивал. Однако нам известно об общем количестве его вакуфных земель только по одной области. Это видно из письма бухарского кушбеги Джанмирза на имя русского политагентства, датированного от 7 июня 1891 г., в котором сказано:

«Ставим в известность о том, что житель Кагана благородной Бухары Назаркулибек, сын Абдулкадирбека, явился к нам и сообщил, что он имеет 500 танабов земли родового вакфа в районе Минанкау Самаркандской области и едет туда для сбора урожая. Документ на это находится у него. Въезд разрешаем и в свою очередь просим вас дать соответствующие указания правителям данной области о том, чтобы они ему не только не препятствовали, но и всесторонне оказывали помощь в этом деле...

Джанмирза парваноначи — правитель благородной Бухары, 7 июня 1891 г.» [2]

Из приведенных выше документов нам известно, что каждый родовой вакф обязательно был связан с каким-нибудь обязательством по отношению к духовным учреждениям и духовенству. Опираясь на это, можно полагать, что Назаркулибек экономически обеспечивал много таких учреждений и содержал большое количество духовенства.

Иногда родовой вакф посвящался только могиле своих родственников и самому вакфодателю. Например, Рабия Одинаева в городе Бухаре в 1332 (1912) г. оставила документ, в котором сказано, что одну четверть из 6 танабов своих земель она жертвует в пользу могилы своей дочери Халимаой и мутавалием вакфа назначает махдума муллу Мухаммада Касымджана, в обязанности которого входили только организация чтения Корана и содержания в чистоте ее могилы [3].

Сколько бы мы не приводили фактов, по существу все эти документы похожи друг на друга.

Из всего изложенного можно теперь с определенностью сказать, что в отношении обязанностей вакфа перед государством их строго разделяют на два вида: «абсолютный» и «родовой», первый — тот, который образовался, главным образом, из мулька, так называемого «мульки хурри халиса», освобождался от

---

[1] Библиотека им. Фирдоуси, рукописный фонд, док. № 69.
[2] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 60, л. 30, 100.
[3] Публичная библиотека им. Фирдоуси, док. № 105, 114.

всякой государственной подати и повинности, со второго, как с любой частновладельческой земли, государству платили ушр — $^1/_{10}$ урожая и выполняли другие повинности. Но тут же надо сделать оговорку, что это хозяйство платило налоги только по нормам, установленным шариатом.

Что касается практического управления вакфом, то эти функции выполнял мутавалий согласно указаниям вакуфных грамот, где также указывалось, что мутавалием должен быть человек наиболее честный и сведущий в делах вакфа и его хозяйства. Имеющиеся источники говорят о противоположном. Над мутавалием никогда никакого контроля не было и «подчинялся» он голько богу и шариату. Его окружали многочисленные «помощники» из числа духовенства. В официальных документах указаны: мударрисы, муллы имамы, хатибы, максураханы (кары), мирабы, мушрифи, муаззины, муллыбачи, парикмахеры, повара, певцы, сторожа, водоносы и т. п. В общей сложности они составляли десятки тысяч человек, которые в большей или меньшей степени пользовались доходами вакфа и зависели от правителя.

Исторические факты доказывают, что «честность и добросовестность» духовенства во главе с мутавалием по отношению к вакуфному имуществу были показными. В ханстве не было более грязных и корыстных плутов, чем мутавалий и его помощники по управлению хозяйством.

На подобные факты еще в 70-х годах XIX в. обращали внимание представители русской науки. Когда Самаркандская область была присоединена к России, исследователь Кун интересовался состоянием вакуфной формы землевладения и в результате обследования пришел к выводу, что в этой области существовал полнейший хаос и путаница, которые заключались в следующем: мутавалиям в большинстве случаев неизвестно содержание многих вакуфных документов, они не только не имели полных сведений о завещании, а если и имели, все равно имуществом вакфа распоряжались произвольно, преследуя личные корыстные цели, входили в частные сделки с арендаторами вакуфной земли и имущества, сдавали их в аренду своим родственникам, уменьшая арендную плату; вакуфные здания не ремонтировали; отсутствовал учет доходов и расходов и т. д.[1] Тот же самый мутавалий, не давая никому отчета, почти все доходы с вакфа клал в свой карман, ему не было дела до того, что «подведомственные ему здания остаются без ремонта, стены рушатся, муллабачи (ученики) и проживающие при мечетях остаются месяцами небритыми и головы их обрастают волосами»[2].

[1] *В. Вяткин,* О вакуфах Самаркандской области. В сб. Самаркандской области, вып. 10, 1912 г., стр. 96—97.

[2] *М. Н. Ростиславов,* Очерк видов земельной собственности..., в указ. сб., стр. 349.

Обман и злоупотребления мутавалия характерны не только для западной части Бухары, но и для восточной. В качестве примера приводим один документ, который написан в конце 60-х годов XIX в., касающийся распределения доходов мазара «Хазрати Бурха», расположенного в верховьи Хингоу Дарвазского бекства. Из его содержания явствует, что данный мазар имел большое количество земли, мельниц и другие объекты доходов, которыми пользовались многочисленные имамы, шейхи, максураханы (чтецы Корана) и другой обслуживающий персонал.

Согласно вакуфной грамоте, некому максурахану — мулле Курбану было положено получить доходы с одной мельницы, но мутавали — мулла Садулла и мельник — Тошммухамад сговорились между собой и отказались платить ему положенную долю. Тогда он обратился с жалобой к высшей инстанции — духовному чиновнику — Камол ибн Саиду, и последний написал распоряжение на имя местного казия — Абдулхакимахаджа, в котором предлагает проверить на месте, и если это действительно так, то, согласно изложенному в вакфнаме, вычислить положенную долю и передать ее мулле Курбану [1]. Рис. № 13.

Возьмем другой факт. Как уже сказано, по шариату вакуфные земли покупать или продавать и распределять между наследниками категорически запрещалось. Однако мы видим противоположное, их продавали и распределяли между наследниками. Доказательством этого являются документы, которыми мы располагаем из Шахрисябза. В нем наравне с другими категориями земли указаны и несколько участков вакуфных земель Худойкула, каждый из которых имеет цену в тангах. Это означает, что феодал имел право продавать их по указанной цене.

Кроме того, имущество этого феодала, в том числе вакуфные земли, указанные в документе, распределялись между его наследниками — женой и детьми. Это означало, что вакуф переходил в наследство [2].

Помимо этих фактов мы располагаем еще несколькими документами, характеризующими куплю и продажу вакуфных земель. Приводим из них два:

«В месяце джамоди сани 1307 (1889) г. пришел к казию «благородной» Бухары белобородый и низкорослый Зухур бай, сын Мирмухаммада, как законный представитель муллы Файзи бая, сына Насирхаджи, и при свидетельстве Файзихаджи, сына Кичикхаджи и муллы Бахрама, сына Шарифхаджи, в соответствии с шариатом сделал законное заявление о том, что 1 танаб вакуфной земли (указываются ее границы), принадлежавшей указанному Файзи баю, сыну Насирхаджи, продал Адалатой и

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 20.

[2] См. ниже на стр. 137—138 данной работы.

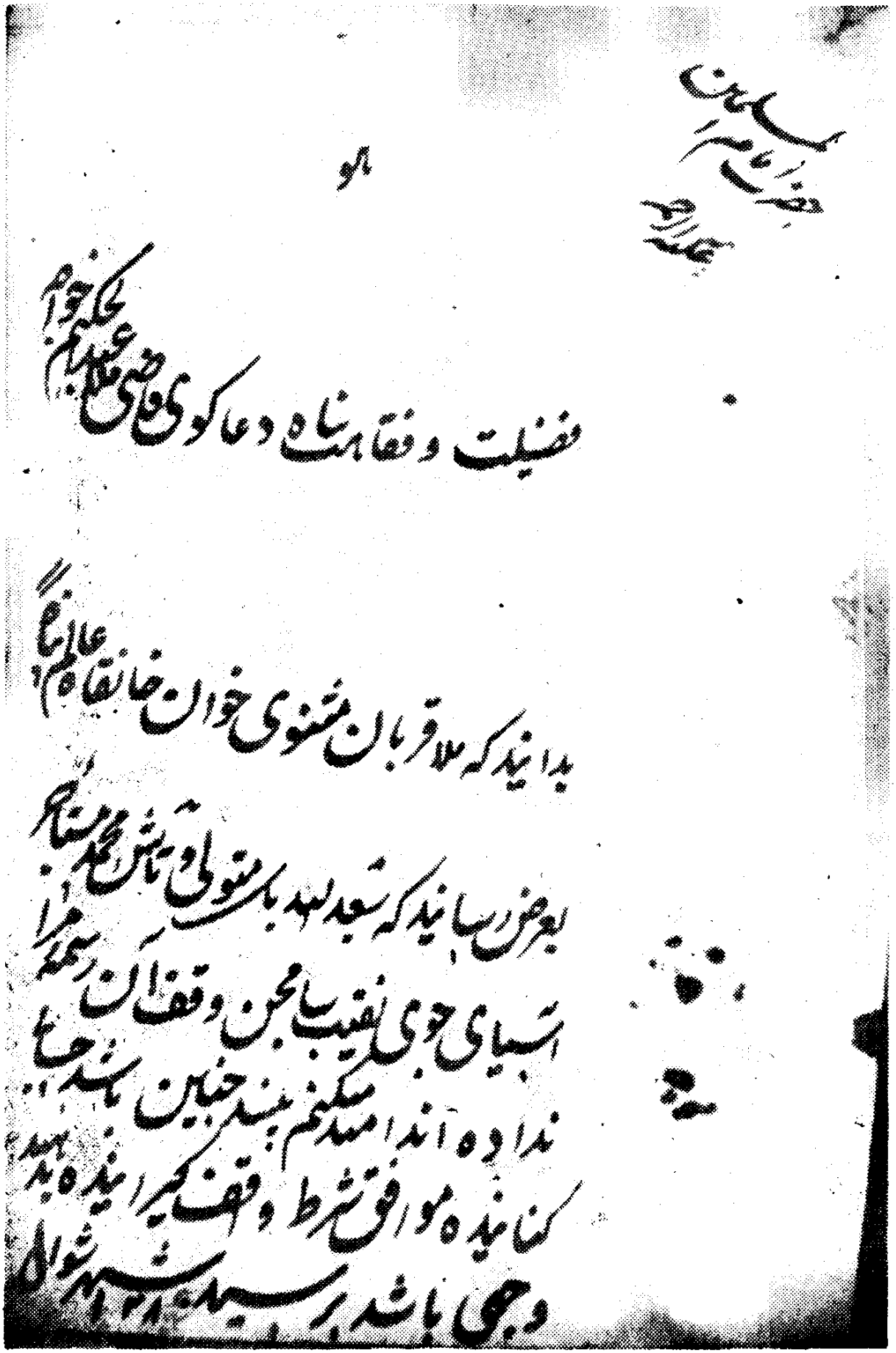


Рис. № 13.

Газалой за 800 бухарских танег и с получением этой суммы к покупателям никаких претензий не имеют [1].

В 1313 (1895) г. Саъди бай продал 1,5 танаба вакуфной земли Берди баю, сыну Сафар бая, за 520 бухарских танег [2].

В 1333 (1914) г. в районе Охунди из 5 танабов вакуфных земель, принадлежавших Гулям баю, после его смерти выделена доля наследства его матери Файзибиби, и предложено другим наследникам впредь ни в чем не касаться к ней [3].

Аналогичные факты наблюдались по всей территории Бухарского ханства до революции 1920 года.

ОБРАЗОВАНИЕ КРУПНОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Самым крупным собственником являлось государство, в распоряжении которого находилось большое количество земли и воды, мельниц и обджувазов, караван-сараев и других источников дохода.

Однако общее количество обрабатываемых земель, находившихся в распоряжении государства, по сравнению с теми землями, которые находились в собственности у отдельных феодалов и духовных учреждений, считалось значительно меньшим. Об этом ниже приводим несколько фактов, которые подтверждают данные выводы.

О фактах образования феодальной частной собственности на землю в эмирате в исторической литературе сказано довольно убедительно. О. Д. Чехович называет имена таких феодалов, как Алоберды, его сына Алаера, Ялангтуша, Шамсия и других [4], собственность каждого из которых составляла несколько десятков тыс. танабов земли. Источником образования такой собственности она считает куплю земли у государства и частных лиц. Это верно. О том же самом процессе говорится во многих документах, которые мы собрали по Восточной Бухаре.

Но это не был единственный путь образования земельной частной собственности феодалов. Она образовалась еще путем освобождения хозяйства феодалов от всяких податей и повинностей и без выкупа превращалась в категорию мульки хурри халис. Третьим путем являлось освоение мертвых земель и захват общинных, которые после оживления тоже по шариату считались собственностью частных лиц. Такими путями в руках светских и духовных феодалов сосредоточивалось большое количество земли и воды.

---

[1] Наши материалы, д. 2, док. 22.

[2] *Там же,* д. 2, док. 23.

[3] *Там же,* д. 2, док. 24.

[4] Документы к истории..., стр. 94, 106, 110, 125 и др. соответствующие документы.

По уточненным данным явствует, что в горных районах Бухары, в частности, в Каратегинском бекстве, в руках 458 крупных феодалов находилось 120 тыс. манов (20 тыс. поливной и 100 тыс. богарной). В среднем на каждого приходилось по 262 мана земли. Из них наиболее крупными были Давлятбек бий (из Шульмака), Гадой бий (из Хаита), Аббасхаджа (из Калай Лябиоба), Хакберды бий (из Оби-Гарма) и др., которые имели от 300 до 500 манов земли [1].

В Дарвазском бекстве светский феодал Мухаммад Нугман бий (из кишлака Найгуфт Лоджургского амлякдарства) [2], как рассказывают местные старожилы,[3] являлся самым влиятельным феодалом. Он ежегодно один раз ездил в Бухару к эмиру на салям (с поклоном) и с собой забирал тортук, в котором были разные шкурки пушнины, чекмени (халат из местного сукна), джурабы (красиво вязанные чулки), фисташки, миндаль, сухие фрукты, а также золото, которое силами своих подчиненных добывал он из песка реки Хингоу. Повелитель его хорошо принимал, ему, а также его родственникам (женам, детям, братьям, сестрам, дядям и др.), каждому в отдельности раздавал в подарок одежду (сару по), дважды он получал военное звание непосредственно от самого бухарского эмира, с начала в 1887 г. «ишикогобоши» [4]. Этот феодал вместе со своими родственниками являлся обладателем почти всех земель и вод в верховье долины реки Хингоу. На Заманских скалах (камар) и в равнине (дашта) Варомунга, как рассказывает Гулям Саидалиев, разводили для его охоты пушных зверей, которых ловили крестьяне всех кишлаков. Без его разрешения никто не имел права пользоваться богатством указанных мест. По уточненным Н. А. Кисляковым данным, он лично владел 50 крестьянскими хозяйствами на правах танхо.

Другим влиятельным феодалом этой долины был ишан Султан, который являлся обладателем земли и крестьянских хозяйств не только в нижней части долины реки Хингоу, но и в Каратегине и Гиссаре.

Согласно исследованию Н. Латыпова,[1] наиболее крупными феодалами в этом бекстве являлись Хакимбек, Саидбек, Хаджа додхо, Шагадо бий и др.

Хакимбек обладал более 80 манами земли в кишлаке Джорф, 50 манами в кишлаке Висхарв, 30 манами в кишлаке Ризвай и

---

[1] *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 44—50.

[2] О нем см. статью Н. А. Кислякова «Из истории горного Таджикистана», «Известия» № 4 АН Таджикской ССР, 1953 г., стр. 119.

[3] Гулям Саидалиев, 74 года, житель из Вахиё, ныне проживает в колхозе им. Ленина Орджоникидзеабадского района.

[4] Наши материалы, д. 1, док. № 1, 2.

[5] *Н. Латыпов,* указ. диссертация, стр. 163—180.

с них ежегодно собирал 300—350 пайманов [1] зерна и столько же ягод тутовника [2].

По словам Тураева и М. Хамраева, в Гиссарском бекстве наиболее крупными землевладельцами и скотоводами являлись арбоб Рахим (из кишлака Қади Жуйбара), ходжи мулла Якуб (из кишлака Душанбе), ходжи Насрулла (из г. Гиссара), ходжи Мухаммади (из Чузи), ходжи Қасир (из Туда), Абдурахим бай (из Қафирнигана), Алаберди бай (из Купрукбоши), Гази бай (из Андигана) и др.,[3] которые имели не только большое количество земли, но и скота.

В районе Кулябского бекства проживал феодал — Базар бай, который имел большое количество земли и до 50 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота. Он ежегодно отправлял своих баранов для продажи в города Таликан, Ханабад и Рустак (на территории Афганистана), а также в Бухару и русский Туркестан. Наиболее удобны пастбища были сосредоточены в его руках, он имел только пастухов более 200 человек [4].

Список таких феодалов по Восточной Бухаре можно дополнить, но о них мы говорим в III главе данной работы.

Из духовных учреждений наиболее крупными землевладельцами являлись новые и старые медресе в городе Гиссаре, медресе «Қориён» — в Каратаге, мазары «Якуб Чархи» — в Душанбе, «Амирджан» — в Кулябе и «Бурх» — в верхней части долины реки Хингоу.

Однако из-за отсутствия статистических данных мы не можем точно сказать о количестве принадлежавшей земли тому или иному духовному учреждению и о видах вакфа, о которых говорится выше. Но нам совершенно ясно, что подавляющее большинство из них были частными, которые переходили по наследству и оказались объектом купли-продажи, так как такая практика вообще существовала в Бухарском ханстве, о чем говорилось в разделе вакфа, и ниже приводим материалы о хозяйстве Худойкул бая из Шахрисябза.

Этот источник дает нам объяснение по ряду вопросов: во-первых, в руках феодала были сосредоточены разные виды богатства; во-вторых, он являлся владельцем всех видов категорий земли; в-третьих, каждый участок земли имел свою цену, это означало, что они подлежали купле-продаже и передаче в наследство наследникам.

---

[1] Один пайман равен 2,5 пуда.

[2] В Дарвазе до революции было сильно развито выращивание тутовника, ягоды которого употребляли вместо хлеба. Сбор урожая в отдельных хозяйствах с этих деревьев был довольно значительным. Сейчас на базе этих тутовых плантаций развито шелководство. Дарваз является одним из крупных поставщиков коконов в Таджикистане.

[3] *М. Хамраев,* Указ. соч., стр. 64—65.

[4] *Б. И. Искандаров,* Указ. соч., ч. II, стр. 98—99.

Этот документ относится к 1334 (1915) г., в нем сказано о том, что когда умер бай, его наследство было распределено между наследниками: женой (Мукимаой) и сыновьями — Хазраткулом и Мухаммадкулом, для чего была составлена опись имущества данного хозяйства, согласно которой мы видим, что в распоряжении бая находилось несколько танабов собственного мулька (хурри халиса), государственные земли в аренде, земля вакфа, караван-сарай, ларьки и сотни тысяч танег денег, часть которых он раздавал в долг, и десятки ман зерна. Для большей ясности мы приводим полный текст этого документа.

Опись имущества покойного Худойкула из квартала Хаджа Мирхомида, которое подлежит распределению между его наследниками (женой Мукимаой) и сыновьями (Хазраткулом и Мухамадкулом).

1. Размеры земельных участков и их цена:

Категории земли	Место нахождения земли	Стоимость в тангах
1. 20 танабов поливных государственных земель	в районе Сандия	50 000
2. 14 танабов поливных государственных земель	в районе Миршикора	35 000
3. Еще 4 танаба государственных поливных земель	в том же районе	17 000
4. 16 танабов земли мульки хурри халис	в районе Нукота	50 000
5. 10 танабов государственных поливных земель	в том же районе	25 000
6. Один танаб вакуфной люцерны	в районе Турохли	2 000
7. $^3/_4$ танаба вакуфного сада	в том же районе	700
8. Еще три участка земли вакфа	в том же районе	18 000
9. 15 танабов государственных поливных земель	в районе Сандия	7 600
10. 10 танабов государ. земель	в районе Нукота	5 000
11. 2,5 танаба мульки хурри халис	в районе Турохли	7 000
12. 5 участков земли вакфа мазара Хаджа Мурад-бахши	в том же районе	4 000
13. 16 танабов поливных государственных земель	в районе Нукота	8 400
14. 20 танабов государственных земель и рисоочистительная мельница	в районе Нукота	7 000
15. $^2/_5$ части совместного 0,5 танаба сада	в районе Турохли	4 000

Категории земли	Место нахождения земли	Стоимость в тангах
16. $^2/_5$ части совместного одного сарая и одного деревянного ларька в галошном базаре		14 000
17. Половина совместного одного ларька, который находится там же		14 000
18. $^2/_5$ части совместных двух деревянных ларьков	в кишлачном базаре	600
19. $^3/_5$ части одного дома и двора	в квартале Катабиби	2 000
20. $^2/_5$ части одного ларька	в маслобазаре	400
21. $^2/_5$ части из 10 танабов государственных земель	в районе Бога	1 200
22. $^2/_5$ части из 2 танабов мульки хурри халис	в районе Чоршамбе Тепа	800
23. 57 манов шали, 2,5 мана кукнар и др. продуктов		117700
24. наличных денег		12 000

2. Список должников Худайкула и размер их долга.

1. У Хусейна аксакала	в Буракли	500 танег.
2. У Шерали бая	в Ходжа Мурадбахше	2 000 танег.
3. У Файзи аксакала	в Турмыше	5 000 танег.
4. У Иргаш амина	в Турмыше	4 800 танег.
5. У муллы Мухаммад Закир бая	в кварт. Гулямон	125 танег.
6. У Имамназара амина	в Мухабатабаде	1 450 танег.
7. У Мухамади бая	в кварт. Пустиндузи	300 танег.
8. У Каримкули бая	в Хакуне	600 танег.
9. У Акрамхаджи	в Хакуне	5 800 танег.
10. У Джура бая	в Таш-Тюбе	2 000 танег.
11. У Кульдаша	в Хакуне	500 танег.
12. У Шеркул бая	в Хакуне	2 500 танег.
13. У Курбана	в Мухабатабаде	450 танег.
14. У усто Очилди	в Нахутаке	9 000 танег.
15. У Тура бая	в Нахутаке	200 танег.
16. У Мухаммад Рахим бая	в кварт. Чубина	560 танег.
17. У Султан амина	в Хакуне	7 000 танег.
18. У Раджаб амина	в Нуконе	5 000 танег.
19. У Намаз аксакала	в Турмуше	3 000 танег.
20. У Имам аксакала	в Нуконе	2 500 танег.
21. У Раджаб аксакала	в Нуконе	5 400 танег.
22. У Худойназара амина	в кишлаке Ходжи	5 000 танег.
23. У Якуб каляна	в кишлаке Ходжи	2 300 танег.
24. У амлякхана	в кишлаке Ходжи	1 000 танег.

Таким образом, имущество бая оценивалось в 851685 танег или 127 758 рублей 75 копеек, это для того времени была большая сумма. Кроме того, в документах указаны одна лошадь, один ишак и четыре рабочих быка [1]. Рис. № 14.

[1] Наши материалы, д. 2, док. № 21.

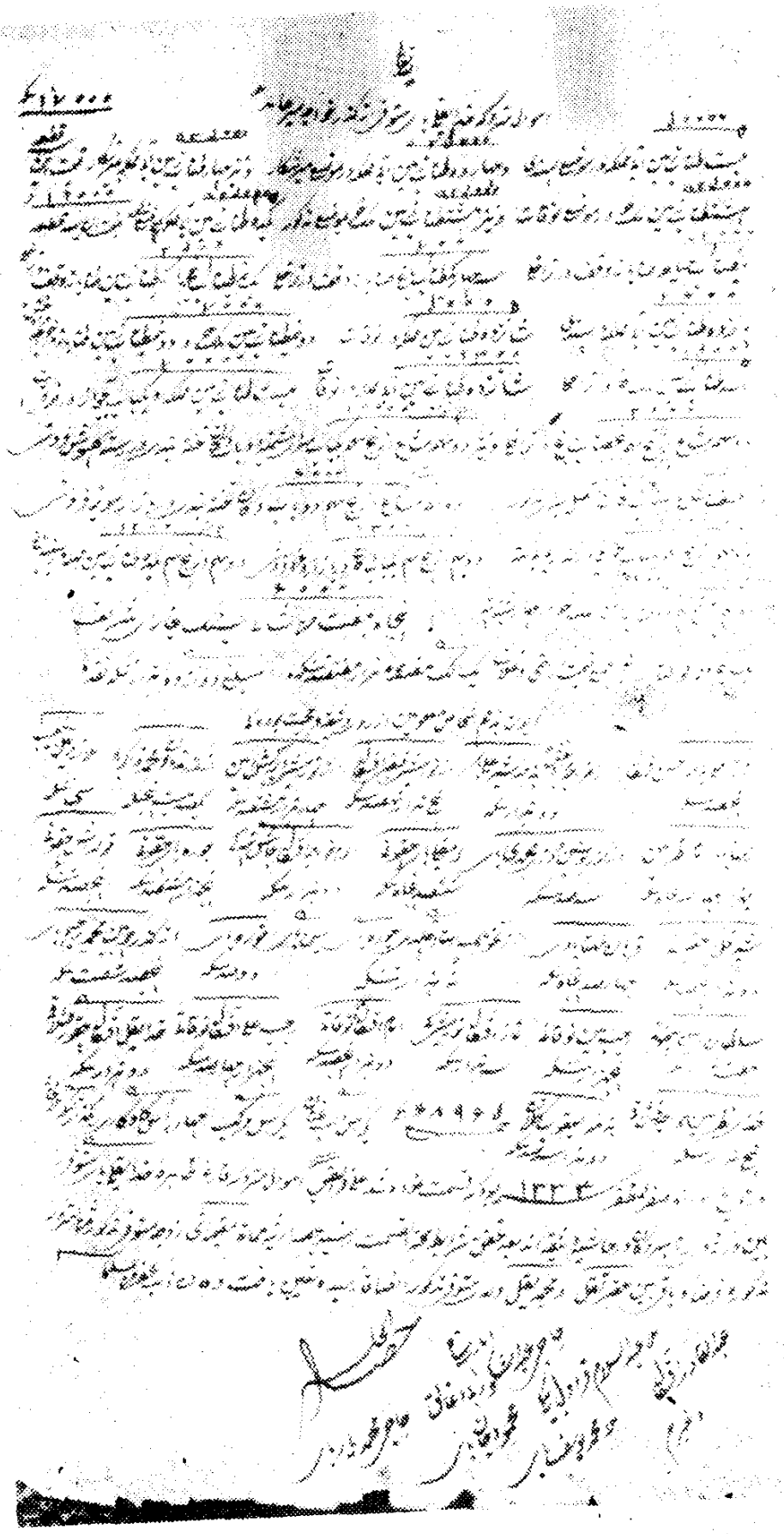


Рис. № 14

Подводя итоги рассмотрения вопроса о формах земельной собственности в Бухарском ханстве, приводим несколько сводных данных по отдельным областям ханства. Наиболее характерным является отчет каракульского амлякдара.

По отчету все земли в амлякдарстве по категории именовались так: государственная — с обозначенным термином «мамлака», частновладельческая — «мульк», вакуфная и пустопорожняя — «маита». Государственная делилась на два вида: «десятинная», которая раздавалась на вечное пользование крестьянам на условии $^1/_{10}$ части урожая, и «бездесятинная», находившаяся объектом продажи, раздачи в танхо и вакф. Частновладельческая земля делилась на три вида: десятинная, хараджевая и обеленная. Вакуфная земля не была разделена на группы. Что касается пустопорожней земли, то она была государственная, частновладельческая, вакуфная и общинная. Все это конкретно видно из таблицы, которая составлена на основе документа.

Независимо от наименования все земли, которые были пригодны к обработке, являлись поливными и расположены были вдоль арыков, большинство которых были частными. Доказательством этого является то, что тот или иной арык носил название того, кто его построил. Каждый арык имел своего мираба, который в документе называется «амином». Поскольку этот документ дает ясное представление о существовании форм землевладения в Бухарском ханстве, считаем не бесполезным дать полный его текст.

«Отчет из Каракуля о формах землевладения в танабах»[1]

Земли, находившиеся под контролем полива Рахмат амина:

1. По арыку Зайниддина было расположено 100 танабов государственных земель десятинных, 1470 танабов мульковых десятин[2]. Все эти земли полностью обрабатывались. Кроме того, здесь имеется 400 танабов болотных земель, часть которых при условии их осушения можно превратить в оживленные, а другая часть не поддается обработке.

2. По арыку Сукуку — 1800 танабов мульковых десятин и 400 танабов государственных десятин. Все эти земли полностью обрабатывались.

3. По арыку Джаляйра — 850 танабов государственной земли десятинных полностью обрабатывались и 150 танабов болотистой, пригодной к обработке.

4. По арыку Кизыл кишлак — 700 танабов государственных

[1] Танаб равен 0,25 га.

[2] Такой вид земли являлся частной собственностью, владельцы которой, согласно шариату платили $^1/_{10}$ часть дохода в пользу «бедных», как это называлось в шариатских источниках (см. Мухтасар-аль-Викая, стр. 95, 106). Однако со временем эта $^1/_{10}$ превратилась в налог и его взимало государство для содержания аппарата управления.

земель десятинных и 50 танабов мульковых десятин, которые полностью обрабатываются.

Земли, находившиеся под контролем полива Худойберды амина:

По каналу Зиярат — 2300 танабов мульковых десятин, которые назывались хараджевыми, 700 танабов государственных десятинных земель, полностью находились в обработке, 30 тыс. танабов мертвых земель, покрытых песками и при условии, если будет вода, половина ее может быть превращена в оживленную, а другая половина совсем непригодная к обработке.

Земли, находившиеся под контролем полива Ниязуллы амина:

8500 танабов мульковых десятинных земель, 1500 танабов государственных десятинных земель, которые полностью обрабатываются и 200 танабов болотных земель, непригодных к обработке.

Земли, находившиеся под контролем полива Мухаммадера амина:

8200 танабов государственных земель бездесятинных, 1500 танабов государственных десятинных земель, 300 танабов мульковых десятин и 3000 танабов вакуфных, которые обрабатываются. Но имеются еще 20000 танабов мертвых земель, пригодных к обработке, если была бы вода.

Земли, находившиеся под контролем полива Хаджибай амина:

7900 танабов государственных десятинных земель, 100 танабов мульковых, которые полностью обрабатываются. Есть еще 4000 танабов мертвых земель, которые при условии достатка воды можно превратить в оживленные.

Земли, расположенные за каракульским обрывом и находившиеся под контролем полива Артык амина:

1. По арыку Ибод касоба — 150 танабов государственных земель бездесятинных, которые обрабатываются, и 100 танабов являются мертвыми из-за нехватки воды.

2. По арыку Баят Уруна аксакала — 200 танабов государственных земель бездесятинных, полностью находятся в обработке, и 200 танабов мертвых земель, из которых 100 пригодных к обработке, а другие нет.

3. По арыку Хусейна аксакала — 500 танабов государственных земель бездесятинных, 200 танабов мертвых земель, пригодных к обработке.

4. По арыку Шеркишлака — 100 танабов хараджевых мульк, 150 танабов государственных земель бездесятинных и 50 танабов мертвых земель, непригодных к обработке.

5. По арыку Кумкашона Артыка аксакала — 400 танабов государственных земель бездесятинных и 100 танабов вакуфных. Все они обрабатываются. Кроме того, имеется еще 150 танабов

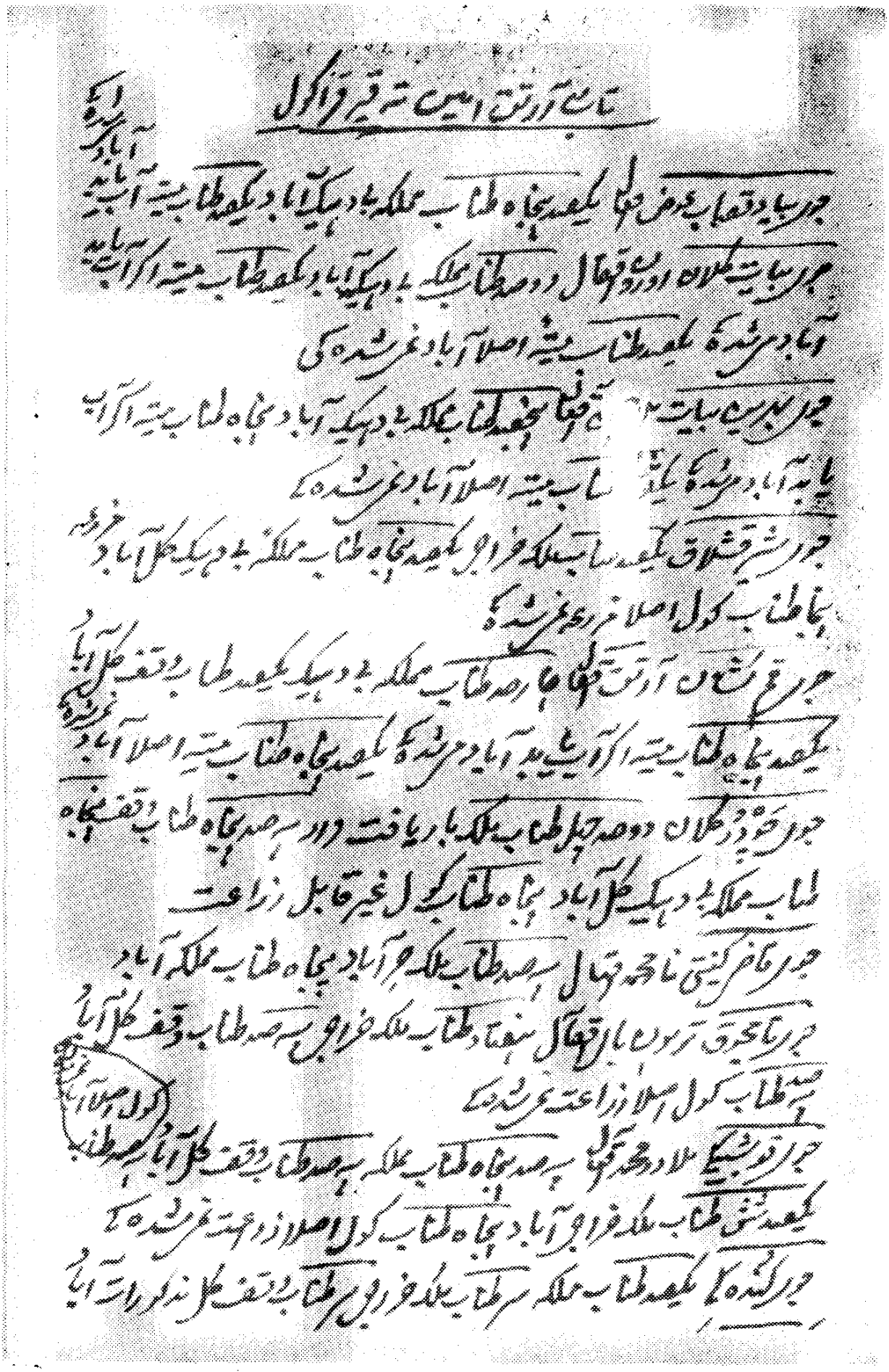


Рис. № 15

мертвых земель, пригодных к обработке, если будет вода, а 150 танабов мертвых земель, непригодных к обработке.

6. По арыку Чавдора — 240 танабов мульковых, 350 танабов вакуфных, 50 танабов государственных бездесятинных, все они полностью обрабатываются, и 50 танабов болотистой, непригодной к обработке.

7. По арыку кази Нормухаммада — 300 танабов мульки хурри халис и 50 танабов государственных земель, которые обрабатываются полностью.

8. По арыку Тамджика Турсуна аксакала — 70 танабов хараджевых мульк, 300 танабов вакуфных, которые обрабатываются. Кроме того, здесь существует 300 танабов болотистой земли, непригодной к обработке.

9. По арыку Кушбеги — 350 танабов государственных земель, 300 танабов вакуфных земель, 106 танабов хараджевых мульк, находившихся в обработке и 350 танабов болотистых земель, непригодных к обработке. Рис. № 15.

10. По арыку Кундаги — 100 танабов государственных земель, 30 танабов хараджевых мульк и 30 танабов вакуфных земель, которые обрабатываются. Наравне с этим, здесь находится 100 танабов мертвых земель, непригодных к обработке.

11. По арыку Калтачулак Бобо аксакала — 450 танабов государственных земель, 130 танабов хараджевых мульк, 30 танабов мульки хурр, 50 танабов мертвых земель, которые непригодны к обработке.

12. По арыку Чорканди Рахмат аксакала — 110 танабов государственных, 200 танабов вакуфных земель, находившихся в обработке, и 50 танабов болотистых, непригодных к обработке.

13. По арыку Мухтара — 50 танабов вакуфных и 50 танабов государственных земель, которые полностью обрабатываются.

14. По каналу Куюкли мулла Боки мираба — 1750 танабов мульки хурр, 250 танабов мертвых мульки хурр, 200 танабов государственных земель, находившихся в обработке, 200 танабов мертвых государственных земель, непригодных к обработке, 300 танабов вакуфных земель, часть которых оживлена, а другая часть является мертвой.

15. По арыку столовой муллы Ермухаммада аксакала — 700 танабов вакуфных земель, из которых 400 оживленной, а 300 мертвой.

16. По арыку Хоса — 100 танабов государственных земель, из которых 50 оживленных и 50 мертвых.

17. По арыку Вакфа Бобо аксакала — 250 танабов вакуфных земель, из которых 200 оживленных, а 50 мертвых.

18. По арыку Мартахак — 700 танабов вакуфных земель, из которых 600 оживленных и 100 мертвых, пригодных к обработке, если будет вода.

19. По арыку Ханоко — 200 танабов вакуфных земель, 600 танабов государственных, которые обрабатываются, и 200 танабов мертвых земель, пригодных к обработке, при условии, если будет вода.

20. По каналу Дугуля — 1000 танабов хараджевых мульк, 200 танабов мульки хурр, 200 танабов вакуфных, 600 танабов государственных, из которых 200 обрабатываются, а 400 — нет. Кроме того здесь же находится 16000 танабов мертвых земель, пригодных к обработке путем орошения, но нет воды.

Земли, находившиеся под контролем полива Базара амина и Муса амина:

1. По арыку Иллият Саида — 450 танабов мульки хурр, 1600 танабов вакуфных, 4000 танабов государственных, из которых 60 танабов являются десятинными и 2000 танабов мертвых, пригодных к обработке, если будет вода.

2. По арыку Хоса Атта Нияза аксакала — 400 танабов хараджевых мульк, 4300 танабов вакуфных земель и 300 танабов государственных земель, которые полностью обрабатываются. Кроме этих земель, насчитывается еще 1000 танабов мертвых земель, непригодных к обработке.

3. По арыку Туркана Саяда Худойберды аксакала — 2000 танабов государственных земель бездесятинных, 2000 танабов хараджевых мульк, 2500 танабов вакуфных земель, 1500 танабов мульки хурр, которые полностью обрабатываются. Кроме того, здесь имеется 1500 танабов мертвых земель, в том числе 500 танабов болотистых.

4. По Янгиарыку Иргаш аксакала — 6 танабов мульки хурр, 1800 танабов государственных, 100 танабов вакуфных земель, которые полностью обрабатываются. Кроме них, имеется 1200 танабов мертвых земель, пригодных к обработке, если будет вода.

5. По арыку Очилды аксакала — 100 танабов государственных земель бездесятинных, 100 танабов хараджевых мульк, которые обрабатываются и 40 танабов мертвых земель, пригодных к обработке, если будет вода.

6. По арыку Авлия аксакала — 1011 танабов хараджевых мульк, 30 танабов вакуфных земель и 30 танабов мертвых земель, пригодных к обработке, если будет вода.

7. По арыку мечети Усмана шейха — 1087 танабов хараджевых мульк, 200 танабов мульковых десятин и 100 танабов вакуфных земель, которые все обрабатываются. Помимо этого, имеется еще 100 танабов мертвых земель, непригодных к обработке.

8. По арыку Мираба — 560 танабов мульковых десятин, 410 танабов вакуфных земель, которые все обрабатываются, и 50 танабов государственных мертвых земель, пригодных к обработке, если будет вода.

Таблица землевладений по Каракульскому амлякдарству

№ п/п	Наименования арыков, по которым расположены земли	Государственные земли (в танабах)			Частновладельческие (в танабах)						Вакуфные (в танабах)		Пустынные земли		ВСЕГО
					десятинные		хараджевые		хурри халис						
		десятинные	бездесятинные	мертвые гос. земли	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	мертвые (в танабах)	заболоченные (в танабах)	
1.	Зайнуддин . . .	100	—	—	1 470	—	—	—	—	—	—	—	—	400	1 970
2.	Сукук	400	—	—	1 800	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 200
3.	Джалайр	850	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150	1 000
4.	Қызыл Қишлак .	700	—	—	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 200
5.	Зиярат	700	—	—	—	—	2 300	—	—	—	—	—	30 000	—	33 000
6.	Ниязулла . . .	1 500	—	—	8 500	—	—	—	—	—	—	—	—	200	10 200
7.	Мухаммад Ёр . .	1 500	8 200	—	300	—	—	—	—	—	3 000	—	20 000	—	33 000
8.	Хаджибай . . .	7 900	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	4 000	—	12 000
9.	Ибод	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	250
10.	Байят	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	—	400
11.	Хусейн	—	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	—	700
12.	Шеркишлак . . .	—	150	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	50	300
13.	Кумкашон . . .	—	400	—	—	—	—	—	—	—	100	—	300	—	800
14.	Чавдар	—	50	—	—	—	—	—	240	—	350	—	—	50	690
15.	Кози	—	50	—	—	—	—	—	300	—	—	—	—	—	350
16.	Тамджик	—	—	—	—	—	70	—	—	—	300	—	—	300	670
17.	Кушбеги	—	350	—	—	—	106	—	—	—	300	—	—	350	1 106
18.	Кундаги	—	100	—	—	—	30	—	—	—	30	—	—	100	260

№ п/п	Наименования зрыков, по которым расположены земли	Государственные земли (в танабах)			Частновладельческие (в танабах)						Вакуфные (в танабах)		Пустынные земли		ВСЕГО
					десятинные		хараджевые		хурри халис						
		десятинные	бездесятинные	мертвые гос. земли	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	годные к обработке	негодные к обработке	мертвые (в танабах)	заболоченные (в танабах)	
19.	Калтачулак . . .	—	450	—	—	—	130	—	30	—	—	—	50	—	660
20.	Чорканди	—	110	—	—	—	—	—	—	—	200	—	—	50	360
21.	Мухтар	—	70	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	120
22.	Куикли	—	200	200	—	—	—	—	1 750	250	—	300	—	—	2 700
23.	Ёрмухаммад . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400	300	—	—	700
24.	Хоса	—	50	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100
25.	Вакуф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	—	50	—	250
26.	Партахок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	600	—	100	—	700
27.	Хонако	—	600	—	—	—	—	—	—	—	200	—	200	—	1 000
28.	Дугуль	—	200	400	—	—	1 000	—	200	—	200	—	16 000	—	18 000
29.	Иллият	60	3 940	—	—	—	—	—	450	—	1 600	—	2 000	—	8 050
30.	Отанияз	—	300	—	—	—	400	—	—	—	4 300	—	—	1 000	6 000
31.	Туркан	—	2 000	1 000	—	—	2 000	—	1 500	—	2 500	—	—	500	9 500
32.	Янгиарык	—	1 800	—	—	—	—	—	6	—	100	—	1 200	—	3 106
33.	Очильды	—	100	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	40	240
34.	Авлиякул	—	—	—	—	—	1 011	—	—	—	30	—	30	—	1 071
35.	Усман	—	—	—	200	—	1 087	—	—	—	100	—	—	100	1 487
36.	Мираб	—	—	50	560	—	—	—	—	—	410	—	—	—	1 020
	Итого . . .	13 710	19 970	1 700	13 430	—	8 334	—	4 476	250	14 970	600	74 43	32 90	155 160

Всего по Каракулю насчитывается 155 160 танабов земли»[1].

На основе вышеизложенных данных можно составить следующую сводную таблицу.

Из этой таблицы видно, что из 155160 танабов земли 77720 из-за недостатка воды оказались мертвыми и непригодными к обработке. Что касается остальных 77440 танабов, то из них 35380 принадлежали государству, 26460 — частновладельческим лицам на правах частной собственности, 15600 — вакуфных, следовательно, если частновладельческие и вакуфные земли взять вместе, то их на 6680 танабов было больше, чем государственных. Причем надо сказать, что если земля частная, вакуфная или государственная оказывалась мертвой и заброшенной, все равно ее без разрешения собственника другие лица не могли использовать[1]. И поэтому недаром в графе 5, 11 и 13 специально указаны мертвые земли, которые принадлежали тому или иному собственнику. Та же самая картина наблюдалась и в других областях эмиратства.

Анализируя землепользование в Зеравшанской долине при эмиратстве, Ю. Пословский в своей работе приводит следующие данные: из 333,5 тыс. десятин земли, пригодных к обработке, на долю хараджевых и амляковых[2] приходилось 203,9 тыс., или 61,3%, вакуфных — 74,2 тыс., или 16%, личной собственности эмира — 1,7 тыс., или 0,5%[3].

Проведенное нами обследование по Каратегинскому бекству показывает нам такие итоги распределения земли по категориям землевладения:

---

[1] Сноска на отчет каракульского амлякдара дана на стр. 94 данной работы.

[2] В юридических актах и в шариате амляковой формы землевладения как юридической категории не существует и, по нашему убеждению, она имеет не только экономическое значение, но и административное.

[3] Ю. Пословский, К аграрному вопросу в Зеравшанской области, журн. Народное хозяйство в Средней Азии, 1926 г., № 11, 12, стр. 25.

Категория землевладельцев	Количество хозяйств	Количество земли в тыс. манов		
		поливная	богарная	всего
1. Крупные феодалы. .	458	20	100	120
2. Средние землевладельцы	500	5	40	45
3. Государственная . .	6	6	30	36
4. Вакуфная	—	0,5	1	1,5
5. Сельские наукары. .	900	1,8	7	8,8
6. Крестьяне, платившие харадж государству.	17 142	12	50	62
7. Крестьяне-танхо . .	6 000	6	24	30
Итого . .	25 000	51,3	252	303,3[1]

Как известно, в первые годы существования БНСР в отношении правопользования земли по сравнению с дореволюционным временем больших изменений не произошло. В основном сохранились те порядки, которые существовали при эмиратстве. Согласно докладной записке вилоятземлеводхоза на имя Назира земледелия, по Шерабадскому вилояту в начале 1923 г. насчитывалось 188 тыс. танабов земли, из которых 135 тыс. принадлежали частным лицам, и только 11 тыс.— государству, что касается остальных 42 тыс. танабов, то из-за недостатка воды они обрабатывались через 2—3 года и 20 тыс. танабов превратились в целинные [2].

Приведенные факты доказывают, что в Бухарском ханстве, особенно в его восточной части, почти все земли и воды были сконцентрированы в руках частновладельцев, государства и духовных учреждений. Образование крупной феодальной земельной собственности происходило не только путем освоения мертвых земель, купли государственной земли, раздачи танхо, но и за счет купли-продажи земли частных лиц и самовольного захвата крестьянских земель феодалами, о чем расскажем в IV и V главах данной работы.

---

[1] *А. Маджлисов,* Каратегин накануне установления Советской власти, Душанбе, 1959 г., стр. 42.

[2] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 51, оп. 1, д. 97, лл. 8—9.

ГЛАВА III

ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Марксизм-ленинизм учит, что человек живет во времени и пространстве, производит материальные блага для своего существования, и это производство протекает во взаимодействии с природой. В конспекте книги Моргана «Древнее общество» Карл Маркс указывал, что «Европа, как лесная по преимуществу зона, была непригодна для пастушеской жизни; напротив, степи Центральной Азии и (долины) Евфрата, Тигра и других азиатских рек явились естественной родиной пастушеских племен. Туда они, естественно, должны были стремиться»[1].

Территория Таджикистана по своим климатическим условиям, наравне с другими южными странами, способствовала возникновению древнейшей цивилизации. Здесь имелись более благоприятные природные условия: теплый климат, необходимый минимум воды, обилие солнца и богатая растительность давали людям необходимый материал для жизни.

Природные условия, таким образом, создают определенные возможности для развития производства, но использование этих возможностей зависит от самого общества, от потребностей, от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Поэтому одни и те же природные условия могут по-разному использоваться людьми и по-разному воздействовать на развитие общества, в зависимости от уровня общественного развития.

До Октябрьской революции Россия была одной из отсталых стран капиталистического мира. Она была богата всеми видами полезных ископаемых, но их не использовали, многие районы были заброшены. В Туркестане сотни миллионов десятин земли оказались лессовой пустыней. В. И. Ленин писал, что «непригодным в значительной своей части этот фонд является... не столько в силу природных свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие **общественных** свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность»[2]. И эти

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 47.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, стр. 228.

многие миллионы десятин земли в Туркестане и других местах России «ожидают» не только орошения, они «ожидают» «...освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»[1].

Эти положения В. И. Ленина целиком относятся к окраинным районам царской России, в частности, и к ее колонии — Бухарскому ханству. Территория Таджикистана была богата всеми видами полезных ископаемых: железом, нефтью, газом, углем, цветными и редкими металлами. Но общественное устройство Бухарского ханства не давало возможности их использования. По долинам Гиссара, Вахша и Куляба, Каратегина и Памира десятки тысяч гектаров земель являлись мертвыми и непригодными к обработке. И только Октябрьская революция открыла путь к их всестороннему освоению, и сейчас они используются в интересах народа. За годы Советской власти Средняя Азия, в том числе и Таджикистан, превратились в цветущий край Советского Союза и являются областью развитого хлопководства, садоводства, зернового хозяйства и животноводства.

Природные условия Таджикистана и сейчас имеют важное значение в деле создания материально-технической базы коммунизма. Будут осваиваться целинные и залежные земли, развиваться химическая, электротехническая, машиностроительная и др. новые в республике отрасли промышленности. При планировании хозяйства учитываются богатства природных ресурсов. Любой план экономического развития республики основан на учете своеобразия ее природных условий.

Таким образом, природные условия являются одним из постоянно действующих условий материальной жизни населения.

Районы, входящие в наше исследование, являются горными и высокогорными, в которых население Таджикистана занималось земледелием.

В Восточной Бухаре расположены памирско-дарвазские горы (входящие в Тянь-Шаньскую систему). На вершинах сближения хребтов Академии наук, Дарваза и Язгуляма образовался крупнейший в СССР оледененный район, в который входит ледник Федченко длиной в 77 км, шириной в 2,5—3,5 км, высотой в 500 м, являющийся источником образования двух крупнейших рек Таджикистана — Пянджа и Вахша. С вершин этих хребтов берут свое начало Кафирниган, а с Дарвазского, Ванджского и Хазратишойского хребтов — Яхсу, Кызылсу и Тоирсу. Что касается рек Душанбинки, Ханака и Каратага, то они берут свое начало с разных мест Гиссарского хребта.

Все эти реки протекают среди глубоких ущелий и скал, которые отделяют один район от другого. По узким долинам горных

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, стр. 229.

рек, а также между горных равнин испокон веков жил таджикский народ и занимался земледелием и скотоводством.

Климатические условия Восточной Бухары были не одинаковы, в равнинных районах, расположенных в Кулябской, Гиссарской, Вахшской, в Нижне-Кафирниганской долине, летом бывает очень жарко. Средняя годовая температура воздуха составляла 28—32, а максимальная — 45 градусов, количество безморозных дней в году составляло 250, годовое количество осадков было равно 200—250 мм. При таких природных условиях ведение земледелия без искусственного орошения было невозможно. Поэтому с давних времен население этих долин использовало горные реки для орошения. Из них оно провело много арыков и занималось поливным земледелием. Котлованы этих долин плоские и волнистые, иногда наклонные, с лёссовыми равнинами и мягкой почвой, очень удобные для орошения по сравнению с горными районами.

В горных областях Памира, Дарваза и Каратегина, а также в части районов Гиссара и Куляба, на высоте до 3500 м над уровнем моря развивалось богарное земледелие. Этому способствовал приток холодного воздуха с востока и жаркого с запада, конденсирующегося в горах, что служило причиной обильных осадков и делало летом климат в этой области прохладным. Здесь, между горами, была расположена переходная полоса с большими, средними и мелкими сопками (адырами), которые были очень удобными для богарного земледелия, и население на них засевало зернобобовые культуры, а на равнинных местах развивало поливное земледелие и выращивало сады. Там, где для ведения земледелия не было возможности, земли использовались под летние и зимние пастбища. Следовательно, без особой затраты труда на искусственно орошаемых землях занимались богарным земледелием, садоводством и скотоводством.

Из всего этого видно, что в Восточной Бухаре в результате сложившихся природных условий с давних времен существовали дифференцированные районы: полеводческие, скотоводческие и богарно-скотоводческие ландшафты, которые имеют общее с ландшафтом районов Сурхан-Дарьинской области Узбекистана, в прошлом входившей в состав Бухарского ханства.

Несмотря на это, указанные области в целом по своим естественным условиям относятся к числу тех, в которых «климатические условия и своеобразие поверхности... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия»[1].

Но для всестороннего развития творческой трудовой деятельности людей феодальный строй Бухарского ханства являлся

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 132.

тормозом. Например, возьмем пути сообщения. В этом отношении до революции Таджикистан считался одной из отсталых стран мира. Если человеку нужно было перебраться из одной местности в другую, то он на своем пути встречал десятки высоких подъемов и спусков, перевалов и различных карнизов, балконов и серпантинов, которые были очень крутыми. По таким путям люди ползком поднимались вверх и спускались вниз, что часто вызывало человеческие жертвы. Кроме того, смертельной опасностью было то, что с вершин гор (особенно весной и осенью) часто падали камни, которые задевали на своем пути другие камни, и, образуя каменные водопады, низвергались вниз на идущих по дороге людей.

Один из русских исследователей Таджикистана В. Ф. Ошанин, касаясь путей сообщения из Каратегинской долины в Ферганскую и Зеравшанскую, писал, что через Гиссарский хребет существует пять перевалов, которые связывают Каратегин с вышеуказанными областями. Один из них, самый западный, выводит на верховье Ягноба, перевал этот исключительно пеший. Три перевала Пакшифский, Вадифский и Пиобрутский ведут с верховья Сорбуха на верховье Зеравшана, наконец, перевал Ярхич ведет туда же с правого западного истока реки Обикабуд. И Пакшифский, и Ярхический перевалы «доступны для вьючного движения, остальные три — пешие... Все они принадлежат к числу труднодоступных и открыты только в течение летних месяцев, но несмотря на это, они часто посещаются жителями верховья Зеравшана, которые в особенности через Пакшифский перевал вывозят хлеб из Каратегина»[1].

То же самое можно сказать и о путях сообщения, которые проходили из Дарваза в Каратегин и Куляб через Дарвазский хребет, или же из Гиссара и Зеравшан через Анзобский и Шахристанский перевалы. Все эти дороги, которые шли из одной долины в другую, поднимались на вершины хребтов и далее шли по обвалам льда, где иногда человек мог и заблудиться. Во льду местами имелись глубокие трещины, представляющие смертельную опасность для проходившего человека. Поэтому люди брали с собой доски, привязывали их к себе поперек и очень осторожно переходили опасные места. Если не было дороги по льду, топором вырубали ступеньки и по ним поднимались вверх, таким же образом спускались вниз.

Такие природные особенности Таджикистана затрудняли экономические связи между областями и способствовали длительное время феодальной раздробленности, которая продолжалась до 80-х годов XIX века. Бухарское ханство, в состав которого затем вошли районы Восточной Бухары, не было способно преодолеть эти препятствия.

---

[1] *В. Ф. Ошанин,* Каратегин и Дарваз, 1881 г., стр. 25.

Таким образом, в этой горной стране в каждой долине на скудной каменистой почве (особенно в горных районах), дававшей минимальный урожай, с тяжелыми путями сообщения, опасностями, которые окружали население в виде обвалов, осыпей, оползней снега, передвижения ледников протекала трудовая деятельность таджикского народа. Это сделало его физически здоровым, выносливым, мужественным, терпеливым и трудолюбивым.

Дехканам приходилось круглый год работать, чтобы прокормить свои семьи и оплатить многочисленные налоги и поборы феодалам, государству и духовным учреждениям.

Главным занятием таджикского народа были земледелие и скотоводство. На равнинных местах долин Гиссара, Вахша и Куляба крестьяне занимались земледелием, сеяли пшеницу, ячмень, горох, хлопок, рис, чечевицу; из масляничных культур — загир, кунджут, подсолнух; овощи — лук, морковь, свеклу, тыкву, редьку, репу; бахчевые культуры — огурцы, арбузы, дыни, а в горных районах, главным образом,— ячмень, пшеницу, боклу и мушинг (бобовые), арзан и кунок (просо). В нижних долинах горных мест сеяли все вышеуказанные культуры, которые засевали на равнинных местах, за исключением хлопка и риса. Никаких статистических данных о посевных площадях Восточной Бухары в период феодальной раздробленности и в период господства эмирата в XIX в. не существует. Однако некоторые отрывочные сведения дают нам основание говорить о том, что здесь земледелие было значительно развито. Побывавший в конце 70-х годов XIX в. в Восточной Бухаре Н. Маев обратил особое внимание на Гиссар. Он указывал, что Гиссарская долина является наиболее густонаселенной; когда он проезжал расстояние в 32 версты, то на пути встретил 13 озелененных кишлаков с высокой культурой земледелия. Это, по его мнению, объясняется тем, что долина была богата оросительной влагой благодаря множеству ручьев и ключей, которые протекают из разных мест Гиссарского хребта. По дороге как влево, так и вправо он видел вдали «пятна темной зелени: это были сады горных и приречных кишлаков». Здесь, по мнению путешественника, население превосходно обрабатывало землю. От кишлака Шадия до Денау он не встретил ни одного клочка бесплодной «впуст лежащей земли». В заключение он пишет: «я называл бы его (т. е. Гиссар — А. М.) житницей края» и сравнивает данную долину с Шахрисябзским оазисом. Как Гиссар так и Шахрисябз он считает житницей Бухары [1].

Наравне с Гиссаром к числу плодородных местностей отно-

[1] *Н. Маев,* Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств, Материалы для статистики Туркестанского края, СПб, 1879 г., т. V, стр. 172—173.

сились Кулябское и Бальджуанское бекства, которые производили хлеба столько, что его хватало на обеспечение внутренних потребностей, на снабжение население Дарваза, Шугнана, Рушана и вывоз его за пределы Восточной Бухары [1].

По сведениям К. К. Палена, посевная площадь Восточной Бухары в начале XX в. составляла 1250 тыс. десятин, из коих засевали 840 тыс. десятин.

Другой источник указывает, что полеводческое земледелие в Гиссарской долине было более развито, чем в других бекствах данного края. Это видно из таблицы, сведения которой относятся к 1917 году [2].

Бекства	Посевная площадь в тыс. десятин		
	поливная	богарная	всего
1. Каратегин и Дарваз . . .	54,6	145,8	200,4
2. Гиссар и Сариасия . . .	370,3	105,8	476,1
3. Курган-Тюбе и Кабадиан.	11,2	173,2	184,4
4. Куляб и Бальджуан . . .	75,1	177,1	252,2
Итого . .	511,2	601,9	1 113,1

Как видно, по степени орошенности первое место занимает Гиссарская долина, за ней идут Куляб и Каратегин, а на самом последнем месте стоит Вахшская долина, хотя она являлась плодородной, однако ее ирригационная система была в запущенном состоянии, и, в основном, земля здесь пустовала.

Поэтому, несмотря на значительную налаженность ирригационных сооружений в некоторых областях, в целом условия труда земледельцев Таджикистана были крайне тяжелыми. В подавляющем большинстве горных районов почва была скудной. Из-за недостатка земли люди горных районов поднимались на 3500 м над уровнем моря и на равнинных местах вершин гор, а также по бокам адиров и склонов гор сеяли скоропоспевающие культуры: ячмень, боклу (бобы), мушинг (мелкий зеленый горох) и гомук (бобовые), для созревания которых достаточно 90—100 теплых дней. Население этих районов использовало каждый клочок земли.

Огромные горные пространства использовались для развития скотоводства. Им занимались повсеместно, но главным образом этой отраслью занимались узбеки, туркмены и киргизы. У земледельцев же оно являлось второстепенным занятием.

---

[1] *К. К. Пален,* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, СПб, 1911 г., стр. 367.

[2] *Ю. А. Пословский,* Экономический очерк Таджикистана, в кн. «Таджикистан», Ташкент, 1925 г., стр. 243.

Сообразно с местными условиями здесь развивали различные породы скота. Например, в горных местностях в основном развивали дарвазскую породу баранов, коз и коров, а в Гиссарских равнинах — мясо-курдючных баранов. Скотоводство для населения являлось второй отраслью занятия. Оно давало продукты питания: мясо, молоко, сало, а также необходимое сырье для изготовления одежды: кожу и шерсть.

Из кожи шили шубы и обувь, из шерсти валяли кошму, ткали чекмени, вязали чулки. По всей Средней Азии славились водонепроницаемая верхняя одежда (чекмень и шаворугза — брюки).

Кроме того, скот являлся товаром для продажи на рынках других областей: Ферганы, Ташкента, Бухары и др. городов Средней Азии. О количестве скота по каждому хозяйству в Восточной Бухаре мы сведениями не располагаем, однако отдельные феодалы имели скот в большом количестве.

При господстве натуральных и полунатуральных отношений до некоторой степени были развиты домашнее ремесло и кустарные промыслы, как-то: изготовление хлопчатобумажных тканей («карбосбофи»), шерстяных («чекменбофи»), сельскохозяйственных и других орудий производства, железных и деревянных изделий, а также гончарной посуды.

Кузнец (охангар) изготовлял лемеха, кетмени, кирки, топоры, теши, таши (большой размер теши, орудие плотника), сабли и пики, ножи, гвозди, иголки разных размеров и др.

Плотник (чубтарош) делал сохи, бороны, деревянные чашки, блюда, ложки, колодки, гребни и др. предметы.

Гончар (кулол) вырабатывал разную глиняную посуду и т. п.

О кустарном промысле в Каратегине и Дарвазе в середине XIX века И. П. Минаев говорит так: «Жители приготовляют грубые шерстяные ткани, а из привезенного хлопка (из Гиссара) ткут бязь и мата. Из козьего пуха (диких и домашних коз) и бараньей шерсти валяют род сукна, употребляемого на зимние чекмени»; далее автор подчеркивает, что и железное производство весьма развито. Из железа, привозимого из Гиссара и Ванча, изготовляли хорошее холодное и огнестрельное оружие[1].

В условиях полупатриархального хозяйства, кроме ремесленников — специалистов (они же были одновременно и крестьянами) кожевенным, сапожным и иными ремеслами занимались и другие крестьяне для себя и на обмен. В условиях такого хозяйства формой промышленности, как отмечал В. И. Ленин, является ремесло. «Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты — ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выдел-

[1] *И. П. Минаев*, Сведения о странах по верховью Аму-Дарьи. СПб, 1879 г., стр. 197.

кой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.» [1].

В рамках феодальных отношений, как вне, так и внутри горных районов Таджикистана развивалась торговля и товарообмен, особенно с Гиссаром, где хорошо было развито шелководство, так как он был расположен на удобном географическом месте и являлся связывающим узлом между западной и восточной частями Бухарского эмирата. Многие мастера — шелководы жили в современной юго-восточной части Таджикистана. Там славились шелковые и полушелковые ткани местной выработки. Как отмечает Губаревич-Радобыльский, в Гиссаре «лучшими изделиями считаются шелковая и полушелковая гиссарская (каратагская) алача, идущая на халаты всех чиновников ханского правительства [2].

Труд местного ткача был малопроизводительным. Мастер с раннего утра до поздней ночи, при коптилке, ткал при помощи простого челнока на первобытном станке. Получался небольшой кусок грубой маты плохого качества. Накануне революции из феодалов уже почти никто не одевал белья из местной ткани (карбоса), оно было уделом бедной части трудящихся. В каждом кишлаке был ткач, изготовлявший карбос для своих родственников и других жителей кишлака и за свой труд получавший осенью по одному блюду зерна с каждого хозяйства, которое он обслуживал. Такие кустари занимались одновременно и сельским хозяйством, имея свои клочки земли и рабочий скот.

Появление промышленных предприятий в Ферганской долине, Ташкенте, Самарканде и других городах Средней Азии привело к усилению тяги населения горных районов Таджикистана на заработки, являющиеся большим подспорьем для крестьянского хозяйства. Почти каждый трудоспособный крестьянин каратегинец, дарвазец или памирец осенью уходил в город на заработки. Из старожилов различных кишлаков Гармской группы районов, с которыми мы беседовали, не нашлось ни одного человека, который в своей жизни ни разу не был бы в Коканде [3] и при этом не по одному, а по нескольку раз.Некоторые из каратегинцев совсем не возвращались на родину, а оставались жить в пределах русского Туркестана, заводя там свое хозяйство.

Об отходничестве каратегинцев и дарвазцев писали в конце XIX в. русские исследователи Арандаренко, Васильев, Кузнецов и другие. По их сведениям, отходничество для горцев было необходимо, так как экономическое благосостояние большинства

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 286.

[2] Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб, 1905 г., стр. 59, О торговле, см. в разделе «Расслоение крестьянства».

[3] Под именем Коканда подразумевалась вся Ферганская долина.

населения было весьма низким. Земледелие, как главный вид занятий, различные другие виды существовавших занятий (скотоводство, промысел и охота), не могли удовлетворить их потребности.

О количестве отходников говорит тот факт, что накануне Февральской революции ежегодно уходило из Бухарского ханства около 20 тыс. человек в поисках работы в городах Туркестанского края, где они работали на заводах, на железной дороге и у частных лиц, увеличивая ряды местного пролетариата [1]. Безусловно, подавляющее большинство их было из горных районов Таджикистана. Отходничество в жизни горцев играло большую экономическую роль и имело прогрессивное значение.

Касаясь этого вопроса, В. И. Ленин указал, что рабочие отходники «...идут в места более высокой заработной платы», разрушают «кабальные формы найма», и, наконец, отходничество обуславливает подвижность населения. «Перекочевывания являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития» [2].

О размере заработной платы отходников точными данными мы не располагаем, но можем сказать, что некоторые из них возвращались на родину с небольшим количеством денег, мануфактуры, чая, красиво вышитыми ферганскими тюбетейками, сахаром, иголками, нитками, серой и др., с грузом в 3—4 пуда и более. Отходник тащил этот груз на спине, а некоторые из них покупали лошадь или ишака для перевозки этих заработанных продуктов.

На заводах и на железной дороге они общались с передовыми представителями русского рабочего класса, которые вели среди трудящихся Средней Азии революционную работу. В связи с этим, среди крестьян горных районов Таджикистана появились революционно-настроенные люди, которые являлись организаторами крестьянских восстаний.

Население Таджикистана занималось и охотой. Весной в горах собирали большое количество яиц куропаток, а самих птиц ловили сетями. Поздней осенью и зимой почти повсюду на покрытые снегами горы насыпали саман (мякину) и делали приманку куропаткам и тут же устраивали особые ловушки (сплетенные из сучьев изита). Охота производилась и на диких коз и архаров (горных козлов), мясо которых употреблялось для еды, а шкуры — для обуви и одежды. Охотились также на медведя, лису, куницу, барса, сурка и на других диких животных и пушных зверей, шкуры которых шли на продажу и одежду.

---

[1] См. История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, стр. 316.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 211—212.

Арандаренко, например, сообщает, что в Дарвазе и Каратегине от этого занятия население получало довольно значительные прибыли. Цены на меха в 70—80 годах XIX в. были следующие: шкура медведя — 5 рублей, лисицы — от 80 коп. до 1 рубля, куницы — 3 рубля, барса — 2 рубля, сурка — 10—15 коп. Население Каратегина и Дарваза за год убивало в среднем до 3000 лисиц, 1000 куниц, 100 медведей, 40 барсов и 1000 диких коз и баранов [1]. Значительная часть населения, которая жила по побережью рек, занималась рыбной ловлей, а другая часть, главным образом бедняки, в горах собирала дикорастущие травы, корни и различного рода грибы, пригодные для питания.

Из вышеизложенного видно, что населению Таджикистана пришлось в суровых природных условиях вести упорную борьбу за производство продуктов, необходимых для существования.

ОРУДИЯ ТРУДА И ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ

Одним из признаков феодального хозяйства,— указывал В. И. Ленин, было «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой» [2].

На самом деле, конкретные материалы, касающиеся техники производства населения горных районов Бухары, доказывают, что это положение В. И. Ленина целиком и полностью относится и к Восточной Бухаре. В действительности, как способы добывания материальных благ, так и орудия труда, совокупность которых К. Маркс называл «...костной и мускульной системой производства...» [3] являлись крайне низкими и рутинными и на протяжении всего изучаемого периода в Восточной Бухаре никаких серьезных изменений не претерпели. Это объясняется не только общими для феодального строя причинами, но и тем, что духовенство все новое считало противным шариату и встречало его в штыки; во-вторых, все расходы, связанные с производством, феодалы взваливали на работников производства, ведущих единоличное мелкое хозяйство, и неспособных приобрести машины, которые выпускали в России или западноевропейских капиталистических странах. Поэтому техника труда повсеместно не развивалась, а топталась на месте.

Доказательством этого является «Земледельческий устав» (Риссолаи дехкани) [4], который был составлен в религиозном

[1] Арандаренко, Указ. соч., стр. 159—160.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 159.

[3] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, стр. 187.

[4] В сокращенном виде оно опубликовано в сборнике «Рисаля сартовских ремесленников» в переводе М. Говрилова, Ташкент, 1912 г., стр. 54—57. Оригинал полного текста этого источника, который мы использовали, находится в распоряжении автора данных строк. Наши материалы, д. 3, док. № 1.

духе и господствовал долгое время в Бухарском ханстве. Основными орудиями производства по нему считались: рабочие быки, амоч (соха), ярмо (буентрук), грядиль (шомиен или тири амоч), железный наконечник амоча (охани джуфт), борона (тоба или мола), хворостина (говрона) и кетмень (каланд), каждый из которых по религиозному вероучению при исполнении своих обязанностей читает молитву для того, чтобы принести пользу. Например:

рабочий бык говорил, что буду работать во имя бога, который стоит высоко и является владельцем земли и неба...; амоч — работаю во имя создателя неба и земли; железо — работаю потому, что знаю бог милостивый; хворостина — работаю ради единственной религии ислама; пшеница — расту для друзей бога; хлопок — я друг всех растений; рис — я сильнее всех растений и т. д.

«Земледельческий устав» не давал возможности крестьянину творчески мыслить, наоборот, от него требовалась слепая покорность и упование на милость бога. Вот что «устав» рекомендовал крестьянину:

при высеивании семян в землю он должен сказать: «Это есть хороший и лучший мой дар для кормления мусульман»; во время пахоты — «слава богу и привет Мухаммаду и его родственникам»;

во время работы с кетменем — «спасибо пророкам и ангелам бога за обучение земледелию»; во время боронования земли — «за правдивость людей и их плодотворность в труде»; когда соединяешь все части амоча вместе — «слава тем, которые боятся бога, буду терпеть то, что мне даст бог»; когда присоединяешь железо к амочу — «пусть бог нас развеселит райским весельем»; во время косовицы хлеба — «за божеское изобилие»; когда связывали снопы хлеба — «все учение от бога правда и понятно нам»; во время веяния хлеба — «бог является создателем всего и имеет хорошие имена»; во время сбора зерна в кучу — «за правое дело великих предков, т. е. за тех, которые впервые занимались земледелием и получали высокие урожаи» [1].

Затем в «Уставе» рекомендуется крестьянская мораль, которая должна быть для любого человека, занимающегося земледелием, залогом плодотворного труда. Для этого необходимо во время пахоты земли и посева семян выполнить шесть условий: быть честным, правдивым, не обманывать своего товарища по

---

[1] К таким людям «Устав» относит следующих лиц: Абдужалил с юга, Абдурахим с востока, Абдукарим с запада, Нажмиддин из Сариасии, Нуриддин из Самарканда, Мухаммад из Самана, Абдулла Ярмухаммад из Термеза, Негматулла из Кандахара, Лутфулла из Гиссара, Негматулла из Кашкара, Хайдар из Ташкента, Султанходжа из Туркестана, Шамсуддин из Табреза, Али из Хорасана и Абдулвохид из Багдада.

работе, молиться за предков, уважать государство и добросовестно выполнять все то, что бог велел своим рабам.

И, наконец, в «Уставе» указано, что доход должен быть разделен на три части: первая часть — давать милостыню ради бога [1], вторая — засыпать семена, третья — тратить на содержание семьи. Неудачу или засуху «Устав» объяснял тем, что крестьянин не выполнил все эти указания. Поэтому он требовал от каждого земледельца знания вышеизложенных начертаний.

Вот чем руководствовался темный и забитый крестьянин Бухарского ханства во время земледельческих работ.

Каждое новое поколение, которое приступало к жизни, не уничтожало, а, наоборот, по наследству получало этот «Устав» от своего предшественника и действовало на его основе. Однако в процессе производства очень медленно, но развивались и усовершенствовались отдельные орудия труда, но это в целом не приводило к качественному изменению средств производства.

Согласно материалам, которые нам дают русские дореволюционные исследователи, советские историки и этнографы, земледельческие орудия производства в эмирате были весьма примитивными. Дальше деревянной сохи, мотыги, лопаты, серпа, чигина (деревянные сани-волокуши), тесла (теша), они не пошли[2]. Но тем не менее надо сказать, что внутри районов Восточной Бухары все же происходила некоторая дифференциация этой техники производства.

В районах равнинных мест в результате трудовой деятельности человека усовершенствовалось главное орудие производства — соха. Здесь она была более тяжелой, чем соха горных районов, ниже ее изгиба она была толстой и прямой, а выше изгиба — высокой. Такая форма сохи давала возможность пахарю работать не сгибаясь. Такая соха могла глубоко пахать землю. Грядиль сохи, применяемый на равнинных местах, был значительно короче сохи, применяемой в горных местах. Кроме того, на наконечник сохи надевался тяжелый литой чугунный лемех, который не только глубоко пахал, но и сохранял деревянную часть плуга от затупления.

---

[1] Под этим понимались все подати и повинности в пользу государства.

[2] Капитан Кузнецов, Дарваз, Н. Маргелан, 1893 г.; Вановский «Отчет о поездке в Рушан и Дарваз, в сб. Материалы по Азии, 1893 г.; М. И. Бродовский, «Заметки о земледелии в Самаркандском районе», «Туркестанские ведомости», № 12 за 1872 г.; А. Ф. Минендорф, Очерки Ферганской долины, СПб, 1882 г.; А. А. Семенов, Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза, М., 1903 г. Н. А. Кисляков, «Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу», в «Советской этнографии», № 1, 1947 г.; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, Душанбе, 1958 г., гл. 1; М. Рахимов, «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу», Душанбе, 1957 г., гл. 11.

Главные ручные индивидуальные орудия производства земледельцев в этом же районе — кетмень и лопата крупного размера. Отличительными орудиями также можно считать молу и чигину, которых не было в горных местностях.

Мола — орудие труда, при помощи которого крестьянин после вспашки размельчал комья земли, хорошо прикрывая семена землей, тем самым сохраняя их от птиц и создавая условия для дружного всхода посеянной культуры.

Чигина, которая применялась только в равнинных местах, имела три вида: легкая, предназначенная для перевозки снопов и сена к току, тяжелая — для перевозки камней и строительных материалов, ящикообразная — для перевозки земли, удобрений и других грузов. Ее тащила по ровной дороге пара рабочих быков. Она была удобным орудием для перевозки груза с одного места на другое.

Отличительным, присущим равнинным районам, орудием являлось также обджувоз (рисоочистительная машина), которая существовала только в рисосеющих районах.

Крестьяне долин Куляба, Гиссара, Вахша проявляли заботу о будущем урожае. Они применяли травопольную систему земледелия, зимой пускали воду на те земли, которые были намерены засевать весной, мороз сковывал воду и убивал всех червей и насекомых — паразитов. В феврале-марте широко применялось удобрение земли навозом, илом, землей с бугром, землей старых глинобитных стен и т. д. Тщательно производилась прополка и со строгим режимом — полив.

В горных районах, особенно в кишлаках, которые были расположены по узким ущельям или у подножья гор, вышеуказанные орудия производства не находили применения. А поэтому в специфических условиях горных районов сложились своеобразные орудия труда, хотя некоторые из них носили те же названия.

Амач у горцев назывался «сипор», он был маленький по размеру и легкий, а градиль — значительно длиннее, наконечник сипора был из куска легкого железа с острым концом. Чигина, мола, кетмень совершенно отсутствовали. Всякий груз перевозился с места на место на собственной спине и ишаке.

Вместо мола для разравнивания комков земли употребляли чапар (сплетенный из ветвей дерева каркас), вместо кетменя горцы употребляли небольшого размера кирки (каноч). Серпы были также маленького размера. Орудием для окучки являлся небольшой кусок согнутого железа (каджик).

Касаясь орудия земледелия горцев, Г. А. Арандаренко указывал, что горцы привыкли к своему делу и не считали для себя трудным дважды в год (в середине мая и сентябре месяце) подниматься на крутизну в 600—1000 футов высоты с легкой сохой, с мешком семян за спиной, с парой быков или ишаков (ослов)

для распашки и посева [1]. В этих каменистых местах пахали два раза — до и после посева.

Каменистую почву, где нельзя было пахать сохой, обрабатывали при помощи «каланди» — кетменя. И при той, и при другой обработке земля не давала высоких урожаев, так как каменистую почву первобытная соха не могла глубоко пахать. Не достигалось это полностью и кетменем.

Когда посевы поднимались из-под земли, то вместе с ними росли разные сорняки. В некоторых местах там, где успевали, два-три раза в течении лета делали прополку; в конце августа и начале сентября повсеместно начиналась жатва при помощи ручного серпа (маленького размера доса), после жатвы возили на ток на чигине (на ровном месте), а в горах на собственной спине или на ишаке.

Техника молотьбы в равнинных районах ничем не отличалась от таковой в горных районах, везде и всюду снопы раскрывали на току и молотили ногами прогоняемых по ним животных, (быков, ослов и лошадей). При отсутствии животных беднейшая часть крестьянства молотила ручным способом, колотя по колосьям «кувой» (деревянной колотушкой). Обмолоченный хлеб веяли на ветру, когда ветер не мог отделить сорняки от зерна, применяли решето (гальбер). После уплаты хараджа и кафсана государству и чиновникам оставшееся зерно и саман увозили домой.

Низкая и рутинная техника не давала возможности получить хороший урожай. Особенно тяжелое положение было у крестьян горных районов. Если часть местности Гиссарской, Курган-Тюбинской и Кулябской долин имела почву мягкую и легко обрабатываемую, то другая часть земли этих районов, наподобие всей посевной площади Каратегина, Дарваза и Памира, была с большим количеством гальки, она без хорошей обработки не могла давать высокого урожая. Побывавший в Каратегине Арандаренко указывал, что здесь землю пашут без отдыха и не применяют удобрения, качество обработки полей очень низкое, при частых местных засухах, особенно в нижней части по течению Сурхоба, урожай снимают наполовину меньше, чем в некоторых местах Дарвазского бекства [2]. Бывало так, что в неурожайные годы (а такие были частыми гостями крестьянина), дехкане не могли снимать даже того, что высевали. Поэтому в условиях горных районов, в тяжелой борьбе с природой, земледельцы занимались сбором съедобных дикорастущих трав, охотой на диких зверей и птиц, которых много было в горах.

Крестьянину часто угрожали засуха и другие стихийные бед-

---

[1] *Г. А. Арандаренко,* Каратегин и Дарваз; Воен. сб. 1886 г., № 11, стр. 255.

[2] *Г. А. Арандаренко,* там же, стр. 155—156.

ствия. Не было дождей — он боялся, что засохнет хлеб и пропадет посев, шли сильные дожди — появлялись опустошительные горные потоки (сель), возникала угроза для жизни самого производителя, поэтому темные и забитые люди, чтобы избежать этих бед выполняли религиозные обряды [1].

КРЕПОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КРЕСТЬЯН

Феодальные повинности производителей в ханстве некоторые исследователи до сих пор рассматривают с точки зрения существования амляковой формы землевладения, сущность которой заключается в том, что все земли и воды в ханстве являлись собственностью государства, а народ, связанный с этой собственностью,— арендатором. Исходя из этого в исторической литературе по отношению крестьян Бухарского ханства распространился термин «факира», который означал не крепостного, а подданного или гражданина, что не соответствовало действительности.

Этот термин исходит из содержания некоторых мусульманских толкователей шариата, которые всех мусульман, независимо от имущественного ценза и национальности, объявляют независимыми друг от друга.

На самом деле «свобода» мусульманина являлась ложью. В учении исламоведов и правоведов как земельные вопросы, так и производственные отношения между собственниками средства производства и производителями показаны туманно и запутанно.

Как известно, Коран и основанные на нем, мусульманские правовые источники сводят географию и этнографию народов мира к простой и удобной формуле: правоверных и неверных. К первым относят всех мусульман как свободных, а ко вторым — христиан, евреев и все другие народы, из среды которых мусульманам разрешается иметь рабов. Если шариат в одном месте признает мусульман свободными, равноправными гражданами, как налогоплательщиков,[2] то в другом — главном источнике шариата — Коране — указаны факты существования неравенства между людьми, господства и подчинения и элементы крепостничества в мусульманском мире. Например в суре 43, стих 31 написано: «Мы разделили среди них (т. е. людей — А. М.) их пропитание в жизни ближней и возвышали одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в служение»,[3] т. е. невольниками. И поэтому Коран предлагает верующим: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» [4].

---

[1] *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 50—54.
[2] См. на стр. 194 данной работы.
[3] Коран, М., 1963 г., стр. 389—390.
[3] Коран, М., 1963 г., стр. 389—390.

В этих стихах ясно видна классовая сущность Корана, направленная на защиту интересов господствующего класса, обожествляющего эксплуатацию человека человеком. При таком противоречивом толковании буржуазным ученым, далеко стоящим от марксистского анализа материалов, трудно было сказать свое веское слово о производственных отношениях между феодалами и крестьянами. В Бухарском ханстве регулирование земельно-водных отношений происходило на основе местных обычаев. Если кому-нибудь из европейских путешественников или исследователей нужно было выяснить вопрос о земельно-водных отношениях, то они обращались к представителю духовенства, и последний им толковал все с точки зрения шариата.

Опираясь на толкования духовенства, дореволюционные востоковеды и разные путешественники по мусульманским странам Востока отрицали факты существования крепостничества. На позиции его отрицания стоял и академик В. В. Бартольд, который очень много сделал для разработки истории зарубежного и советского Востока. Он указывал, что «...в мусульманском мире нет крепостного права»[1]. Следовательно, крестьяне не были прикреплены к земле, а якобы они имели права свободного перемещения.

Такое утверждение было основано на том, что большинство востоковедов совершенно не признавало фактов существования частной собственности на землю и воду в этих странах и в шариате не находило юридической формулировки о существовании крепостничества.

Эти ошибочные взгляды наложили свои отпечатки на позиции многих историков, в работах которых, к сожалению, мы встречаем повторение позиции буржуазных востоковедов, и данный вопрос до сих пор является объектом спора между учеными. Противники существования частной собственности на землю и воду, а также крепостничества в мусульманском мире, исходили и исходят из догм шариата, согласно которым государство объявляется верховным собственником земли, все мусульмане, независимо от их сословия и имущественного ценза, объявляются свободными райятами (гражданами), независимыми друг от друга. Такое утверждение, безусловно, ошибочно и не соответствует содержанию фактических материалов.

Вопросы аграрных отношений в эпоху феодализма занимают важное место в учении марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская историческая наука прежде всего исходит из того, что при нем существовала частная собственность феодалов на средства производства, главным образом на землю и воду.

---

[1] В. В. Бартольд, К вопросу о феодализме в Иране, «Новый Восток», № 28, 1930 г., стр. 119, его же Русская власть и ханства Бухары, соч., т. 2, ч. 1, 1963 г., стр. 426.

Однако ни в одной стране мира феодалы сами не использовали для ведения своего хозяйства всей земли, часть земли они передавали крестьянам. Отсюда ясно, что суть феодальной формы земельной собственности заключается в том, что работник производства — крестьянин не имел земли, ее он получал от феодала не в полную собственность, а лишь в пользование. Поэтому К. Маркс определяет феодального крестьянина термином «возделыватель — владелец» [1].

Поскольку земля находилась в собственности феодалов, то крестьянский надел мог в любое время быть отобран, а крестьянин согнан с земли. Однако как на Западе, так и на Востоке это случалось очень редко. Наоборот, как правило, крестьянин был прикреплен к земле пожизненно и по наследству.

Касаясь этого, Ф. Энгельс писал, что «в средние века не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации» [2].

Некоторые исследователи говорят, что если в ханстве нет юридических документов о закрепощении крестьян, то здесь якобы крепостничества не существовало. Однако марксизм-ленинизм не всегда связывает его с юридическими актами.

К. Маркс подчеркивал, что не всегда феодальная зависимость крестьян совпадает с формой юридического закрепощения. Он указывал, что «...во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [3]. Следовательно, здесь, как видно, К. Маркс рассматривает барщинный труд как одну из форм крепостной зависимости.

Анализируя положение крестьян в Германии, Ф. Энгельс подчеркивал, что под всеми общественными эксплуататорскими классами находились эксплуатируемые массы народа — крестьяне. «Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу — с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или еще того хуже. Если он был крепостным, он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым, то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы его придавить...» [4].

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955 г., стр. 811.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 349.
[3] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 803.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 7, изд. 2, стр. 356.

Здесь совершенно ясно, Ф. Энгельс указывает на существование двух разных форм феодальной зависимости крестьян, на крепостную зависимость и бесправных зависимых крестьян, сидевших на господской земле на определенных условиях, но пока еще не лишенных права свободы перехода, но которая могла бы очень легко превратиться в самую тяжелую форму крепостной зависимости.

Говоря о производственных отношениях в условиях феодализма, К. Маркс указывал, что «непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования»[1]. Этот крестьянин находился в таких условиях, при которых «только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»[2].

Монополия феодала на землю и воду как на средства производства создавала экономическую зависимость крестьян от собственника. Эта зависимость дополнялась непосредственными отношениями господина и подчиненного. В средневековом обществе «отношения личной зависимости составляют основу данного общества», «общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»[3]. «Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный,— как указывает К. Маркс,— должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский... (аристократ), этрусский теократ... (римский гражданин), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист»[4].

Эти обстоятельства позволяют феодалу эксплуатировать крестьян, сидящих на его земле. В силу этого крестьянин — «...непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны»[5].

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 803.
[2] *Там же,* стр. 807.
[3] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 84.
[4] Там же, стр. 240.
[5] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 802.

Следовательно, в условиях феодализма, соединение рабочих рук крестьян со средствами производства могло происходить так: в первом случае работник работал бесплатно в пользу феодала на его собственной земле, а во втором случае он получал от владельца землю — необходимый продукт для своего существования и осуществления производства, работая на том участке земли, которую ему выделял феодал.

В. И. Ленин указывал, что условия крепостничества были разнообразной формы: более жестокие и смягченные. «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[1]. В другом месте он говорил: «Основной признак крепостного права тот, что крестьянство... считалось прикрепленным к земле,— отсюда произошло и самое понятие — крепостное право»[2]. И совершенно ясно, что там, где оно приняло наиболее грубые формы, особенно в России, оно ничем не отличалось от рабства[3].

Следовательно, ясно, что каждому антагонистическому способу производства присуща особая форма присвоения чужого труда, особый способ классовой эксплуатации трудящихся. В феодальном обществе это проходило на основе закона «внеэкономического принуждения».

«Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит К. Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим...»[4]. Такой режим вытекал из того, что у крестьянина было свое хозяйство и он мог не работать на феодала. Но последний, когда получил право прямого насилия, заставлял крестьянина работать на него и получал прибавочный продукт.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма указывали, что феодальное общество всегда предполагало зависимость крестьян от феодалов, однако, как уже сказано, эта зависимость имела разную форму и степень, которая была связана с конкретными условиями той или иной страны, и феодализм Бухарского ханства не является исключением из этого правила. Если глубоко анализировать фактические материалы, становится ясно, что в силу феодальной иерархической формы землевладения в Бухарском ханстве, наравне со «свободными» крестьянами, существовала еще масса райят, зависимых от феодальной аристократии, от представителей государства (чиновников) и духовных учреждений, а также от родственников и близких людей

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 159.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 443.
[3] *В. И. Ленин,* там же, стр. 439.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 159.

эмира, которые эксплуатировали крестьян путем «внеэкономического принуждения».

В Бухарском ханстве, как и в Иране, равно и в других государствах мусульманского мира, работника прикрепляли не к господину, а к земле. Поэтому производителя нельзя было продавать, передавать в другие руки или завещать иначе, как вместе с землею, точнее говоря, вместе со всей деревней и землей. Отсюда и выходит, что крестьянин формально был лично свободным, но эта личная свобода, как указывает профессор И. П. Петрушевский, была не более как «юридической фикцией, понадобившейся государству собственно для того, чтобы формально не нарушать букву мусульманского права»,[1] которое, как уже выше сказано, признает всех мусульман свободными — налогоплательщиками.

Однако сам эмир был первым феодалом Бухары, а толкователи шариата — крупными землевладельцами и их землю надо было обрабатывать, чиновникам аппарата — обеспечивать жалование, но деньги в казне отсутствовали, работник на обработку чужой земли бесплатно не ходил. Для того, чтобы применить внеэкономическое принуждение, духовенство выдумало теологическое учение о власти эмира, согласно которому все то, что он желает или ему нравится — это и есть шариат[2]. Поэтому все население страны считалось рабами эмира, и на этой основе феодалы осуществляли крепостной режим над крестьянами райята и крестьянами, непосредственно сидевшими на казенных землях.

Главным являлось не теологическое учение, а феодальная земельная собственность — экономическая основа эксплуатации крестьян, на почве которой появились отношения господства и подчинения между эмиром как собственником средств производства и массой крестьян, лишенных свободного доступа к этим средствам производства. Следовательно, государство в этом отношении выступает собственником — помещиком, а райят — крепостные крестьяне, которые обрабатывали его землю.

Крестьянская масса — производители в результате нехватки земель, низкого качества обработки их участков, не могли снимать достаточного урожая, не были уверены в завтрашнем дне, не были в состоянии прокормить свою семью и обеспечить семенами будущий посев.

По шариату и местным обычаям им было предоставлено право приобрести землю за деньги и сделаться ее собственником или же пахать и засевать, убирать участки землевладельца на определенном условии. Денег у них не было, значит выбирали

---

[1] *Н. П. Петрушевский,* Земледелие..., стр. 334.

[2] *Ахмади Дониш,* Исторический трактат, в кн. Путешествие..., стр. 42—43.

второй путь, чтобы не умереть с голоду, они вынуждены были брать в долг на кабальных условиях хлеб, деньги и другие продукты, за что феодал заставлял их обрабатывать его землю.

Для того, чтобы организовать производство, землевладелец разделял часть своей земли на мелкие участки и предоставлял их крестьянам на определенных условиях, выдавая работникам часть дохода, полученного от этого участка, другую часть земли он оставлял себе, обрабатывали эту часть те же крестьяне, но плату за это они не получали. Следовательно, все земли и воды, которые находились во владении государства (казны) или частного владельца, в том числе и самого эмира или духовных учреждений были закреплены за определенными крестьянами, на основе чего возникали и развивались производственные отношения между феодалами и крестьянами.

Вопросы прикрепления крестьян к земле и крепостничества в Бухарском ханстве до сих пор являются объектом исследования, и некоторые ученые, опираясь на букву мусульманского права, отрицают факты существования крепостничества.

Однако они не учитывают, что, как в Иране и других мусульманских государствах, в Бухарском ханстве фактическая феодальная зависимость крестьян от землевладельцев существовала благодаря земельному держанию, в силу передачи государством служилым людям и духовенству на разных условиях (танхо, вакуф) или безусловно (мульк) населенных земель с правом взимать в свою пользу целиком или часть хараджа и другие подати. Исходя из этого, не юридически, а фактически землевладельцы присваивали себе судебно-полицейскую власть над крестьянами [1]. Это можно видеть на многих фактах из жизни в Восточной Бухаре, особенно в разделе феодальные повинности крестьян [2].

Что касается прикрепления крестьян к земле, это вытекает из содержания деловых документов, которые исходили из самого эмира или его бека. В Институте народов Азии под шифром А 212 хранится сборник документов бухарского эмира Хайдара, и два из них прямо говорят о прикреплении крестьян к земле. Когда эмир Хайдар назначал Камаладдин Максуда миразаром арабов, проживающих в Самаркандском вилаяте, в заключительной части указа мы читаем: где бы в вилаятах и тюманах ни были крестьяне (райята) и издольщики (шарик), да придут они под управление упомянутого миразара в свои юрты, да занимаются спокойно законным промыслом, и пусть никто не укрывает (химоят нашавад) и не препятствует [3].

---

[1] См. Н. П. Петрушевский, Земледелие..., стр. 326.

[2] См. стр. 185—192 данной работы.

[3] *С. Л. Волин,* К истории среднеазиатских арабов, в трудах второй сессии ассоциации арабистов (Труды института востоковедов, вып. XXXV), Л., 1941 г., стр. 119—120.

Аналогичные указания мы читаем в указе того же эмира о назначении чагатайского хакима: приказываю, чтобы никто из саидов, шейхов, эмиров и всех слуг дворца не укрывает чагатаев, если обнаружат беглецов, то немедленно вернуть их слугам упомянутого хакима[1]. Аналогичное явление наблюдается и по Восточной Бухаре, где в распоряжении бека о передаче крестьянского хозяйства в качестве танхо феодалами указано, что они целиком и полностью зависят от танходоров и никто из чиновников не должен мешать последним в эксплуатации крестьян[2]. Если одна часть крестьян Восточной Бухары зависела от феодалов, то другая часть находилась в распоряжении государства или духовных учреждений и фактически эксплуатировались на основе крепостного режима.

По форме своего прикрепления к земле крестьяне в Бухарском ханстве делились на четыре категории:

Первая, формально свободные крестьяне, собственники земли. Как во всяком феодальном государстве, в Бухарском ханстве, также и в местных шахствах крестьяне, которые не были в зависимости от того или иного феодала, считались «свободными» и зависели только от представителя власти. Они имели свою землю, рабочий скот, инвентарь и сельскохозяйственные орудия, занимались земледелием, скотоводством, промыслом и др., платили государству налоги и подати, а также выполняли трудовую повинность в пользу последнего. Крепостной режим над ними осуществлял бек и амлякдар, как представители государства. В условиях господства феодальной раздробленности, междоусобных войн и отсталых форм натурального хозяйства в центральной, южной и восточной частях Таджикистана процесс феодализации шел медленно, крупных частных землевладельцев было мало. Феодальные «царьки» и подчиняли этих «свободных» крестьян себе и мобилизовывали их на войны против своих соседей. В то же время, они при нападении врага охраняли перевалы или при удобном случае нападали на него. Это был непрекращающийся процесс, который в районе Гиссара, Вахшской долине и Кулябе продолжался до 60-х годов, а в Каратегине, Дарвазе и Памирских шахствах — до 80-х годов XIX в.

По мере установления бухарского господства и развития товарного производства, здесь интенсивно происходил процесс освоения земли феодалами, причем они стали обладателями не только мертвых, но и оживленных земель, также горных пастбищ и подножий гор для развития скотоводства и охоты.

Это безусловно давало свои результаты. Число свободных крестьян все больше сокращалось, и они стали зависимыми от собственников земли.

---

[1] *С. Л. Волин,* Указ. соч., стр. 120.

[2] См. ниже на стр. 173—178 данной работы.

Вторая, государственные крестьяне. В их число входили те, которые сидели на государственных землях. Фактические материалы, изложенные в данной работе, свидетельствуют, что земли, находившиеся в распоряжении казны делились на две части: облагаемые (замини дахякдор — десятинные) и необлагаемые (бедахяк — бездесятинные). Облагаемыми назывались те земли, которые делились на мелкие участки и раздавались крестьянам для обработки на определенных условиях.

Порядок раздачи этих земель крестьянам был следующий: разъезжая, чиновник эмира или бека объявлял о раздаче государственных земель крестьянам, или инициативу на получение ее проявлял сам производитель. В обеих случаях сначала как «нейтральные» лица — муфти и аксакал определяли качество земли, затем определяли размер аренды, после согласия обоих (работника и представителя государства) последний давал первому васику (грамоту) на право владения землей.

Примером отдачи государственных земель в распоряжение крестьян может послужить следующий документ, который исходил от чиновника бухарского эмира Таки бия:

«Таки бий ваш раб докладывает о богарной султанской земле, площадью посева в 150 манов яровой пшеницы, грамота на которую украшена высочайшей, благословенной печатью. Назначив муфтия и аксакалов, мы приказали поделить эти земли между всеми крестьянами... они установили цену на обработку в 25 танег... за каждый ман пшеницы и отдали (землю). Крестьяне же согласны и возносят молитвы. Надеемся, что предоставив упомянутую землю по такой цене за обработку, мы пришлем вырученные за ее деньги в высокое казначейство» [1].

По таким же документам все государственные земли и другие источники доходов сдавались крестьянам на обработку.

Другая часть государственных земель находилась непосредственно в распоряжении дома эмира, ее обрабатывали силами крестьян первой и второй категорий (в зависимости от расположения этих земель по месту жительства производителя).

С получением таких земель, независимо от собранного урожая, производитель был обязан согласно договору ежегодно платить определенную сумму государству и выполнять все трудовые повинности в пользу последнего.

Как только прошло три года, согласно шариату, земля оставалась у крестьянина, он имел право данный участок оставить себе, отдать в наследство, продать или же через год отказаться от него. Однако последний вариант, по существу, не практиковался. Таким образом, земля закреплялась на вечное пользование за крестьянином, и на этой основе образовалась категория крестьян, которые сидели только на государственной земле.

---

[1] Документы к истории..., стр 207—208.

И если они сидели только на такой земле, то формально они ни от кого не были зависимы, кроме представителя государства, и в пользу его выполняли феодальные повинности. В этом случае рента и налог совпадали, и никакого дополнительного налога эти крестьяне не платили государству.

Если эти крестьяне не ходили на работу, то их чиновники насильственно гнали на участок амлякдара или другого крупного эмирского чиновника, заставляли его безвозмездно работать на хозяина [1].

То же самое можно сказать и в отношении выполнения других барщинных работ. Они в принудительном порядке принимали участие в работах по очистке арыков, строительстве и ремонте зданий, мостов, поставляли свой рабочий скот в пользу господина, для транспорта — лошадей и ишаков, о чем сказано в разделе — «Феодальные повинности крестьян».

Что касается категории крестьян, сидевших на земле вакфа, то надо сказать, что специально такая группа крестьян в Восточной Бухаре отсутствовала. Землю на условии договора обрабатывали крестьяне райята, которые нуждались в ней. Вакуфные земли тоже на основе шариатской трехлетней давности закреплялись за работниками производства. Исходя из этого, в руках многих крестьян одновременно находились государственные и вакуфные земли, они по отношению к государству были крепостными, а по отношению к духовным учреждениям, вакфовладетелям — зависимыми.

Третья, крестьяне, сидевшие на землях танхо. Она образовалась из числа этих двух вышеуказанных категорий, и как только крестьянское хозяйство передавалось в танхо тому или иному лицу, государство теряло на него право, и оно переходило в распоряжение танходора, крестьяне которого всю свою трудовую деятельность согласовывали с хозяином. А что такое танхо в Восточной Бухаре? Это массовое прикрепление крестьянских хозяйств к феодалу.

Причины образования танхо были связаны, с одной стороны, с привлечением на защиту интересов эмира крупных духовных и светских феодалов, с другой — нужно было обеспечить чиновников аппарата управления жалованием и обеспечить их работниками для обработки земель. Все это эмир отнес за счет народа и освобождал казну путем раздачи им крестьянских хозяйств в танхо. Танхо не могло по шариату распространяться на личность мусульманина. Но для того, чтобы оно казалось законным и отвечало духу шариата, в Бухарском ханстве практиковались приемы так называемые «хелаи шаръи» («шариатский эпитет»), т. е. умение ловко использовать шариат. По многим вопросам применяли его, и незаконные действия делали законными.

---

[1] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара..., ч. II, стр. 57.

Например, в Бухаре кельи, которые существовали при медресе мечетей и мазаров, по шариату категорически запрещалось покупать и продавать, так как они были построены на средства вакфа. Однако их свободно продавали и покупали, сдавали в аренду как свою собственность.

В этом отношении ловко использовался шариат. Заключалась следующая сделка: каждый муллабача (ученик), которому посчастливилось получить келью в первый раз, для своих нужд покупал чугунный чайник (для кипячения воды) и небольшую деревянную лестницу для подъема с первого этажа на второй. Все эти предметы считались собственностью муллабачи. При купле и продаже в документе указывалось не сама келья, а чайник и лестница. Такими путями каждая келья свободно продавалась, и это считалось вполне законным, тем самым сохраняли букву шариата. Их цена зависела от дохода вакфа медресе, при котором они находились. Это простая истина известна каждому бухарцу, который учился и жил в ней, об этом говорил С. Айни [1]. Так что шариат нельзя считать за чистый и неизменный закон, эмир и духовенство, а также сановники как хотели, так его и использовали.

То же самое можно сказать о личной зависимости крестьянина от феодала, которую шариат не допускал. Но на основе положений шариата, изложенных на стр. 179—180, 88 и 194 данной работы, государство имело право с населения получать налог и быть собственником тех земель, которые не имели своего конкретного владельца. Это являлось основанием для шариатского эпитета по закреплению личности крестьян. При передаче крестьянского хозяйства в танхо феодалам в документе о личности крестьянина не писалось, а указывалось на передачу налоговой доли государства, которая падала на него. Если речь идет о передаче земли, то имелось в виду распространение действия государства на те земли, которые не имели конкретного владельца. Следовательно, в обоих случаях буква шариата сохранена. Однако это нигде не соблюдалось, о чем будет сказано ниже.

Порядок передачи крестьянских хозяйств в танхо феодалам был индивидуальный и групповой. Для индивидуальной передачи в качестве примера можно привести несколько документов.

В 1912 г. каратегинский бек Негматулла передал два крестьянских хозяйства кишлака Лангара Пумбачинского амлякдарства в танхо муфтию мулле Мухаммад Юнусу по документу следующего содержания:

«Да будет известно всем, что от имени его величества (бухарского эмира), из жителей кишлака Лангара Абдурахмана и Джалала мы передали в танхо защитнику веры муфтию мулле

---

[1] *С. Айни,* Воспоминания, М.—Л., 1960 г., стр. 194—196.

Мухаммаду Юнусу и от него получили молитву. Поэтому все, кого это касается, должны вышеуказанных лиц считать зависимыми от указанного защитника веры и ни в чем не мешать ему, чтобы без препятствия мог собирать ушр и другие установленные местными обычаями подати и тратить их на свое содержание, верно служить в пользу государства его величеству. 1331 (1912) г.»[1].

Тот же самый факт мы видим в Дарвазском бекстве. Бек по собственному усмотрению давал феодалам крестьянские хозяйства в танхо по документу следующего содержания:

«Да будет известно мирам (т. е. амлякдарам — А. М.), миразарам (сельским старостам — А. М.) и сборщикам налогов села Сагирдашта, что во славу даренного богом государства его величества (эмира — А. М.), жителя селения Зарако, по имени Мухаммад Нидо, мы передали в качестве танхо Абдулхалиму мирахуру взамен его бывших танхо Шохусейна и Абдурахмана, за что указанный мирахур молился за здоровье эмира. Местные жители и сборщики налогов должны упомянутого (т. е. Мухаммада Нидо — А. М.) считать танхо указанного мирахура и к ним никакого касательства не должны иметь, дать полную возможность, чтобы мирахур получал ушр и другие амалиёт (т. е. налоги и поборы — А. М.) с упомянутого лица (т. е. Мухаммад Нидо — А. М.) и тратить их на свои нужды и молиться за благополучие эмира. 1333 (1915) г.»[2].

Из содержания другого документа того же бекства, оформленного в 1918 г., явствует, что некий чиновник Кушак караулбеги сначала в кишлаке Ширгавад получил в танхо один участок земли в размере $2^1/_2$ паймана, но затем оказалось, что он является собственностью жителя данного кишлака по имени Шикори и поэтому бек вернул ее хозяину, а доход с нее отдал в танхо чиновнику по документу следующего содержания:

«Да будет известно амлякдару и другим чиновникам, а также аксакалам Ванджа, что 2,5 паймана земли крестьянина Шикори из Ширгаовада, которая находилась во владении Кушака караулбеги из Пидихарва, теперь возвращается собственнику, так как она являлась землею его деда, за что он вечно будет молиться за здоровье эмира. Наравне с этим в качестве танхо оставляем ее за Кушаком караулбеги, которое может получать ушр и тратить его на свои нужды. В связи с этим следует всем, которых касается впредь действовать на основе данного распоряжения и ни в чем не мешать указанному чиновнику. 1337 (1918) г., мухр: Туробкулибек»[3].

---

[1] Наши материалы, д 2, док. № 9.

[2] Данный документ напечатан в работе М. Рахимова «Об институте «танхо» в Дарвазе», Известия АН Таджикской ССР, № 4, 1953 г., стр. 132.

[3] Наши материалы, д. 2, док. № 10.

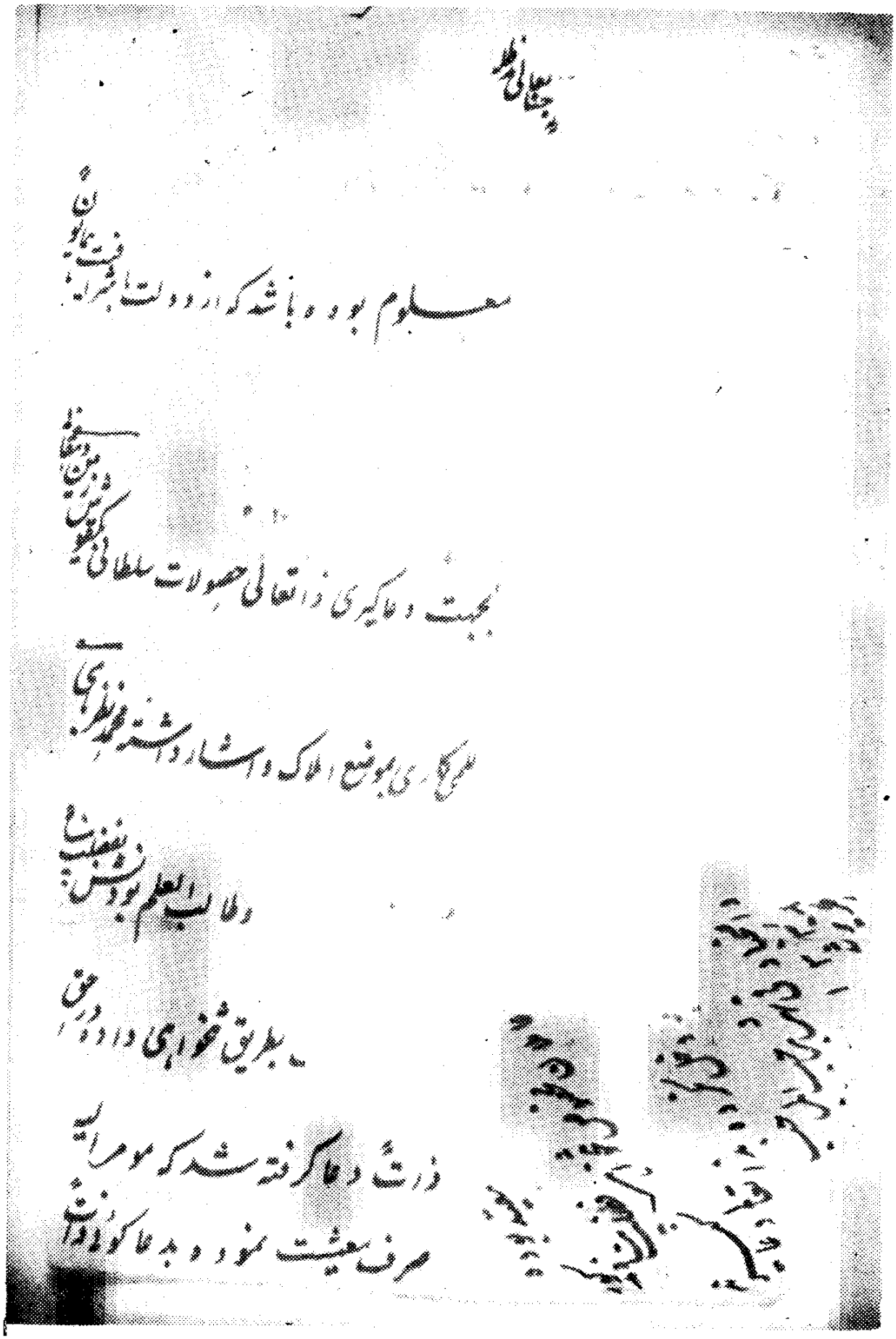


Рис. 16.

Аналогичный источник приведен в работе Н. Латыпова и М. Рахимова, согласно которому сын Абдурахмана мирахура, Ишанкул караулбеги получил в качестве танхо крестьянские хозяйства Бутака и Рахима (из кишлака нижнего Кулумба) [1]; Тавалла мирахур на той же основе получил в танхо крестьянина по имени Сиямардак (из кишлака Висхарва) [2].

В 1919 г. в документе, который оформлен в одном из амлякдарств Байсунского бекства, сказано, что некий амлякдар Асадулла мурахур, выступая от имени эмира, распорядился о передаче одного куша богарной земли крестьянина Мухаммад Назара в танхо защитнику веры Мухаммаду Абдулворису по той причине, что последний учился в медресе [3]. Рис. № 16.

В танхо феодалам передавались не только отдельные крестьянские хозяйства, как уже сказано, но и целые кишлаки или группы кишлаков. Это видно из документа каратегинского бека о передаче кишлака Дараи Ярхапа феодалу ишану мулле Касыму, в котором говорится:

«Уважаемому брату Искандархану!

многократно приветствую Вас и извещаю, что мы передали кишлак Дараи Ярхап ишану мулле Касыму. Вы также должны приказать, чтобы никого из жителей указанного кишлака не брали на военную и караульную службу, на охоту и заготовку дров, на выполнение барщинных работ и на прочие повинности, и вообще никто не должен мешать ишану, дать ему полную возможность, чтобы жить спокойно и прославлять нас во имя нашего счастья. Обязательно и настоятельно предупреждаю вас об этом и требую беспрекословного выполнения данного указа» [4]. Рис. № 17.

В 1949 г. мы проверили на местах и опросным путем выяснили, что этот духовный феодал являлся владетелем многих кишлаков в ущелье Ярхап: Бадамюг, Ярхап Чукурак, Шамар, Курчин, Чиляк и Камалистан, в которых проживали несколько десятков крестьянских семейств, целиком и полностью зависящих от ишана и выполнявших работу по его усмотрению.

Сколько бы не приводилось документов все они были составлены в том же стиле. Они показывают каким путем масса крестьянских хозяйств оказались танхо феодалов.

Количество танходоров в Восточной Бухаре, особенно в конце XIX — начале XX вв. было очень большое. Причиной этого является отдаленность от центра эмирата, в результате чего контроль был поставлен слабо. Используя это чиновники, которые приезжали из Бухары в качестве правителей, за выкуп или

---

[1] *М. Рахимов*, Ук. статья, в «Известии» АН Тадж. ССР, № 4, стр. 135.
[2] *Н. Латыпов*, Указ. дис. ..., стр. 207—208.
[3] Наши материалы, д. 2, док. № 12.
[4] Там же, док. № 13.

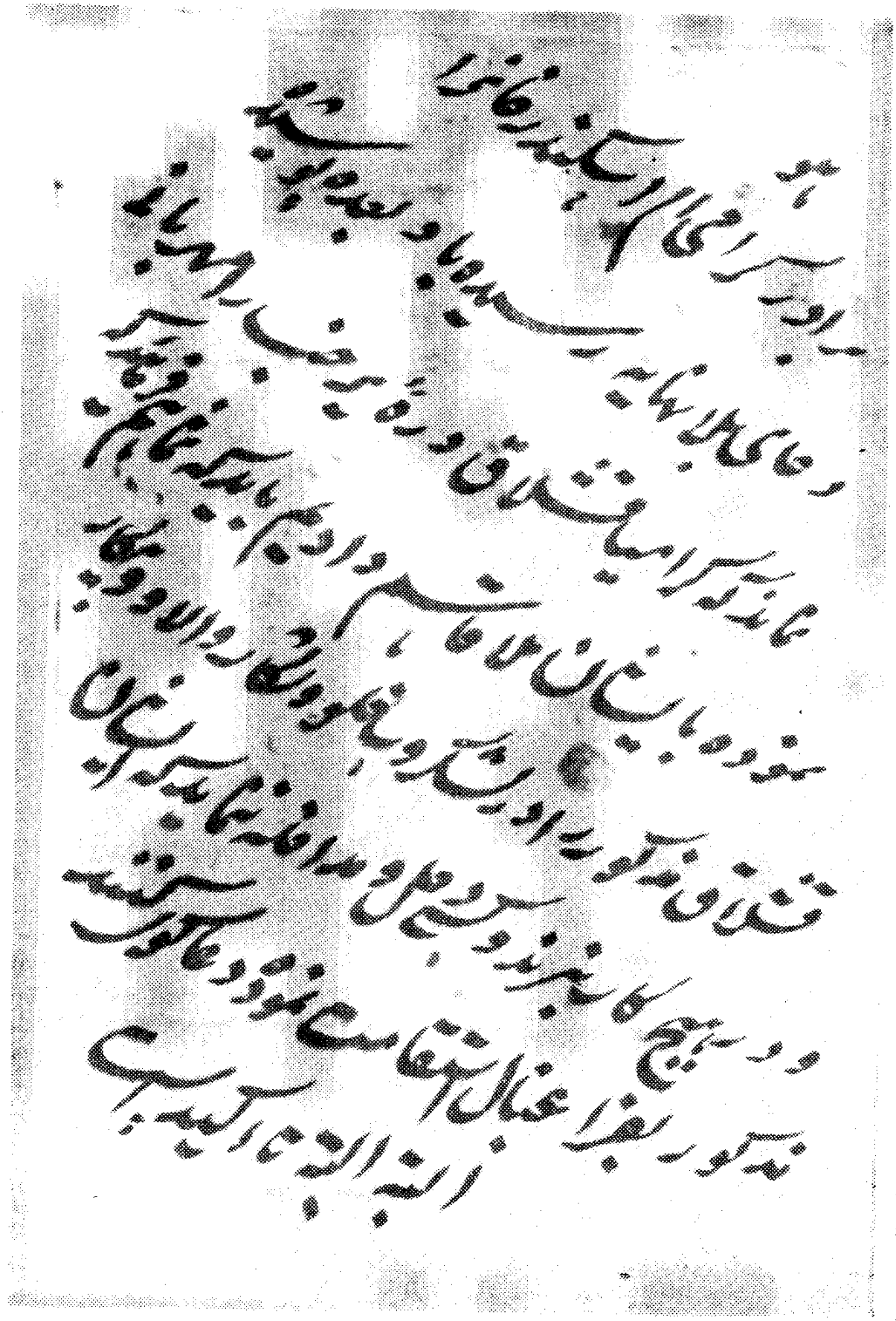


Рис. № 17

подарок начали щедро раздавать крестьянские хозяйства и землю феодалам.

Из беседы с местными старожилами совершенно ясно раскрывается содержание многих документов феодальной Бухары, которые написаны замаскировано и недостаточно ясно излагают суть дела. Старожилы рассказывают о купле земли, звания и чина у бека, называют имена чиновников, количество их танхо, некоторые даже указывают цену того или иного звания. Например, из наших данных по Каратегину ориентировочно можно взять следующие цифры [1]:

Наименование звания чинов	Цена в тыс. танег (один танга—15 коп.)	Кол-во хозяйств, полученных в танхо чиновником
Рядовой наукар . . .	1,2—2	2
Караулбеги	2—4	4
Мирахур	3—5	4—10
Туксабо	5—10	до 100
Ишикогобоши	6—15	150—200
Бий	10—20	250—300

В зависимости от уплаты денег чиновник приобретал авторитет, должность и танхо. В Гиссарском бекстве, согласно данным которые приводит Хамраев М. по этому бекству, можно составить следующую таблицу:

Наименование звания	Цена звания в тангах	Получаемое вознаграждение от бека в виде дохода от земли
Боходур	400	20 *га*
Чураогоси	600	30 *га*
Джибачи	800	40 *га*
Караулбеги		60 *га*
Бий и дадха	до 15 тыс.	

Причем в Лакайском (Исанхаджа и Батраклы) амлякдарствах чиновники находились на привилегированном положении. От лакайцев караулбеги получил в танхо 15 кушей, т. е. доход с 150 га земли [2]. На таком же положении находились и другие чиновники данного племени.

По материалам М. Рахимова видно, что в Дарвазском бекстве, если с начала бухарских завоеваний караулбеги получал в танхо 2—3 крестьянских хозяйства, мирахур — 5—10, туксабо — 10—15, бий — 14—20, то за последнее время каждый из этих владельцев получал по 40—60 и более хозяйств. «Все

[1] См. А. Маджлисов, Каратегин..., стр. 32—34.
[2] *М. Хамраев,* Указ. соч., стр. 38.

они,— как пишет он,— получали такие крупные танхо лишь после подношения «тортука» или «пешкаш» беку... феодал, желавший получить танхо, платил беку 1000 танег, 1 лошадь со сбруей, полный костюм [1], 4—6 голов овец и т. п.» [2].

Это обстоятельство привело к увеличению числа танходоров по всей Восточной Бухаре. Об этом говорят фактические материалы.

В Оби-Гармском амлякдарстве долгие годы был казием мулла Курбан, сын муллы Гияса из Дарваза, он владел 292 крестьянскими хозяйствами на правах танхо. Как рассказывает Алам Саидов,[3] мулла Курбан владел крестьянскими хозяйствами следующих кишлаков Оби-Гармского амлякдарства: Талхо — 50, Лаудара — 12, Таги Огба — 15, Лояки Поён — 25, Наботак — 10, Парихон — 20, Пору — 50, Майдан — 45, Дарай Лугур — 65.

Крупнейшим светским феодалом этого же амлякдарства был Хакберды бий (из Калай Дашта), он имел 390 крестьянских хозяйств на правах танхо из разных кишлаков долины Калай Дашта.

Бури мирахур (из Хакими) владел 120 хозяйствами танхо. Бури туксабо (из Муджихарфа) имел 165 хозяйств на правах танхо в кишлаках: Хулоз — 54, Мулавун — 23, Кулот — 15, Зарда — 30 и Гарм — 43. Он сам находился на службе по сбору хараджа в Муджихарфском и Пумбачинском амлякдарствах.

Кази мулла Икрам урок из Муджихарфа имел 56 хозяйств в танхо. Другой феодал Усман мирахур из кишлака Самсолика, как нам рассказывал Бобохалим Назиров, имел 54 хозяйства в танхо, 10 пар быков, 12 лошадей, несколько сот баранов, 3 дома (в Сасолике, Гарм, и Пумбачи), 40 чорьякоров и др. Его сын Бадал бай занимался торговлей баранами. Жен у этого мирахура было восемь.

Мухамад Саид бий (из кишлака Ялдмича), по словам Саида Саидова,[4] владел 350 крестьянскими хозяйствами в качестве танхо (из кишлаков: Ялдмича, Шомирзоена, Каланака, Бадалиена, Хуфака, Янголика, Нимичи Боло, Нимичи Поён и других).

Н. А. Кисляков утверждает, что у Мухаммад Саид бия было 55—68 хозяйств — танхо [5]. Однако это не соответствует действительности, так как Мухаммад Саид бий, по сообщениям старожилов и самого Сафарова, который работал вместе с ним при Абдулхафизе парвоначи, был самым крупным земледельцем,

---

[1] В костюм (сару по) входят: драгоценный халат, чалма, сапоги и другая одежда для мужчин.

[2] *М. Рахимов,* Земледелие таджиков..., стр. 136.

[3] *Алам Саидов* — из кишлака Джавони Комсомолабадского района, ему в 1949 г. было 79 лет.

[4] Из кишлака Джафра Гармского района, ему 77 лет.

[5] См. Н. А. Кисляков, Очерк по истории Каратегина, Душанбе, Ленинград, 1941 год, стр. 222.

наравне с Аббасхаджой судуром фатхабадским, и занимал пост диванбеги у мира, т. е. был вторым человеком после него во всем Каратегинском бекстве. По словам Саидова, который участвовал в восстании Усмана, во время боя он отрубил руки Мухаммаду Саиду бию, последний имел несколько зернохранилищ во многих кишлаках Гармского амлякдарства. Впоследствии повстанцы раздавали бедным крестьянам зерно из этих хранилищ. Что касается Аббасхаджи судура фатхабадского, то, по словам Б. Г. Гафурова, в Калай Лябиобском районе судур (крупный духовный чин) Аббасхаджа в качестве танхо имел кишлак Фатхабад, в котором было 270 хозяйств. Кроме того, он имел танхо в кишлаках Дараи Мазар, Куло и др.[1] Нам хотелось бы дополнить эти сведения данными, сообщенными Саидрахман Рахимовым из кишлака Капали Гармского района.

По его словам, у Аббасхаджи судура, кроме Фатхабада, где он владел довольно большим количеством хозяйств, танхо были и еще в других кишлаках: в Марге — 20 хозяйств, в Алмалике — 50 хозяйств, в Ганишоу — 45 хозяйств, в Куло — 95 хозяйств, в Дараи Мазаре и Лангаришо — 55 хозяйств и в Дараи Назараке — 60 хозяйств. Таким образом, Аббасхаджа владел в качестве танхо почти 400 хозяйствами, платившими ему подати и выполнявшими трудовую повинность и обрабатывающими его земли.

По сообщению того же Рахимова, в кишлаке Капали Дарвози ишикогобоши, сын Дарвеш бия, в годы правления Рахманкул бека получил ярлык (грамоту) на чин бия, а вместе с ним и танхо из 160 хозяйств.

Уже до того он владел 140 хозяйствами на правах танхо. Таким образом, он был танходором 300 крестьянских хозяйств. По сообщению Касир-Набиева, такие кишлаки как Курчин, Капали, Евги, Ганишоу и часть Калай Лябиоб являлись танхо Дарвази бия. Другая часть Калай Лябиоба и его окрестности в количестве 175 хозяйств являлись танхо Шоймарданкула, который занимал должность диванбеги этого амлякдарства.

По неполным данным, Баладжан бий (из Хиджибарака) владел более 250 хозяйствами в качестве танхо. Такими же крупными землевладельцами в среднем течении реки Сурхоба были: Давлятбек бий из кишлака Паткинмаша, мулла Абдурахим судур, мулла мирзы Умед из Ярхапа и другие.

По словам Бабахаджа Пошахаджаева[2] выяснилось, что Давлятбек накануне революции являлся одним из крупнейших местных феодалов в Каратегине и играл влиятельную роль в управлении бекством. Он приобрел особенно большой вес при

---

[1] *Б. Г. Гафуров,* История таджикского народа, М., 1949 г., стр. 422.

[2] Он из кишлака Хильмани, ему 83 года.

повторном управлении Авлиякулибека додхо (1917—1918 гг.), получив у него чин бия. В Гарме, Навди, Хилмани, Хархаме, Шил, Казнаке и Падкинмаше Давлятбек имел более 300 хозяйств — танхо. Его двоюродный брат Бури мирахур постоянно занимался торговлей скотом в Фергане в интересах Давлятбека. Жена Давлятбека бия, Адолатхон,[1] рассказала нам: Давлятбек бий от своего отца получил в наследство в Падкинмоше 150 манов земли, во время управления Мурадбека он купил следующие государственные земли: в кишлаке Хильмани — 160 манов, в Гарме — 10 манов; Авлиякулбек подарил ему 20 манов земли в Хархаме, 20 манов — в Казнаке, 20 манов — в Шиле и 80 манов — в Нимиче. По завещанию отца Адалатхон, он получил 10 манов в Гиссаре. Земли, находившиеся в Падкинмоше, Хильмани и Гарме, обрабатывали крестьяне-танхо, а остальную землю он сдавал в аренду чорьякорам.

Мулла Рахим судур также владел не менее чем 300 хозяйствами в качестве танхо в ущелье Камароу и в Гармском амлякдарстве. Как рассказывал Хаджа Фатахов[2], наиболее крупные феодалы-землевладельцы были в Хаитском амлякдарстве: Гадой бий владел танхо в кишлаке Дараи Мазаре, состоявшем более чем из 450 хозяйств. Саид Акрам из Хисарака того же амлякдарства владел 400 хозяйствами танхо.

Шарипов Абдурахман[3] рассказал о том, что в Муджихарфском амлякдарстве был наиболее влиятельным феодалом ишан мирза Зухайл (из кишлака Хасандара), он имел своей земли 80 манов в Ганишоу, 50 манов в Майдоне (Оби-Гарм), 90 манов в Хакими (Муджихарфского амлякдарства) и несколько манов в самом кишлаке Хасандара. Ему же Авлиякулбек передал 120 хозяйств в танхо в Муджихарфском амлякдарстве, и он получил в наследство от отца 120 хозяйств в Оби-Гармском. В общей сложности он владел 240 хозяйствами. Он имел 20 лошадей для козлодрания, 8 мулов, 4 сурука[4] (около 4 тыс. овец), 3 обджувоза,[5] 25—30 пар быков для пахоты и несколько десятков коров.

Ишан Шоюсуф (брат ишана Зухайла) жил в кишлаке Сиё-Гулак, имел 250 манов собственной земли и 180 хозяйств — танхо в Муджихарфском и Пумбачинском амлякдарствах.

Таким образом, из 23142 крестьянских хозяйств Каратегина,

---

[1] Адалатхон Мансурова, с которой мы беседовали в 1949 году, проживала в кишлаке Падкинмоше Хильманийского сельсовета Гармского района, ей тогда было 76 лет.

[2] Из кишлака Даврун, бывшего Уталикского сельсовета Хаитского района, ему в 1949 году было 76 лет.

[3] Из кишлака Казакан, Муджихарфского с/совета Комсомолабадского района, ему в 1949 г. было 83 года.

[4] *Сурук* — стадо овец, численностью около тысячи голов.

[5] *Обджувоз* — рисоочистительная мельница, движимая силой воды.

6 тыс. являлись танхо феодалов, в распоряжении которых находилось 30 тыс. манов земли [1].

Аналогичные факты были и в Дарвазском бекстве. Только по амлякдарству Вахиеи Боло и двух мирзарств Тавильдаринского амлякдарства из 1614 крестьянских хозяйств 543 находились в танхо 23 феодалов. Среди них наиболее влиятельными феодалами, владевшими большим количеством крестьян танхо, были Рахим бий, ишан Султан, Мухаммад Нугман бий, ишан Хикмат и др.[2]

В Кулябском бекстве наиболее крупными танходорами являлись Ашур туксабо, Хамро додхо и др., каждый из которых владел от 35 до 125 крестьянских хозяйств на правах танхо [3].

Та же самая картина наблюдается в Западной Бухаре, где чиновники государственной службы получали доход с земли, которая находилась во владении крестьян. Например, из одного документа, опубликованного Институтом истории и востоковедения АН Узбекской ССР видно, что несколько наукаров имели одно и то же военное звание баходура, а танхо получали разных размеров: Вандакул баходур — 21 танаб, а Абдулсадик — 14, Пармон баходур — 12,5, Юлдаш баходур — 23 и т. д. Одина мирзабоши — 35, а другой — 25 танабов. Очень близки по своему назначению караулбеги и джебачи, но первый получал 47, а второй — 40 танабов. Итак, 606 танабов земли, находившиеся у разных дехканов, были розданы 28 наукарам [4].

Вышеприведенные источники подтверждают, что в Восточной Бухаре значительная часть крестьян со своей землей зависела от светских и духовных феодалов, и не менее этого от государства, и все они находились на положении крепостных.

На самом деле феодал, как только получал право на танхо, становился полновластным господином, обладателем не только труда крестьянина, но и всех богатств данной местности, включая землю, лес, пастбище, скот, тем самым производитель целиком и полностью становился зависимым от нового своего господина. Танходор, в силу полученного им юридического права, являлся полновластным господином тех производителей, хозяйства которых он получил в танхо. Однако здесь надо подчеркнуть, что речь идет не о любой форме насилия или же религиозного воздействия, а о прямом внеэкономическом принуждении. Это было необходимое условие для обеспечения господства феодала над работниками производства. Для того, чтобы не дать им возможности превратить землю и воду в свою собственность или идти на другую землю, танходор прибегал к насилию, для

---

[1] См. таблицу на стр. 148 данной работы.

[2] *Н. А. Кисляков,* Из истории..., в «Известиях» АН Таджикской ССР, № 4, 1953 г., стр. 119—121.

[3] *Ш. Юсупов,* Очерки истории..., стр. 60—62.

[4] См. Указ. сбор., Документы к истории..., стр. 209—217.

чего государство давало ему в распоряжение особую грамоту. Эта грамота отдавала работника, т. е. крестьянина, не в полную собственность феодала. В этом было заинтересовано и государство, так как от этого имело выгоду. Цель раздачи крестьянских хозяйств в танхо заключалась не только в том, чтобы обеспечить феодала, но и в том, что государство тоже имело от этого пользу. До второй половины XIX века все танходоры в обязательном порядке несли военную службу у эмира или же у местных шахов, а после присоединения Средней Азии к России, когда военная опасность была ликвидирована, господин (эмир или бек) возложил на своего танходора новые обязанности — уплату тортука или бухчи (подарки). Если бы у танходора не было прямой власти над крестьянами, он не мог бы выплачивать своему синьору тортук. Выплата тортука ложилась тяжелым грузом на плечи крестьян.

Побывавший в Восточной Бухаре Г. А. Арандаренко указывал, что господство феодалов выражалось не только в тягости податей, но и даже в фактическом крепостничестве (буна — т. е. танхо), выражившемся в подпадении целого ряда селений в полное повиновение или подневольное подчинение служилым людям (сипаям — т. е. чиновникам — А. М.) [1].

Таким образом, все крестьяне Восточной Бухары были прикреплены к той или иной земле и зависели от собственника средств производства. Если «свободные» и «государственные» крестьяне формально сохраняли за собой некоторую самостоятельность и отвечали за выполнение условий договора о выплате ренты и налога, а также несение трудовой повинности, то крестьяне-танхо находились в самых тяжелых условиях крепостничества.

Наряду с этими вышеуказанными категориями крестьян, было еще много людей юридически свободных, не имевших собственной земли. К таким относились чорьякоры и панджакоры.

В условии Бухарского ханства не все феодалы имели звание и государственные должности или входили в число высшего духовенства, но они обладали большим количеством земли, деньгами и скотом. Однако для обработки своей земли у них не хватало рабочей силы. Поэтому они использовали массу разорившихся крестьян.

Чрезмерные налоги и поборы, засуха, голод и разного рода махинации феодалов делали свободных крестьян должниками баев и ростовщиков, а последние, опираясь на свое богатство, через старост-арбабов, миразаров и аминов заставляли крестьян сидеть на своих местах, пока они являлись должниками. Освобождение от долгов было редким явлением, наоборот, денежная

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6931, л. 93, цитировано по кн. Б. И. Искандарова Восточная Бухара..., ч. 1, стр. 81.

кабала, как это мы увидим в IV главе, приводила к потере дома, двора и земли.

Долговая кабала не противоречила законам шариата. Об этом свидетельствует то, что в «Хидая» выделены специальные разделы, так называемые «китоби иджора» (глава об аренде) [1] и «китобин рохин» (глава о залоге) [2]. В главе об аренде указано, что землевладелец может сдавать свою землю так же, как и другие источники доходов (воду, мельницы, караван-сараи и др.), в аренду на определенный срок и условиях любому человеку, который изъявит желание получить их. В шариате также санкционирована совместная обработка земли («муштарак» — по-арабски, «шарики» — по-таджикски). Залог в шариате выделен для гарантии феодалов от убытков. Это распространялось, главным образом, на движимое имущество (деньги, скот, вещи).

До второй половины XIX в. эти две категории не представляли серьезной силы, так как в условиях натурального хозяйства землю феодалов обрабатывали крестьяне. Но после присоединения Средней Азии к России в связи с ростом товарно-денежных отношений среди крестьян и других слоев населения выделялась зажиточная часть, в руках которой стали концентрироваться деньги, земли и скот. Зажиточные хозяева, не имея феодальных привилегий, стали нуждаться в рабочей силе. Вместе с тем ряд крестьян в результате дифференциации лишался средств производства и превращался в сельскохозяйственный полупролетариат. Некоторые чиновники и часть духовенства также стали приспосабливать свое хозяйство к новым экономическим условиям и нуждались в рабочей силе. Такой сельскохозяйственный полупролетариат стал арендовать и обрабатывать их земли за четвертую часть урожая, иногда за пятую долю, а то и более низкую часть урожая.

Профессор И. П. Петрушевский считает, что издольная система является одной из форм феодальной эксплуатации крестьян в Иране и Средней Азии и она послужила главной причиной застойности, и экономической отсталости сельского хозяйства в этих странах. При господстве этой системы землевладелец порою был даже заинтересован в обеднении крестьянина, ибо чем беднее он был, тем более кабальные условия мог навязывать ему землевладелец [3].

Это целиком и полностью относится и к Восточной Бухаре. Доказательством чего является документ исходивший из Дарвазского бекства, согласно которому мы видим, что в кишлаке Чильдара некий землевладелец мулла Шаъбон своим приступным действием способствовал разрушению хозяйства крестья-

---

[1] Мухтасар-аль-викая, стр. 285—294.
[2] Там же, стр. 305—315.
[3] *И. П. Петрушевский,* Земледелие..., стр. 286.

нина Мирзарахима для того, чтобы навязать ему тяжелые кабальные условия [1].

При разорении крестьянского хозяйства землевладелец предоставлял крестьянину не только землю и орошение, но и рабочий скот, семена и орудия труда. Эта система выдаваемых землевладельцем издольщику авансов на обзаведение хозяйством, переплетавшаяся с ростовщичеством, как указывает И. П. Петрушевский, еще более усиливала закабаление крестьян [2].

Необходимо подчеркнуть, что по своему уровню жизни и выполнению работ издольщики мало отличались от крестьян факиров или танхо, поэтому на чьей бы земле не сидел крестьянин, везде и всюду они выполняли одни и те же обязанности и подвергались жестокой эксплуатации.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

По всей местности расходы, связанные с производством, падали не на собственника земли, а на производителя. В силу этого крестьянин не был в состоянии вложить большой капитал в производство, поэтому крестьянские хозяйства повсеместно в Восточной Бухаре были мелкими.

Из содержания деловых документов, которые исходили от правителей различных областей Бухарского ханства в разное время, явствует, что на крестьян в зависимости от их занятия и характера земледелия было возложено много обязанностей, как уплата налогов (натурой и деньгами), выполнение трудовой повинности, а также разные поборы и штрафы, за счет которых обогащались светские и духовные феодалы. Здесь существовали все три вида феодальной ренты, о которых говорил К. Маркс [3], отработочная, продуктовая и денежная.

Первоначальная форма феодальной ренты, которую указывает К. Маркс, относится к раннему периоду феодализма Бухарского ханства. Материалы изучаемого периода доказывают, что в XVI в. здесь, особенно в Восточной Бухаре, в системе феодальной эксплуатации крестьян, господствующего положения занимала продуктовая рента, которая переплеталась с отработочной. Это связано, главным образом, с тем, что в условиях феодальной раздробленности и междоусобных войн не могло развиваться крупное феодальное хозяйство. Поэтому отработочная рента играла побочную роль.

В связи с развитием товарно-денежных отношений в конце XIX — начале XX вв. господствующее положение получает де-

---

[1] См. на стр. 279 данной работы.

[2] *И. П. Петрушевский,* Земледелие..., стр. 287. О наличии таких фактов по Восточной Бухаре нами изложено в IV главе данной работы.

[3] *К. Маркс,* Капитал, т. III, гл. 47.

нежная рента, переплетавшаяся с отработочной. Последняя оказалась самой живучей в Бухарском ханстве.

Обе эти формы находят свое отражение в документах, которые исходили из центрального и местного управления Бухарского ханства.

Сведения о размере продуктовой ренты, которые отражены в документах государственных учреждений не расходятся с теми, которые указаны в книгах шариата. Что касается различных видов податей, то они относились к категории расму адата, (местным обычаям), и поэтому при исследовании данного вопроса мы обратились к старожилам, которые сами платили налоги и ренту, а также просмотрели заметки русских и местных очевидцев, которые много видели и описывали действительное положение дел.

Согласно сведениям, которые они дали, явствует, что феодалы со своих крестьян в Каратегинском и Дарвазском бекствах взимали ренту в следующих размерах: натуральная подать с богарных земель повсеместно в горных районах — $^1/_{10}$, а в равнинных — $^1/_7$—$^1/_6$ части урожая; с поливных — от $^1/_5$ до $^1/_3$ части урожая. Взимался также сбор со скота молочными продуктами, деревянными изделиями (с каждого хозяйства по паре деревянных колодок, лопаты), курами или куропатками для питания охотничьих птиц феодала, орехами, фисташками, тутом, меховыми шкурами, шерстяными тканями, чулками, яйцами и пр. С огородов и бахчей взималось до 80% всего урожая в пользу феодалов и чиновников, мира, амлякдара и т. д. Если крестьяне не слушали феодала, то он на них налагал штраф (яргу) [1].

По сообщению начальника одного памирского отряда видно, что в бекствах, относящихся к Памиру, существовал ряд поборов под общим названием «амалиёт». В этом отношении все население Рушана, Шугнана и Вахана разделялось на четыре категории в зависимости от их имущественного состояния:

1. С каждых трех хозяйств первой категории ежегодно взималось: одна корова 1 сорта ценою в 6 р. 40 коп.; одна корова 2 сорта ценою в 3 р. 20 коп.; четыре барана стоимостью каждый 1 р. 20 коп.; четыре чашки масла весом каждая 5 фунтов; кусок местного сукна 2 сорта ценою 1 р. 20 коп.; одна кунья шкурка ценою 1 р. 40 коп.; кусок маты ценою в 4 р. 20 коп.; пара подков стоимостью в 80 коп.

2. С каждых трех хозяйств второй категории ежегодно взимались одна корова ценою в 6 р. 40 коп.; три барана стоимостью каждый в 80 коп.; три чашки масла стоимостью каждая в 60 коп.; кусок местного сукна стоимостью в 4 р. 80 коп.; одна

[1] *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 43—65; Н. Латыпов, Указ. дис., стр. 223—228.

кунья шкурка ценою в 1 р. 40 коп.; кусок маты общей стоимостью в 3 р.; пара подков стоимостью в 40 коп.

3. С каждых трех хозяйств третьей категории ежегодно взимались одна корова ценою в 3 р. 20 коп.; три барана стоимостью каждый в 40 коп.; две чашки масла по 40 коп. каждая; кусок местного сукна ценою в 1 р. 20 коп.; кусок маты ценою в 1 р. 80 коп.; одна кунья шкурка ценою в 1 р. 40 коп.; пара подков ценою в 40 коп.

Кроме того, при вступлении в брак жених уплачивал: при женитьбе на девушке — 2 руб., на вдове — 1 руб. От разбора гражданских дел взималось 10% иска.

Все эти повинности сохранялись и в отношении крестьян-танхо. Однако надо сказать, что феодал-танходор с крестьянского хозяйства получал не только положенные ему ушр и харадж, но и известную часть от всех его доходов, использовал в своем хозяйстве сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот производителя. Феодал был заинтересован в том, чтобы его хозяйство (танхо) было богатым, и поэтому контролировал своевременный посев, прополку и уборку, засыпку зерна на семена, уход за скотом, птицей, инвентарем и др. Все источники доходов таких хозяйств были на учете у феодалов. Крестьяне-танхо не имели права без разрешения танходора продавать свою землю, разделить имущество между наследниками или уехать на заработки. Таким образом, крестьяне, которые были прикреплены к земле феодала, выполняли различные повинности[1]. И в обязательном порядке в пользу своего господина приносили дополнительный оброк: масло, мясо, овощи, фрукты, идона («праздничное»). Танходор от своего танхо требовал часть калыма, уплачиваемого семьей жениха родителям невесты, сверх того непосредственно с отца жениха несколько штук баранов, не считая обычного свадебного взноса деньгами в размере нескольких танег — «никохона». Влиятельный феодал, особенно танхо дор, был и судьей над своими крестьянами. Он мог насильно брать крестьянских девушек в жены себе или своим сыновьям, заставлять жен и детей крестьян работать у себя на дворе или в доме, пасти скот, заготовлять хворост и т. д.[2] Крестьянин, уходивший на заработки, должен был предварительно получить разрешение от своего хозяина, а по возвращении — принести ему ценный подарок[3]. В случае невыполнения его распоряжений, они подвергались жестокому наказанию, начиная от избиения и кончая штрафом (яргу).

Все это имеет сходство с теми крепостническими порядками, которые существовали как в Западной, так и Восточной Европе.

---

[1] См. на стр. 172—183 данной работы.

[2] *Н. А. Кисляков,* Патриархально-феодальные..., стр. 115—117.

[3] *М. Рахимов,* Указ. соч., стр. 138; *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 72—73, 102.

Из содержания документов и источников явствует, что в указанный период, в зависимости от конкретных условий и политического положения Бухарского ханства и местных горных владений, институт танхо носил разнообразный характер и, таким образом, создавалась зависимость одного держателя этих средств производства от вышестоящего собственника. Формально верховным собственником считался эмир, и каждый феодал, который получал землю и воду, был обязан выполнять определенные обязанности: чиновники за танхо верно служить государству, духовенство,— за использование вакфа или освобождение их хозяйств от налогов и податей,— выполнять свойственные ему функции, вожди племен — нести военную и государственную службу, а крестьяне платить налоги и нести военно-трудовые повинности в пользу своего господина.

Теперь посмотрим, какие виды отработочной ренты существовали в Бухарском ханстве.

В одном из указов Убайдуллахана в начале XVII века, изданным по поводу освобождения хозяйства феодала Узбекхаджи от всяких податей и повинностей, указаны следующие формы барщинных работ:

1) мардикори (работа по очистке оросительной системы, водоемов и хаузов);

2) бегори (работа по строительству новых зданий и ремонт старых помещений);

3) хашар (сельскохозяйственные работы по вспашке земли, покос хлеба, перевозка его на ток и молотьба);

4) таклифот (другие виды работ, в которых нуждался землевладелец);

5) джуфти гов (предоставление пары рабочих быков) [1].

Последняя повинность означала, что барщинные работы распространялись не только на людей (работника производства), но и на рабочий скот, так как без него нельзя было пахать землю, перевозить снопы хлеба на ток и молотить его.

Все эти повинности перечислялись и в других документах, исходивших от правителей горных владений Восточной Бухары. Например, в указе Дарвазского шаха от 1870 г. об освобождении земли Хола и его брата Бобия от государственной подати и повинности указаны обязанности крестьянина по выполнению налогов и барщинных работ, в число которых входила поставка транспортных животных для перевозки грузов и прочее [2].

Более четко повинности крестьян в пользу феодалов изложены в указе каратегинского бека о передаче кишлаков ущелья Ярхапа в танхо ишану мулле Касиму [3]. В нем сказано, чтобы

---

[1] Документы к истории..., стр. 98—99.

[2] См. стр. 107 данной работы.

[3] См. стр. 177 данной работы.

никого из жителей указанного кишлака не брали на военную службу, на охоту и заготовку дров, на выполнение барщинных работ и на прочие повинности.

Из содержания этого документа видно, что «свободные» крестьяне выполняли ряд разных государственных обязанностей и повинностей, к которым относились следующие:

несение военной службы, в документе означено словом — «лашкари». Это означало, что во время войны все способные мужчины были обязаны по первому зову феодала подняться на защиту его земли от внешнего нападения;

в порядке очередности, крестьяне были обязаны со своими харчами в год один или два раза нести караульную службу в крепости, по охране дорог, складов, мостов, перевалов, пасти скот бека и эмира и прочих феодалов. Эти обязанности в источнике обозначались словом — «сахлау»;

каждый крестьянин в обязательном порядке был обязан для феодала заготовлять топливо. Это получило название — «алови»;

охота для феодалов являлась одним из видов военно-спортивной игры, которая очень широко отражена в народных сказках. Охота также была включена в обязанности крестьян. Это в документе обозначено словом — «шикори»;

ремонт старых зданий, очистка снега, строительство новых зданий, дорог, каналов и прочее вошли в обязательную повинность крестьян. В источнике она обозначена словом — «бегори».

Кроме того, по Каратегину и другим бекствам Восточной Бухары установлено, что в число барщинных повинностей производителей входили такие работы как вспашка, прополка, сенокос, кайбаны и др.

Таким образом, из содержания этих документов, которые являются юридическим подтверждением прикрепления крестьян к земле феодалов, становится ясно, что любой из крестьян был обязан платить налог и со своими орудиями производства и средствами передвижения бесплатно в обязательном порядке выполнять в пользу господина следующие работы:

1) строительство и ремонт помещений;
2) рытье новых каналов и ремонт старых ирригационных сооружений;
3) строительство и ремонт дорог;
4) несение военной и караульной службы;
5) охота на диких зверей;
6) поездка в извоз на своих лошадях и других видах транспорта по перевозке груза господина;
7) заготовка дров на зиму и их перевозка в назначенное место;
8) сенокос и заготовка корма для скота;
9) вспашка земель, прополка посева, покос хлеба, перевозка снопов, молотьба и очистка зерна от мякины;

10) очистка крыш и улиц от снега в зимнее время;

11) работа на кухне феодала (кайбони).

Крестьянин, на чьей бы земле не сидел, везде и всюду был обязан выполнять все эти обязанности.

По Каратегинскому бекству установлено, что крестьяне при выполнении барщинных работ были обязаны со своим рабочим скотом и сохой в течение 10 дней весной вспахать землю феодалов, бека и амлякдара, ишанов и других представителей привилегированных классов. Крестьяне-танхо обрабатывали землю своему хозяину: летом 7 дней работали на прополке, осенью 7 дней на жатве и 2—3 дня на молотьбе хлеба. Кроме того, одновременно путем хашара они заготовляли своему хозяину дрова на весь отопительный сезон и косили сено на зиму для скота.

Как уже сказано выше, в руках феодалов сосредоточивалось большое количество земли и воды, частью которых они наделяли крестьян, а другую часть оставляли непосредственно в своем распоряжении, эту часть земли также нужно было обрабатывать, сеять, поливать, производить прополку посева, косить, возить на ток, молотить и молоть муку, возить на склады и т. п. Этого было мало, для полива надо было чистить арыки или копать новые арыки, хаузы или водоемы, заготовить дрова, корм для скота. Крестьяне обязаны были пасти весь год скот, в год один месяц ездить в извоз в Бухару, Фергану и другие места, куда по приказу мира, амлякдара или отдельных феодалов возили разное имущество, а в обратный путь — сахар, чай, мануфактуру, керосин и другие товары. Выполнение этой работы получило название «улау». Все эти виды работ, в которых проявляется практически зависимость крестьян от феодалов, вошли в деловые документы, исходившие от разных государственных учреждений.

Таким образом, крестьянин в течение года тратил большее количество времени на работу в пользу феодалов, чем на себя.

Мобилизация крестьян на выполнение вышеуказанных работ протекала так: миру (беку) или амлякдару нужно было столько-то человек на такую-то работу, бек дает распоряжение есаулубоши или деванбеги о мобилизации крестьян из кишлаков. Они через своих миразаров дают распоряжение кишлачным миразарам, а кишлачный миразар — арбабу. Арбаб в порядке очередности отправляет крестьян на выполнение работ в установленном месте, причем каждый должен брать с собою продукты питания (на весь период), рабочий скот и орудия труда. Если крестьянин давал взятку, то он мог освободиться от выполнения трудовой повинности на государственных объектах, но взяточников-чиновников было слишком много и поэтому волей-неволей ему приходилось ехать на работу.

Бывало и так, что крестьяне отказывались от выполнения таких работ. Например, у нас есть документ есаула Калай Ляби-

обского амлякдарства. Из его содержания явствует, что население кишлаков верхней части амлякдарства пришло и выполнило свою долю работ по ремонту крепости, обработке садов и площадок, но жители кишлаков нижнего Сурхона не пришли, их доля работ не выполнена, и амлякдар беспокоился. Причина этого непослушания, как указывается в документе,— отсутствие миразара. Поэтому чиновник просит раиса Файзалишо и домуллo Саидхаджа мобилизовать крестьян указанных кишлаков на выполнение трудовой повинности[1]. Крестьянам приходилось в обязательном порядке отбывать повинность на дорожном строительстве за пределами своей области.

В 1912 году был принят проект постройки железной дороги Каган — Термез стоимостью около 18 млн. рублей. Царское правительство потребовало от эмира Алимхана, чтобы он, поскольку названная дорога строится на территории Бухарского ханства, взял на себя часть расходов и мобилизацию рабочей силы[2].

Вынужденный с этим согласиться, эмир дал распоряжение Каратегинскому правителю Негматуллабеку отправить каратегинцев на железнодорожные работы в Карши и Термез. Администрация по постройке этой дороги отпустила средства по оплате труда рабочим и эту сумму передала Негматуллабеку, а он ее присвоил себе и в принудительном порядке мобилизовал часть населения и кишлачных наукаров, якобы на военную службу, без всякого обеспечения их содержания. Почти каждому крестьянину пришлось по 2—3 раза ехать работать на этой дороге. Некоторые были не в состоянии работать и умирали от голода, а другие бежали в Фергану и подали жалобу военному губернатору на Негматуллабека.

Военный губернатор Ферганской области донес об этом Туркестанскому генерал-губернатору, по требованию последнего Негматуллабек был удален с поста, в дальнейшем эмир назначил его беком в Шахрисябз, который по своему административному значению являлся вторым местом после Бухары[3].

Все эти факты характерны не только для Каратегина, но и для всех бекств Восточной Бухары. Например, один из начальников памирского отряда в своем рапорте от 4 июля 1900 года на имя военного губернатора Ферганской области писал, что население Рушана, Шугнана и Вахана обязано, помимо уплаты податей, выполнять еще нижеследующие повинности:

1) поставлять необходимое количество топлива: дров и осветительных припасов («мундал») на место жительства шугнанского бека, причем в Калай Вомар дрова и мундал доставляют поочередно кишлаки Рушана, а в Хорог — кишлаки Шугнана,

[1] Наши материалы, д. 3, док. № 2.

[2] ЦИАО Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. № 261, л. 109—110.

[3] *С. Айни,* История мангитских эмиров в Бухаре, Ташкент, 1923 г., стр. 111.

Гунта, Шах Дары Дармарахского аксакальства. Население же Вахана поставляет дрова бухарскому чиновнику, проживающему в кишлаке Зенг;

2) ежемесячно доставлять беку по 5-ти фунтов мыла местного производства, собирая его со всех кишлаков Рушана, Шугнана и Вахана;

3) каждый житель Рушана, Шугнана и Вахана обязан бесплатно работать в течение трех дней в году на бека, но не во время посева или уборки хлебов;

4) во время поездок бека или по требованию последнего, для официальных лиц, приезжающих из Бухары на Памир, население Рушана, Шугнана и Вахана обязано поставлять лошадей или носильщиков под вьюки, а на речных переправах — турсуки.[1]

В большей или меньшей мере крестьяне трудовую повинность выполняли и в Дарвазском, Кулябском, Бальджуанском, Кабадианском, Курган-Тюбинском, Гиссарском и др. бекствах Бухарского ханства.

Таким образом, видно, что эта форма эксплуатации крестьян возникала и развивалась при условии существования монополии феодалов на землю, которая давала возможность собственнику получать дополнительные доходы. Причем надо подчеркнуть то обстоятельство, что крестьяне работали не только на строительных и полевых работах, но и в ремесленном производстве, которое еще не отделялось от сельского хозяйства, охотились на диких зверей, шкуры которых феодал продавал на рынке.

Все это доказывает, что в условиях господства продуктовой (натуральной) ренты феодалы получали возможность взимать высокую норму прибавочного продукта со своих крестьян.

Помимо феодальной ренты, которая шла в пользу собственника земли, в Восточной Бухаре существовали еще налоги, хотя и имевшие некоторое сходство с рентой, но все-таки имели свои особенности и назначение.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА БУХАРСКОГО ХАНСТВА И ЕГО ДОХОДЫ С ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Марксизм-ленинизм всегда рассматривал и рассматривает возникновение и развитие налогов в связи с возникновением и развитием антагонистических классов и государства. С разделением общества на антагонистические классы и появлением государства возникли и налоги. Раскрывая природу налогов. Маркс указывал, что в налогах заключается экономическое выражение сущности государства в антагонистическом обществе. «Чиновники и папы, солдаты и балетные танцовщицы... содержание государей и вельмож, все эти сказочные создания скрывают-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 2, д. 61, л. 100.

ся, как зародыши, в одном общем семени — в налогах... Экономическую основу государства составляют налоги»[1].

Господствующие классы, создавая государство, были обязаны заботиться об экономической базе аппарата, без которого невозможно его существование. Касаясь этого вопроса, Ф. Энгельс писал: «Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — налоги. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу»[2].

Следовательно, возникновение налогов, в том числе и денежных относится еще к рабовладельческому обществу. В эпоху феодализма они носят характер, основанный на феодальной, земельной собственности.

До присоединения Средней Азии к России в Бухарском ханстве на протяжении всей истории шли постоянно междоусобные войны, набеги кочевников на земледельческие оазисы. В случае победы завоеватели часто не только сметали складывавшееся здесь государственное образование, но и разоряли население, уничтожали производительные силы.

После того, как Восточная Бухара была присоединена к эмиратству, здесь установились бухарские правопорядки, феодальная иерархия значительно упрочилась. Амлякдар, как поземельный податный чиновник на определенной территории являлся самостоятельным властелином и собирал налоги, часть из которых тратил на нужды амлякдарства, а остальную часть передавал беку, а последний в таком же порядке — эмиру, или же из Бухары приезжал специально назначенный сборщик «зякота», который собирал налоги с торговцев на базарах или со скота скотоводов. Представитель государства налог получал в принудительном порядке со всех слоев населения, которые были обязаны платить налоги. Они не могли его требовать с крестьян, которые сидели на земле танхо, духовных учреждений, а также феодалов, которые имели ярлык об освобождении от уплаты налогов. Но последние, в свою очередь, тоже за счет земельной ренты были обязаны платить беку или эмиру налоги, которые в ханстве получили название «бухча» и «тортука».

Все это видно из конкретного разбора налоговой политики Бухарского ханства, которая носила грабительский характер и прикрывалась исламом. Понять ее сущность можно только путем анализа фактических материалов.

Текущее налоговое законодательство в Бухарском ханстве и в местных самостоятельных владениях (мелких шахствах) Восточной Бухары отсутствовало. Все виды налогов должны были взиматься с населения согласно нормам, установленным шариатом, которым руководствовались на всей территории ханст-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 5, изд. 2, стр. 215.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 171.

ва. В нем указано, что взимать налоги следует со всего того, что приносило доходы. Налоги эти вошли в шариат под общим названием «зякот». Это значит, что все то, что приносит прибыль и ее излишества, считается грязным и может быть использовано только при условии очищения, путем уплаты «зякота».

Следовательно «зякот» по шариату означает «очищение дохода от грязи» [1].

Кто должен платить «зякот»? Для этого в шариате установлены следующие правила: во-первых, чтобы зякотоплательщик был мусульманином, во-вторых, чтобы он был здоровым, в-третьих, чтобы он не был задолжником и рабом, в-четвертых, чтобы он являлся обладателем источников прибыли (земля, вода, мельница, скот, торговля [2]). В шариате также установлены нормы взимания «зякота» в следующем размере:

1. Ушр $^1/_{10}$ часть дохода [3]. Однако надо подчеркнуть, что в этом отношении у мусульманских законоведов нет единого четкого мнения, если имам Ханифа указывает на то, что ушр должен взиматься со всех источников дохода, независимо от его размера, имам Шафии устанавливает нормы дохода, по которому только можно взимать ушр.

Такой нормой он считает пять васаков, которые равны 1728 кг.[4]

2. Нормы зякота со скота в шариате были установлены в следующем размере: с пяти верблюдов — один баран, с 25 верблюдов одного двухлетнего верблюжонка, с 35 верблюдов — одного трехлетнего верблюда, с 50 до 75 верблюдов — одного пятилетнего верблюда, с 76 до 120 верблюдов — двух верблюдов, с 121 до 150 верблюдов — одного барана с каждых пяти верблюдов, свыше этого количества зякот взимался в вышеуказанном порядке; с 30 коров — одного годовалого теленка, с 40 баранов или коз — одного барана, с 120 баранов — 2-х баранов, с 200 баранов — трех баранов, затем свыше 400 — с каждых ста голов по одному барану [5]. Причем с животных, которые предназначались для работы или верховой езды, взимание зякота категорически запрещалось [6].

3. Зякот с торговли, по шариату, разрешалось взимать при

---

[1] Мухтасар-аль-Викая, стр. 95.

[2] *Там же,* стр. 95.

[3] *Там же,* стр. 106.

[4] *Васак* — мера веса, которая в шариате указана: в одном васаке имеется 60 саъ, в одном саъ — 8 ратли, в одном ратли — 4 мана, в одном мане — 40 исторов, в одном историе — 4,5 мискала. (См. Мухтасар-аль-Викая, стр. 106). Исходя из этого, можно сделать следующие расчеты: $5\times60=300\times8=2400\times4=9600\times40=384000\times4{,}5=1728000$. Следовательно, если мы возьмем мискал примерно за 4,5 гр., то для взимания ушра земледелец должен был бы получить урожай минимумом в 1728 кг.

[5] Мухтасар-аль-Викая, стр. 98—99.

[6] *Там же,* стр. 100.

условии, если 40 танег давали прирост 200 танег, и тогда с каждых 20 танег владелец был обязан платить 1 танга государству [1].

Бухарский эмир руководствовался шариатом. Его правительство на словах не расходилось с шариатом, все документы, которые исходили из канцелярии кушбеги, целиком и полностью отвечали духу законов ислама.

Например, согласно просьбе заинтересованных лиц, политагентство от 3 октября 1912 г. за № 6298 сделало запрос бухарскому кушбеги в отношении взимания налогов в ханстве. В нем был вопрос о том, в каком размере взимаются правительственные налоги в Бухарском ханстве (аминана, зякот, харадж и др.). Кушбеги в письме от 6 октября того же года на этот вопрос ответил так:

«Письмом от 3 октября с/г за № 6298 вы просили сообщить относительно взимаемых налогов в ханстве, отвечаем: если пустопорожняя земля, казенная или частная, то все равно по шариату никаких налогов с нее не взимается, но если на означенных землях имеются какие-нибудь заросли, которые, не будучи замороженными зимою, вновь используются весною, хотя и означенные растения утилизируются хозяином земли, все равно взимаются со снятых растений налоги согласно установленному порядку, а если пустопорожняя земля казенная и растущие на ней растения будут сняты кем-либо, то с него взимается известный харадж, если на пустопорожней земле растут бесполезные растения, т. е. вроде зеленой колючки, бурьяна, талха и т. п., предоставленных в пользование каждого, то никаких налогов не взимается. Если пустопорожняя земля частная, то без разрешения владельца участка пользоваться ею воспрещается» [2].

Видимо ответ кушбеги не удовлетворил политагенство, и оно же сделало новый запрос о взимании зякота, хараджа и аминана в ханстве. Кушбеги на это ответил следующее:

«В письме от 10 октября 1912 года за № 6505 Вами было запрошено в отношении взимания в ханстве податей зякота, хараджа и аминана. Согласно постановлению шариата о наличных деньгах, с предназначенных для продажи в пределах ханства товаров и вещей взимается одна сороковая стоимости (2,5%), что касается хараджа, то испокон веков в каждом районе установлены различные порядки взимания, так что с сельских продуктов взимается в иных местностях $^1/_{10}$, $^1/_8$, $^1/_6$, $^1/_5$, в других $^1/_4$, $^1/_3$, $^3/_{10}$; в некоторых же районах хараджа не взимается, а взимается с каждого танаба весною — 15 коп. и осенью — 15 коп. и 15 фунтов зерна (натурой), а есть местности, где взимается

---

[1] Мухтасар-аль-Викая, стр. 101.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, л. 11.

половина этого (т. е. 7,5 коп. весною, 7,5 коп. осенью и 7,5 фунтов натурой) [1].

Таковы официальные и юридические документы, согласно которым население должно было платить налоги и подати государству.

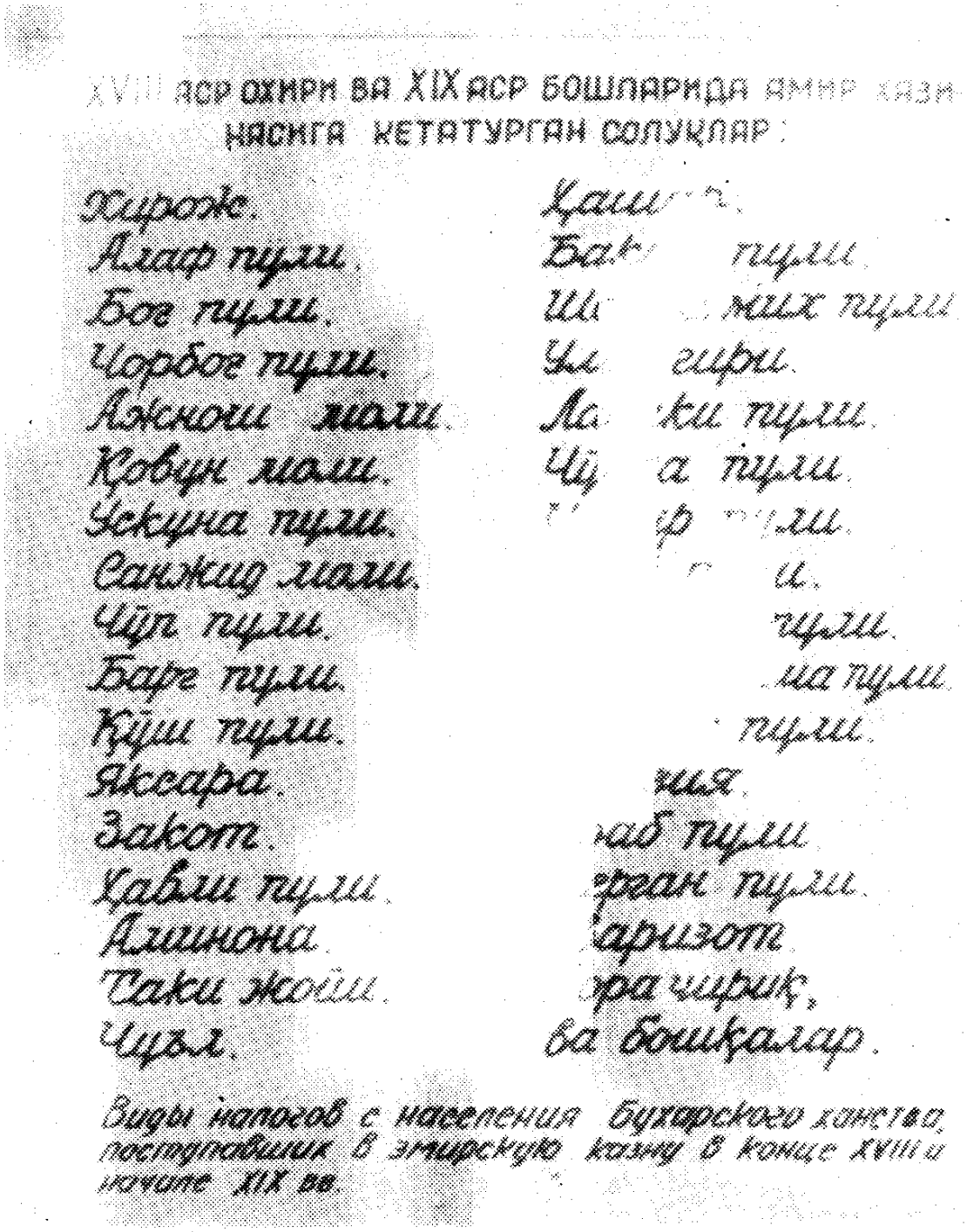
Формально здесь кажется все правильным. Однако соответствовало ли все это действительности? Нет. Мы на конкретных фактах видим, что налоговая политика Бухарского ханства носила грабительский характер и не отвечала положениям шариата.

Это видно из материалов, которые свидетельствуют о существовании различных поборов с населения и трудовых повинностей крестьян, которые не предусмотрены в шариате и не встречаются в официальных государственных документах. Об этих поборах мы узнаем от народа, в памяти которого сохранилось много воспоминаний о мрачной жизни прошлого, из работ разных путешественников, которые видели своими глазами много событий, связанных с налоговой политикой Бухарского ханства, а также некоторых деловых документов местных правителей. Опираясь на это, можно видеть совершенно иную картину, противоположную тому, что указано в шариате или в ответе кушбеги.

Бухарские правители на местах брали на учет все виды источников дохода и с них взимали следующие налоги:

1. Харадж — налог с посевной площади, включая и ушр.
2. Алафпули — плата за посев клевера, за использование подножного корма для скота.
3. Богпули — налог с виноградника.
4. Чорбогпули — налог с фруктовых садов.
5. Аджноспули — налог с бахчевых культур и овощеводства.
6. Кавунпули — налог с дынь и арбузов.
7. Ускунапули — налог с насаждений и прививки деревьев.
8. Санджитпули — налог с деревьев санджита.
9. Чубпули — налог с строительных материалов и заготовки дров.
10. Баргпули — налог с шелководства.
11. Кушпули — налог с пары рабочих быков.
12. Яксарапули — налог с одного рабочего быка.
13. Зякот — налог со скота.
14. Хавлипули — подворный налог.
15. Аминона — налог за использование воды и за продажу товаров на рынке.
16. Тагиджойпули — налог за место для продажи различных товаров на базаре.
17. Чуил — вид военного налога.

[1] ЦГИА узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, лл. 12—13.



Виды налогов с населения Бухарского ханства, поступавших в эмирскую казну в конце XVIII и начале XIX вв.

18. Бакияпули — ирригационный сбор.

19. Шох ва мехпули — налог со строительных материалов (камыш, хворост, гвозди).

20. Лабакипули — налог за очистку арыков.

21. Джуйчапули — налог с джуйбари, который проведен на своей земле от главного арыка.

22. Чигирпули — налог с водоподъемного колеса.

23. Осиёпули — налог с мельницы, гарнцевый сбор.

24. Обджувозпули — налог с мельницы за очистку риса.

25. Кемапули — пошлина за плавание на лодке по рекам.

26. Фарсахпули — дорожный налог, за проезд по общественным дорогам.

27. Джазияпули — налог с евреев.
28. Арабпули — налог с арабов.
29. Мерганпули — налог за охоту.
30. Аворизот — чрезвычайный военный налог.
31. Карачилик — налог за охрану порядка и за содержание чиновников полицейской службы в городах.
32. Хашар — барщинная работа, те, которые не могли участвовать в ней, платили деньгами.
33. Улавгири — транспортная повинность, те у которых не было транспорта, платили деньгами [1].

Помимо этих налогов были еще и другие поборы, как то: зякоти чакана — налог со скота (со стада менее 40 голов), а также за продажу мелкого ручного товара на рынке; котибона — плата на содержание секретарей эмира или бека; мирбона — плата за содержание мирабов; хидматона — плата за содержание разных слуг эмира, которые исполняли личные поручения главы государства по «обслуживанию» народа.

Материалы обследований по горным бекствам Восточной Бухары показывают, что феодалы на местах с крестьян взимали еще много других поборов. Например, возьмем Каратегин. Эта область имела свои специфические особенности, которые способствовали быстрому развитию товарно-денежных отношений:

во-первых, она была богата разной пушниной, фруктами, продуктами животноводства, шерстяными изделиями (особенно чекменями), которые имели хороший спрос в городах Туркестана и в самой Бухаре;

во-вторых, она была непосредственно связана с пограничными областями русского Туркестана и имела постоянное сношение с ними, что привело к усилению экономических взаимоотношений населения Каратегина с Ферганой;

в-третьих, в связи с развитием промышленности в центральных районах Средней Азии, создавалась возможность массового отходничества каратегинцев, они возвращались домой с заработанными деньгами и товарами.

Все это способствовало тому, что здесь накопились большие деньги в руках значительной части богатых людей, поэтому в этих местностях наблюдались факты повсеместного взимания денежных поборов с населения. Нам удалось опросным путем установить следующие размеры взимания налогов и поборов в тангах (одна танга бухарской чеканки = 15 коп.):

---

[1] Эти данные взяты из материалов Бухарского областного музея, которые составлены еще в период БНСР с участием бывших чиновников эмирата, во главе с известным юристом, экономистом и историком — автором книги «Кашкули салими» мирза Салимбеком. В них перечисляются все виды налогов и поборов, которые взимались во времена Бухарского ханства.

Наименования податей	Нижняя часть бекства	Средняя часть бекства	Верхняя часть бекства
1. Амал (сельскохозяйственный налог, включая деньги и за саман, входивший в подать харадж). .	100	120	150
2. Хасуна (налог за пользование лесом)	30	20	50
3. Обпули (налог за пользование водой)	10	25	35
4. Танабпули (налог на фруктовые сады)	10—15	15	20
5. Рахпули (за право хождения по общественной дороге. Этот налог взимался якобы для ремонта дорог)	10—15	5—10	15
6. Зякот «чекана» (сбор с товаров крестьянина, вывозившихся на рынок)	5—10	5—10	10—15
7. Дудона (налог подымный с дымовой трубы)	20	25	30
8. Подворная рента — дарона (с дома и двора)	10	15	20
9. Джуфтона (с пары быков) . . .	40	30	50
С одного рабочего быка (як пой гов)	20	15	25
10. Саруна (при приезде мира или бека, казия и диванбеги в селение каждое крестьянское хозяйство было обязано принести им в подарок по 2—3 танги, поскольку они не могли проехать по каждому кишлаку, то мир Абдулмумин установил постоянный налог на каждое хозяйство 10—20 танег)	10—20	20	25
11. Котибона (на содержание секретарей мира и амлякдара) . . .	10	5	15
12. Аляфпули (за пастьбу скота на общественном пастбище и за заготовку корма скоту)	10—15	5—10	20
13. Осиопули (сбор с владельца мельницы, гарнцевый сбор в зависимости от его дохода) . . .	150	150—200	200
14. Ришка пули (сбор за люцерну для лошади мира и амлякдара; $^1/_3$ урожая люцерны или соответствующие деньги по базарной цене) [1]			

[1] См. *А. Маджлисов,* Каратегин..., стр. 68. Аналогичную картину по названию поборов с населения мы встречаем по Дарвазскому бекству, см. *Н. Латыпов.* К вопросу о земельных отношениях в Дарвазском бекстве в конце XIX в.— начале XX в. (диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук), Душанбе, 1955 г. (рукопись), стр. 223—235.

Из таблицы видно, что основная тяжесть денежных податей падала на нижнюю и верхнюю части бекства, которые были близки к Гиссарской и Ферганской долинам, и их население могло больше продавать свои товары на рынках вышеуказанных районов Гиссарского бекства и Туркестана [1].

Повсеместно налогами облагались все виды домашних животных, причем, если они попадали в книги «зякота» амлякдара, то их владельцы из года в год платили государству один и тот же налог, пусть даже у него не оставалось ни одной головы скота.

По всем бекствам при амлякдарствах велись книги по учету сбора хараджа и зякота, которые находились у диванбеги. В них было указано наименование амлякдарства, кишлаков, входивших в его ведение, фамилия налогоплательщика и общая сумма денег по каждому виду налога в полном согласии с нормами, установленными шариатом. Однако у амлякдара был специальный учет, о котором не знал бек или представители эмира. В случае проверки он мог показать только книгу по учету зякота, которая была составлена в соответствии с требованием шариата. Это было характерно и для других бекств Восточной Бухары.

Значительную часть доходов государство и отдельные феодалы получали от торговли и скотоводства. Природные условия Восточной Бухары благоприятствовали развитию скотоводства. В районах Гиссарского, Кулябского, Курган-Тюбинского и Кабадианского бекств разводили мясо-курдючных баранов гиссарской породы, которые завоевали большую славу не только в Средней Азии, но и в России; богатство населения Кашка-Дарьинской области составлял скот и оно жило в основном за счет продукции животноводства [2].

В районах Денау, Юрчи так же, как в Гиссаре разводили главным образом, овец, лошадей, крупный рогатый скот, в Байсуне — овец и коз, в Шерабаде — овец и верблюдов. Везде в этих местах они были в избытке, что давало возможность продавать их в Самарканде, Ташкенте и других городах Туркестана [3].

По всем горным районам Куляба, Каратегина, Дарваза и Памира паслись многочисленные стада баранов, обладателями

---

[1] Старожилы рассказывают, что увеличение денежных налогов в Каратегине, в основном, началось со времени управления последних беков: Абдулмумина (1903—1907 гг.), Авлиякула (1908—1910 гг.), Негматуллабека (1910—1914 гг.), Рахманкулбека (1914—1917 гг.) и Абдулхафизбека (1918—1920 гг.).

[2] *В. В. Крестовский,* Указ. соч., стр. 86.

[3] *А. Галкин,* Военно-статистический очерк средней и южной части Сурхан-Дарьинской долины (в сб. геогр., топогр. и статистических материалов по Средней Азии), вып. 57, 1894 г., стр. 375—376.

которых являлись эмир и беки, светские и духовные феодалы, а также зажиточная часть крестьянства.

Скот имели также и крестьянские хозяйства, но в незначительном количестве. В горных районах почти не было хозяйств, которые не имели бы скота.

Все скотоводы, независимо от их сословия, в обязательном порядке были обязаны платить государству или танходору зякот. Зякот взимали также и отдельные феодалы (это зависело от того, на чьей земле пасли скот или происходила его продажа). Зякот со скота делился на два вида: «зякоти савоим», который взимался со скота, имеющегося в хозяйстве скотоводов; «зякоти чакана» — с торговли на базаре.

Первоначально «зякот» так же, как и харадж носил натуральный характер, но, в связи с ростом городов и развитием денежных отношений, в последнее время, особенно с конца XIX века, повсеместно «зякот» взимался деньгами.

На территории Восточной Бухары существовало множество перевалов и мостов через горные реки, по которым перегоняли стада скота. Наиболее крупные из них правительство сдавало в аренду частным лицам, которые заранее вносили деньги в казну. К таким относились мосты «Пули Сангин» (вместо современного моста в Нуреке) на реке Вахш, связывающий Куляб, юго-западную часть Дарваза и Гиссар; «Пули Пумбачи», в нижнем течении реки Сурхоб (недалеко от моста современного Комсомолабада), который связывал Каратегин с Гиссаром, через данный мост перегоняли баранов на летние пастбища в Алайскую долину и оттуда осенью — в русский Туркестан для продажи. Большое значение имели таможные пункты в районе Миршоди в Денауском бекстве, дававшие возможность проходить скоту с Запада на Восток и обратно. Было множество других мостов на горных реках, за переход по которым также взимался зякот местными чиновниками в течение всего года [1]. Все эти внутренние пошлины показывают характерные для феодализма черты налоговой системы.

После присоединения Средней Азии к России быстро и широко стала развиваться торговля. Зажиточная часть крестьянства и баи возили на рынки хлеб, скот, продукты скотоводства, садоводства, овощи, бахчевые культуры и хлопок, и со всех видов купли и продажи владельцы платили — «зякот» (аминона) примерно в таком количестве: с батмана хлопка — 5,5 танег, с батмана шерсти 7 танег, со 150 шт. каракуля — 2 руб., с одного верблюда стоимостью в среднем 150 руб. 2 танга, за одну лошадь стоимостью в 120 руб.— 16 коп., с одного ишака — 8 коп., с одного барана — 6 коп., с коровы от 5 до 15 коп. и т. д.[2] Безу-

[1] Некоторые мосты были построены феодалами, и их доходы шли не в пользу государства, а в пользу хозяина — «на ремонт моста».

[2] См. Б. И. Искандаров, Восточная Бухара..., ч. II, стр. 66.

словно эти цифры приблизительные, если они колебались, то обычно в сторону увеличения.

Все вышеназванные налоги и трудовые повинности были известны центральному правительству, и на их основе оно требовало соответствующих взносов от местных правителей.

О доходах эмира статистическими данными по годам мы не располагаем, однако отдельные факты говорят, что он ежегодно получал довольно внушительную сумму. На запросы политагентства о доходах эмира, бухарский кушбеги в 1912 г. ответил, что по всей территории ханства они состояли из следующих частей: сбор с торговли — 715 тыс. рублей, зякот (сбор с садов и домашних животных) 510 тыс. рублей, харадж (поземельная подать) — 1850 тыс. рублей, зякот савоим (сбор со скота) — 270 тыс. рублей, всего 3345 тыс. рублей [1].

Из этой суммы подавляющая часть падала на Восточную Бухару. По подсчету Б. И. Искандарова, видно, что бухарский эмир по отдельным районам этой области получил доход в следующих размерах: Сариасия — 165 тыс. рублей, Гиссар — 270 тыс. рублей, Куляб — 150 тыс. рублей, Бальджуан — 150 тыс. рублей, Каратегин — 75 тыс. рублей, Кабадиан — 75 тыс. рублей, Курган-Тюбе — 60 тыс. рублей и Дарваз — 30 тыс. рублей [2].

Другие данные говорят, что доходы эмира по некоторым областям Восточной Бухары были гораздо больше, чем вышеуказанные цифры. Например, с Кулябского бекства, где были развиты торговля и золотодобывающие промыслы, бухарский эмир получал доход от 180 тысяч до 500 тыс. рублей в год [3].

Касаясь дохода эмира с Каратегинского бекства, Арандаренко указывал, что он давал местному миру возможность предоставлять своему повелителю (т. е. эмиру — А. М.) тортук не хуже прочих бекств. Кроме того, довольно подробные данные о доходах эмира по этому бекству нам удалось почерпнуть из рукописи мирза Таджиддина Сафарова, ведавшего отчетностью по доходам последнего каратегинского мира. По сведениям Сафарова, в течение года каратегинскому беку поступило: харадж в 40 тыс. манов зерна, ушра поступило 34 тыс. манов зерна, с государственных земель, находившихся в распоряжении бека, собиралось от 20 до 30 тыс. манов хлеба или 40—50 тыс. руб. с арендаторов, (амал и другие денежные доходы бека составляли 740 тыс. рублей; мехов и др. ценных шкур доставлялось 30 тыс. штук, шерстяных тканей (чекмень) — 2 тыс. штук, чулок — 15 тыс. штук, скота как налогового, так и зякотного — 60 тыс. голов. Зякота с торговли на базарах — 60 тыс. руб. и,

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, л. 2.

[2] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара, ч. II, стр. 76.

[3] См. *П. П. Шубинский,* Очерк Бухары, Исторический вестник, т. X—XI, СПб, 1882 г., стр. 383, *Д. Н. Логофет,* Страна бесправия, стр. 53.

кроме этого, собиралось 1000 кг сливочного масла, много пудов тутовника, ореха и сушеных фруктов, тысячи кур и куропаток.

Мир был обязан ежегодно отправлять в Бухару эмиру 40—45% денежного дохода, а остальные 55—60% оставлять на внутренние расходы. В течение последних 2—3 лет существования бекства в Бухару отправлялись (по 2—3 раза ежегодно) следующие тортуки: новогодний — 5 лошадей с вьюками и осенью — 13 лошадей с вьюками.

Каждый чиновник ежегодно преподносил беку Каратегина тортук в виде одной-двух лошадей с вьюками.

В 1920 году, когда последний эмир бежал из Бухары на восток, он приказал Абдулхафизубеку собрать с Каратегина 500 лошадей, 150 вьюков ценных подарков и деньги.

Мир возложил сбор 100 вьюков на чиновников и от себя приготовил 50 вьюков, а также с населения собрал большое количество лошадей. Все это он отправил к эмиру в Душанбе. Кроме всего этого, бек мобилизовал наукаров на военную службу. Все тяжести мероприятий легли на долю народа, что привело к восстанию крестьян, во главе которых стоял крестьянин Усман [1].

Бухарский эмир все время стремился к тому, чтобы как можно больше получить с населения разных податей и требовал от местных правителей дополнительных доходов. Факты подтверждают, что в связи с началом империалистической войны на население Восточной Бухары был наложен новый военный налог. Это видно из ответного письма бухарского кушбеги мирза Насрулла на письмо каратегинского бека Авлиякулбека от 28 января 1917 года, в котором сказано:

Его превосходительству
правителю Каратегина, мир додхо Авлиякулбеку.

Ставим Вас в известность, что Ваше письмо получили и обсудили. Также получили 10 тысяч рублей присланного Вами военного налога и сдали эти деньги в государственный банк. Через вручителя сего отправляем обратно Вам документ о получении.

Ваше заявление о том, что привилегированные жители Каратегина (речь идет о казиях, ишанах и сипахах — А. М.) не в состоянии платить военный налог, рассмотрели, Вам необходимо взимать с них такой налог добровольно, и, если они не в состоянии платить, их надо освободить от уплаты его. 4 рабисани 1335 года хиджри (28 января 1917 года) [2].

Следовательно, если Каратегин платил эмиру военный налог, то он распространялся и на другие бекства Восточной Бухары.

---

[1] *А. Маджлисов,* К вопросу о феодальных отношениях в Каратегинском бекстве накануне установления Советской власти. (Диссертация на соискание ученой степени канд. исторических наук, рукопись), 1951 г., стр. 152—153.

[2] Бухарская областная библиотека им. Абуали ибн-Сино, отдел восточных рукописей, книга 2, документ № 236.

Бухарский эмир получал большие доходы с базаров, оборот которых составлял несколько миллионов рублей. Это видно из содержания одного источника, где сказано: три каратегинских базара в год давали оборот 35 тыс. рублей, 12 душанбинских базаров — 690 тыс. рублей, 11 кулябских базаров — 2455 тыс. рублей, 7 кургантюбинских базаров — 1209 тыс. рублей [1].

Из содержания отчета одного зякотчика (арендатора) Восточной Бухары Ишанхаджи, который относится к 1919 г., видно, что с месяца мухарама до джамодисани, т. е. за первую половину названного года из некоторых бекств Восточной Бухары в пользу казны была собрана следующая сумма:

Из Душанбе и Янгибазара — 390360 танег, из Каратегина — 240270 танег, из Кафирнигана — 94670 танег, из Шурьяна — 22990 танег, из Куляба — 172413 танег, из Курган-Тюбе — 254 тыс. танег, всего 1174703 танег [2].

Вышеуказанные цифры относятся только к сбору пошлины с базаров, и можно полагать, что в течение года доходы эмира с торговли на рынке по этим базарам увеличивались в три-четыре раза, так как оживленная торговля начиналась осенью после уборки урожая.

Что касается доходов эмира с западных областей, то они по сравнению с Восточной Бухарой были незначительными. Об этом свидетельствуют данные из сообщения русских исследователей, а также из докладов амлякдаров. Например, капитан Джиджихия в начале XX века сообщает, что доходы Шахрисябзского бекства составляли 600—700 тыс. рублей, а Якабага — 210 тыс. рублей [3].

Отчет амлякдара по трем богатым туманам в окрестностях Бухары, составленный в 1901 году, свидетельствует, что в течение одного года по Пирмасту, Шафиркану, Султанабаду собрано всего 41700 танег [4].

Эти факты говорят о том, что в силу специфических условий бухарский эмир получал большую часть доходов с Восточной Бухары. Это вполне понятно, так как Восточная Бухара считалась более богатым земледельческим районом Бухарского ханства.

По географическим описаниям капитана Покатило, можно сказать, что по меридианам Хузара и Чиракчи Бухарское ханство разделяется на две части, резко отличающиеся друг от друга по климату и богатству природы. Восточная часть заполнена отрогами гор Памира, имеет богатое орошение и более умеренный климат, а западная — гладкая, равнинная пустыня, большей час-

---

[1] *Ю. И. Пословский,* Экономический очерк Таджикистана в сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925 г., стр. 231.

[2] ЦГИА Узб. ССР, из архива кушбеги, книга доходов эмира № 173.

[3] См. *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара, часть II, стр. 77.

[4] Бухарский облмузей, док. № 9735/12.

тью безводная, с весьма жарким климатом, с бедной растительностью, за исключением некоторых районов, расположенных по берегам Аму-Дарьи и рекам, берущим свое начало в Восточной Бухаре и теряющихся в песках [1].

Согласно указу эмира о назначении бека видно, что из собранного по бекству дохода в пользу эмира шло всего 40—45%, а остальное расходовалось на внутренние нужды данной области. Но зато в год два-три раза каждый правитель области был обязан ехать в Бухару для отчета, с пустыми руками ему являться было нельзя, да и эмир в таком случае его принимал недоброжелательно. Поэтому бек собирал для своего повелителя подарок, который также назывался тортуком, «подарок» составлял весной 5 лошадей с вьюками, осенью — 13 лошадей с вьюками.

Каждый год местные чиновники в свою очередь с учетом иерархической лестницы со своего дохода приготовляли тортук в пользу своего господина в размере 1—2 лошадей с вьюками.

Кроме того, подарки преподносили по случаю какого-нибудь торжества (религиозных праздников, дня рождения царевича, организации военных походов или визита хана в Россию и в ряде других случаев). Наиболее высокие сановники приготовляли эмиру индивидуальные подарки за счет своих сбережений, эти виды подношений назывались «бухча».

Например, известно, что Музаффархан долгое время находился в походе и постоянно требовал от своих сановников, крупных феодалов пополнения армии и материальных затрат. В этом деле не оставались в стороне и чиновники духовного ведомства.

Так, из одного документа, взятого из архива кушбеги,[2] известно, что по случаю возвращения эмира из военного похода казии и раисы преподнесли ему в подарок «бухча» из личных средств в следующих размерах:

1. От шахрисябзского казия Абдулкарима судура — 1300 рублей.
2. От чарджоуского казия Бакахаджи судура — 1200 рублей.
3. От каматского казия мирзы Мухаммада Шарифа судура — 1000 рублей.
4. От гиджуанского казия Гулямаддина судура — 1200 рублей.
5. От каршинского казия Мирзарифа урока — 1200 рублей.
6. От зияваддинского казия Данялхаджи урока — 800 рублей.

---

[1] *Покатило,* Отчет о поездке в пределах Центральной и Восточной Бухары в 1886 г., Ташкент, 1888 г., стр. 28.

[2] Документ № 66 из архива кушбеги. В нем даты не указаны, сказано, что духовные чиновники приносили «бухча» эмиру по случаю его возвращения из военного похода.

7. От каракульского казия Садриддинхаджи урока — 1200 рублей.

8. От хузарского казия Таджиддина урока — 800 рублей.

9. От рамитского казия Инаятуллахаджи урока — 800 рублей.

10. От хитарчинского казия Абдурахима урока — 800 рублей.

11. От . . . . . Мухаммада Карима урока — 800 рублей.

12. От хайрабадского Абдуллы урока — 800 рублей.

13. От карминаеского казия Шамурада урока — 800 рублей.

14. От шафирканского казия Шамсуддина урока — 600 рублей.

15. От янгикурганского раиса Саъдуллахаджи урока — 400 рублей.

16. От приматского раиса Инаятуллахаджи урока — 800 рублей.

В другом источнике указывается, что в 1906 году эмир Ахадхан, отправляясь в Россию, из личных сбережений казиев и раисов для дорожных расходов получил следующую сумму:

1. От бальджуанского казия Исамаддина — 300 рублей.
2. От кулябского казия Мухаммада Амина — 500 рублей.
3. От денауского казия Назруллы — 200 рублей.
4. От китабского казия Хайруллы — 600 рублей.
5. От занданского казия Бакия — 300 рублей.
6. От якабагского казия Бурханаддина — 200 рублей.
7. От шахрисябзского раиса Саида Мухаммада — 200 рублей.
8. От чарджоуского раиса Абдулкадира — 200 рублей.
9. Из Зияваддина 400 рублей.
10. Из Хузара 400 рублей.
11. Из Хитарчи 400 рублей.
12. Из Рамитана 400 рублей.
13. Из Гиссара 600 рублей.
14. Из Вабкента 600 рублей.
15. Из Кармине 400 рублей.
16. Из 200 рублей.
17. От Хаджи Шарифа 400 рублей.
18. Из 200 рублей.
19. От каршинского раиса 200 рублей.
20. От чарджоуского раиса 200 рублей.
21. От каршинского казия 500 рублей.
22. От хайрабадского казия 400 рублей.
23. Из 400 рублей.
24. Из Гиджуана 600 рублей.
25. Из Пирмаста 400 рублей.[1]

Подобные «бухча» преподносили повелителю также светские чиновники (бек и амлякдар). Так, например, в том же году по

[1] ЦГИА Узбекской ССР, архив кушбеги, документ № 67.

случаю того же возвращения эмира из России правители ему принесли «бухча» в таком размере:

1. Из Кармина	4000 танег.
2. Из Чарджоу	4000 танег.
3. Из Хиторчи	1500 танег.
4. Из Гиссара	4000 танег.
5. Из Денау	4000 танег.
6. Из Кабадиана	1400 танег.
7. Из Нурата	1500 танег.
8. Из . . .	1500 танег.
9. Из Юрталика	1500 танег.
10. Из Куляба	1000 танег.
11. Из Якабага	1500 танег.
12. Из Бальджуана	1500 танег.

13. Из 8 амлякдарств, расположенных в окрестностях Бухары, по 200 танег с каждого, всего 1600 танег[1].

Таким образом, если «бухча» чиновников духовных лиц составляла от 200 до 1300 рублей, то «бухча» светских чиновников не превышала 600 рублей.

Из этих данных видно, что феодалы были обязаны, помимо сборов налога, выполнять еще дополнительные обязанности по отношению к своему повелителю путем предоставления ему «тартук» и «бухча». Такой же порядок существовал и в феодальной иерархии областей. Чем больше были подарки, тем сильнее было стремление феодалов поскорее возместить утрату за счет эксплуатации крестьян.

Следовательно, таджикский народ в суровых горных условиях при низком состоянии техники работал и создавал материальные блага. Однако в силу своего подневольного положения трудящиеся подвергались самым жестоким формам эксплуатации феодалами. Как рента в пользу собственника земли, так и государственные налоги в Бухарском ханстве, носили грабительский характер. Это объясняется тем, что потребности феодалов не соответствовали росту производительных сил, что приводило к разорению крестьян.

[1] ЦГИА Узб. ССР, документ из архива кушбеги, № 67.

ГЛАВА IV

РОСТ ТОРГОВЛИ ЗЕМЛЕЙ И РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Основоположники марксизма-ленинизма[1] неоднократно подчеркивали, что крестьянство не является единой массой, наоборот, оно делится на следующие группы:

1. Зажиточные — крупные и средние крестьяне, которые владеют более или менее обширными участками земли и пользуются трудом наемных рабочих. Они в средние века всегда находились в союзе с антифеодальной городской буржуазией.

2. Мелкие собственники, являющиеся собственниками лишь по имени, ибо настоящим собственником их владений является ростовщик.

3. Феодально-зависимые держатели земли, которые платят вечную ренту и работают в известном объеме на помещика.

4. Земледельческие рабочие, которые живут и умирают бедняками, плохо питаются и являются рабами своих хозяев.

Мелкие крестьяне как представители докапиталистического способа производства в условиях капитализма в результате действия его экономических законов неудержимо идут к гибели. Они являются резервом для формирования и пополнения пролетариата, из них рекрутируются и сельские и городские пролетарии.

С развитием элементов капиталистических отношений в деревне усиливался процесс обезземеливания и классового расслоения крестьянства. Крестьянство, представляющее один из основных классов феодального общества, постоянно разлагалось, выделяя из своей среды небольшую кучку кулаков и массу пролетариев и полупролетариев.

В. И. Ленин в работах «Развитие капитализма в России», «К деревенской бедноте» и ряде других дал глубокий анализ классовой природы крестьянства. Он подчеркивал, что крестьянство в целом — это класс феодального общества, в буржуазном обществе он является классом лишь в той мере, в какой сохраняются еще крепостнические отношения[2]. Он дал подробную

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 8, изд. 2., стр. 12—13; *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 140—154.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 97.

картину развития капитализма в русской деревне и показал процесс разложения крестьянства, в результате которого образовались два новых типа сельского населения — сельская буржуазия или зажиточное крестьянство, из которого создавался класс фермеров и сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Промежуточным звеном между этими крестьянами В. И. Ленин считает середняка. Он указывал, что среднее крестьянство «..отличается **наименьшим** развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков...»[1]. В другом месте В. И. Ленин крестьянство делит на пять групп:

1. Сельскохозяйственный пролетариат, наемные рабочие, которые добывают средства к жизни работой по найму на капиталистических сельскохозяйственных предприятиях.

2. Полупролетарий или парцелльные крестьяне трудятся на собственном или арендуемом клочке земли, дающим лишь некоторую часть продуктов питания для крестьянской семьи.

3. Мелкое крестьянство, т. е. «мелкие землевладельцы, владеющие, на правах собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы»[2]. Эти три группы составляют подавляющее большинство крестьян.

4. Среднее крестьянство, т. е. мелкие землевладельцы, «которые владеют, на праве, собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые... дают при капитализме, по общему правилу, не только скудное содержание семьи хозяйства, но и... известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы превращаться в капитал». И эти мелкие земледельцы прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или трех) к найму чужой рабочей силы[3].

5. Крупное крестьянство — капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничающие, как правило, «с несколькими наемными рабочими, связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве»[4].

Расслоение крестьян происходило в условиях узурпации крестьянских земель феодалами и беспощадной эксплуатации работников производства.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч. т. 3, стр. 148.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 131.
[3] *Там же,* стр. 133.
[4] *Там же,* стр. 134.

До присоединения Средней Азии к России основной чертой экономики Восточной Бухары являлось господство натурального хозяйства, при котором крестьяне были зависимы от различных феодалов, государства, отдельных чиновников, духовных учреждений, баев, мулл, ростовщиков и т. п.

Натуральное хозяйство имело две специфические особенности: во-первых, использование крестьянского труда на трудовую повинность и получение от него разнообразных продуктов в форме оброка; во-вторых, замкнутость экономических отношений внутри каждого крестьянского хозяйства. Характеризуя эту сторону вопроса, К. Маркс указывал, что «более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи представляют для этой семьи различные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме» [1].

Однако это вовсе не значит, что при натуральном хозяйстве полностью отсутствует товарное обращение. При таком хозяйстве превращение продуктов труда в товар, по словам Маркса, имело подчиненную роль [2].

Касаясь расслоения крестьян в условиях натурального хозяйства, В. И. Ленин писал, что «...при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при **денежной ренте,** которая является простым изменением формы натуральной ренты» [3].

Возникновение товарного производства при натуральном хозяйстве имеет давнюю историю, его Ф. Энгельс относил к древнему Египту и Вавилону [4].

Отсюда ясно, что товарное производство гораздо старше капитализма. Вместе с товарным производством, как указывает К. Маркс, начинает развиваться торговля внутри племен, за пределами их границ и за морями [5].

Эти основополагающие высказывания классиков марксизма-ленинизма дают нам основания говорить о том, что товарное производство в Бухарском ханстве, как у всех народов Запада

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. 1, стр. 84.

[2] Там же, стр. 85.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 143.

[4] *Ф. Энгельс,* дополнение к третьему тому «Капитала», Капитал, т. 3, стр. 913.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139.

и Востока, свое начало берет еще в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения классового общества. На протяжении всей истории постоянно происходил обмен продуктами труда между деревней и городом, а также между земледельческими оазисами и степными кочевниками.

Долгое время обмен совершался непосредственно между покупателем и продавцом без участия купца, но затем с развитием ремесла и товарного обращения расширились роль и значение городов как посредников в торговле. Касаясь роли городов на Западе, К. Маркс указывал, что в средние века «...своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством» город эксплуатировал деревню [1].

Все это характерно и для взаимоотношений между городами и деревнями Восточной Бухары. В экономическом отношении влияние города на деревню зависело от его политического состояния.

В условиях феодальной раздробленности, преобладания натурального хозяйства, постоянных набегов кочевников и междоусобных войн экономическое влияние городов на деревни было слабым. В этот период восточная часть Бухарского ханства оказалась совершенно изолированной от ее западной части. Гиссар, Денау, Куляб, Бальждуан, Курган-Тюбе, Кабадиан, Дарваз и Каратегин, а также памирские шахства имели очень слабые экономические связи с Кокандским и Бухарским ханствами.

По мере усиления центральной власти, начиная с середины XIX в., оживлялась торговля между отдельными областями Бухарского ханства, усилилось влияние городов на деревни. Этот процесс особенно усилился во второй половине XIX в., когда Средняя Азия была присоединена к России.

Факт присоединения Средней Азии к России имел важное значение для дальнейшего экономического развития этого края, в том числе и Бухарского ханства.

После отмены крепостного права в России стал быстро развиваться капитализм. Касаясь этого вопроса, В. И. Ленин указывал на две формы его развития: «вглубь» и «вширь». Под первой формой он видел развитие капитализма на данной территории самой России, шедшее за счет развития промышленности, экспроприации земледельческого производителя и роста капиталистического земледелия, а под второй — распространение сферы господства капитализма на новые территории, которые еще не были затронуты капиталистическими отношениями.

О значении окраин для развития капитализма В. И. Ленин писал: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колони-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 814.

зации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»[1].

Развившийся капитализм в центре, стесняемый недостаточной емкостью внутреннего рынка, стремился получить новые территории для сбыта своей продукции и получения новых источников сырья. Завоевав основные районы Средней Азии, царизм поставил своей задачей полностью подчинить все мелкие феодальные самостоятельные и полусамостоятельные владения не только для того, чтобы обеспечить безопасность границ с Афганистаном, но и открыть свободную торговлю русским капиталистам и создать предпосылки экономического порабощения населения горных районов Бухарского ханства.

Царизм, безусловно, являлся «тюрьмой народов». Как центр угнетения царизм во имя укрепления власти помещиков и капиталистов навязывал трудящимся ханств ярмо угнетения. Однако, независимо от воли угнетателя, присоединение Средней Азии к России, заинтересованность русской промышленности в среднеазиатском сырье и т. д., втянуло территорию Бухары в сферу капитализма и заложило здесь прочную экономическую основу для развития капиталистических отношений.

Это способствовало возникновению капиталистических промышленных предприятий не только в Туркестане, но и в Бухаре; была построена железная дорога Красноводск—Самарканд, которая проходила через Бухару. Такая же дорога была от Оренбурга до Ташкента, затем в начале XX в. Урсатьевская — Коканд и Каган—Термез. Военно-политический интерес царизма требовал установления тесной связи с самыми глухими районами Средней Азии, для чего в интересах русского капитализма на территории Таджикистана было построено несколько колесных дорог. Например, в 1900 г. от Термеза до Куляба (через Чубек), затем усовершенствованы вьючные тропы через Гарм до Алая и от Гарма до Калай Хумба.

Все это способствовало дальнейшему экономическому развитию Средней Азии, в том числе Восточной Бухары. Ежегодно промышленные районы Туркестана притягивали к себе десятки тысяч отходников из горных областей Таджикистана, развивалось товарное производство и торговля, появились десятки новых ростовщиков среди крестьян и других социальных групп населения.

Нужно сказать, что внутренняя торговля всех районов Восточной Бухары до начала XX в. занимала довольно скромное место в общей экономике. Изделия кустарного производства не могли служить предметом внешней торговли, таковыми являлись только чекмени, чулки и звериные шкуры из Каратегина, Дарваза, Памира и каратагская алача (ткань).

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 522.

Ввиду проникновения в Восточную Бухару русских товаров до некоторой степени снизился выпуск продуктов местного ремесла, так как русские товары были более прочными, дешевыми и благодаря этому ввоз русских хлопчатобумажных тканей в горные районы увеличился. К ним возрос интерес крестьянских масс, и они уходили на заработки в Фергану, Ташкент и другие города Средней Азии, зарабатывая деньги, покупали промышленные товары. Кроме того, большое количество товаров было сосредоточено в руках отдельных дельцов — спекулянтов, скупщиков и ростовщиков, которые привозили мануфактуру из Туркестана, а туда перегоняли скот. Такого рода люди были не только из Западной Бухары, но и из числа местного населения Таджикистана.

Царизм стремился к тому, чтобы искусственно сохранить феодально-патриархальный строй на окраинах. Но жизнь оказалась сильнее, чем воля царизма, и капиталистические отношения, постепенно пробивая путь, продвигаясь вперед, охватывая одну за другой все стороны жизни народа, привели к распаду натурального хозяйства.

Развитие городов, строительство грунтовых и железных дорог, промышленных предприятий, а также постепенное расширение посевных площадей под хлопчатник и ряд других мероприятий, привели к резкому сокращению зернового хозяйства в хлопкосеющих районах Средней Азии.

Это способствовало развитию торговых отношений Восточной Бухары с Туркестаном и всей Россией. Ежегодно из Каратегина, Дарваза, Куляба, Курган-Тюбе и Гиссара через Анзобский, Багбашский, Каракизикский, Тамдикульский и другие перевалы перегоняли тысячи баранов, коз, коров, лошадей в Ташкент и Фергану, туда возили хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, которые продавались по более высокой цене, чем они были на местах. Доходило до того, что если из указанных областей эти товары не поступали в Туркестан, то в дело вмешивался Туркестанский генерал-губернатор.

Возьмем хотя бы такой факт. В 1893 г. специальный отряд под командованием генерала Ионова в Каратегинском бекстве заготовил одну тысячу пудов фуража, вследствие чего цена на хлеба поднялась до 4 танег за пуд ячменя. Учитывая, что хлеб стали покупать на местах, каратегинцы стали вывозить его в Фергану в меньшем количестве, что вызвало недостаток там хлеба, и по просьбе ферганского военного губернатора Туркестанский генерал-губернатор предложил Российскому политагентству в Бухаре выяснить и сообщить причины сокращения вывоза хлеба из Каратегина в Фергану, попросить эмира наказать бека за то, что он препятствует вывозу хлеба в Фергану[1].

[1] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 188—189.

Каратегинский бек, после вмешательства эмира, начал принимать меры по увеличению вывоза хлеба и скота в Ферганскую область. Особенно усилился перегон туда скота.

Однако из-за отсутствия статистических данных мы затрудняемся определить количество ежегодных хлебных поставок и продуктов скотоводства из Восточной Бухары на рынки Ферганы, тем не менее надо подчеркнуть, что потребность Ферганской области в завозном хлебе и скоте была очень большая, это мы видим из корреспонденции газеты «Туркестанские ведомости», где говорится, что нынешний год (т. е. 1908 — А. М.) для прасолов, снабжающих Фергану громадным количеством баранов, оказался весьма плачевным, и нет ничего удивительного, что баранье мясо на рынках с каждым днем дорожает и наличного его количества не хватает для удовлетворения спроса. Ежегодно в ноябре месяце стада баранов пригоняются с двух сторон: из Семиречья через Нарынское ущелье и из Каратегина через перевал Матча [1].

Конечно, надо сказать, что здесь речь идет не только об одном Каратегине, а обо всей Восточной Бухаре, так как на его пастбища летом пригоняли скот из Гиссара и Куляба, а осенью его перегоняли для продажи на туркестанский рынок. На рынок поступали также пушные и шерстяные изделия.

Большую роль в развитии торговли и экономики Восточной Бухары сыграла русская торговая компания, которая под названием «Восточное общество» была организована в начале XX в., ее центр находился в Сарай-Камаре. Здесь уже в 1906 г. проживало 22 русских и 35 бухарских купцов. Они постоянно занимались скупкой различных сельскохозяйственных товаров во всех районах Восточной Бухары, а затем их отправляли в Россию. Постоянно для перевозки импортных товаров по реке Аму-Дарье было занято 600 каюков с общей емкостью 700 тыс. пудов [2]. По сухопутным дорогам из Восточной Бухары ежедневно двигались караваны в количестве 7000 верблюдов.

Все это способствовало росту производства сельскохозяйственных товаров и торговли. Статистическими сведениями по годам о вывозе товаров из Восточной Бухары мы не располагаем. Однако некоторые данные свидетельствуют о том, что этот вывоз был довольно внушительным.

Например, в 1915 году из Сарай-Камара по Аму-Дарье было вывезено хлопка 225 тыс. пудов на сумму 330 тыс. рублей, 12 тыс. баранов на сумму 150 тыс. руб. и других видов товаров — 177 тыс. пудов на сумму 258 тыс. рублей. Ежегодно Термезский военный гарнизон покупал 52 тыс. пудов хлеба у местных жителей Восточной Бухары. По неполным данным, вывозили более

---

[1] См. «Туркестанские ведомости», № 73 за 1908 г.

[2] *Б. И. Искандаров,* указ. Восточная Бухара..., ч. II, стр. 242.

4 млн. пудов хлеба для продажи в Бухару и в долину Зеравшана [1].

Все это привело к усилению развития товарно-денежных отношений, которое дало сильнейший толчок к расслоению крестьян на различные социальные группы. «Чем дальше идет проникновение товарного производства в земледелии, тем сильнее, следовательно, становится конкуренция между земледельцами, борьба за землю, борьба за хозяйственную самостоятельность,— указывал В. И. Ленин,—тем с большей силой должен проявиться этот закон, ведущий к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьянской буржуазией» [2].

Этот процесс проходил не только в России, но и охватил Среднюю Азию и даже самые отдаленные районы горной Бухары. В связи с этим решающим образом изменился характер ренты, в подавляющем большинстве случаев повсеместно на территории Бухарского ханства она превращалась в денежную. Это привело к усилению эксплуатации крестьян со стороны феодалов. На фактах мы видим, что в последний период существования эмиратства в результате разложения хозяйства крестьян, с одной стороны, появилась зажиточная часть населения, которая стала в разряд эксплуататоров, а с другой — масса нищенствующих трудящихся, лишившихся средств производства.

РАЗОРЕНИЕ И ОБЕЗЗЕМЕЛИВАНИЕ КРЕСТЬЯН

При господстве денежного обращения у крестьян появилась постоянная нужда в деньгах, чем пользовались скупщики и ростовщики для их закабаления.

На территории ханства крестьянского банка не было, и поэтому все их нужды в деньгах удовлетворяли только ростовщики, которые являлись одними из самых суровых эксплуататоров народа. О закабаляющей роли ростовщика Ф. Энгельс писал «налоги, неурожаи, разделы между наследниками, судебные процессы, гонят одного крестьянина за другим к ростовщику, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее,— одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели» [3]. Все это характерно и для расслоения крестьян в Бухарском ханстве.

Как уже было сказано, помимо общинных и государственных земель в Бухарском ханстве существовала также частная земельная собственность и владельцам предоставлялось право свободно распоряжаться ею. Однако мелкие крестьянские хо-

---

[1] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара..., ч. II, стр. 301.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 52—53.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 444.

зяйства не были способны устоять против натиска капиталистических отношений. Поэтому мы наблюдаем факты массового отчуждения средств производства мелких крестьянских хозяйств и концентрации земли в руках богатой части крестьянства, чиновников, мулл и торговцев из числа местного населения.

Феодалы и зажиточная часть крестьянства при покупке земли в первую очередь ставили цель захватить землю сирот, вдов и бедняков, не имевших возможности обрабатывать свои участки и очень нуждавшихся в деньгах. Иногда дело доходило до того, что путем различных махинаций, в том числе выставления ложных свидетелей, землю крестьян приобретали за бесценок. Доказательством этого является документ из Матчинского бекства. Вот что в нем сказано:

«В месяце шаъбон 1278 (1861) г. пришел к казию Давлят Мухаммад, сын Мухаммад Шарифа, и сделал законное заявление о том, что он продал участок собственного мулька (границы которого описаны) мулле Мухаммаду Шафию за 6 кокандских тилла (золото кокандской чеканки), вес каждой монеты был равен весу 100 средних ячменных зерен.

Одна половина этой земли принадлежит мне, а другая — мирза Халифу, который в присутствии свидетеля муллы мир Алима, сына Мирсаидбокия, сам продал свою долю Мухаммаду, сыну Авазу.

С получением указанной суммы мы себя считаем лишенными права собственности на данный участок, и впредь наше поколение к поколению муллы Мухаммада Шафия никакие претензии не будет иметь».

Из второй части данного документа мы узнаем, что этот мулла, без участия продавца земли, через Давлята Мухаммада присвоил себе землю третьего лица. Вот что сказано в документе по этому поводу:

«Земля, которая имеет название Среднего Рога, по свидетельству того же Давлят Мухаммада и муллы мир Алима, действительно принадлежала мулле Шамсиддину, сыну Халифа и последний по собственному желанию ее продал мулле Мухаммаду Шафию за один тилла и 12 танег чистого сребра» [1].

В другом документе, который в 1870 г. исходил из Байсунского бекства, сказано, что мулла Исхакхаджа купил 2 сера и 1 чорьяк земли у несовершеннолетних детей Бердикула за 12 танег, на что был составлен документ следующего содержания:

«В месяце зульхиджа 1287 (1870) г. пришел к Байсунскому казию Дусткобил, сын Рахманбердия, и по закону, как представитель от детей Бердикула, сделал заявление соответственно шариату о том, что он продал мулле Исхакхадже всего-навсего 2 сера и 1 чорьяк богарной земли, расположенной в Окджаре

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 1.

данной области (описываются границы с четырех сторон), которая находится во владении моих подзащитных, за 42 танег бухарской чеканки и с получением указанной суммы впредь к покупателю никакой претензии не имею»[1].

В другом документе этого же бекства указывается, что Хаджа, сын Исмаила, за 215 танег купил несколько участков земли детей Алима[2].

В Гиссарском бекстве наблюдался факт, что чиновник или духовное лицо, опираясь на свой авторитет и влияние, за бесценок купил землю и дом разорившихся крестьян. Например, мулла мирза Салим муфтий в 1890 г. в окрестностях города Гиссара купил несколько участков земель и помещений по разным ценам. По этому поводу в его васике (купчая крепость) сказано:

«В 1308 (1890) г. пришел к казию, Мухаммад Васе и сделал законное заявление о том, что он четыре года тому назад по собственному желанию, продал один участок земли (описание границ) за 160 танег домулле мирза Салим муфтию;

в том же году Авазбако, в присутствии того же казия сделал заявление о том, что он добровольно без всякого принуждения продал из своей собственности один сарай (кахдон) вместе с одним хлевом (огыл), которые расположены около мечети, за 65 танег домулле мирза Салиму;

в том же году в присутствии того же казия, Марзия, дочь шейха Бурхана, сделала заявление о том, что она по собственному желанию продала свою собственность, один хлев, который находился около земли данного покупателя, за 27 танег домулле мирза Салиму;

в присутствии того же казия мулла Шейх, сын Шарифа, как законный представитель Абдуразака, сделал заявление о том, что он продал 1 табак его земли за 12 танег домулле мирза Салиму;

в том же году в присутствии того же казия мулла Мухаммад сделал законное заявление о том, что он продал 6 табаков земли своего брата Сафара домулле мирза Салиму за 750 танег;

в том же году в присутствии того же казия мулла мирза Азиз сделал законное заявление о том, что он продал одну рисоочистительную мельницу мулле мирза Салиму за 15 танег»[3].

Мы не располагаем другими документами этого хозяйства, однако полагаем, что такими путями мирза Салим муфти приобрел ряд других земель крестьян и превратился в одного из крупных землевладельцев Восточной Бухары.

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 2.
[2] Там же, док. № 3.
[3] Там же, док. № 4.

Некоторые крестьяне этого бекства, в результате развития товарно-денежных отношений, превратились в зажиточных и стали владельцами не только земли разорившихся крестьян, но и государственных и общинных. Примером этого может быть Мухаммад Аюб из кишлака Насрута Варзобского амлякдарства, который согласно указу гиссарского бека стал владельцем всех земель и вод кишлака Хазары. Вот что сказано в этом источнике:

«Ставим в известность всех зиддийских аксакалов и арбабов о том, что там имеется один разрушенный и брошенный кишлак под именем «Хазары», который мы передали владельцу данного письма Мухаммад Аюбу для его восстановления. Поэтому Вам следует опираться на данное распоряжение и контролировать, чтобы ему никто ни в чем не мешал, и пусть названный кишлак все признавали собственностью Мухаммада Аюба»[1]. При помощи учителя Ленинского района Саидова Давлята из кишлака Зидды и Мухаммада Шарифа из кишлака Куктепе, а также собственных наблюдений на месте выяснилось, что кишлак Хазара находится 3—4 км выше Зидды[2], на правом берегу реки, имеет такое же название. Мухаммад Аюб был зажиточным крестьянином из кишлака Насрута, впоследствии — баем, имел большое количество баранов, коз, коров. Из-за пастбищ у него с жителями Насрута возник спор, в результате которого его выгнали из этого села. Тогда Мухаммад Аюб при помощи влиятельного ишана халифа Хусейна во второй половине XIX в. уплатил гиссарскому беку 40 голов скота, за что купил указанный кишлак и стал его собственником; этот кишлак до сих пор называется «Хазораи Аюб» («Аюбские хазары»). Рис. № 19.

В Каратегинском бекстве таким же путем превратились в крупных землевладельцев махдум Бурхан, Мухаммад Рауф[3] со своими братьями и другие.

Документы подтверждают, что если махдум Бурхан в своих руках сконцентрировал земли окрестностей своего кишлака, то Мухаммад Рауф и его братья покупали земли по всем амлякдарствам Каратегинского бекства. В их распоряжении находились все виды земель: поливные и богарные, государственные и мульки хурри халис. Об этом говорят некоторые факты о хозяйстве этих братьев.

В 1905 году эти братья купили около 70 табаков земли мульки хурри халис у женщины по имени Зебида за 450 танег по документам следующего содержания:

«В месяце рабисани 1322 (1905) г. Ташмухаммад, сын

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 5.

[2] Кишлак Зидды расположен в 100 км. севернее города Душанбе, у подножия Анзобского перевала.

[3] Кроме материалов, изложенных в данной главе, о Бурхан Махдуме и Мухаммад Рауфе, см. стр. 271—276 данной работы.

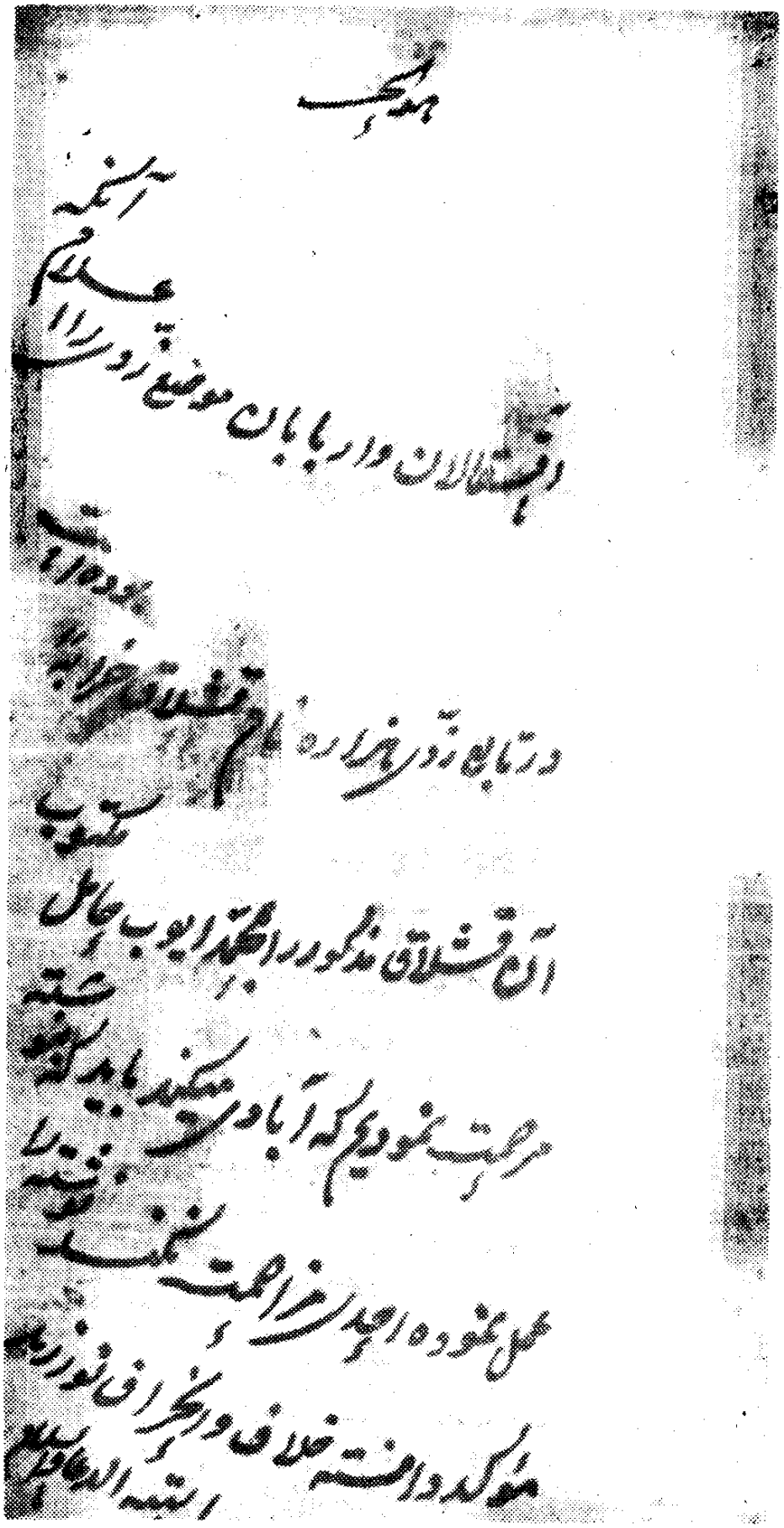


Рис. № 19

Шакара, пришел к Калай Лябиобскому казию и сделал законное заявление о том, что он как законный представитель своей матери Зебиды, дочери Джанмухаммада, все земли (описаны границы), которые являются ее мульком хурри халис, продал Мухаммаду Рауфу за 450 танег бухарской чеканки и с получением этой суммы никакой претензии к покупателю не имеет»[1].

Содержание другого документа показывает, что земля и другое имущество Бибидавлят оказались в руках сыновей Сафола. На местах нам рассказывали, что Бибидавлят была замужем за Сафолом и у нее не было детей. Поэтому, согласно законам шариата, ее наследство должно достаться племянникам или другим родственникам. Однако дети Сафола препятствовали этому, возник спор, который дошел до казия, и после разбора было решено таким образом:

«В месяце рабисани 1329 (1911) г. в кишлаке Хинич, относившемся к Каланаку, пришел к казию Мухаммад Расул, как представитель от имени несовершеннолетних детей Мухаммада Кабира: Мухаммада Раджаба и Мухаммада Шарифа и сделал соответствующее шариату заявление о том, что он как законный представитель вышеуказанных лиц продал их наследство за 100 танег бухарской чеканки Сафоловым и раз и навсегда отказывается от всяких претензий в отношении наследства Бибидавлят, дочери Ашура, родной сестры Мухаммада Джабира, и с получением этой суммы к ним никакого касательства не имеет»[2].

Эти же братья разорили хозяйство крестьянина Иброна, сына Кибора. На месте нам рассказывали, что он несколько раз ездил на отходничество в Фергану и оттуда привозил деньги и мануфактуру. Миразоры и арбабы каждый раз требовали от него подарки, выполнить их требования он не мог, тогда они оклеветали его, объявив Иброна вором. Бек распорядился наложить на него штраф в сумме 300 танег и дать ему 75 палок. «Виновник» принял удары, но денег для уплаты штрафа не нашел.

Используя его несчастье, Сафоловы скупили его земли, о чем говорится в документе: «В месяце рабисани 1331 (1912) г. к заместителю казия мулле Ахьё в Каланаке пришел Иброн, сын Кибора, и по собственному желанию сделал законное заявление о том, что, он, владелец одного участка земли в размере 12 табаков, который расположен в Бедаке, продал его со всеми правами, которые принадлежат ему, за 150 танег бухарской чеканки Мухаммаду Наиму, сыну Сафола и с получением этой суммы лишается земли и никаких претензий к покупателю не имеет»[3].

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 6.
[2] Там же, док. № 7.
[3] Там же, док. № 8.

Таким образом, бедный крестьянин Иброн лишился средств производства и, как нам рассказывали местные старики, работал чорьякором у разных феодалов, в том числе и у Сафоловых, впоследствии бросил родное село, уехал в Фергану, там он и умер [1].

Если Сафоловы могли совсем даром покупать землю разоренных крестьян, то земли состоятельной части населения покупали по высоким ценам — так велика была их алчность. Мы располагаем двумя документами, которые свидетельствуют о том, что эти братья в 1915 г. купили два участка земли у односельчанки по имени Галатбиби, дочери мирза Арифа, за 5819 бухарских танег, из которых 4386 танег уплатили за 15 табаков, а 1433 танег — за 5 табаков [2].

Куплей-продажей земли в Каратегине занималась и другая зажиточная часть населения, духовные лица и чиновники, в подтверждение этого можно привести хотя бы такие факты: в 1916 г. в кишлаке Шеблали Джиргатальского амлякдарства дети Юнуса продали все дедовские земли Суфию, сыну Алия, за 40 рублей;[3] или в Гармском амлякдарстве, Холмухаммад, сын Абдурахмана, за 400 рублей купил все наследственные земли детей Курбана — Имама, Бекмурада и Хаджи [4].

Крупнейшее духовное лицо махдум Бурхан и его братья Масехо и Бузургхаджа за бесценок скупали земли у населения. Тут можно привести один документ, который свидетельствует о том, что в 1917 году Масехо и Бузургхаджа купили 2 табака земли у Асадуллы, сына Азиза, за 40 рублей и 4 табака загира [5].

В 1913 г. в качестве продавца одного и того же участка собственной свободной от податей земли (мульки хурри халис) выступили два разных лица. Доказательством этого может быть документ, который исходил из Калай Лябиобского амлякдарства. В нем сказано:

> «Решение в отношении одного участка земли, состоящего из 4 ман (описываются его границы с четырех сторон), расположен в кишлаке Авёльма Калай Лябиобского амлякдарства.

В месяце раджаба 1332 (1913) г. пришли к казию Насриддин ишикогобоши, сын Исмата, и Ёрмухаммад мирахур, сын Шера, и в соответствии с шариатом сделали законное заявление о том, что они добровольно и без принуждения продали свои собственные земли (мульки хурри халис) хадже мулле Суфию, сыну муллы Курбана, за 10500 русских танег и с получением этой

---

[1] См. *А. Маджлисов,* Указ, соч., стр. 85—86.
[2] Наши материалы, д. 4, док. № 9.
[3] Там же, док. № 10.
[4] Там же, док. № 11.
[5] Там же, док. № 12.

суммы к нему не имеют никакой претензии. В продажу не включено по одному газу с каждых четырех сторон»[1].

Почему владельцами данного участка мульки хурри халиса оказались два чиновника? В документе по этому поводу ничего не говорится. Возможно, что они были или дальними родственниками, и земля являлась дедовой переходящей по наследству, или же они ее взяли из владений налогоплательщиков за счет недоимки хараджа, которую они получали в качестве танхо за государственную службу.

Мухаммад Наим бай (из кишлака Казакан) и Имам бай (из Оби-Гарма) совместно занимались куплей и продажей государственной земли и ее сдавали в аренду или перепродавали малоземельным крестьянам. Это видно из материалов проверки содержания одного документа по тому же Каратегинскому бекству. В этом источнике указано:

«От имени его величества!

Один участок государственной земли, расположенный в кишлаке Казакан[2] и, по определению Муджихарфских[3] аксакалов, насчитывающий семь батманов[4], который граничит: на востоке с землей мирза Азиза, на севере с землей Назаршаъбоза и Усмана, на западе он примыкает к ущелью Нояка и земле Назима, на юге с землей Юнуса и частично с землей мирза Азиза — мы передали Мухаммаду Наим баю, и за это от него получили прославление его величества.

Отныне эта земля переходит в собственность указанного Мухаммада Наим бая и никто не имеет права мешать ему в этом. Пусть он на этой земле занимается посевом и от полученного урожая выделяет государственный ушр и другие подати, а остальной урожай тратит на свои собственные нужды»[5]. Рис. № 20.

Однако дело было не так, как указано в документе. Под словом «передали» скрывалась продажа. Очевидцы этих событий Абдурахман Шарипов и другие старожилы кишлака Казакан рассказывали, что Мухаммад Наим бай купил эту землю за 5600 танег не для себя, а для перепродажи другим лицам. Как они рассказывали, бек землю продавал только баям за налич-

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 13.
Газ (аршин) — единица измерения=0,838 м.

[2] Кишлак Казакан расположен в верхней части ущелья Муджихарф Комсомолабадского района.

[3] *Муджихарф* — при эмирате являлся одним из амлякдарств в составе Каратегинского бекства.

[4] Каратегинский батман — мера веса сыпучих тел, которая равнялась 192 кг зерна или мера земельной площади 1,5 га. Следовательно, семь батманов равно 10,5 га.

[5] Данный документ составлен в месяце зулькада 1333 (1915 г.), на котором приложен мухр (печать) каратегинского бека Рахматулла «додхо», правившего с 1914—1917 гг. (Наши материалы, д. 4, док. № 14).

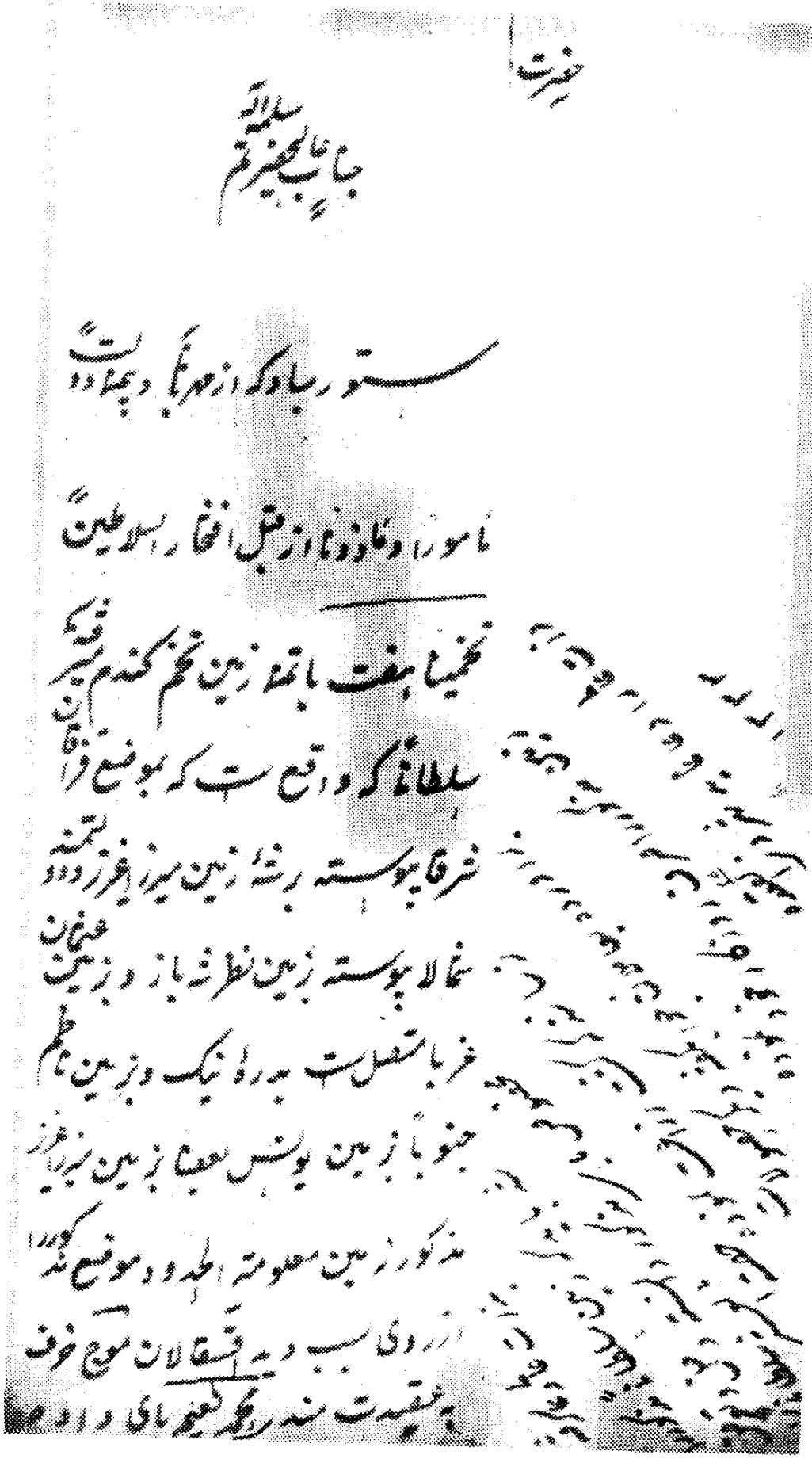


Рис. № 20.

ные деньги. Поэтому беднякам ее покупать не представлялось возможности.

Мухаммад Наим бай, покупая упомянутую землю, продал ее по частям жителям этого кишлака: Мухаммаду Юнусу, Мухаммаду Саиду, Джомахмаду, Аслие и др. «Например,— говорит известный нам Шарипов,— я сам купил у Мухаммада Наим бая один батман земли за 2280 танег. Из этих денег первый год я ему уплатил 1000 танег, второй год — 700 танег и на третий год — 580 танег. С первого же дня купленная земля находилась в моем распоряжении, а за ту долю, за которую я не уплатил деньги своевременно, платил ему натурой $^1/_3$ часть урожая». На таких же правах находились остальные крестьяне. Таким образом, если Наим бай за семь батманов земли заплатил 5600 танег (т. е. по 300 танег за один батман), то он ее продал за 15960 танег, получив чистой прибыли 10360 танег, т. е. он в результате спекуляции получил за нее в три раза больше, чем он заплатил миру. Такие ростовщики по купле и продаже земли, как Мухаммад Наим бай, были по всему бекству Восточной Бухары.

В Ванджском амлякдарстве Дарвазского бекства в 1310 (1893) г. братья: Рахматулла и Холмухаммад, сыновья Джуробкаша, купили два паймана [1] и десять чорьяков [2] земли у Махмадуллы, сына Гие, за 41 штуку карбоса,[3] каждая из которой была равна стоимости одного мискала золота [4]. В Сарыджуйском амлякдарстве наблюдался факт: в 1910 г. Менгли бай через муллу Таджиддина за 50 бухарских танег купил все земли, дом и двор у наследников Абдулкадыра, Закира и Бибихуршедой [5].

В Сариасиенском районе в 1913 г. сыновья Мухаммада продали 4 мана своей собственной богарной земли за 279 бухарских танег Абдулхаю, сыну Ашура [6]. В том же году, в том районе, в кишлаке Хуфаре, мулла Абдулазиз купил 6 манов государственных богарных земель у крестьянина Мурада [7].

Купля-продажа земли и таким путем ее концентрация в руках зажиточной части населения — это был единый процесс, который охватил не только восточную, но и западную часть Бухарского ханства, а также другие районы Средней Азии, в том числе и густонаселенные долины Зеравшана.

Например, в районе Куштута (в Пенджикенте) из среды кустарей-крестьян путем купли земли выросли и превратились в землевладельцев братья Рахматудлаевы, которые вместе с Му-

---

[1] См. сноску на стр. 136 данной работы.
[2] Чорьяк равен $^1/_4$ части пуда.
[3] 6 метров карбоса считался одной штукой.
[4] Наши материалы, д. 4, док. № 15.
[5] Там же, док. № 16.
[6] Там же, док. № 17.
[7] Там же, док. № 18.

хаммадом Мартизом организовали компанию по купле-продаже земель. Об этом говорят факты.

«В месяце джамадисани 1309 (1891) г. пришел к куштутскому казию рыжебородый, мышеглазый, низкорослый, по его словам, 32-летний Мухаммад Риза и сделал законное заявление: я, как представитель Бибихолы, дочери Абдуллы и Ниязбиби, Очабиби и Ёдгарбиби, детей уста Хаита, продал 12,5 танабов богарных и 3 танаба поливных земель, а также дом из 4 комнат, со всеми правами, принадлежавшими нам, за 240 танег уста Кариму и уста Шадию, сыновьям уста Рахматуллы, а также Мухаммаду Мартизу, сыну уста Рахмата, и, с получением этой суммы, к ним никаких претензий иметь не будем».[1]

Эти братья со своей компанией продолжали покупку земли и имущества крестьян и в последующем периоде, вплоть до Октябрьской революции. Об этом свидетельствует другой документ, согласно которому они купили все наследственные земли Орзу сына Авазмухаммада за 150 танег. Вот что сказано в нем:

«В месяце зулкада 1317 (1900) г. пришел к куштутскому казию Орзу, сын Авазмухаммада, и, по собственному желанию, сделал законное заявление о том, что он продал все свои наследственные земли уста Рахиму, уста Кариму и уста Шадию, детям уста Рахматуллы, за 150 танег и, с получением которых, впредь к ним никаких претензий не будем иметь [2].

Из всего изложенного ясно, что торговля землями в Бухарском ханстве проходила главным образом путем насильственного поглощения, которое опиралось на экономическую и политическую силу алчной знати или крупных именитых светских и духовных чиновников, а также наиболее богатых лиц из числа ростовщиков. Цена на землю определялась не рентой, а политической и экономической силой того, кто покупал ее.

В руках вышеуказанных лиц концентрировались земли крестьян-собственников, которые в результате экспроприации их средств производства превращались в издольщиков и чорьякоров.

Не представляли исключения и крестьянские хозяйства «танхо», они также разорялись. Причем надо подчеркнуть, что за это танходор никакой ответственности перед государством не нес, наоборот, ему предоставлялось право взамен разорившегося крестьянина танхо получить от бека или амлякдара другое, наиболее зажиточное хозяйство.

Например, по материалам М. Рахимова видно, что в Дарвазском бекстве бухарский чиновник Абдулхалим мирахур, в связи с присвоением ему этого звания, получил в качестве танхо крестьянские хозяйства Шохусейна и Абдурахмана, которые через

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 19.
[2] Там же, док. № 20.

некоторое время окончательно разорились. Тогда чиновник с большим подарком отправился к беку в Калай Хумб с просьбой дать ему вместо двух танхо одного середняка Мухаммада Нидо. Удовлетворяя эту просьбу, правитель Дарваза дает следующее распоряжение:

«Да будет известно всем мирам,[1] миразарам и сборщикам налога Сагирдашта о том, что во славу дарованного богом государства его величеству (эмиру) жителя кишлака Зарко Мухаммад Нидо передать в качестве танхо Абдулхалиму мирахуру взамен бывших в его танхо Шохусейна и Абдурахмана»[2].

Развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что разорялись не только хозяйства крестьянской массы, но и некоторые хозяйства зажиточной верхушки крестьянства, и за их счет обогащались другие, которые превращались в крупных землевладельцев. Причем документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что объектом купли-продажи оказались не только пахотные земли, но и пастбища.

Например, в районе Хузара оказался разоренным Якуб бай, который имел землю под посевы и пастбище для своего скота, но потом оказался не в состоянии вести свое хозяйство и решил продать землю.

Ее покупателем оказался Ишанкул бай, сын Тура бая, на имя которого в 1333 (1914) г. был составлен следующий документ:

«Пришел к заместителю казия области Хузара старик среднего роста Якуб бай, сын Тош бая, добровольно без всякого принуждения сделал законное заявление о том, что он продал полностью Ишанкул баю, сыну Тура бая, всего 15 ман своих богарных земель вместе с государственным пастбищем, которое находилось в его владении (описаны границы с четырех сторон), за 600 танег, и, с получением указанных сумм, к покупателю не имеет никакого касательства»[3]. Рис. № 21.

Тот же самый Ишанкул бай, в том же году, купил 10 манов богарных и поливных земель у того же Якуб бая за 2000 танег, 20 ман богарных земель и пастбища за 6000 танег купил у Тош бая, сына Хаджи бая, 10 ман богарных земель он купил у Худайкула за 3000 танег и др.

Документы, которые составлены на имя этого бая, свидетельствуют о том, что он продолжал расширять свои владения. Например, он в 1336 (1917) г. купил у Рахманкул бая из того же Хузара 2 мана земли за 1500 танег, а через год у Чули бая — 3 мана земли за 6000 танег. Таким образом, Ишанкул бай превратился в одного из крупных землевладельцев Хузарского района.

---

[1] Мир, здесь означает амлякдар.

[2] *М. Рахимов,* Земледелие таджиков..., стр. 136—138.

[3] Наши материалы, д. 4, док. 21.

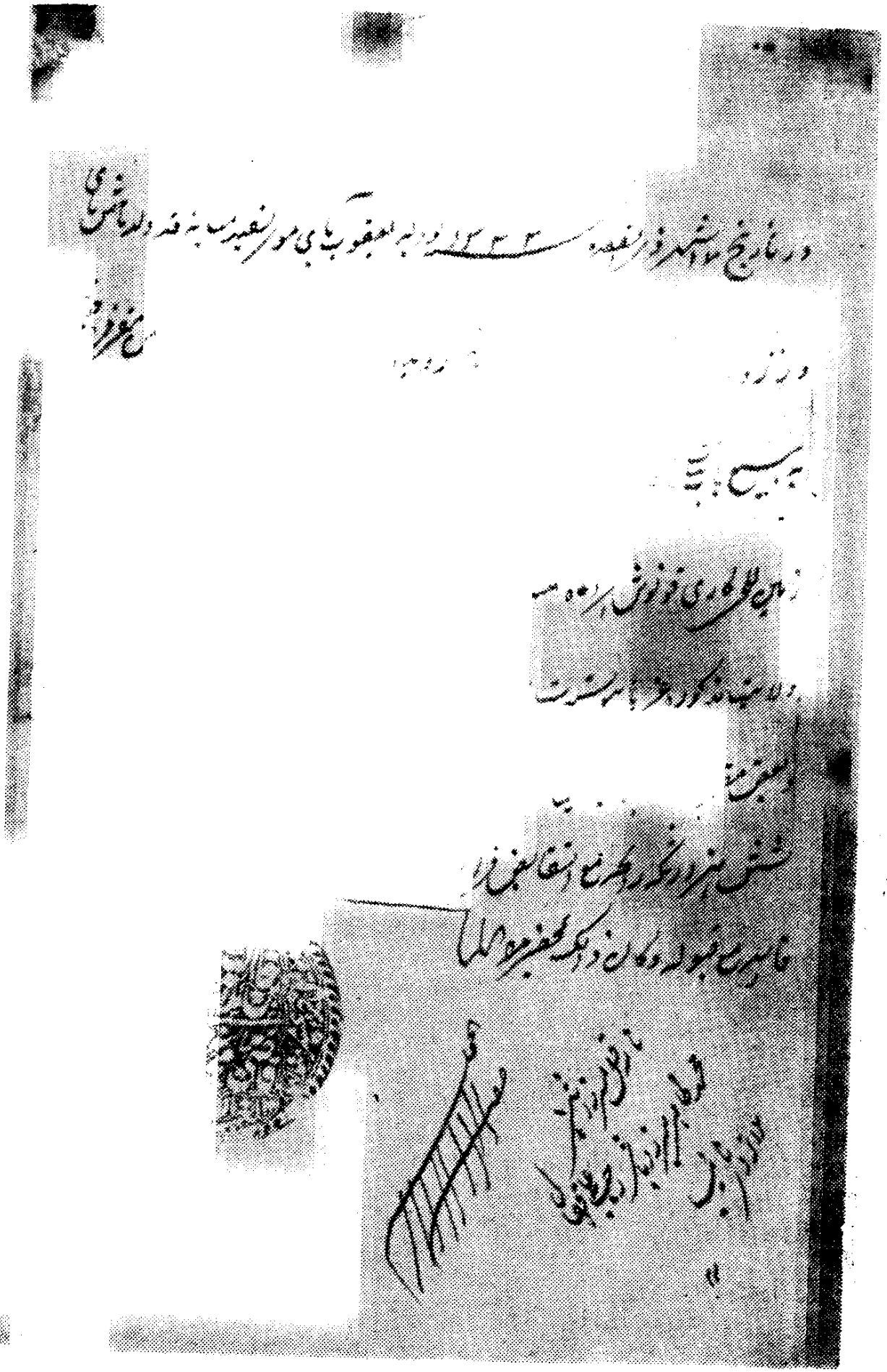


Рис. № 21.

Многие крестьяне лишались земли через долговую кабалу. Используя указания шариата о залоге, феодалы раздавали деньги в долг, забирали у крестьянина сады, землю, дом и двор, причем, в роли ростовщиков, в большинстве случаев, выступали сами светские и духовные феодалы, а также чиновники. В доказательство приводим несколько документов.

В Сариасинском амлякдарстве Гиссарского бекства крестьянину Мухаммаду Мукиму нужно было взять деньги в долг у аксакала Султан бая. Последний согласился удовлетворить его просьбу при условии, если он оставит ему в залог один танаб своего сада (виноградника). С их обоюдного согласия кази составил следующий договор:

«В 1310 (1892) г. пришел к сариасинскому казию Мухаммад Муким бай и соответственно шариату сделал законное заявление о том, что один танаб своего собственного сада (виноградника), который расположен в кишлаке Газдак Сариасиинского района (описание границы сада с четырех сторон), он оставляет в залог Султану — аксакалу за 11500 танег, которые он берет у него в долг, и к нему (т. е. саду) не будет иметь касательства до тех пор, пока не возвратит указанную сумму хозяину, и только при полном возвращении долга он снова станет хозяином сада» [1].

В Байсунском бекстве Суюн бай Пинхасов (еврейский ростовщик) давал деньги в долг крестьянам и за это забирал их землю и сдавал ее в аренду на условиях $^1/_5$ части урожая. Об этом свидетельствует документ, из которого видно, что он в 1329 (1911) г. дал в долг 120 танег мулле Мухаммаду Касыму и забрал у него один ман поливной земли [2]. Таким же путем он приобрел и несколько манов крестьянской земли. В другом источнике указано, что в том же бекстве один сад одного ростовщика находился в аренде на условии $^1/_5$ части урожая у Мухаммада Наим бая и что последний в 1919 году отказался от дальнейшей работы на данном участке, тогда ростовщик расторг договор и передал сад в аренду другому [3].

В районе Юрчи Денауского бекства в 1913 году крестьянин Ильяс, сын Гияса, получил в аренду один танаб сада у Кобил бая на условии ежегодной уплаты около 170 танег. Прошло три года, работник не смог заплатить арендатору за это время 500 танег долга. Тогда последний расторг договор и за указанные долги отнял у работника дом и двор, установив ему шестимесячный срок, в течение которого крестьянин должен был или уплатить хозяину 500 танег, или навсегда потерять свой дом и двор [4].

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 22.
[2] Там же, док. № 23.
[3] Там же, док. № 24.
[4] Там же, док. № 25.

Иногда содержание таких документов было замаскировано, в нем не указывались условия дачи денег в долг, особенно таковые исходили от духовенства. Но это вовсе не значит, что кредитор даром давал деньги взаймы. Вышеприведенные факты свидетельствуют, что при даче денег в долг, ростовщик возлагал на своих должников определенные обязанности. Такие документы мы обнаружили по Бальджуанскому бекству, в одном из них сказано:

«В 1328 (1910) г. пришел к хавалингскому казию Одина, сын муллы Шарифа (рыжебородый, брюнет, среднего роста, из кишлака Тутаки Мазара), и соответственно шариату сделал законное заявление о том, что он сам лично получил 80 танег, пущенных в обращение, у ходжи муллы Мухаммада Шарифа. Братья Одина, мулла Сайфиддин, Курбан и Нурриддин, также взяли у него 320 танег.

Таким образом, за ними всего числится 400 танег, которые, по требованию хозяина, будут возвращены ему тремя моими братьями, сыновьями муллы Шарифа, т. е. Сайфиддином, Курбаном и Нурриддином» [1].

На долговой основе масса земель производителей переходила в руки феодалов, в результате чего крестьяне превращались в чорьякоров или покидали свое родное село, уезжая в Фергану на отходничество.

Факты разорения крестьянских хозяйств и лишения их земли вызывали возмущения у передовой части интеллигенции, в том числе и у С. Айни. Основоположник таджикской советской литературы с большим уважением и любовью относился к людям труда, к беднякам. Он считал, что труд крестьянина связан с полем и садами, делает человека счастливым и украшает его жизнь. Однако писатель видел, как феодалы, кулаки и ростовщики обманывают крестьянина, совсем даром берут его землю.

С. Айни этот вопрос рассматривал как результат необдуманных действий крестьян, которые не понимали, что это им приносит нищету и голод. Поэтому он в 1917 г. в учебнике для детей младшего школьного возраста «Тахзиб-Ус-Сибъён» («Воспитание юношества») написал специальное стихотворение под названием «Заминро бояд нафрушед!» («Не продавайте землю!») и в нем указывает:

Не продавай свою землю, иначе ты станешь,
униженным, обездоленным и скитальцем [2].

Эти строки показывают, что С. Айни еще в то время не понимал причин социального неравенства, которое наблюдалось в деревнях Бухарского ханства. Он не понимал, что это явление было результатом воздействия развития капитализма, которое

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 26.

[2] *С. Айни,* Тахзиб-Ус-Сибъён, Самарканд, 1917 г., стр. 82—84.

создавало условия для возникновения, с одной стороны, кучки кишлачных богачей в лице баев и ростовщиков, а с другой — обездоленных и голодных крестьян, которые были вынуждены продавать свои земли. Однако писатель как друг народа, сумел увидеть эти недостатки и своими советами хотел помочь крестьянам избавиться от разорения.

Расслоение крестьянства не только разлагало его хозяйство, но и оказало сильное влияние на распад семьи, что видно из содержания следующих материалов.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ МЕЖДУ НАСЛЕДНИКАМИ

Развитие товарного производства и товарно-денежных отношений в Восточной Бухаре привели к усилению споров между наследниками, которые были связаны с правом наследия.

В Бухарском ханстве все земли и воды, а также другое имущество родителей, переходили по наследству, а это уже говорит о существовании частной собственности на средства производства. «На самом деле, институт наследства,— указывает В. И. Ленин,— предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена»[1]. Такой институт в эмирате существовал очень давно и он действовал на основе шариата и местных обычаев.

Мы уже во второй главе показали, что в Бухарском ханстве все пригодные к обработке земли и вода в арыках считались государственной, частной и вакуфной собственностью, каждый из собственников являлся законным распорядителем своего владения, которое переходило по наследству.

О праве государства на частновладельческие земли и воды в источниках шариата нет специального указания. Поэтому оно не могло распоряжаться ими. Есть только указание о том, что государство являлось владельцем таких земель и вод, которые не имели конкретного владельца. Исходя из этого, его права возникали только на землю и воду, которые считались маитами (мертвыми), и на те, которые разными путями были отобраны в казну.

Право наследства на владение землей и водой у духовных учреждений возникало из завещания пожертвователя и закреплялось вакуфными грамотами с назначением мутавалия как представителя вакфадателя.

В Бухарском ханстве специального законодательства о праве наследства не существовало, этот процесс регулировался законами шариата и местными обычаями, согласно которым права наследства прежде всего были связаны с семейными правоотношениями.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. I, стр. 136.

Рис. № 22

При вступлении в брак главой семьи становился муж, все имущество и земля сосредоточивались в его руках. Пока он был жив, его дети не имели права распоряжаться ими, а только пользовались тем, что им давал отец. Следовательно, при жизни главы семьи хозяйство сохранялось в целом и считалось неделимым. Поэтому, если сын женился, то он оставался вместе с родителями. После смерти отца начиналось раздробление хозяйства, на основе существующих прав наследства, в которое вступают:

а) дети обоего пола по принципу: доля двух дочерей должна была быть равна доле одного сына [1];

б) родители, каждый из которых получает $^1/_6$ часть наследства умершего, если у него остался ребенок, а если не осталось такового, то мать получает $^1/_3$ часть.[2];

---

[1] Коран, сура IV, стих 12, М., 1963 г., стр. 70—71.

[2] *Там же,* стих 13.

в) жена, если у нее остался ребенок, получает $^1/_4$ часть, а если нет — $^1/_8$ часть [1];

г) по боковой линии (братья, дяди, тетки или их дети) [2].

Таким образом, как видно, права наследства, которые существовали во всех мусульманских странах, в том числе и в Бухаре, исходили из содержания Корана.

О правопорядке наследства в Бухарском ханстве мы располагаем разъяснением кази каляна на запрос политагентства. Последнее от 5 апреля 1905 года за № 2018 обратилось к кушбеги с просьбой ответить: «Как в эмиратстве распределяют имущество между наследниками»?

Астанкул кушбеги от 18 мая того же года от имени кази каляна дал следующий ответ:

«Если человек умирает, то из его имущества, в первую очередь, высчитываются все расходы, связанные с похоронами; затем остальное распределяют между наследниками в следующем порядке: жена, если она имеет детей, то получает одну восьмую часть, если не имеет детей, то получает одну долю общей доли четырех жен; если умерший имеет отца, мать и детей, то родители получают из шести частей одну долю, сын — две доли, а дочь — одну долю; если у умершего нет детей, а есть внуки, то они получают долю, положенную их родителям, если у умершего нет детей, а есть родители, то они получают его наследство. Если у него нет и родителей, а есть брат, сестра, то они получают все его имущество, если и их нет, а у них есть дети, то наследство получают они, при отсутствии последних наследником станет тетка, дядя и их дети по отцовской линии. И, наконец, если нет родственников по линии отца, их место могут занять родственники матери» [3].

Следовательно, земля и вода, равно как и движимое имущество, находящееся в частной собственности, переходили сначала наследникам мужского пола по прямой линии, а при отсутствии таковых в право наследства вступали боковые линии отцовского рода (братья, сестры, дяди, тети и их дети), и, только при отсутствии последних, семья считалась вымершей, и владетелем такой земли и имущества становилось государство.

Согласно существующим правопорядкам в эмиратстве, по форме в праве наследства выступают два лица: мувасси (владелец, собственник) и мувасси илайхи (наследники, которым предоставляется в будущем право владения имуществом мувасси после его смерти).

Однако вышеизложенное не означает, что при решении вопросов правонаследства все должно идти в таком порядке, ко-

---

[1] Коран, сура IV, стих 14. М.

[2] *Там же,* стих 15.

[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 2, д. 78, лл. 263—281.

торый изложен в шариате или в ответе кушбеги. Документы, исходившие из разных мест Бухарского ханства, свидетельствуют о том, что на территории ханства имелось некоторое отступление от этого правила. Это, безусловно, было связано с местными обычаями, существовавшими и действующими так же, как и нормы шариата. Их действия считались закономерным явлением, так как при господстве феодальной раздробленности, постоянных междоусобных войнах не создавалось возможности для возникновения и развития письменного законодательства о праве наследства, и, наоборот, в каждой области существовало единообразие обычаев, которые на протяжении всей истории привели к образованию представления об обязательной заботе родителей в отношении детей и обязанностях последних перед первыми. Молодое поколение жило и действовало подобно своим отцам и дедам.

Эти местные сложившиеся обычаи могли получить законную юридическую силу при условии, если их санкционировало государство. Эмиратство было бессильно выступить против этих традиций и обычаев, и оно вынуждено было принять их и включить в органическую часть шариата.

Таким образом, ясно, что на основе шариата и обычаев в ханстве урегулировалось гражданское право, в том числе и наследственное право, сущность которого, как на Западе, так и на Востоке сводилось к тому, что государство их санкционировало, и они отражали «...существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами»[1]. Все эти принципы существовали во всех мусульманских государствах, в том числе в Бухарском ханстве. Это подтверждается конкретными документами, исходившими от эмиратства, согласно которым становится совершенно ясно, что владелец земли и имущества имел право завещать их любому родственнику по косвенной линии, даже при условии наличия наследника по прямой линии.

Примером этого может служить тот факт, что в Дарвазском бекстве во второй половине XIX века Джонмухаммад, при наличии наследников по прямой линии, сделал своим наследником сына сестры. Об этом в документе указано следующее: «В месяце раджаб 1289 (1873) г. пришел к законному казию Джонмухаммад, сын Саидмухаммада, и соответственно шариату сделал заявление: я, владелец имущества и земли, делаю своим наследником, наравне со своими детьми, муллу Шарифа, сына Мухаммад Ризы (сын моей сестры Охирмо), и отныне никто не должен предъявлять ему в этом отношении претензий»[2]. Рис. № 22.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, изд. 2, стр. 311.

[2] Наши материалы, д. 4, документ № 27.

Это было не единичным случаем, а системой. Аналогичные факты наблюдались и в другом бекстве. Нам известно, что в 1335 (1916) г. в Байсунском бекстве Зияваддин, сын Узбекхаджи, завещал в наследство своему родственнику Юлдашхадже 2,5 танаба фруктового сада, 4 мана и 2 сера богарных земель, один дом и двор, одного быка и двух ишаков, одну лошадь и одну корову. В документе после описания границ земель и описи, перечисленных предметов, сказано, что «в месяце джамодиохир, 1335 (1916) г. пришел к казию Байсунского вилоята Зияваддин, сын Узбекхаджи, и согласно требованию шариата, сделал заявление: я в качестве дара даю Юлдашхадже, члену моего рода, все вышеуказанные предметы, делая его наследником, и тем самым запрещаю другим своим наследникам предъявлять к нему какие-нибудь требования и претензии в отношении указанного наследства» [1].

В право наследства вступали также и домашние рабы при их освобождении. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1238 (1823) г. мулла Файзи, сын муллы Каландара, пришел к казию и сделал законное заявление о том, что после его смерти его раб Балтакул становится свободным и имеет право получить от бывшего хозяина $^1/_3$ долю наследства, никто не имеет права ему препятствовать в этом» [2]. Рис. № 23.

И наконец, из содержания наших источников выясняется, что из имущества умершего в первую очередь выделялись средства на расходы, связанные с похоронами, учитывались его долги, выплачивались налоги и поборы, а потом оставшаяся часть распределялась между наследниками по тому принципу, о котором сказано выше.

Таким образом, эти источники, несмотря на то, что они составлены в разное время, характеризуют одно и то же явление и свидетельствуют о том, что при наличии прямых линий наследниками могли быть племянники или другие косвенные родственники, получившие право обзаводиться своими собственными хозяйствами на том участке, который доставался им по наследству от деда, дяди или других родственников.

Поскольку главным источником жизни являлась земля, то в документах завещания сначала обязательно описывались точные ее границы с востока, севера, запада и юга, без чего продать, подарить или оставить ее в наследство было нельзя.

С вступлением в право наследства наследники по боковой линии или рабы часто встречали сопротивления и преследования со стороны наследников по прямой линии. Поэтому возникали споры и борьба между ними, от которой прежде всего страдали женщины, не имевшие детей, вдовы и малолетние сироты, осо-

---

[1] См. Наши материалы, д. 4, док. № 28.
[2] Там же, док. № 29.

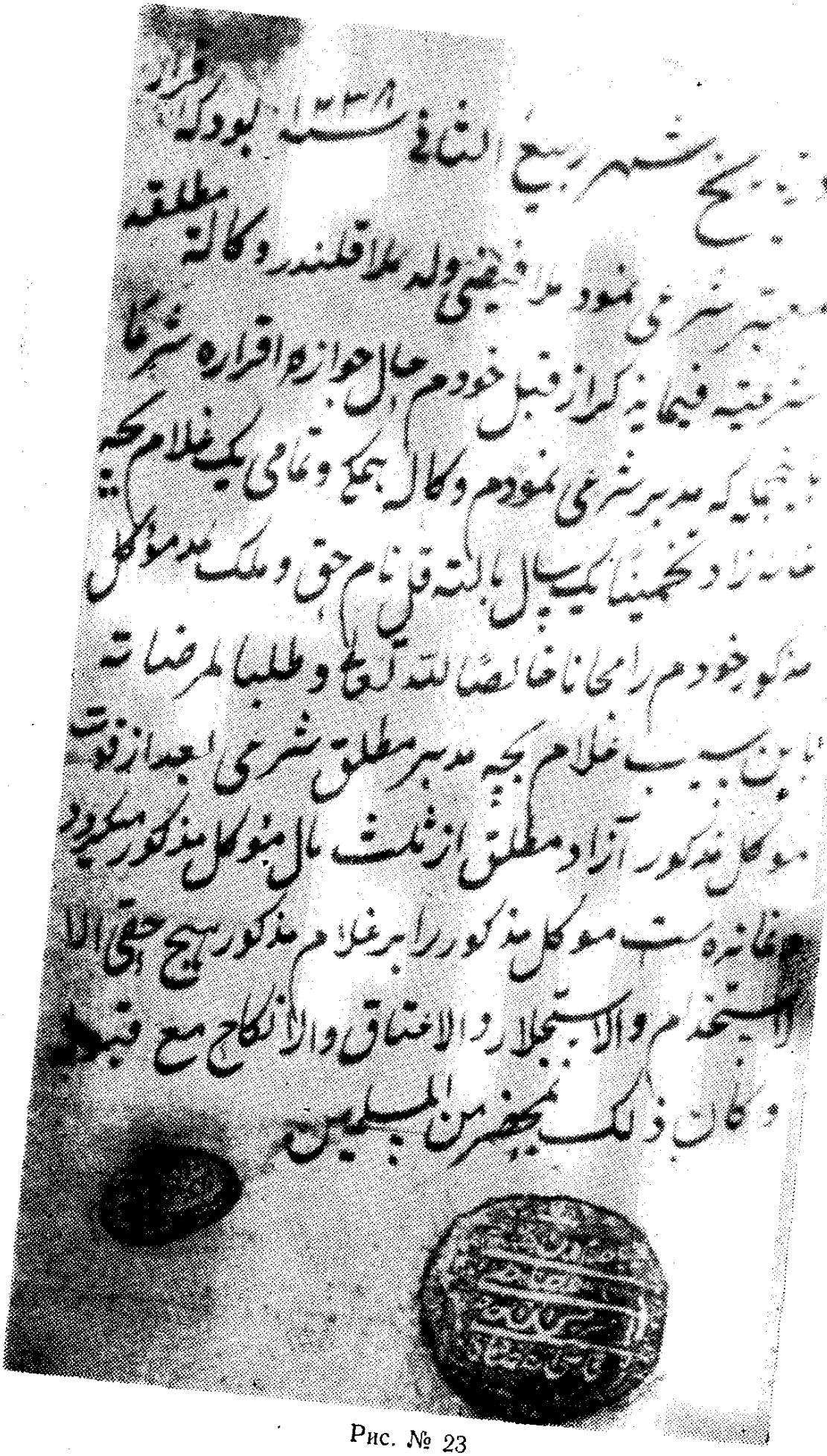


Рис. № 23

бенно ущемлялось право женщины, ее обманывал брат и унижал муж.

Женщина в феодальной Бухаре, как дочь, являлась наследницей своих родителей, как жена — своего мужа, как мать — своих детей и от всех этих источников она получала долю наследства. Кроме того, при выходе замуж, жених по закону был обязан во время никоха подарить невесте что-нибудь из своего имущества (деньги, дом, землю, скот), и этот дар считался «махром» и становился собственностью женщины. Следовательно, дочь богатого человека являлась обладательницей значительного имущества. Поэтому богатые люди в большинстве случаев стремились жениться или женить своего сына на дочери наиболее состоятельных людей для того, чтобы от этого брака была польза. Как только жену привозили в дом, муж по-своему организовывал хозяйство и жизнь с новой супругой.

Согласно предписанию IV суры Корана, основная обязанность жены заключалась в верности служения мужу. Право расторжения брака ей было предоставлено только при условии смерти мужа или его отсутствия в течение двух лет. Мужу было предоставлено право развода в любое время по его усмотрению.

Используя это положение, богатые лица организовывали заговор против жен и добивались присвоения их имущества. Для этого муж шел на все: обман, клевету, создание невыносимого режима в доме (особенно для тех женщин, у которых не было детей) и т. п. У нас имеется документ, свидетельствующий о том, что муж заставил жену во время болезни завещать ему свой махр и имущество.

Вот что сказано по данному вопросу в документе, который исходил от казия: «когда Бибизайнаб, будучи больной, подарила свой махр мужу мулле Хусейну и сделала его наследником, то это стало считаться законным и впредь, никто из ее наследников, в том числе и отец, не имел права предъявлять к нему претензии по данному вопросу»[1].

Кроме того, богатые люди, женясь на дочери состоятельных родителей, для жены не имевшей детей или «нарушившей» установленный мужем порядок, создавали в доме невыносимые условия: поддерживали и разжигали между женами постоянные скандалы, которые часто сопровождались избиением или унижением ее достоинства со стороны мужа или влиятельной жены, сокращали расходы на ее содержание, загружали чрезмерной домашней работой, словом делали так, что она с помощью родителей или сама по своей «доброй воле», изъявляла желание расторгнуть брак и уходила. На это муж шел с охотой только при условии, если она платила ему деньги, возвращала выкуп (если инициатива развода исходит от родителей жены), отказы-

[1] См. Наши материалы, д. 4, док. № 30.

валась от махра, приданого и алиментов. В подтверждение этого приводим некоторые документы.

В Рамитском районе Гиссарского бекства к казию мулле Абдулхакиму явился Мирзашариф, сын Курбан бая, и сделал законное заявление, соответствующее требованиям шариата: «Я даю развод своей жене Сангинджаной, дочери казия Мухаммада, за 50 танег бухарской чеканки и за остатки ее махра. С получением всего этого между нами раз и навсегда покончены супружеские отношения и мы свободны друг от друга» [1].

В этом же районе, в присутствии казиев Абдурахмана и Зайниддина, Лутфулла, сына суфи Барота, дал развод своей жене Бибиизат, дочери Давлятмурада, за остатки ее махра и за отказ от получения нафака (алиментов), заявив, что теперь бывшие супруги считают себя свободными [2].

Факт получения развода путем отказа от махра и алиментов (нафака) и уплату наличных денег мы видим в кишлаке Хавалинге Бальджуанского бекства. Согласно документу, исходившему от кази данной местности, в 1902 г. некий Мухаммад, сын Алим бая, развелся с женой Курбангуль на условии получения от нее 200 бухарских танег и отказа от всех своих махров и алиментов, которые она должна была бы получить от мужа [3].

Наблюдались факты, что за последнее время женщины получали развод за наличные деньги или же за скот, который зачастую тоже переводился на деньги. Например, в кишлаке Навабад в Калай Лябиобском амлякдарстве Каратегинского бекства Давлятхаджа, сын Джунайда, оформил васика у заместителя казия на развод со своей женой Олимаой, дочерью Мухаммад Салима, на условии, что он от нее получит: пару рабочих быков (стоимостью в 200 танег), 2-летнего бычка стоимостью в 40 танег и 20 танег наличными деньгами [4].

Иногда сумма денег за развод была довольно внушительной. Доказательством этого является то, что в Байсунском бекстве некий Хамракул бай, сын Юнуса бая, развелся с женой Одинабиби, дочерью Усман бая, за 4000 танег, которые она уплатила мужу [5]. Или же в районе Денауского бекства Холнияз бай развелся со своей женой Бибизульфией, дочерью Ишанкул бая, за 11500 танег [6].

Таким образом, в феодальной Бухаре все разводы преследовали одну и ту же цель: обогащение мужа за счет имущества жены и разорение последней. Она лишалась средств существования (наследства) и тем самым превращалась в служанку сво-

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 31.
[2] Там же, док. № 32.
[3] Там же, док. № 33.
[4] Там же, док. № 34.
[5] Там же, док. № 35.
[6] Там же, док. № 36.

их родственников или, при их отсутствии, становилась бесправной женой какого-нибудь мужчины или же — рабыней бая.

Процесс дробления и разложения крестьянского хозяйства происходил и по линии распределения имущества между наследниками, тогда возникали споры и скандалы между ними. Если опираться на шариат и ответы кушбеги на запросы политагентства в отношении вопросов, связанных с правом наследия, все, кажется, соответствует установленному порядку.

Однако это было не так. Законоположения о праве наследия в Бухарском ханстве были полны противоречий, и при дележе наследства шла упорная борьба между наследниками, каждый из которых покупал ложных свидетелей. Старшие наследники всегда стремились различными путями присвоить долю несовершеннолетнего и т. п. Это объясняется тем, что в условии Бухарского ханства вся жизнь населения зависела главным образом от земледелия.

Поэтому каждый наследник искал различные пути, чтобы удержать землю в своих руках и стать ее владельцем. Для достижения своих целей они шли на все, обманывали, клеветали друг на друга, на этой почве часто возникали скандалы и драки между претендентами на наследство.

Одной из причин острой борьбы между наследниками являлась существовавшая так называемая система опекунства. В конце XIX в. побывавший в горных районах профессор А. А. Семенов на основе собственных наблюдений писал, что в Каратегине и Дарвазе «все земли и воды передаются по наследству» и «если бы после смерти хозяина поля оставался в его семье несовершеннолетний старший сын, неспособный обрабатывать землю, и если бы даже кроме него были еще и другие дети или взрослые сестры и при них мать, то участок передавался во владение не им, а старшему мужчине в роде, например, брату покойного, за которым земля остается на всю жизнь безвозвратной» [1].

Следовательно, ясно, что первым наследником являлся сын. Будучи малолетним, он не мог вести хозяйство. Для того, чтобы хозяйство не развалилось, брат покойного становился сначала опекуном его детей, стремясь стать впоследствии наследником. Опекунская роль дяди длилась до совершеннолетия детей, после чего он терял право опекунства. Однако как только он вступал в роль опекуна, он стремился к тому, чтобы стать наследником, для этого он даже вступал в брак со вдовой своего брата и усыновлял и удочерял сирот покойного, тем самым становясь законным наследником покойного.

---

[1] *А. А. Семенов,* Этнографические очерки Зерафшанских гор Каратегина и Дарваза, М., 1903 г., стр. 50.

Однако это не облегчало, наоборот, осложняло в дальнейшем вопросы, связанные с правом наследия. Данный владелец (т. е. брат) объединял свое владение с владением брата в единое хозяйство, на которое теперь, как наследники, претендовали дети от первой жены, дети брата и дети от нового брака. После смерти хозяина начинался дележ хозяйства между всеми наследниками, причем, как уже сказано, доля мужского пола должна была быть в два раза больше, чем женская. Ясно, что этот дележ не мог обойтись без шума и скандала, которые часто сопровождались клеветой друг на друга, насильственным захватом доли имущества родственника и лишения его прав наследства. Пострадавший, конечно, не мирился с этим и возбуждал гражданское дело, обращаясь к казию. Согласно решению последнего, в одном случае, наследство делилось между ними натурой, а в другом — один за деньги уступал свою долю другому. Причем, надо подчеркнуть, что при натуральном дележе иногда хозяйство так размельчалось, что некоторые наследники оказывались в нищенском состоянии. Это особенно широко наблюдалось в горных районах Бухары.

В начале XIX в. в Матчинском районе умер некий землевладелец Одина Мухаммад, наследство которого было распределено между его наследниками и через одно поколение от него досталось внучке Бибифатиме $1^1/_2$ мана земли, один дом, один двор, а также один обрыв. Использовав момент, тезка законной наследницы земли Бибифатима, дочь Мирходжи, выдала себя за наследницу, стремясь присвоить себе чужое имущество. По данному вопросу возник спор, для решения которого от имени настоящей Бибифатимы на суде выступил ее отец мулла Ашурбаки и предъявил иск представителю[1] другой Бибифатимы. Для доказательства своих прав обвинитель изложил события в документе: «Объяснение к вопросу о земле Одина Мухаммада, состоящей из одного участка, насчитывающего один ман земли» (описываются границы).

«Я, как полномочный представитель Бибифатимы, дочери муллы Ашурбаки, предъявляю иск к присутствующему обвиняемому, который является представителем Бибифатимы, дочери Мирходжия, претендующей на указанную землю с описанными границами, владельцем которой являлся Одина Мухаммад до конца своей жизни. После смерти эти земли он оставил своим наследникам: жене, дочери муллы Дуста, матери Бибишарифе, дочери Салиха, сыну Фатхулле и двум дочерям — Бибитавмастон и Наврузмо[2].

Теперь эти земли должны делиться на 27 частей, из которых

---

[1] В документе имя и фамилия этого представителя не указаны.

[2] Очевидно, она вскоре после отца умерла, так как в дальнейшем при дележе наследства ее имя не упоминается.

три части принадлежат жене, десять сыну Фатхулле, пять — мне[1] (т. е. мулле Ашурбаки), четыре — Бибишарифе, пять — Бибитавмастоне, представителем которой являюсь я. До дележа умерла моя подзащитная (т. е. Бибитавмастон) и причитавшаяся ей доля досталась ее наследникам: мужу, т. е. мне, мулле Ашурбаки, сыну муллы Абдулбакия, дочерям Бибинигористоне и Бибифатиме. Теперь эти доли должны делиться на 16 частей, из которых мне как мужу должны выделить — 4, Абдулбакию — 6, Бибинигористоне — 3, моей подзащитной (т. е. Бибифатиме) — 3.

До этого дележа умер мулла Абдулбаки и свою долю оставил наследникам: жене — Бибиайламе, дочери Навруэмо и отцу мулле Ашурбаки. Теперь эта доля должна делиться на 8 частей, из которых достается: жене — 1, дочке — 4 и отцу — 3. До дележа наследства умерла Бибинигористон и свою долю оставила отцу (т. е. мулле Ашурбакию).

В настоящий момент доли, принадлежащие мне, а впоследствии двум моим непосредственным наследникам, незаконно находятся во владении присутствующего здесь обвиняемого. Поэтому прошу Вас, как защитника шариата, заставить его вернуть их мне»[2].

Спор кончился тем, что, по решению казия, Ашурбаки получил 20 танег, одно тополевое дерево и отказался от дальнейших претензий.

Из содержания документа[3] относящемуся к Дарвазскому бекству явствует, что в кишлаке Миёнаду Ладжургского административного деления (в среднем течении реки Хингоу) в первой половине XIX в. жил некий землевладелец Ашурмухаммад, у которого было несколько мелких участков с общей площадью в 5 манов, расположенных в разных местах данного района, каждый из которых имел свое название: один у кишлака Миёнаду, другой — у Паструга, третий — у Гавлаке, четвертый — у Дашта, пятый — у Курука, шестой назывался «Замини Кадж» и наконец седьмой — у Куркандаре.

После смерти владельца, его наследство было распределено между детьми. Как это происходило практически? Из документа выясняется, что наследниками Ашурмухаммада являлись одна дочь по имени Сайлбиби и два сына Саидмухаммад и Хаджамухаммад. Вся земля была разделена на пять частей, из которых одна досталась ей, а четыре им, т. е. по 2 мана каждому сыну.

У Сайлбиби осталась наследницей одна дочь по имени Ниязбегим, у Саидмухаммада — сын Худойдод и у Хаджамухаммада — Нурмухаммад, Гадо и Мурад.

---

[1] Вероятно, мулла Ашурбаки был родственником Одина Мухаммада.
[2] Наши материалы, д. 4, док. № 37.
[3] Там же, док. № 38.

Доля Ниязбегим, по наследству доставшаяся от отца и матери, составляла один ман и восемь табаков. Кроме того, ей выделили один ман и шесть табаков из земли, расположенной у Курука, и еще два табака с западной части земли Дашта. Все эти земли затем перешли ее наследникам: Саиду, Нуру, Гафуру (от первого брака) и Давляту (от второго брака»[1].

У Саидмухаммада был сын, наследник Худойдод, а у последнего сыновья — Гаиб, Зиё и дочь Изатханум. Из наследства Саидмухаммада, которое перешло к Худойдоду, выделяется доля Изатхануме: всего 17 блюд и 3 пригоршни, а на долю ее братьям остается 2 мана, 14 блюд и 6 пригоршней, но эти наследники умерли, и все земли остались в распоряжении их сестры Изатханум.

Наследники Хаджамухаммада вступили в переговоры с Изатханум в отношении обмена участка и обманули ее, она получила один ман земли у кишлака и потеряла 5 блюд и 9 пригоршней земли, которые перешли во владения двоюродных братьев.

В другом месте того же Дарвазского бекства в середине XIX в. жили два брата — Шошариф и Шокасым. После смерти Шошарифа у него остались двое несовершеннолетних детей — Шонусрат и Ашурбиби, опекуном которых остался их дядя, и объединил все дедовское хозяйство в единое. Однако после смерти опекуна, его собственные дети — Абдушукур и Бибизайнаб присвоили себе все владения, лишив наследства детей своего дяди. Шонусрат и Ашурбиби обратились с заявлением к казию, в котором просили его разделить наследство пополам. Спор закончился тем, что казий Камаладдин и Гулямали вынесли решение в пользу обвинителей[2].

Рядом с Дарвазом в Каратегинском бекстве некий землевладелец Абдурахман во избежание всякого раздора и споров решил при своей жизни отделить своих сыновей — Мирсаида и Холмухаммада, с распределением им наследства. Однако через некоторое время после смерти хозяина, умер и его первый сын, от которого остался несовершеннолетний наследник.

Опекуном этого мальчика стал его дядя — Холмухаммад, который обратился к казию с просьбой оформить его опекунство. Разобрав просьбу, суд вынес решение: признать Холмухаммада законным опекуном сына Мирсаида и предоставить ему права не только собрать воедино его наследство, но и оградить его от посягательств нечестных людей[3].

Аналогичные факты, касающиеся вопросов опекунства, мы наблюдаем и в Гиссарском бекстве. В кишлаке Рохаты Янгибазарского амлякдарства некий землевладелец Мухаммад Му-

[1] Ниязбегим первый раз была замужем за Миразаром, а второй — за Рахматшо.

[2] Наши материалы, д. 4, док. № 39.

[3] Там же, док. № 40.

рад оставил своим сыновьям Боймухаммаду и Курбану 10 манов[1] собственной земли. После смерти Курбана опекуном его малолетнего сына Имам Мухаммада стал его дядя Боймухаммад, который незаконно лишил наследника наследства, вошел в сделки с Мирзарахматом и передал ему долю племянника (в количестве 5 манов)[2]. Пострадавший обратился к казию с заявлением о незаконном действии дяди и потребовал правильного решения по поводу его наследства[3]. Судьба этих двух наследств, о которых говорится в документах, нам не известна. Однако, опираясь на содержание вышеуказанных документов и на другие источники, о которых будем говорить ниже, можно сделать вывод, что опекуны и их дети всячески стремились присвоить землю опекаемых.

В кишлаке Хильмани Гармского амлякдарства (в Каратегине) был случай, когда Мухаммад Карим, сын казия муллы Рахматуллы, самовольно лишил свою сестру Бегимханиму наследственной земли своего отца, на которую ее сын, мулла Шариф, предъявил иск. Об этом свидетельствует следующий документ, в котором описываются границы нескольких участков земли, которые расположены в местности Хурак—Равоза и оказались объектом спора. Эта земля состоит из следующих участков:

1) земля, расположенная около дома в размере 0,5 мана (описание границы);

2) участок земли, который имеет название «Замини бог» (земля сада) в размере 3 табаков (границы);

3) участок земли, известный под именем замини «Дашти поён» в размере 20 табаков (границы);

4) участок земли, который называется замини «Боги руи Дара» в размере 2 табаков (границы);

5) участок земли под именем «Паси бог», в размере 6 табаков (границы);

6) участок земли «Танаи бармол», в размере 1 мана (граница);

7) участок земли «Дара» — 1 мана (границы);

8) участок земли «Джангали хирчо» в размере 1 мана (границы);

9) участок земли «Дашти боло» в размере 12 табаков (границы);

10) участок земли «Пеши гавдара» в размере 4 табаков (границы);

11) участок земли «Руи кутал» в размере 0,5 мана (границы);

12) участок земли «Таги обпар» в размере 2 манов (границы);

---

[1] Гиссарский ман составлял 13 пудов зерна.

[2] Очевидно, опекун продал их Мирзо Рахмату.

[3] Наши материалы, д. 4, док. № 41.

13) участок земли «Душоха» в размере 1 мана (границы);
14) участок земли «Сабзикори» в размере 1 табака (границы);
15) один дом и двор (границы).

Я как истец, мулла Шариф, являясь представителем от имени Бегимханимы, дочери казия Рахматуллы, предъявляю иск Мухаммад Кариму, присвоившему вышеуказанные участки (указаны точные границы), являющиеся имением муллы Рахматулла и до его смерти находившиеся в его владении.

После смерти владельца они достались его наследникам — Рахманкулу (сыну) и двум дочерям — Суфтахан и моей подзащитной Бегимханим.

Согласно закону шариата, они должны быть распределены по такому принципу, чтобы доля сына была равна доли обоих дочерей. Суфтахоним до этого (т. е. до раздела наследства) умерла, и от нее остались четыре сына: я, истец, Абдусалям, Мухаммад, Усман, мулла Рахмат и две дочери: Азизханим и Гулизор. Теперь по шариату все эти владения должны быть разделены на 10 равных частей, из которых 2 принадлежат мне. Однако мой ответчик все их присвоил себе, ничего не выделив нам, так что его действия противоречат шариату. Поэтому прошу Вас (обращаясь к казию), как представителя шариата, заставить ответчика отказаться от владения чужими долями и удовлетворить наше требование».

Рассмотрев данный спор, кази по этому поводу в 1331 (1912) г. вынес решение, чтобы часть земли (в пределе доли наследства) передать мулле Шарифу, с получением которой он впредь должен отказаться от претензий к родственникам муллы Рахматулла [1].

В районе Язгуляма Шугнанского бекства возник спор между Рахмихудо, Ашурмухаммадом, Саттором и Шомухаммадом в отношении 133-х манов земли, которые находились в их распоряжении.

Три первых решили распределить эти земли, но очевидно, последний Шомухаммад не был согласен и сопротивлялся, дело дошло до разбора его казием. После претензий сторон и показаний свидетелей суд вынес решение пропорционально разделить землю между наследниками [2].

В Калай Лябиобе (того же Каратегина) возник спор между Абдулвахобом и муллой Ашуром из-за наследства муллы Саъдуллы. Дело в том, что на одной из дочерей Саъдуллы женился сын Абдулвахаба и от ее имени он выступил как истец, предъявив требования мулле Ашуру, который незаконно завладел садом, который принадлежал истцу и мулле Саъдулле. После раз-

[1] См. Наши материалы, д. 4, док. № 42.
[2] Там же, док. № 43.

бора дела кази мулла Абдурахим судур вынес решение: сад разделить пополам, одну часть оставить за муллой Ашуром, а другую — передать Абдулвахабу [1].

Помимо натурального разделения наследства существовало и денежное деление. При возникновении спора по решению земельных вопросов между наследниками умершего в Бухарском ханстве часто практиковалась денежная оценка другого имущества и раздел денег между ними. Причем, если доля мужчин везде была одинакова, то у женщин (особенно жены) она колебалась от одной трети до одной десятой доли наследства. Приводим несколько примеров.

Во второй половине XIX в. в Пенджикенте умер Исматулла бай, который оставил в наследство: 4 кобылы (оценены в 240 танег), 1 быка и 2 коровы (120 танег), 6 коз (30 танег), 1 ишака (24 танги), 250 газ карбоса (250 танег) и сад (200 танег). Всего набралось 864 танги, которые в 1285 (1868) г. кази распределил так: каждой жене (Хатунхан и Гулхан) досталось наравне с дочерьми семь долей наследства, т. е. по 54 танга; сыновьям (Хаджакулу, Мухаммад Кариму и Тураалию) — четырнадцать долей, т. е. по 108 танег каждому; дочерям Рамзиой, Асалой, Тандузой, Угулой, Парчаой, Наврузой и еще двум другим (всего 8 человек) по 54 танги, т. е. семь долей [2].

В кишлаке Навабаде Калай Лябиобского амлякдарства наблюдался факт обмана одного брата другим. Из содержания документа явствует, что после смерти Гариба его сын Ариф присвоил имущество отца и ничего не оставил Умрону. В числе неразделенного имущества, по поводу которого возник спор между наследниками были один дом и двор, 400 дыней, 5 табаков лука, 1 ман моркови, 10 мешков капусты и свеклы, 12 манов пшеницы, 10 манов ячменя, 1 козел, 1 лопатка, 1 кетмень, 10 табаков загера, 1 лошадь стоимостью в 6 монет кокандского золота, 1 сарай, который расположен в Хукдаре, 10 табаков щелочи, 2 чашки масла, 2 мешка гороха, 1 ман арзана и др. На все это Умрон предъявил иск брату следующего содержания: «Я, Умрон, сын Гариба, предъявляю иск своему брату Арифу, сыну Гариба, проживавшему в кишлаке Навабаде Калай Лябиобского амлякдарства, о том, что он незаконно присвоил долю моего наследства и его действия не соответствуют законам шариата. Поэтому прошу вас (обращаясь к казию-представителю шариата) заставить его вернуть, то, что причитается мне по наследству.»

После обсуждения данного вопроса кази вынес следующее решение. «В 1301 (1883) г. пришел в суд вышеуказанный истец (Умрон сын Гариба) и привел с собой ответчика (Арифа — сына

---

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 44.

[2] Там же, док. № 45.

Гариба) и предъявил к нему иск на вышеуказанные вещи. После выслушивания сторон решено: обязать Арифа передать Умрону с каждого предмета по 10 танег и $3^1/_2$ мана пшеницы, за что последний раз навсегда отказывается от дальнейших претензий к первому и, если возникнут таковые, считать их незаконными» [1].

В Байсунском бекстве умер некий Туракул бай, у которого остались наследники: жены (Зулайхо и Раджабгуль) и один сын. Имущество и земля в 1896 г. были распределены так: женам досталось по одной доле каждой, а сыну — 14 долей [2].

То же самое мы видим в начале XX в. Об этом свидетельствуют несколько источников по восточной части Бухары, которыми располагаем.

В Рамитском районе (Гиссарского бекства) в 1332 (1913) г. возник спор между наследниками муллы Шарифа. У него осталась одна дочь Бибишарифа (жена Абдулвахаба), сыновья Абдулхамид и Халиф. Последние решили лишить сестру наследства, однако Абдулвахаб поднял шум и обратился с заявлением к казиям Абдурахману и Зайнутдину. Спор кончился тем, что братья выдали сестре 340 танег, за что последняя уступила свое право наследства в пользу первых, таким путем земля сохранилась за сыновьями муллы Шарифа [3].

В кишлаке Биявак Калай Лябиобского амлякдарства подобным мошенником оказался некий Шоалим. Он различными путями стремился сохранить за собой дедовские земли, что вызвало сопротивление наследников.

Из содержания одного документа явствует, что он присвоил долю наследства своей родственницы Райханбиби, дочери Амина, в размере 20 табаков земли. Последняя настоятельно требовала свою долю, устроив ему скандал. Тогда мошенник пошел к казию и дал ему васику на владение наследством. Вот, что в документе сказано по данному вопросу: «В 1332 (1914) г. в кишлаке Биявака, относящемся к Калай Лябиобскому амлякдарству, пришел Суробшо, сын Шоалима, к заместителю казия мулле Сулейману и сделал законное заявление о том, что 20 табаков земли (описываются ее границы) действительно являются наследственным владением (мульком) Райханбиби, дочери Амина, он впредь к ней никакого касательства иметь не будет» [4].

Еще более ярко действия Сурабшо показаны в другом документе. В этом же кишлаке жили братья Шомухамммад Рахим и Шоалим, у первого брата наследницей оказалась Бибихалифа, а у второго — наследник Сурабшо. После смерти их отцов Сурабшо оказался владельцем всех дедовских земель, а наслед-

[1] Наши материалы, д. 4, док. № 46.
[2] Там же, док. № 47.
[3] Там же, док. № 48.
[4] Там же, док. № 49.

ница ничего не получила. Тогда в 1335 (1916) г. от ее имени на суде выступил мулла Таджиддин[1] и предъявил иск Суробшо. В результате разбора стороны согласились, чтобы ответчик уплатил истцу 100 рублей и он навсегда прекратил дальнейшие претензии[2]. Таким образом, земля выкупаясь целиком и полностью, оставалась в руках наследников мужского пола.

В кишлаке Қапали той же местности у муллы Саъдуллы остались наследниками — Идимо (жена), Қазак и Ишан (сыновья), Абрбиби, Хамида и Зубайда (дочери). Абрбиби, выходя замуж за Абдулвахаба, получила от братьев вместо наследства от отца 200 русских танег, но лишилась отцовских земель.

Абдулвахаб считал это обманом и через казия предъявил к своим шуринам иск. Қазак и Ишан не признали иск законным потому якобы, что раздел был сделан с согласия всех наследников. Однако, несмотря на это, во избежание дальнейшего спора, братья согласились уплатить ей еще 150 рублей и землю сохранить за собой[3].

Другой источник свидетельствует о том, что в районе Сариасия Гиссарского бекства, у умершего Ходжи бая остались наследниками: жена Бибибадал, сыновья: Мухаммад Шариф, Бобоназар, Курбанназар, Норкуль и дочь Хонимхан.

Имущество Ходжи бая было следующим: один дом и двор (стоимостью в 500 танег), 2 быка (500 танег), 1 ишак (100 танег), 30 баранов (1400 танег), 25 коз (500 танег), 30 манов пшеницы (3000 танег), 6 манов ячменя (300 танег), 4 мана загира (500 танег), предметы домашнего обихода (на сумму 200 танег), всего на 7600 танег, которые в 1334 (1916) г. кази распределил между наследниками: жене Бибибадале — девять долей, дочери — семь долей и сыновьям (Мухаммаду Шарифу, Бобоназару, Курбанназару и Норкулу) — по четырнадцать долей каждому, на что была составлена васика (купчая крепость) [4].

Все эти факты свидетельствуют, что право наследия являлось одним из условий, способствующим раздроблению хозяйств крестьян, а затем их обнищания.

Таким образом, в условиях проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство, дробление земельных участков и крестьянских хозяйств способствовало разрушению крестьянства. Поэтому происходила острая борьба за хозяйственную самостоятельность в результате чего феодалы, ростовщики, баи, используя нужды и несчастье крестьян, разными путями захватывали землю у разорившихся производителей, усиливали эксплуатацию трудящихся, что вызывало их сопротивление, о чем будет сказано в следующей главе.

---

[1] См. Наши материалы, полагаю, что он был мужем Бибихалифы,
[2] Наши материалы, д. 4, док. № 50.
[3] Там же, док. № 51.
[4] Там же, док. № 52.

ГЛАВА V

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ И ВОССТАНИЙ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ

В антагонистическом обществе, где средства производства являются частной собственностью, классовая борьба выражает коренную противоположность и непримиримость классовых интересов. Эти классы не могут жить мирно и между ними идет упорная борьба, в основе которой лежит различие классовых интересов в производстве. Господствующий класс всегда стремится к неограниченной эксплуатации, а угнетенный класс ищет возможности освобождения от этой эксплуатации.

Касаясь причин крестьянской борьбы против феодалов, великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский указывал, что «по выгодам все европейское общество разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным; первая благоденствует, вторая терпит нужду... Это разделение общества, основанное на материальных интересах, отражается и в политической деятельности»[1]. Следовательно, Н. Г. Чернышевский рассматривал историю как историю борьбы классов, источником которой было разделение общества на антагонистические классы.

Более конкретно причины и характер крестьянских волнений и восстаний раскрыты в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Говоря о причинах протеста, волнений и восстаний крестьян в Германии, Ф. Энгельс писал, что «на крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры». И повинности увеличивались с каждым днем. «Из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов для себя самого, он должен был выплачивать десятину, чинш, поборы, налоги в пользу князя (Bede), походную подать (военный налог), местные и общеимперские подати»[2]. Он платил господину за вступление в брак, за смерть и рождение, феодал его лишал права

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собран. соч., т. 6, 1949 г., стр. 337.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, изд. 2, стр. 356.

пользования общинной землей в любой момент, когда ему вздумается, мог бросить крестьянина в тюрьму, бить, штрафовать.

Крестьянин не мог защитить себя, так как «в судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ведь все официальные сословия империи жили за счет высасывания последних соков из крестьян»[1].

Касаясь характера борьбы крестьян, Ф. Энгельс указывал на их неорганизованность. Он по этому поводу писал: «...крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению; во многих местностях крестьяне отвыкли от употребления оружия; жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удерживать крестьян в повиновении»[2].

Развивая и конкретизируя положение марксизма, в своей работе «Карл Маркс» В. И. Ленин раскрывает причины классовой борьбы в антагонистическом обществе, а также характер крестьянского восстания. Основную причину классовой борьбы В. И. Ленин видит в том, «что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них... Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы». Далее «...источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех **классов**, на которые каждое общество распадается»[3].

Касаясь характера крестьянского восстания, в другой работе «К деревенской бедноте» В. И. Ленин указал, что «когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство». Крестьяне не могли объединиться, они были совсем задавлены темнотой, у них не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли[4]. «Крестьянское восстание было подавлено, потому что,— пишет В. И. Ленин,— это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных **политических** требований, т. е. без требования изменить **государственные** порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было **неподготовлено**. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, изд. 2, стр. 357.
[2] Там же, стр. 357.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 41.
[4] **Там же, т. 6, стр. 384.**

деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями» [1].

Все эти высказывания классиков марксизма-ленинизма имеют величайшее значение для правильного понимания классовой борьбы угнетенных народов, они целиком относятся и к борьбе крестьян в Бухарском ханстве вообще, и Восточной Бухары в частности.

Из содержания конкретных материалов по Восточной Бухаре видно, что классами феодального общества, порожденными феодальным способом производства, как во время раздробленности, так и в период присоединения края к Бухаре, являлись феодалы и зависимые от них крестьяне. Их взаимоотношения были основаны на эксплуатации производителей землевладельцами.

Класс эксплуататоров делился на светских — шахов и эмиров, миров, беков и амлякдаров, а также массу сипахов, и духовных — ишанов, ходжей, муфтиев, казиев, раисов, а также лиц, которые группировались вокруг духовных учреждений (мазары, медресе, мечети и др.). Все они жили за счет эксплуатации крестьян и ремесленников. Таким образом, население Восточной Бухары разделялось на две противоположные группы, которые имели свои социальные интересы, вытекающие из них положения в обществе.

Конкретные материалы доказывают, что причиной народных восстаний и волнений являлись жестокая эксплуатация крестьян феодалами, бездушное отношение эмира и его государства к судьбе народа. Используя бесконтрольность и беспорядочность управления государством, феодалы повсеместно захватывали крестьянские и общинные земли, стремились как можно больший доход получить с крестьян. Такое стремление проявлялось во многих направлениях: насильственный захват крестьянских земель феодалами, налоги и поборы, взятничество и штрафы, долговая кабала и др. Царил произвол и жульнические махинации феодалов и чиновников государственного аппарата. Это особенно наблюдалось во время сбора налогов и поборов.

Жалования чиновники не получали, мирам и их слугам были предоставлены права жить за счет населения своих областей. За их действиями не существовало никакого контроля, почти полностью отсутствовала отчетность и учет по взиманию налогов и по расходам управления. Поэтому, естественно, что каждый мир и чиновник стремился к большему увеличению собственного благосостояния за счет дополнительных поборов с населения. Все это способствовало тому, что класс феодалов прочно держался на эксплуатации крестьянских масс народа.

Производитель-крестьянин ничего не мог сделать против

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 385—386.

произвола феодалов, эмира и его чиновников, так как вся сила политического строя была направлена на защиту интересов господствующих классов.

Сборами государственных налогов, зякота и поборов с сельского населения занимались амлякдары, а на базарах и крупных таможенных путях — арендаторы таможенных сборов или же специальный чиновник, назначенный правительством.

Общая характеристика деятельности этих сборщиков и самого эмира прекрасно дана Ахмадом Донишем в его книге «Исторический трактат». Из его рассказа видно, что после присоединения ряда областей Бухарского ханства к России, правительство не только увеличивало налоги по бекствам, но и буквально брало на учет все торговые точки на рынке, перекрестках дорог и улицах городов — всюду были поставлены специальные сборщики — амины. Их задача заключалась в том, чтобы как можно больше собрать податей.

Если какой-нибудь нуждающийся в деньгах приносил на базар свои вещи и за них выручал деньги, то в результате различных махинаций сборщиков, больше половины из них переходили к эмиру. Мало этого, как сказано у Ахмада Дониша, бухарские правители начали взимать в казну ушр с вакуфа под предлогом того, что эмир якобы является главным мутавалием; брать на учет всех больных в медресе и караван-сараях, и, если они умирали, все их имущество объявляли казенным, не считаясь с имеющимся наследником. Сыщики эмира, часто задержав прохожего и оклеветав его, объявив «вором», заставляли человека отказаться не только от собственных вещей, но и еще дать взятку за освобождение. Для охраны от разбойников в каждом селении был поставлен государственный сторож, который подчас сам превращался в грабителя и убийцу, не неся за свои преступления никакой ответственности [1].

Все это конкретно можно видеть на фактах, имевших место в Восточной Бухаре. Здесь, как и в западной части ханства, при амлякдарствах существовали ответственные лица по сбору податей, которые назывались «диванбеги». Его ближайшими помощниками были доруга, муширф, миразар и арбоб, которые совместно грабили народные массы.

Все полевые работы контролировал арбоб, заставляя крестьян производить прополку, очищать арыки и поливать посевы.

С наступлением жатвы активизировалась роль других чиновников, которые по поручению амлякдара объезжали поля всех кишлаков и предварительно определяли на глаз размер снимаемого урожая с того или иного участка, а затем давали указание начать уборку. После этого снопы сжатого урожая перевозили на хирман (ток); подсушив их, крестьянин приступал к

[1] См. Ахмад Дониш, Путешествие..., стр. 80—82.

обмолоту зерна; когда зерно было очищено от мякины, на этот раз, уже по просьбе крестьянина, приезжал другой чиновник и приказывал собрать зерно в кучу, сверху которой накладывал свою печать и уезжал в другой кишлак. Вслед за ним приезжал муширф и открывал хирман. О методах этого процесса один из исследователей конца XIX века и начала XX века Арандаренко пишет, что амлякдар, получая свое владение — уезд из нескольких десятков или сотен селений (кишлаков), собирает харадж через своих людей. Арандаренко отмечает также произвол чиновников, указывая, что чиновники также собирают харадж более высокий, чем положено[1]. В другом месте о системе сбора хараджа в Бухарском ханстве говорится, что «каждый земледелец, обмолотивший хлеб, был обязан высыпать его в кучу и под страхом наказания не трогать, пока не придет чиновник и не определит с него налог. Чиновник зачастую не торопился, хлеб начинал портиться, и земледельцу волей-неволей приходилось ехать к чиновнику, преподносить ему подарки, умоляя поехать и определить «харадж». Количество обмолоченного зерна определялось обычно на глаз и значительно преувеличивалось. Земледелец с этим, конечно, не соглашался, начинался открытый, постыдный торг, в результате которого чиновник получал новую взятку. Кроме того, крестьянин не только должен был дать взятку чиновнику, но еще и накормить его хорошим обедом. Наконец, с грехом пополам количество зерна определялось, чиновник назначал «харадж» в 60% с валового дохода, из них 40% шло в казну эмира, а 20% — в пользу чиновника. Мало того, «харадж» брался не зерном, а деньгами (по повышенным базарным ценам на зерно). Зерно, отобранное для уплаты хараджа, оставалось у крестьянина, а он был обязан уплачивать его стоимость по базарной цене.

Достоверно известно, что бухарские чиновники перед сбором налогов искусственно повышали базарные цены на зерно, чтобы больше собрать денег[2].

Такой метод, безусловно, приводил к увеличению налоговых поборов с крестьян, что вызывало у них недовольство. Крестьяне подавали жалобы на имя бека, а иногда на имя эмира. В порядке формальности, повелитель поручал другому чиновнику разобраться в жалобе. Выполнив это поручение, исполнитель излагал факты, но меры, которые принимались для устранения произвола местных чиновников со стороны правительства, нам не известны. Так, например, в одном из донесений на имя эмира сказано, что в каком-то амлякдарстве амлякдар установил харадж, но не собрал его своевременно. Затем харадж был уве-

[1] См. Арандаренко, «Дарваз и Каратегин», Воен. сб. № 11, 1886 г., стр. 150.

[2] Ежегодник «Средняя Азия», Ташкент, 1910 г., стр. 84.

личен, что вызвало недовольство земледельцев, они пожаловались казию мулле Мухаммад Ханифу, а последний сообщил об этом эмиру. Повелитель поручил Курбану парвоначи проверить факты [1].

Из содержания другого документа, который извлечен из архива кушбеги, видно, что представитель от крестьянства Бальджуанского бекства специально поехал в Бухару с жалобой на местных чиновников, которые искусственно завышали цены на базаре. Эмир проверку этого дела поручил местному казию мулле миру Фатхуллахадже, последний не только проверил, но и урегулировал данный вопрос на месте, о чем доложил своему господину следующее: «Как только получил распоряжение, сразу же вместе с раисом Мухаммадом Закиром поехал по базарам в Бальджуан и Кангурт, собрал всех старост (аксакалов) бекства как представителей узбеков, так и таджиков, и по договоренности с ними установил следующие цены на рынках: один ман пшеницы — 25 танег, один ман ячменя — 18 танег, один ман хлопка — 58 танег, один ман кунджута — 50 танег» [2].

Чиновники аппарата управления, начиная от бека, кончая арбобом, казием и мулазимом, раисом и сельским имамом — все злоупотребляли служебным положением, возлагая на каждое хозяйство множество поборов в свою пользу.

Чиновники амлякдара и бека, имевшие танхо, влиятельные феодалы, даже не имевшие чина, использовали свою силу и свое служебное положение и влияние для личного обогащения.

Во время сбора государственных налогов с урожая чиновники амлякдара и различные представители духовенства приезжали на хирман и претендовали на получение «своей» доли зерна и других сельскохозяйственных продуктов, которые оставались еще в распоряжении крестьянина. Такого рода поборы получили название кафсан. Об этих поборах говорится в заметках русских ориенталистов, в воспоминаниях стариков и в документах, касающихся периода феодализма в Бухаре.

Эти источники сообщают, что на Памире, где жизнь народа была и так скудной, с каждого пуда продуктов сельского хозяйства, в том числе фруктов, крестьянин платил амлякдару 0,5 фунта, а мушрифу — 0,25 фунта [3]. Такое положение наблюдалось по всей территории Восточной Бухары. Таких грабителей было очень много, но если кое-кто из них по какой-либо причине и не посещал крестьян во время сбора урожая, то амлякдар и его мелкие чиновники бывали обязательно. Как только крестьянин очищал зерно от мякины и выплачивал государственные налоги, с оставшегося зерна амлякдар получал с батмана (12 пудов

[1] См. Б. И. Искандаров, Восточная Бухара.., ч. II, стр. 59.
[2] *Там же,* стр. 61.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 2, д. 61, л. 99.

зерна), собранного с поливных земель,— 32 фунта и 8 фунтов — с богарных; другой чиновник (определитель государственного налога) также получал кафсан; мироб (регулиратор воды) — получал долю равную доли амлякдара; мирихазар и арбоб (сельский староста) каждый получал с батмана — 8 фунтов; домулла имам (священник мечети) за молитву получал 2 галбера (решето); кази, муфти, мулазим, каландары получали столько, сколько им удавалось вырвать у крестьянина [1].

Факты незаконных поборов с крестьян отражены в государственных документах, которые исходили от эмира. Например, в 1885 г., накануне вступления Ахадхана на престол, к нему обратились с жалобой жители одного из туманов окрестности Бухары, в котором правителем был будущий кушбеги Джонмирзо. Основываясь на этой жалобе, царевич написал амлякдару следующее повеление:

«Джанмирза туксабо! Ставлю вас в известность о том, что согласно донесению казиев и раисов бесспорно становится ясно, что в вверенной вам области чиновники один ман считают за один ман и 10 сер и тем самым увеличивают количество налога с населения.

Если защитники шариата рекомендуют вашим чиновникам не злоупотреблять служебным положением, то они отвечают: «Это не ваше дело, амлякдары сами знают, что делать», оскорбляя представителей веры. Поэтому посылаем для проверки своего представителя. Вам следует с народа взимать только то количество налога, которое определено на току, запретив излишества. В случае невыполнения предписаний вы будете привлечены к ответственности. Нам нужны и молитвы народа, и его спокойствие. При повторении подобных случаев вы будете сняты с работы, а ваши чиновники будут вообще выгнаны со службы. В первые годы вашего правления в области советовал бы вам не позорить себя, не обижать наш народ, во имя его защиты мы готовы отказаться «от тысячи наших слуг». Надо высоко поднять авторитет государства» [2].

Это письмо дает представление о существовании произвола чиновников аппарата управления. Безусловно, чиновнический произвол господствовал по всем бекствам Бухарского ханства и, соединясь с самоуправством феодалов, единым фронтом направлялся против народных масс.

По Каратегинскому и Дарвазскому бекствам установлено, что с каждого крестьянского хозяйства брали: от 2 до 16 кг. сливочного масла (в зависимости от количества коров, коз и баранов), кур или куропаток для питания охотничьих птиц, су-

---

[1] См. Б. Г. Гафуров, Указ. соч., стр. 441—442; С. Айни «Гулямон» (рабы), роман, 1950 г., стр. 167—191.

[2] ЦГИА, Узб. ССР, архив кушбеги, док. № 9.

шеное молоко, орехи, фисташки, тут, шерсть, меховые шкуры, шерстяные ткани (чекмени), чулки, яйца и прочее. Количество этих видов побора не было определено, а взималось из расчета — собрать как можно больше. С огородов и бахчей взималось до 80% урожая в пользу феодала [1].

Помимо этого, отдельные крестьяне, которые занимались охотой, были обязаны давать миру или своему господину ценные шкуры (лисьи, куньи, сурковые), которыми феодалы торговали за пределами своей области.

В горных районах Таджикистана, где господствовало бездорожье, по тем узким тропинкам, которые проходили между кишлаками, а также внутри городов, осенью и зимой из-за грязи пройти было невозможно. Поэтому в это время года употребляли специальную обувь, так называемую «кавшичубин» [2]. Такое обстоятельство приводило к тому, что феодалы или местные правители на население и на свое танхо возлагали налог «кавшичубин», размер которого зависел от потребности господина. Доказательством этого является документ, исходивший из Калай Лябиобского амлякдарства, где говорится:

«Борону [3], канишбекскому наукару, приказываю с получением данного распоряжения немедленно собрать из кишлаков Канишбека, Утола и Обичаках по 2 пары «кавшичубин». Всего из 4 кишлаков — 8 пар и доставить их сюда (т. е. в крепость Калай Лябиоба), при этом обратить внимание на то, чтобы они были новыми и без дефекта. Кроме того, вы также должны сообщить о ходе сбора других доходов с данной местности» [4].

С населения феодалы собирали также деревянные и железные лопаты для очистки снега с крыш и дорог, а также для веяния хлеба.

Чиновники местного аппарата управления не оставляли без внимания иностранцев. Помимо официальных обложений с продажи иностранных товаров, также взимался определенный налог с иностранцев.

Например, документы сообщают, что на территорию Восточной Бухары приехали 3 афганца: Насирали, Хаджанберды и Нурали. Эти люди не занимались торговлей и собирались поселиться в Сарай-Камаре Курган-Тюбинского бекства. Только за то, что они являлись иностранными подданными, местный чиновник Мухаммад Мурод джебачи наложил по 20 танег пошлины на каждого, что вызвало недовольство пострадавших, и они об-

---

[1] См. *А. Маджлисов,* Указ. соч., стр. 70.

[2] «Кавшичубин» — деревянные колодки с тремя каблуками, набойки к которым делались из куска рога животных. Надевали их на чоруки (сапоги из мягкой кожи без каблука). Ковшичубины спасали от падения в гололедицу и от грязи.

[3] *Борон* — имя человека.

[4] Наши материалы, д. 5, док. № 1.

ратились с жалобой к местному казию Бобобеку. Последний, не имея права судить чиновника или остановить его произвол, сообщил о жалобе центральному правительству [1].

И, наконец, нужно сказать еще об одном поборе — «яргу» (штраф), который в последние годы существования эмирата получил широкое распространение в Восточной Бухаре. В связи с ростом революционных настроений масс, повсеместно в горной Бухаре, особенно в Каратегине и Дарвазе, практиковалось наложение штрафа на ту часть населения, которая сопротивлялась власти феодалов.

При этом у крестьянина конфисковывали полностью или частично имущество. На того, кто приезжал из Ферганы с заработков и не преподносил подарка миру и чиновникам, возводили разные небылицы и под теми или иными предлогами взимали с него штраф от 150 до 600 танег, а иногда и больше. Эти штрафы дополняли общее ограбление крестьянского хозяйства феодалами.

Каратегинец Бобохалим Назыров рассказал следующее: «Когда я находился в Фергане, Усман «мирахур» зашел к моей жене, забрал все вещи и избил ее за то, что она своевременно не выплатила «харадж» и «амаль». Когда я приехал и поругался с ним, назвав его «кофиром» (неверным), то он наклеветал на меня, что якобы я вор и «хонапар» (бабник), и три раза оштрафовал меня: сначала на 150 танег, а потом на 300 танег и, наконец, на 400 танег, забрав, кроме того, одну кипу мануфактуры (50 метров), которую я привез из Ферганы. Так штрафовали каждого крестьянина, который, возвращаясь из Ферганы, не давал подарков миру и чиновникам».

Все эти штрафы шли в пользу мира и его чиновников. Далее Бобохалим Назыров сообщил, что 17 хозяйств государственных крестьян кишлака Самсолика подвергались штрафу: по одному разу — 12 хозяйств, по 2 раза — 5 хозяйств. Усман мирахур 20 своих крестьян-танхо штрафовал по 2—3 раза. Вот почему,— говорил Бобохалим Назыров,— боялись чиновников, они имели «авторитет» и могли полностью разорить наше хозяйство или силой своего «авторитета» спасти его.

Поэтому волей-неволей нам приходилось их «уважать» не за совесть, а за страх. Из-за страха мы работали со своим скотом на земле чиновника, наравне с крестьянами его танхо [2]. Примерно также об этом рассказывали старики других районов Каратегина.

В связи с присоединением Средней Азии к России усилилось массовое отходничество в районы центральной части Туркеста-

[1] См. документ № 120 из архива кушбеги, опубликованный в указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 86.

[2] *Бобохалим Назыров* из кишлака Самсолика Гармского района, о нем даются сведения в нашей книге, Каратегин..., стр. 46.

на, Баку, Оренбурга, Астрахани и другие города. Отходники зарабатывали деньги и возвращались домой, но, как только они переступали границу своего бекства, пограничники от них требовали зякот с товаров и деньги. Обнаруженные у возвратившихся какие-нибудь хорошие вещи под предлогом того, что «это нужно для его величества», отбирались. Когда отходник приходил домой, его встречали другие чиновники и требовали «свою долю».

Касаясь данного вопроса, писатель С. Айни указывал, что жители Каратегина и горных районов Бухары, несмотря на простор и плодородие своей страны, вынуждены были ежегодно отправляться в русский Туркестан на заработки, где работали в качестве носильщиков и чернорабочих, и после того как они зарабатывали небольшое количество денег, возвращались на родину, чиновники, как зякот, взимали с них товар и деньги... Если отходник отказывался от уплаты, тогда аксакалы заводили среди них распри, которые не оканчивались до тех пор, пока на это не уходили все остатки их заработка. «Не успев согреться у своего родного очага, бедняк вынужден был снова бежать в Фергану на заработки»[1].

Один русский исследователь указывал, что в Бухарском ханстве кази, каждый раис, бек, амлякдар и другие чиновники имели право налагать на население взыскания, особенно штраф. Поскольку штраф поступал не в пользу государства, то, естественно, в этом случае наблюдалась невиданная анархия. В случае неуплаты штрафа, попросту продавалась семья — жена и дети наравне с прочим имуществом, а самого должника вносили в книгу кабальных записей и отдавали в собственность кредитора[2]. Это значит, путем штрафа феодалы могли превращать человека в раба, что, согласно статьи 17 договора России с Бухарой, категорически запрещалось в ханстве.

Штрафам подвергались все крестьяне независимо от того, на чьих землях они сидели, частновладельческих, государственных, вакуфных или танхо. Разница у последних была лишь в том, что некоторые родственники или близкие чиновникам лица могли быть освобождены от уплаты податей по усмотрению хозяина-танходора (бек, амлякдар и другие чиновники не имели никакого касательства к этим крестьянам и не могли мобилизовать их на какие-либо работы).

В отношении взимания зякота со скота существуют различные сведения, отраженные в заметках русских наблюдателей, которые побывали в Восточной Бухаре. Например, в 1905 г. газета «Туркестанские ведомости» послала своего корреспондента,

---

[1] *С. Айни,* История мангитских эмиров в Бухаре, Ташкент, 1923 г., стр. 110.

[2] См. «Туркестанская ведомость», № 240 от 27 октября 1910 г.

который затем за подписью А. П. опубликовал ряд статей под заголовком «Подати и повинности в Восточной Бухаре»[1]. Данный автор указал, что зякот собирает амлякдар с вверенного ему населения согласно списку скота в следующих размерах: с 5 верблюдов — 1 баран, с 40 баранов или коз — 1 баран, с 101 до 201 барана или коз — 2 барана, а свыше этого — за каждую лишнюю сотню — 1 барана или козу. На следующий год, при повторении взимания зякота, зякотчик увеличивал налог независимо от того, увеличивался ли приплод скота или нет, его взимали в следующем размере:

от 500 до 900 баранов или коз — стоимость 0,5 барана, от 900 до 1000 — 1 барана или козу, свыше же этого с каждых 500 штук баранов взималась стоимость половины одного барана.

Все указанные цифры, в основном, соответствуют нормам шариата, которые в Бухарском ханстве однако давно были нарушены.

Очевидно, корреспондент взял эти данные не из жизни, не из бесед с населением, а из того, что ему сообщил бек, амлякдар или другие чиновники государственного аппарата, которые в действительности скрывали фактические размеры взимавшихся с населения налогов. Не исключена возможность, что такие налоги взимались с крупных, авторитетных и влиятельных феодалов.

Нельзя брать эти данные за основу применения ко всем хозяйствам, так как они не соответствуют действительности.

Старик из кишлака Чузи Гиссарского района Рустам Тураев[2] рассказывает, что в Бухарском ханстве со скота, который находился на подножном корму, каждый владелец платил $^1/_{10}$ часть стада, помимо этого, по пути на рынок, на перекрестных дорогах зякотчи взимали дополнительно $^1/_{40}$ часть стада и, наконец, каждый рынок имел своего зякотчи, который взимал $^1/_{20}$ часть стада. Во избежании лишней уплаты зякота, крупные баи, преподнося миру «подарок», получали документ об освобождении от части налогов и платили зякот только при продаже, так как базарные сборщики налогов были из Бухары и не подчинялись местным правителям.

Еще задолго до Тураева разведчик русской военной службы при главном штабе Туркестанского генерал-губернаторства в рапорте от 22 июня 1884 г. на имя своего начальника указывал, что в Кулябе, Гиссаре, Каратегине и Дарвазе хакимы, поставленные эмиром, поступают с населением весьма несправедливо, особенно бесчинствует второй сын Музаффара Тураджан, гиссарский бек. Человек, находясь со своим скотом на левом берегу Вахша, платил зякот кулябскому беку, переправившись на ее

---

[1] См. «Туркестанские ведомости», №№ 6, 7, 8 от 10, 11, 12 января 1906 г.

[2] *Рустам Тураев,* по национальности узбек (барлос) из Чузи, в прошлом сам был скотоводом и имел дело с зякотчиками эмирской власти.

правый берег, он должен платить зякот гиссарскому беку Турадджану [1].

Такой произвол продолжался и в последующие периоды. Это находит свое подтверждение в переписке Ферганского военного губернатора с каратегинским беком Мухаммадом Мурадбеком (январь 1895 г.), в которой говорится о том, что русский подданный мулла Насир Миршабаев приехал в Куляб и там купил 1200 баранов, за что на месте уплатил зякотчику Джурабекову 130 рублей «зякот».

Прогоняя своих баранов через ущелье Яксу к Дарвазскому владению, он в Чильдаре встретил местного зякотчи и уплатил ему 60 танег «зякота», а в местности Очикалма (в Каратегинском владении) бухарский чиновник Музаффархаджа вновь взял с него «зякот» в 16 баранов и 12 танег. Это был явный грабеж, и владелец баранов подал жалобу губернатору, на основе которой последний сделал запрос каратегинскому беку и получил ответ следующего содержания:

«Из показания Музаффархаджи выяснилось, что упоминаемых баранов и деньги с муллы Насира зякотчи взимал как пошлину, так как с давних времен в Бухарском ханстве существует такой порядок сбора пошлины». Он заключается в том, что «с каждой сотни прогоняемых торговцами баранов берется 1 баран. Вследствие существования этого порядка и взыскивают пошлины зякотчи, поставленные в различных пунктах: Шады, Нурека, Очикалма. В Кулябской провинции зякотчи Джурабек также взыскал установленный зякот», в Дарвазской провинции, в Чильдаре взыскал деньги на содержание и исправление мостов [2].

Подобно заявлению муллы Насира имеется и жалоба ташкентского купца Джанбобо Мухаммада, который купил в Гиссаре несколько сот баранов, за что уплатил местному чиновнику «зякот».

Однако по пути в Бухару он уплатил дополнительно «зякот» в 1000 танег. По прибытию в Каган он подал заявление политагентству, в котором просил воздействовать на бухарское правительство о возвращении незаконно взысканной подати.

Все эти факты свидетельствуют о тех трудностях, с которыми был связан перегон скота с одного места в другое. По пути следования из горных районов Таджикистана в Фергану, Самарканд и Бухару почти одна четверть его отбиралась местными феодалами под видом «зякота».

То же самое можно сказать и в отношении взимания зякота с отдельных крестьянских хозяйств. Для примера приводим следующие факты. Один из членов русской экспедиции, которая в

---

[1] См. Б. И. Искандаров, Восточная Бухара..., ч. II, стр. 108.

[2] ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 247, л. 27, цитировано по указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 67.

1904 году была организована в Каратегин и Дарваз на местах беседовал с крестьянами, затем опубликовал в Туркестанских ведомостях заметки под заголовком «Поездка в горную Бухару». Автор рассказывает от имени своего собеседника-горца: «...наши члены экспедиции спрашивали у крестьянина, сколько он платил зякота со скота. Он покачал головой и сказал: «У другого не знаю, а у меня так, в прошлом году было 11 коз, взимали 4 танег, а в этом году осталось всего 4 козы, взимали 6 танег» [1].

Другой русский наблюдатель, на много позже под заголовком «Администрация, налоги и суд Бухары» в газете «Туркестанские ведомости» [2] опубликовал статью. Касаясь налоговой политики эмирата, он указал, что здесь налог взимается с каждого дерева сада — один танга, по 15—20 танег с каждой площади луга (около 600 кв. сажен), 50 танег с каждой площади огорода. Кроме того, налогами облагались все домашние животные, покупка и продажа на базарах, стрижка овец, приплод и привод животных из одного бекства в другое.

Никаких норм взимания налога на перевалах и местах не было установлено, они зависели от воли зякотчи. Например, за прохождение через «Пули Сангин» с вьючных верблюдов взималось 30 копеек с головы, с вьючной лошади — 15 копеек, за одну корову — 7,5 копейки, а за стадо баранов 25 копеек, свободно, без уплаты зякота, мог проходить только пеший человек.

Однако дело на этом не заканчивалось, так как на других перевалах и мостах гонщика скота встречал другой чиновник или феодал, который требовал новый зякот.

Эти цифры налогов зависели от местного правителя — бека, амлякдара и чиновников государственного аппарата. В результате отсутствия систематического контроля сверху за действием сборщиков господствовала полнейшая анархия.

Приведенные факты говорят о том, что в Бухарском ханстве совершенно отсутствовала единая система взимания налогов, зякотов и поборов с населения, а также не были установлены единые нормы барщинных работ. Служебным положением всячески злоупотребляли и никого не привлекали к ответственности за явное преступление. Поэтому такие преступления носили массовый характер, на население возлагались все новые и новые виды поборов в пользу тех, которые находились на государственной службе.

Ни центральный аппарат, ни местные органы управления никакой заботы о народе не проявляли, они к его судьбе относились совершенно безразлично, даже в самые трудные моменты, как то: во время засухи, наводнения или другого стихийного бедствия.

[1] «Туркестанские ведомости», 8 сентября 1904 г.
[2] Там же, 27 октября 1910 г.

Так, однажды в районе Южного Таджикистана, на реке Аму-Дарье произошла катастрофа, в результате чего утонул каюк и пострадало 300 человек (жители Бухары), переправлявшихся на барже через реку, часть из них погибла.

Командир русского гарнизона, оказавшись свидетелем этого события, выразил соболезнование местным властям. Бухарский чиновник, оставшийся равнодушным, возразил: «Несчастье произошло по воле аллаха, спаслось столько людей, сколько хотел аллах, и погибло много, но тоже по воле аллаха. Пусть это не беспокоит господина генерала, так как у эмира население не считано и количество людей никакого значения для эмира не имеет» [1].

Из содержания одного документа видно, что в 1869—1870 гг. по всей Восточной Бухаре была засуха и голод.

Один из беков Восточной Бухары доложил об этом эмиру и просил его снизить налоги и поборы, которые население не в состоянии было платить, на что кушбеги ответил: «Да будет известно вам, что письмо, в котором вы пишете о положении области, мы получили и познакомились с его содержанием. В нем вы просите об уменьшении зякота [2]. По велению бога скоро наступит весна, цены на продукты на базарах снизятся, и дороговизна забудется. Поэтому надеюсь, что вы, опираясь на бога, будете верными слугами его величества и не будете себя позорить. Продолжайте писать о состоянии области. До свидания». 1288 (1871—72) гг.[3] Рис. № 24.

Таким образом, видно, что политика Бухарского ханства была направлена на то, чтобы при любых условиях, независимо от возможности населения, как можно больше увеличить доходы казны за счет народных масс. Это породило полнейшую анархию на местах, которая привела к обнищанию народа, голоду и болезням по всей Восточной Бухаре.

В условиях горных районов Таджикистана часто повторялись землетрясения, в отдельных случаях они приносили большие бедствия народу. Бухарское правительство считало их волей и деянием бога и на горе и страдания пострадавших от землетрясения смотрело равнодушно. Доказательством этого является «каратагское землетрясение», которое произошло 8 сентября 1907 г. и продолжалось 7 минут, в результате чего город полностью был разрушен, погибло 27 тыс. человек. Периодически оно повторялось до 14 октября, захватив Байсун, Шахрисябз, Хузару и Карши [4]. Это событие отражено в стихах одного местного поэта, который был его очевидцем.

---

[1] *Д. Н. Логофет*, Очерки Бухары, СПБ, 1909 г., стр. 82.

[2] Зякотом в официальных деловых документах назывались все виды государственных налогов с населения Бухарского ханства.

[3] Наши материалы, д. 5, док. № 2.

[4] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 313, лл. 8—25.

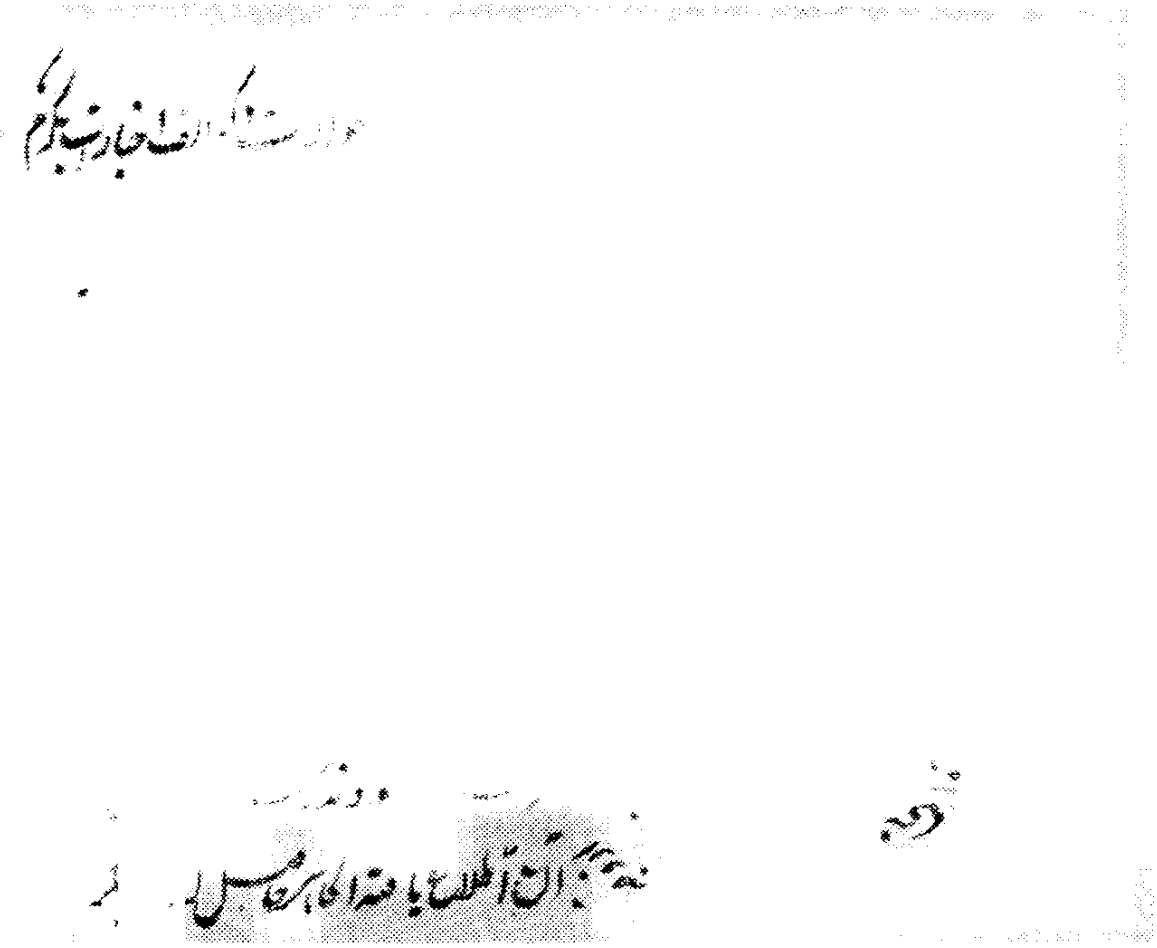


Рис. № 24.

Замин дар ларза омад чил шабу чил руз пайваста,
Ба шахр не коху айвон монд, не дукону не раста,
На масчид монд, не сахлав, не пештоқу не раста,
Халоиқ беадад мурданд, аз ин асрори сарбаста [1].

В переводе это стихотворение звучит примерно следующим образом:

Землетрясение продолжалось непрерывно сорок дней и ночей,
и от этого разрушены крепость, ларек и базар;
превращены в пепел мечеть, навесы и коридор;
бесчисленно гибли люди от этого несчастья.

Бухарский эмир, ежегодно получавший от Восточной Бухары деньги, хлеб и скот, в этот трудный момент не оказал помощи пострадавшему народу. Ни одного рубля из его казны не было отпущено, в то время как среди русского населения повсеместно проходила кампания по сбору средств в пользу каратагцев. Через политагентство бухарский кушбеги получил 40756 руб. 52 коп., собранных русским населением, 17-й Туркестанский батальон, который находился в Чарджоу, силами своего кружка художественной самодеятельности несколько раз давал концерт и вырученную сумму перечислял в адрес политагентства «для

[1] *А. Маджлисов,* Хуччати нодир, опубл. В газете «Точикистони Совети», 3 июня 1962 г. (наши материалы, д. 5, док. № 3).

каратагцев»[1]. Кроме того, туркестанский генерал-губернатор с той же целью из государственных средств выделил 25 тыс. золотых рублей[2].

Таким образом, средств политагентство перечислило пострадавшим 65756 руб. 52 коп. Вся ли эта сумма шла по назначению? Конечно, нет. Есть письмо Джанмирза, и. о. кушбеги, на имя политагентства о том, что из них 40 тыс. передано Рахманкулбеку для оказания помощи пострадавшим. Однако, как тратились эти деньги, от бека отчет не получили. Следовательно, собранные русским населением деньги в сумме 25756 рублей 52 коп. пошли в карман эмира. Вот как бухарский эмир проявлял заботу о нуждах своего народа.

Начиная с эмира и кончая сельским арбобом, все чиновники видели свою обязанность только в том, чтобы грабить народ. Хорошо знающий действительное положение феодальной Бухары, писатель С. Айни, характеризуя чиновников бухарского эмира, указывал, что все они имели один взгляд, одни действия, были спаяны воедино, когда дело шло об ограблении народа, а когда речь заходила о какой-нибудь выгодной государственной должности, они были готовы снять шкуру друг другу[3].

Помимо того, они были нечистоплотны и в быту, занимались не только грабежом земли и имущества народа, но и злоупотребляли в отношении девочек и мальчиков крестьян. В этом деле пример показывал сам эмир. Из сообщения разведчика военного штаба Туркестанского генерал-губернаторства от 22 июня 1884 г. видно, что сам эмир, «...когда посещает Шахрисябз, требует от жителей их дочерей и жен, и подержав у себя 5—10 дней, возвращает обратно. Это оскорбляет жителей Шахрисябза, и народ готов лучше умереть, чем переносить пытки»[4].

Подражая своему повелителю, местные правители творили то же самое. О подобных аморальных поступках каратегинского бека Худойназара в одном донесении начальнику Ошского уездного отделения, которое составлено на основе сообщения муллы Нурмухаммада Дустмухаммадова, сказано следующее:

«Худойназар уехал в Бухару дать отчет по управлению бекством за прошлый год, оставив вместо себя таджика Наркина. Недовольство населения Каратегина Худойназаром... если не усилилось, то и не ослабело, так как система управления, основанная на полном произволе в удовлетворении личных корыстных стремлений, оставалась прежней, а гарем Худойназара пополнялся тем же способом насильственного захвата чужих кра-

---

[1] ЦГИА, Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 313, л. 58, 84, 107—108.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 1 д. 313, л. 46.

[3] *С. Айни,* Воспоминания, М.—Л., 1960 г., стр. 810—811.

[4] ЦГИВА, ф. ВУА/С, д. 590, ч. II, л. 16, цитировано по Указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 108.

сивых жен и дочерей туземного населения, несмотря на то, что последнее обстоятельство не раз уже вызывало волнение в народе.

Действия всевластного бека хотя и обжаловались временами, но Худойназар так искусно оправдывался, что не только оставался в полном доверии у своего повелителя, но и подвергал наказанию ни в чем невинных истцов»[1].

Это характерно не только для правителя Каратегина, но и для других бекств Восточной Бухары. Беки никакой ответственности за это не несли до тех пор, пока дело не доходило до Бухары. Подобный факт о Кулябском бекстве рассказывает В. Н. Гортевольд. По его сообщению видно, что недалеко от Хирмаджо жил дехканин со своей семьей, состоящей из 5 человек. У него была 15-летняя дочь Майхум. Однажды к нему пришел посланник бека и потребовал, чтобы крестьянин отдал свою дочь в наложницы беку. Последний категорически отверг требование бека и ночью отправил дочь к родственникам в высокогорный кишлак Саригор для того, чтобы спасти ее от преследования бека, а утром вся семья подняла шум и крик, стала оплакивать дочь, которая якобы утопилась. Хаким решил отомстить крестьянину. Он обвинил семью в убийстве девочки и наложил на дехканина штраф в 3000 танег и наказал 500 палочными ударами. Денег для уплаты у крестьянина не было, тогда у него отобрали дом и землю, а всех членов семьи продали в рабство[2].

В районе Восточной Бухары работал на должности казия некий мулла Хаджа. Вместо того, чтобы осуществлять шариатское правосудие, он занимался вымогательством и злоупотреблением. Кази со своим помощником Джурабеком собрал вокруг себя несколько мулазимов, в том числе Гилдиера, Халила, Бердиёра и Чори, которых народ прямо называл «ворами», и в базарный день незаконно взимал с людей за продажу лошади, верблюда или коровы 20—30 танег как налог «с роста скота».

Это вызвало недовольство, народ обратился с жалобой в Бухару к эмиру, последний проверить жалобу поручил Саидкулу туксабо, который в своей докладной записке полностью подтверждает беззаконность действий шайки казия[3].

В Кабадианском бекстве группа чиновников и аксакалов во главе с Карабеком парвоначи решила организовать захват имущества скотовода Тошмурада, они оклеветали его пастуха Тошмухаммада, и, обвинив последнего в воровстве, арестовали. «Обвиняемый получил свободу лишь за значительную сумму. Хо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 1174, лл. 6—7.

[2] См. В. Н. Гортевольд, Среди сыпучих песков и отрубленных голов (Путевые очерки Туркестана), М., 1913, г., стр. 116.

[3] Документ из архива кушбеги за № 109, см. Б. И. Искандарова, Восточная Бухара..., ч. II, стр. 27.

зяин, выступив на защиту своего работника, пожаловался беку, тогда парвоначи арестовал его и наложил штраф — 1050 танег, из которых 800 получил высший сановник, 100 — его сын Сатибек и ясаулбаши, 150 — мирахур и аксакал. Возмущенный скотовод с жалобой обратился уже к эмиру. Последний поручил казию мулле Ханифу проверить жалобу и доложить ему. Докладная записка представителя шариата на имя повелителя полностью подтвердила все эти факты [1].

Вымогательства и незаконные действия данного казия не прекратились. Из кишлака Сайеда указанного бекства мулазимы кази Ханифа оклеветали одну девушку, обвинив ее в распущенности и безнравственности, привели в казихану, держали двое суток, а на третьи вызвали ее брата и сказали: возьми свою сестру, она честная, а за проверку плати 50 танег нам и 100 танег хакиму [2]. Брат обесчещенной девушки обратился с жалобой к эмиру.

Подобные защитники шариата всячески изощрялись в преступлениях. Так, в районе Бердалик был назначен кази некий мулла Юсуф. Ему здесь не понравилось старое помещение казихана, он построил новое здание, на которое якобы израсходовали 2500 танег. Эту сумму он принудительно стал взимать с местных жителей, но последние отказались платить. Этот спор и скандал привели к тому, что народ отправил своих представителей к эмиру [3]. Как на это реагировал повелитель, мы не знаем, но нам известно, что каждое заявление, которое вызывало массовый протест, эмир проверял через своего представителя — махрама.

О преступных действиях «защитников» шариата мы узнаем не только из заявлений народа, но и по докладам махрамов эмира. Например, один из них доложил своему повелителю следующее: «Вслед за казием муллой Абдулфазлом я приехал в Душанбе и увидел, что он остановился в доме Турдиали туксаба на берегу реки Душанбе. К нему пришел Расулкул мирахур (амлякдар, который уже снят с данной должности) и принес налоги, собранные с населения за использование воды реки Душанбе. При проверке правильности взимания налога оказалось, что он совершенно незаконно собирал харадж. Поэтому мы возвратили жителям излишки деньгами или вещами.

Таким образом, этот махрам эмира некоторых из жителей Душанбе полностью, а некоторых наполовину умиротворил и отсюда поехал в Кафирниган, где собрал жителей и расспросил

---

[1] Документ из архива кушбеги № 120, см. Б. И. Искандарова, Указ. соч., ч. II, стр. 31.

[2] Документ из архива кушбеги № 113, см. Б. И. Искандарова, Указ. соч., ч. II, стр. 38.

[3] Документ из архива кушбеги № 120 по тексту Б. И. Искандарова, Ук. соч., т. II, стр. 40.

их о действиях раиса муллы Абдулхаяхаджи, где установил, что он незаконно собирает налоги с народа, обо всем этом написал в отчете [1]. Многие протесты крестьян были связаны с действиями чиновников по сбору хараджа. Например, к тому же казию мулле Мухаммаду Ханифу обратились жители указанного села из Кабадиана с жалобой, что Карабек парвоначи в свое время не брал с населения положенный харадж под предлогом того, что якобы «нет разрешения его величества», оставив его взимание на весну, когда цены на рынке подымаются. Наступил момент, когда амлякдар потребовал уплаты хараджа по базарной цене, но население отказалось от уплаты, заявив, что будет ждать «разрешения эмира на это». Таково содержание протеста, изложенного в заявлении казия на имя повелителя [2].

В другом заявлении на имя эмира некий налогоплательщик Базар бай пишет о том, что он заранее уплатил свои положенные налоги людям амлякдара и получил от них соответствующий документ, но все-таки туксабо потребовал от него уплаты хараджа, Базар бай показал документ, но чиновник не принял его во внимание. Тогда Базар бай обратился с заявлением, в котором указал, что амлякдар взыскивает с него налог в двойном размере [3].

Таким образом, ясно, что налоговая политика эмирата и произвольные действия чиновников сделали государство эмира в глазах его народа непопулярным, а всех правителей — врагами трудящихся.

Все эти факты хорошо видели и представители царской власти, но проводя политику невмешательства царизма во внутренние дела Бухары, все они занимались регистрацией фактов и перепиской о положении в Бухаре, не принимая никаких мер по предотвращению этих действий.

Возьмем хотя бы такой пример, в 1909 году генерал Мустафин в своем докладе о положении Туркестанского края, касаясь Бухары, писал: «В прежнее время страх перед внешними врагами, независимо от побуждений нравственного порядка, заставлял бухарское правительство стараться найти поддержку среди населения и обуздать произвол беков и сборщиков податей. Ныне, полагаясь на поддержку русских штыков, правители Бухары, несомненно, более всего интересуются не делом управления страны, а извлечением возможно больших личных доходов, которые идут не на какие-либо общеполезные мероприятия, сооружения, благотворительность или просвещение народов, а исключительно в карманы бухарских чиновников, высших и низ-

[1] Документ из архива кушбеги № 374 использовано по Указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 70.

[2] Документ из архива кушбеги № 120, в книге Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 59.

[3] Документ из архива кушбеги № 112.

ших, и увеличивают личную казну эмира, который, живя в Кермине, предоставил почти бесконтрольное управление страной своему кушбеги и бекам [1].

На секретном совещании при Туркестанском генерал-губернаторстве в том же году, генерал-губернатор Мищенко прямо поставил вопрос и спросил: «...доходили ли до политического агентства слухи, что народ недоволен правлением эмира и что сам эмир стал непопулярен». И тут же генерал сделал вывод, что для царизма «самая главная задача политического агентства есть осведомленность о настроении бухарского народа и его отношении к своему правительству и к нам» [2].

Однако, признавая непопулярность власти эмира, царское правительство никаких нововведений в своей колонии не осуществляло, наоборот, политика «невмешательства» означала сохранение и укрепление в ханстве существующего деспотического феодального строя, который привел к разорению крестьянских хозяйств во всех районах Бухарского ханства.

Все эти факты говорят о том, что население эмиратства находилось всегда в состоянии недовольства и искало выход из создавшегося тяжелого положения, но не находило. Те, которые жили оседло, постоянно вели упорную борьбу против угнетателей.

Вышеприведенные материалы доказывают, что произвольные действия феодалов и государственных чиновников являлись причиной острой борьбы крестьян против своих угнетателей.

В этой обстановке главная задача борьбы трудящихся заключалась в том, чтобы настойчиво защищать прожиточный минимум своей семьи и нищенское хозяйство от полного разорения феодалами. В этом процессе в истории Бухарского ханства наблюдается бесчисленное множество форм сопротивления трудящихся эксплуатации, включая самые зачаточные формы.

Материалы данной главы доказывают, что в Бухарском ханстве наблюдались различные формы сопротивления — от индивидуального протеста до крестьянского восстания.

На страже интересов эксплуататоров во всеоружии стояло государство бухарского эмира, располагавшее аппаратом принуждения: армией, тюрьмами, судом, полицией и исламской религией.

В то же время трудящиеся крестьяне, как бы они не были разобщены, в процессе борьбы объединялись и организовывали свои отряды, как, например, это наблюдалось при восстаниях Восе, Каландаршо и Усмана.

Конечно, на протяжении всей истории Восточной Бухары или других районов Бухарского ханства никакой политической ор-

[1] ЛГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 8, л. 61, цитировано по Указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 343.

[2] См. З. Ш. Раджабов, «Из истории...», стр. 92—93.

ганизации крестьянства не существовало, поэтому их борьба носила локальный характер и не могла быть организована в национальном масштабе. При разборе классовой борьбы в Бухарском ханстве надо учесть три обстоятельства:

во-первых, она проходила в условиях отсутствия союзника и защитника крестьянства, наиболее сознательного класса из числа городского населения — пролетариата .

Во-вторых, все волнения и восстания крестьян в Бухарском ханстве были направлены против местных эксплуататоров, и они были, главным образом, антифеодальными выступлениями. Внешняя окраска их выступлений против местных чиновников объясняется тем, что государство всегда играло громадную роль во взаимоотношениях классов и их борьбе. Феодалы при нажиме на крестьян и ремесленников всегда опирались на свою государственную организацию для поддержания своего господства. В случае нужды (при неподчинении работников феодалу) чиновники приходили им на помощь. Народ видел и сознавал единство интересов чиновников и феодалов.

В-третьих, многочисленные разрозненные, распыленные и локальные выступления, которые происходили на территории Восточной Бухары, не нашли своего отражения в нарративных источниках, которые писались придворными историками, так как их интересовало не это, а успехи государства в завоевательных походах эмира. Поэтому последние широко освещены в этих трудах. Что касается народных волнений и восстаний, то их отголоски в эти произведения проникали в исключительных случаях или в искаженном виде.

Также совершенно отсутствуют документы, касающиеся народных волнений и выступлений в государственных учреждениях. Это объясняется тем, что как в местных феодальных владениях, так и в Бухарском ханстве, в состав которого с 80-х годов XIX в. входила и Восточная Бухара, делопроизводство не велось. Поэтому в условиях феодальной раздробленности и междоусобных войн не сохранились архивные данные.

Однако это вовсе не значит, что здесь не было никакой классовой борьбы. Наоборот, документы и устные сообщения старожилов, которые мы собирали на местах, свидетельствуют об острой борьбе крестьян против феодалов. Кроме того, по этому вопросу имеется масса сведений в трудах русских исследователей и путешественников, которые посещали Восточную Бухару после присоединения Средней Азии к России.

Советская историческая наука на основе этнографических материалов и фольклора, с привлечением некоторых архивных данных уже осветила много вопросов, касающихся классовой борьбы трудящихся Восточной Бухары против своих угнетателей. Однако в имеющейся литературе отражена борьба крестьян против феодального государства бухарского эмира, но почти

не уделяется внимания фактам борьбы крестьян против отдельных феодалов, которая велась вокруг земельных вопросов на территории ханства на протяжении всей истории вплоть до Октябрьской революции.

Материалы, изложенные во II и IV главах, доказывают, что разбогатевшие и продолжающие богатеть землевладельцы стремились к захвату крестьянских земель и имущества и, безусловно, крестьяне выступали на защиту своих прав, боролись против своих эксплуататоров и их произвола.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ В ПЕРИОД ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЕЕ К БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ.

Восточная Бухара до 70—80-х годов XIX в. была разделена на отдельные самостоятельные и полузависимые феодальные владения, которые постоянно вели междоусобные войны.

В этих войнах каждый феодал был обязан своему сюзерену поставлять солдат, продовольствие, лошадей, оружие и фураж для его армии. Крупные феодалы в таком же положении находились по отношению к шаху. Часто бывало, что победители разоряли хозяйство побежденных областей.

В такой исторической обстановке основная тяжесть этих войн падала на крестьян, их грабили местные феодалы и правители-победители.

Помимо того, что они платили ренту, обычные и военные налоги, а также различные поборы, они еще выполняли военную и караульную службу в горах в пользу своего господина. Все это, конечно вызывало сопротивление трудового народа.

Сохранилось очень мало источников того времени, касающихся борьбы классов, и о ней мы имеем скудное представление. Однако, ее отголоски проникали в документы по вопросу споров и решений земельных вопросов, жалоб на имя казия, которые возникали в результате противоречий между крестьянами и феодалами.

Мы располагаем двумя документами, которые отражают борьбу крестьян против духовных феодалов в кишлаке Рахаты гиссарского владения. Один из них относится к началу XIX, а другой — к середине этого же века. По содержанию обоих документов мы провели дополнительное исследование на местах, которое показало, что в кишлаке Нильхана (2 км. на запад от Рахаты) жили ишаны, являющиеся потомками мавлоно Якуба Чархи,[1] которые верно служили правителю Гиссара, а потом Бухарскому ханству.

---

[1] *Мавлоно Якуб,* родом из селения Чарха (недалеко от Газны) был крупнейшим ученым-исламоведом, ближайшим помощником Баховаддина Нахш-

Используя темноту и невежество народа, они постепенно захватывали общинные земли, забирали имущество крестьян, что вызывало их сопротивление, которое иногда, несмотря на «божественное происхождение» ишанов, принимало активные формы.

Об этом свидетельствует один документ, который рассказывает о выступлении трудящихся против ишанов данного кишлака. Его содержание доказывает, что долголетнее терпение производителей лопнуло, споры окончились избиением феодалов. Это видно из заявления на имя казия, которое написал ишан мирза Хаит. В нем сказано: «Я, как пострадавший, ишан мирза Хаит, являюсь законным представителем от имени ишанов: муллы Хакима, Аманулла, муллы Рахима, Саидкасыма и от имени других ишанов предъявляю обвинение Мухаммаду Наби, сыну Шарифа, о том, что он напал на нас и, обругав нецензурными словами, унизил наше благородное достоинство»[1]. Данный пример говорит о фактах нападения крестьян на феодалов, очевидно, это было групповое нападение, которое возглавил крестьянин Мухаммад Наби, так как один человек против многих ишанов никак не мог бороться.

Это не единичный случай. Из содержания другого документа видно, что некий ишан Никанхаджа из того же кишлака насильственным образом в первой половине XIX в. сумел захватить 24 танаба общинных земель кишлака Дуоба[2]. В 1866 году умер феодал, у него не осталось наследников. От имени ишанов, в качестве наследников Никанхаджа выступают ишан Султанхаджа и ишан Ахмадхаджа, которые хотели сохранить за собой эти земли и превратить их в частную собственность. Против ишанов выступили жители кишлака Дуоба; возник спор, который был передан на разбор казию мулле Мухибулла ибн Мухаммад Закиру. Кончилось дело тем, что судья вынес решение, в котором читаем:

«Решение о спорах в отношении 24 танабов земли хурра (т. е. не имевших конкретного владельца, описываются границы с четырех сторон), ранее находившиеся во владении Никанхаджа.

В 1283 (1866) г. был распределен данный участок между жи-

бандия и учеником Алауддина Аттара. Он приехал в Гиссар и жил в кишлаке Холгута (недалеко от гор. Душанбе), умер в 1447 г., и поныне сохраняется его мавзолей — мазори мавлоно Якуби Чархи (см. Архив АН Таджикской ССР, ф. А. А. Семенова, оп. 1, ед. хр. 37, л. 2).

[1] Документ нам представил учитель истории средней школы пос. Рохаты Хусейнов Изатулла. В нем нет даты, в мухре (печати) муфтия, который составил это заявление, указана дата 1219 (1805 г.). Это означает, что событие относится к началу или первой половины XIX в. (наши материалы, д. 5. док. № 4).

[2] Кишлак Дуоба, расположен недалеко от кишлака Нилькана, 3 км севернее от Рахаты.

телями кишлака Дуоба, с одной стороны, и Султанхаджа и Ахмадхаджа, с другой, в таком порядке: за жителями Дуоба оставить 12 танабов в южной части и за Султанхаджой и Ахмадхаджой — 12 танабов в северной части; такой дележ считать окончательным и в дальнейшем, если кто-нибудь из жителей Дуоба поднимает спор по данному вопросу, считать лишенным законной силы по шариату»[1].

Эти два источника показывают натянутые отношения между феодалами и крестьянами, не исключена возможность, что такие факты наблюдались в других феодальных владениях и кое-где они превратились в восстания. Согласно собранным материалам, устным сообщениям старожилов выясняется, что в начале 60-х годов XIX в. на Памире происходило крупное крестьянское восстание, которое возглавлял крестьянин Шейхзада[2].

Согласно рассказу сборщика материалов видно, что восставшими крестьянами были захвачены крепость Рушанского правителя — Калай Вамар и столица Шугнана — Калай Барпянджа. Это восстание было настолько мощным, что вызвало всеобщую мобилизацию наукаров Вахана и Бадахшана для его подавления. Многие уцелевшие повстанцы эмигрировали в другие области, в том числе и в Куляб.

О достоверности этих фактов свидетельствует напряженная политическая обстановка на Памире в то время. Согласно сообщениям мирзы Фазылбека Сурхафсара (переписчик книги мирза Санг Мухаммада — История Бадахшана), видно, что начиная с 1856 по 1867 год[3] постоянно шла междоусобная война Бадахшана за овладение Рушаном, Шугнаном и Ваханом, для чего действительно требовалась мобилизация людских и материальных ресурсов против Бадахшана, а иногда они сами нападали на Бадахшан, Дарваз и Куляб, в результате чего сильно пострадали крестьяне. Возможно, что именно Шейхзада возглавлял борьбу крестьян против этого произвола.

Эти факты, к сожалению, являются единственными источниками, которые характеризуют столкновения между крестьянами и феодалами в Восточной Бухаре в первой половине XIX в. Однако, подобные столкновения вполне возможно были и в Кулябе, Каратегине, Дарвазе и других владениях на территории Таджикистана.

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ ЗАХВАТА ИХ ЗЕМЕЛЬ ФЕОДАЛАМИ

На территории эмиратства давно образовалась частная собственность на землю и воду, и каждый клочок земли, пригодный к обработке, имел своего хозяина. В общем пользовании остава-

[1] Наши материалы, д. 5, док. № 5.
[2] См. Б. И. Искандаров, Указ. соч., ч. 1, стр. 30—32.
[3] История Бадахшана, Л., 1959 г., стр. 172—190.

лись только леса, пастбища, горные и подгорные адыры, где нельзя было заниматься посевами, пустыни и полупустыни, болота, реки, дороги и места для охоты. Они считались достоянием всего народа.

Однако в результате отсутствия контроля центрального правительства, произвола чиновников местного аппарата управления, развития товарно-денежных отношений, чрезмерных налогов и поборов с крестьян, постоянных засух и голода, превращения раздачи чинов и званий в объекты купли-продажи, создались условия для еще большего развития алчности феодалов и стремления увеличить свои земельные фонды. В их руках сосредоточилось огромное количество денег и скота.

Наравне с этим появлялось много разорившихся крестьянских хозяйств, которые не были в состоянии обрабатывать землю, прокормить семью и заплатить государственные налоги и поборы. Используя эти нужды крестьян, феодалы путем обещаний, раздачи в долг денег, поручательства за них перед чиновниками и т. д. не только подчиняли их, но и насильственным образом захватывали землю и превращали собственника мелких участков в своих работников-арендаторов.

Этот процесс стал развиваться интенсивнее после присоединения Средней Азии к России. В этот период захват крестьянских земель феодалами получил массовый характер, что вызывало отчаянное сопротивление разорившихся производителей. Причем, надо подчеркнуть, что этому способствовал сам эмир и его центральный и местный аппарат управления. Земельными вопросами в ханстве ведали местные духовные и светские чиновники, которые не контролировали действия друг друга, и только в случае возникновения спора действовали сообща, осуществляя свою цель организованно. Их махинации были настолько сложны, что в них было легко запутаться простому крестьянину. Когда феодал захватывал землю крестьянина, то спор по этому вопросу в большинстве случаев решался у казия, решение которого считалось законным основанием для владения землей.

На суде один феодал выступал как истец, другой составлял ривоят (юридическую справку), что данный иск соответствует требованиям шариата, третий — как свидетель в пользу истца, а четвертый выносил решение, которое обжалованию не подлежало. Такими путями они подавляли сопротивление крестьян и захватывали их земли. Это видно на примере ограбления крестьян и роста за счет этого земельного фонда духовного феодала муллы Фахриддина и его сыновей махдума муллы Бурхана, Масехо, Бузургхаджа и др. (из Калай Лябиобского амлякдарства, Каратегинского бекства).

Согласно одному документу, который составлен при кара-

тегинском шахе[1] Мухаммаде Саидхане в 1294 (1877) г. махдум мулла Фахриддин, сын муллы Юсуфа, без всякого основания предъявил иск на приобретение 18 манов 22 табака[2] земли, 0,5 мана сада и одного дома мулька детей Худойназара (местный житель кишлака Дарай Мазара). Приводим полный текст документа, который раскрывает грабительские цели феодала.

«От имени правителя всех наций и религии, обладателя верховной, гражданской и религиозной власти Саидмухаммада Саидхана! Оповещаем всех знатоков науки, шейхов, саидов и остальных жителей Каратегина о том, что в 1294 (1877) г. возник спор об одном участке, состоящем из 18 манов земли, расположенной в кишлаке Дарай Мазаре Лангаришо, для решения которого пришли к гармскому казию «соперники»: мулла Мухаммад Қасым, сын Мирфазила, мулла Фахриддин, сын муллы Мухаммад Юсуфа и Ишанча, сын Худойназара.

После выслушивания сторон по велению бога решено так: из 18 манов спорных земель 3 мана, которые с востока примыкают к тупику, с юга — к земле Давлята, с запада — к земле Хасана и с севера к обрыву, еще приблизительно один ман и 2 табака земли, которая находится за садом (описываются границы с четырех сторон); еще 20 табаков земли, которая расположена внизу от сада Мухаммад Қасыма (описание границ) вместе с одним домом, оставшимся от Киргиза — все эти указанные объекты передать мулле Фахриддину, за что он в присутствии всех должен помолиться богу. Настоящее решение вынесено в месяце джамодаввале 1294 г.»[3]. Так закончился судебный разбор дела о земле, границы которой описаны выше.

В документе причина передачи земли, сада и дома в пользу духовного феодала не указана. Поэтому для выяснения этого вопроса обратились к старикам, у которых и ранее получали сведения, и с их помощью обнаружили несколько других документов, касающихся дома этого феодала.

Согласно этим данным, махдум Фахриддин, сын махдума муллы Юсуфа, был самым богатым и влиятельным человеком Каратегинского владения при шахе, со своими братьями и другими родственниками он входил в число тех, которые после падения шахства добровольно перешли на службу к бухарскому эмиру. Поэтому они находились под покровительством бека,

---

[1] Каратегин до 1878 г был самостоятельным горным владением, переходившим по наследству от отца к сыну, которым управляла местная династия, называемая Ша.

[2] Табак (деревянное блюдо), которое является измерительной единицей меры сыпучего тела, равной 40 фунтам или 1 пуду.

[3] К документу приложена печать кази Абдулзахира, сына Холмухаммада, (указана дата 1290/1873 г.) и Мухаммада Саидхана (1290, т. е. 1873 г.). Эта дата считается началом царствования Мухаммада Саидхана, управляющего Каратегином до 1876 г. См. А. Маджлисов, Каратегин..., стр. 21, Наши материалы, д. 5, док. № 6.

особенно Худойназара оталыка[1]. Этот феодал все время давал в долг крестьянам хлеб, деньги, одежду и экономически поддерживал их. За это последние были обязаны работать на него: пахать землю, убирать урожай, заготавливать дрова, косить сено и т. п.

Как рассказывает Қасир Набиев (из кишлака Дараи Мазари Поен), его предки, в том числе его отец, в экономическом отношении зависели от этого махдума, все они у него брали деньги в долг, чтобы платить налоги, брали хлеб для прокормления семьи, семена, мануфактуру и пр. За все это он заставлял своих должников работать на него. По словам рассказчика, одним из представителей этого дома являлся Бурхан махдум, гнет которого был невыносимым. Несмотря на то, что он юридически не имел никакой власти над крестьянами, фактически эксплуатировал их как своих батраков. Тот, кто противился ему, лишался не только поддержки, но и земли. Очевидцы свидетельствуют, что дети Худойназара — Низамеддин, Мухиддин, Ишанче часто вступали в спор с махдумом. Однажды, указывает Қасир, они с моим отцом (Набием) решили больше не работать в пользу этого дома, считая, что долги уже возмещены их трудом. Тогда феодал через казия отобрал крестьянские земли. Об этом свидетельствуют следующие документы.

В начале XX века один из представителей махдумов предъявил иск к Мухиддину и Низамаддину в отношении нескольких участков земли, о чем в источнике сказано:

«О споре в отношении участков земель, которые находятся в нижнем Дарай Мазаре, Қаляй лябиобе, «благородной Бухары». Первый участок состоял из одного танаба мульки чорбага (фруктового сада) и двух домов на нем, второй участок, напротив которого находится дувал, в размере 3 манов; третий участок в размере 3 манов находится за сараем; четвертый участок — равнинная земля в размере 1 мана; пятый участок называется «Землей Юсуфака» в размере 3 манов; шестой участок называется «ореховая земля» в размере 2 манов; седьмой участок называется «Қаврумка» в размере 1 мана; восьмой участок, называется «Земля топольная» в размере 4 манов; девятый участок, который называется «Земля сангчали», в размере 3 манов, десятый участок — возвышенная земля в размере 1 мана; одиннадцатый участок, который также называется «Земля топольная», в размере 2 манов; двенадцатый участок находится в уще-

[1] Рассказывает, что он был военачальником эмира Музаффара, родом из Рамита (ныне территория Орджоникидзеабадского района). Он управлял Каратегином с 1878 г. по 1886 г. О начале его управления указано в ЦГИЛ Узб. ССР, ф. 11, оп. 3, д. 413, л. 2. О конце — в одном из донесений Мухаммад Расула — зякотчи, где сказано, что при выезде в Бухару по дороге в Денау 1303 (1886 г.) умер каратегинский бек Худойназар оталык, см. А. Маджлисов, Каратегин..., стр. 23—24.

лье Камена в размере 1 мана; тринадцатый участок, который находится выше арыка, в размере 8 табаков; четырнадцатый участок, который расположен внизу от арыка, в размере 3 табаков, пятнадцатый участок, который находится около ущелья, в размере 3 табаков [1].

На все эти вышеуказанные земли я, как абсолютный уполномоченный,[2] от имени муллы Бурхана, сына муллы Фахриддина, предъявляю иск к присутствующим здесь Мухиддину и Низамаддину, сыновьям Худойназара, которые живут в указанной местности (т. е. в Нижнем Дарай Мазаре) по причине того, что эти земли, которые принадлежат моим подзащитным, незаконно присвоены, и тем самым нарушены указания шариата. Поэтому прошу вас, как защитника законов ислама, заставить их, чтобы они отдали эти земли по праву принадлежащие моему подзащитному Бурхану, сыну Фахриддина». К документу приложена печать (мухра) муллы Давлятхаджи, дата 1317 (1900) г.[3]

Таким образом, этот документ свидетельствует о том, что феодал покушался на 24 мана и 11 табаков земли, один танаб сада и на два дома крестьян и, безусловно, он их получил. Доказательством этого является то, что Низамиддин и Мухиддин сопротивлялись и выставили свидетелей, предъявили контрпретензии к представителю Бурхан махдума и отвергли иск противника. Однако при разборе дела один из свидетелей не мог точно описать границы спорных земель.

Используя это, на защиту махдума выступила группа духовенства, из числа таких, как мирза Мухаммад раис, сын охунда Абдулхакима, мулла Ахмадшо, сын охунда мирза Мухаммада, мулла Давлятхаджи, сын Назармухаммадхаджи и др., которые дали письменные заявления и потребовали от казия, чтобы он отверг претензию Худойназара и решил вопрос в пользу Бурхан махдума. Для ясности приводим их заявление:

«По вопросу о том, что Низамиддин и Мухиддин предъявляли иск на владение в качестве мулька землей махдуму Бурхану, на которую идет 25 манов семян пшеницы, и в своем заявлении описывают ее границы, и для усиления своих доводов еще дополнительно выставили двух свидетелей, которые при показании не могли указать точные границы всех участков земли, за исключением последней, можем сказать следующее.

В силу того обстоятельства, что показания свидетелей неточны, господин кази ислам никак не может решить дело о мульке в пользу истца и землю отобрать от Бурхана махдума, если же будет вынесено такое решение, то оно, безусловно, будет проти-

---

[1] После указания размера каждого участка описываются его границы с четырех сторон; западная, восточная, северная и южная.

[2] Имя и фамилия его стерты.

[3] Наши материалы, д. 5, док. № 7.

воречить шариату. По всем требованиям исламских правил, решение по данному спору должно быть вынесено в пользу махдума Бурхана, а не в пользу Низамиддина и Мухиддина, и потому их иск должен считаться незаконным»[1].

Крестьяне продолжали борьбу против феодалов. При расследовании данного спора, как рассказывают старики, в результате натиска махдума Низамиддина и его братьев, крестьяне оказались разоренными, но от борьбы не отказались. Дело дошло до разбора Калай Лябиобского амлякдарства.

Учитывая возмущение крестьян, последний просил группу казиев с участием муфтия рассмотреть совместно дело и окончательно принять решение о прекращении спора. На этот раз кази потребовал новых уполномоченных и свидетелей. Крестьяне назначили своих представителей: Ишанча и Низамуддина для предъявления иска к Бурхану махдуму о возврате 25 манов земли, 2-х дворов и 1 танапа сада. Несколько крестьян выставили свидетелей в пользу Ишанча и Низамуддина, махдум со своей стороны выставил ложных свидетелей из группы чиновных феодалов (туксабо и мирахуров), которые совершенно не имели никакого понятия об этом иске. На основании показания этих чиновников, группа казиев и два муфтия решили: большую часть земли передать в пользу махдума и предложить крестьянам больше не поднимать шума, и не предъявлять требований к Бурхану. Вот что сказано в документе:

«В месяце шавала 1318 (1901) г. пришел махдум Бурхан и с собой привел Ишанча и Низамуддина, которые являются истцами на один танаб сада и 2 дома в нем, а также на 25 манов земли.

После заслушивания сторон Ишанча и Низамуддина «добровольно» уступили и отдали махдуму Бурхану землю в размере 20 табаков и заявили, что в дальнейшем к нему никаких претензий не будут предъявлять и если таковые возникнут с их стороны, то их следует считать незаконными»[2].

Таким образом, махдум сумел использовать и труд крестьян и без всякого выкупа захватить часть их земли.

По неполным данным, за последний период существования бекства махдумом Бурханом присвоено 10 манов крестьянских земель в кишлаке Дихай Ишана, 4 мана в западной части и 5 манов в восточной части кишлака Лангаришо, 4 мана в кишлаке Кулика, 8 манов в Кули Мирзанги. Эти феодалы не позволяли дробить свои земли. Если стремление к разделу возникало со стороны наследниц, то мужская сторона всячески препятство-

[1] См. наши материалы, д. 5, док. № 8. К документу приложены 4 печати (мухр) мирзы Мухаммада раиса, сына охунда Абдулкарима, дата 1310 (1892 г.), муллы Давлятхаджа сына Назармухаммаджи, дата 1317 г. (1899 г.), муллы Ахмадшо, сына охунда мирзы Мухаммада (дата неразборчива) и др.

[2] Наши материалы, д. 5, док. № 4, на котором приложены пять мухров.

вала этому. Например, Салих, сын Джабора, женился на дочери муллы Фахриддина и позже решил продать 8 табаков земли (долю наследства своей жены из владения махдумов) за 500 танег братьям Одинаевым. После совершения купли и продажи махдум Масехо (сын Фахриддина) предъявил иск Одинаевым и потребовал ее возвращения, и добился этого. Об этом в документе сказано следующее:

«О решении спора в отношении одного участка земли в размере 8 табаков (описываются границы с четырех сторон), который расположен в кишлаке Дарай Мазаре Поен и оказался объектом спора.

Я, мулла Масехо, сын муллы Фахриддина, предъявляю иск усто Гадою и Оймухаммеду, сыновьям Одины, которые проживают в кишлаке Дарай Мазаре, о том, что вышеуказанные земли в действительности являлись имением Фахриддина и находились в его владении. Эти земли своим наследникам, которыми являются как истец Бузургхаджа, и две его дочери — Гулрухон и Давронрух.

После того, как земли Фахриддина были разделены между наследниками, по принципу: доля двух дочерей равна доле одного сына — одна из ответчиц утверждает, что якобы они купили эту землю у Салиха, сына Джабора. Все эти утверждения категорически отвергаем, так как они являются ложью и клеветой. Поэтому (обращаясь к казию), просим вас, как представителя шариата, запретить незаконные действия Одинаевых против нас».

На основе письменных заявлений Масехо, суд потребовал от ответчиков доказательств о покупке земли, но последние не могли их представить, вследствие чего кази вынес решение о том, что незаконно захваченные земли Фахриддином Одинаевым следует возвратить ее наследникам [1].

В кишлаке Каланаке того же амлякдарства постепенно из среды крестьян вырос в зажиточного муллу Сафол, а потом его сыновья — Мухаммад Наим бай, Мухаммад Рауф и Мухаммад Карим. Их односельчанин, бывший секретарь Каратегинского бекства, ставший впоследствии служащим советских учреждений, мирза Таджиддин Сафаров рассказывал нам, что эти братья все время занимались куплей и перепродажей земли. Они путем разных сделок стремились к тому, чтобы дешево купить землю бедных крестьян, женщин и наследственные участки у несовершеннолетних, которые не были в состоянии ее обрабатывать. Бывали случаи, что они добивались земли по завещанию и осваивали их. Таким путем эта семья стала одним из крупных землевладельцев Каратегина.

[1] Наши материалы, д. 5, документ № 10.

Рассказ Сафарова подтверждается документами. Из опроса выяснилось, что жительница данного кишлака, некая Саидахоним Мусаева, оказалась должницей Мухаммада Наима и не в состоянии была возвратить ему долги. Тогда по его требованию она вынуждена была отдать свой земельный участок, который остался ей по наследству от отца. По этому поводу документ гласит:

«О решении вопроса, касающегося одного участка земли, который расположен в Навабаде, в размере 2 манов (описываются его границы с четырех сторон: запада, востока, севера и юга).

В месяце шавала 1318 (1901) г. пришла к заместителю кази мулле Абдулсаляму уроку Саидахоним, дочь Мухаммада Мусы (из кишлака Қаланака, относившегося к Хиниче Қаратегинского бекства благородной Бухары) и по собственной воле сделала авторитетное заявление: «Я, владелец собственной земли, со всеми правами на нее, принадлежащей мне в указанных границах, передала ее Мухаммаду Наим баю». Последний с получением данной земли тут же в присутствии казия сделал следующее заявление:

«С приобретением указанной земли я, Мухаммад Наим бай, приобретаю на нее право наследства вместе со своими братьями — Мухаммадом Қаримом и Мухаммадом Рауфом. Таким образом, если понадобится, ее можно разделить на три равные доли, из которых одна должна будет принадлежать мне, а две другие — Мухаммад Қариму и Мухаммаду Рауфу»[1].

Действия этих братьев доходили до того, что они без всякого стыда, путем выставления ложных свидетелей забирали дом, двор, земли даже у крестьян, которые не были у них в долгу. Например, один дом, двор и один ман земли у какого-то крестьянина забрали под тем предлогом, что якобы все это являлось владением их отца.

По этому поводу в документе сказано: «Один дом и двор, а также один ман земли, которые расположены в кишлаке Қаланака (затем описываются границы с четырех сторон), оказались объектом спора.

В месяце рабиаввал 1332 (1913) г. к заместителю казия Гармского вилоята мулле Абдулкахору, который снизу приложил свою печать (мухр), пришел Мухаммад, сын Қиргиза, и Амиршо Мухаммад, сын покойного Мирмухаммада, и дали следующее показание, которое соответствует требованию шариата: «Мы знаем, что все вышеуказанное: дом и земля (с описанными границами) действительно является наследственным мульком покойного Мухаммада Сафола, который оставил все это в наследство своим сыновьям — Мухаммаду Наиму и Рауфу».

На основе вышеизложенных показаний свидетелей суд ре-

[1] Наши материалы, д. 5, документ № 11.

шил: «указанный дом, двор и землю считать собственным владением Мухаммада Наима и Рауфа, впредь раз и навсегда всякие претензии, предъявленные к ним считать незаконными»[1].

По тому же амлякдарству в кишлаке Сурхадаре, другой феодал некий Холмухаммад, сын Абдурахмана, без всякого выкупа или иного вознаграждения сумел приобрести 7 участков земли, которые ранее принадлежали Назиру, сыну Саида. По этому поводу в источнике сказано

о нескольких участках земли, которые расположены в Сурхдаре и оказались объектом спора между Назиром и Холмухаммадом:

1) один сад (описываются границы с четырех сторон);
2) участок в размере 12 табаков (границы);
3) участок в размере одного мана (границы);
4) участок в размере 0,5 мана (границы);
5) участок в размере 4 табаков (границы);
6) участки в размере 3 табаков (границы);
7) участок земли, на котором построены дом и двор (границы).

«В месяце мухараме 1324 (1906) г. к заместителю гармского казия пришел Назир, сын Саида, и добровольно без принуждения сделал заявление (которое соответствует шариату) о том, что отныне вышеуказанные земли считаются собственными мульками Холмухаммада, сына Абдурахмана, и впредь к нему не имеет никакой претензии и касательства»[2].

Аналогичное явление наблюдалось и в другом бекстве Бухарского ханства. Например, в Байсунском бекстве некий Эшали бай захватил собственные земли крестьянина Мухаммадкула без всякого вознаграждения последнему. Пострадавший обращался к казию со следующим заявлением:

«Я мулла Мухаммадкул, предъявляю иск к Эшали баю о том, что он незаконно освоил один участок земли, который является моим собственным мульком. Указанная земля расположена на берегу реки Тупаланги, ее границы составляют: с запада она связана с данной рекой, с юга — с землей Абдулджалил бая, с севера примыкает к мельнице, с востока — с общественной дорогой. Эти изложенные границы действительно являются по наследству моими землями и прошу вас, защитника исламских законов, заставить Эшали бая возвратить их мне, так как он незаконно захватил их»[3].

Из содержания другого документа видно, что в том же бекстве некий Едгор бай присвоил один ман земли крестьянина Тоша и заставил его согласиться на составление васики у казия.

---

[1] Наши материалы, д. 5, док. № 12.
[2] Там же, док. № 13.
[3] Там же, док. № 14.

Или же мы наблюдаем такой факт: землевладелец, отдавая 0,5 танаба сада крестьянину, от него обманным путем получил 1 ман земли и один танаб сада. Об этом свидетельствует источник, в котором говорится:

«В месяце шавала 1334 (1915) г. к заместителю казия Мирфазлуддину, пришел Примкул бай сын Абдуллы, в качестве представителя Ойши, и, соответственно требованиям шариата, сделал заявление:

«Я как законный уполномоченный от имени Ойши, отказываюсь от иска, который имел к детям Эшмурад бая: Курбан баю, Камбарой и Бибимарьяме в отношении одного мана земли, расположенной в местности Хауза, и одного танаба сада, находящегося в Оксу, за что от них получаю полтанаба сада у Хауза, и впредь к ним никаких претензий не имею, а если такие возникнут, то они будут лишены всякой законной силы»[1].

В районе Чильдара Тавильдаринского амлякдарства Дарвазского бекства богатый землевладелец занимался вредительством по отношению к крестьянину. Это видно из содержания одного документа, в котором сказано, что некий мулла Шаъбон ночью из арыка пустил воду на землю Мирза Рахима, в результате чего посевы были смыты. Пострадавший обратился к муфтию мулле Шомирзе, и последний дал ему справку, где сказано, что виновник обязан возместить причиненный ущерб[2].

Эти факты говорят о том, что феодалы порой стремились разорить трудящихся с целью закабаления и захвата их земель.

Во многих районах эмиратства феодалы организовывали захват земли крестьян и без наличия свидетельских показаний о принадлежности земли. Они пускали в ход приемы религиозной клятвы. Например, в кишлаке Куштут Пенджикентского района по ложному «доказательству» братья Вахабовы присвоили себе 3 мана земли детей Мухаммад Амина.

Из его содержания явствует, что якобы Шахан дал в долг Мухаммаду Амину 4 козы и одного рабочего быка, но должник не успел до смерти возвратить их, за это они требовали от его наследников 3 мана земли.

В качестве доказательства обвинители выставили свидетелей, показания которых ответчики отвергли, как ложь и клевету.

Тогда один из истцов в присутствии кази принял религиозную клятву о правдивости своих показаний в отношении долга, и это оказалось определяющим в решении вопроса в пользу Вахабовых.

Таким образом, Вахабовы путем принятия религиозной клятвы из 6 манов земли Мухаммада Амина 3 мана присвоили себе.[3]

[1] Наши материалы, д. 5, док. № 15.
[2] Там же, док. № 16.
[3] Там же, док. № 17.

Ограбление крестьян феодалами вызывало не только индивидуальные протесты, но и массовое возмущение. Особенно разгоралась острая борьба крестьян против баев в защиту прав на общинные земли. Характер и результат этой борьбы были разнообразными, в одном случае крестьяне частично оказались победителями, а в другом — побежденными.

Факты доказывают, что феодалы самовольно присваивали себе общинные земли и лишали крестьян права пасти на них свой скот, косить траву, заготавливать дрова и т. п., без чего они жить не могли.

Содержание одного документа из архива Кушбеги показывает, что в кишлаке Сафедхока Дарвазского бекства долгое время шли споры в борьбе между духовными феодалами и крестьянами данного села. Суть дела заключалась в том, что здесь жил некий шейх Обид, который захватил полностью всю землю и воду, превратив жителей в своих работников, а тех, кто сопротивлялся захвату, лишал средств производства.

На этой почве шла постоянная борьба между крестьянами и феодалами. Дело доходило до самого эмира. Три раза крестьяне предъявляли шейху иск. Кази вынужден был доложить об этом деле эмиру. Для выяснения причин спора и возмущения крестьян специально из Бухары в Дарваз был послан Абдулкадирбек парвоначи, который позже доложил повелителю, что население недовольно действиями шейха: во-первых, он обладает землей, половину которой засевает, а другую половину сдает в аренду не своим односельчанам, нуждающимся в ней, а крестьянам из Вахиеи Боло (Верхнего Вахиё); во-вторых, шейх устроил туй и не пригласил их в то время как он всегда являлся почетным гостем на туях у всех крестьян [1].

Самовольный захват общинных земель феодалами вызвал общее сопротивление крестьян многих кишлаков Байсунского бекства, которое испугало даже самого эмира.

Доказательством этого является спор, возникший между землепашцами и феодалами скотоводами в районе Байсунского бекства. Причиной его послужило то обстоятельство, что несколько баев из племени кунгуратов самовольно захватили земли жителей 10 кентов Пашхурда и превратили их в пастбища для своего скота, что вызвало протест местных жителей. В это дело вынуждено было вмешаться центральное правительство бухарского эмирата. Это видно из доклада на имя эмира чиновника, которому было поручено решить данный спор на месте.

Согласно докладу Заит бая,[2] Хакимали бай, Бехбуди бай, Абдулкахор бай и другие жители 10 кентов Пашхурда поехали в

[1] Документ из архива кушбеги за № 174 использован нами по тексту книги Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 54.

[2] Слово «бай» употреблялось в переносном смысле и означало обращение «господин».

Бухару к эмиру с жалобой на незаконные действия муллы Эрназар бая, муллы Эрмухаммад бая, Кулмухаммад бая, Берди бая, Шосаид бая и Холмурад бая из племени конгурата, самовольно захвативших общинные земли в местностях Оббанди, Павлаше, Балайли, Лалмикоре, Куюнди, Джайдали, Чубинкоре, Паугазе и т. д., которые находились во владении населения указанных районов.

Бухарский эмир, учитывая возмущение народа, поручил казию данной области мулле Назрулла проверить и принять меры по разрешению спора между крестьянами и баями скотоводами.

Он совместно с Мухаммадом Садыком туксабо (представитель бека) проверил и сообщил своему повелителю о таком обороте дела, что на месте его решить невозможно, поэтому кази просит эмира прислать сюда наиболее авторитетного человека из двора, который должен объявить эти земли [1] государственными и распределить их между баем и населением. Тогда, возможно, прекратятся скандалы и каждый мог бы действовать на основе шариата [2].

Много страданий населению данного бекства приносили не только баи, но и сам бек и его амлякдары. Народ не знал, что делать, обращался с жалобами не только к казию, махраму, эмиру, но и жаловался представителям русской власти. Об одной из таких жалоб сообщил начальник VII пограничного округа политагентства в Бухаре:

«Жители Байсунского бекства обратились с жалобой. Они писали, что с давних пор арендовали у бухарского правительства участки земли, за что ежегодно вносили в бухарскую казну 1000 танег. Такой порядок установлен особым актом бухарского правительства. Однако впоследствии бек самовольно отменил его и потребовал от жителей Байсуна за аренду этого участка 6000 танег» [3].

Политагентство вмешалось в это дело и потребовало от правительства Бухары запретить самочинства байсунского бека. Кушбеги сообщил, что по данному вопросу уважили просьбу политагентства и уменьшили налоги. Однако бек продолжал действовать по-своему.

Наблюдались факты захвата феодалами не только земли, но и воды. Об этом говорит документ центрального правительства эмирата, касающийся районов Коми Абумуслима.. В этом источнике сказано, что в кишлаке Янги-Кургона 70 крестьянских хозяйств, которые жили в низовьях течения арыка и постоянно страдали от недостатка воды, которую присваивали богатые

---

[1] Всего по документам насчитывалось 74 участка (пайкалов).

[2] Наши материалы, д. 5, док. № 18.

[3] *Б. И. Искандаров,* Указ. соч., ч. II, стр. 70.

Рис. № 25

землевладельцы, жившие по верхнему течению канала. Засыхали посевы жителей нижней части канала, их земли превращались в засоленные, люди голодали. Это обстоятельство заставляло крестьян обратиться к эмиру с жалобой и просьбой о помощи. Последний разбор этого дела поручили местному казию, который доложил эмиру, что он поехал на место, разобрал дело, обеспечил жаловавшихся необходимым количеством воды, и они больше претензий не имеют [1]. Рис. № 25.

Феодалы организовали захват не только земли и воды, но и имущества крестьян. В подтверждение приводим документ, в котором говорится о том, что в кишлаке Утолик Гармского амлякдарства Каратегинского бекства Хоркаш просил крестьянина Закира построить ему помещение, за что дал ему теленка, но 10 лет спустя, когда этот крестьянин умер, Хоркеш предъявил иск к детям Закира на корову и, согласно ривояту муфтия муллы Бурхана, забрал ее [2]. Таким образом, эксплуататор получил дом и вернул корову.

Факты выступления крестьян против феодалов наблюдались и в западной части Бухарского ханства. Например, в кишлаке Ягмури и Хазаратута Самджинского тумана крестьяне обрабатывали 620 табанов земли и работали на маслобойне у феодалов Атаулахадже и муллы Бузургхадже на условиях уплаты $^1/_6$ части урожая в пользу землевладельцев, ежегодно платили им согласно договору.

Но в 1916 году крестьяне прекратили уплату, из-за чего возник спор между хозяевами и работниками. Дело дошло до эмира. Землевладельцы обратились к нему с заявлением, в котором изложили свои доводы. На протяжении всей истории наши деды отдавали эти объекты детям крестьян Ягмуры и Хазартута на обработку, мы тоже отдали в аренду данные земли сыновьям и внукам указанных крестьян.

Они аккуратно платили нам из расчета $^1/_6$ части урожая, но в этом году нам ничего не было дано [3]. Кроме того, один из крестьян Разубай присвоил 20 танабов земли и маслобойку, которые являются нашими вакфами. Поэтому феодалы (обращаясь к эмиру) просят его оказать им помощь и урегулировать отношения между ними.

По приказу эмира диванбеги — Турахаджа и Усманбек парвоначи поручили казию разобрать дело на месте и решить его

---

[1] Доклад казия по этому вопросу находится в Бухарском облмузее за № 356.

[2] Наши материалы, д. 5, документ № 19.

[3] В документе причина отказа крестьян от уплаты не указана, возможно, что это было связано с введением в 1916 году военных налогов, и производители не были в состоянии уплатить земледельцу ренту.

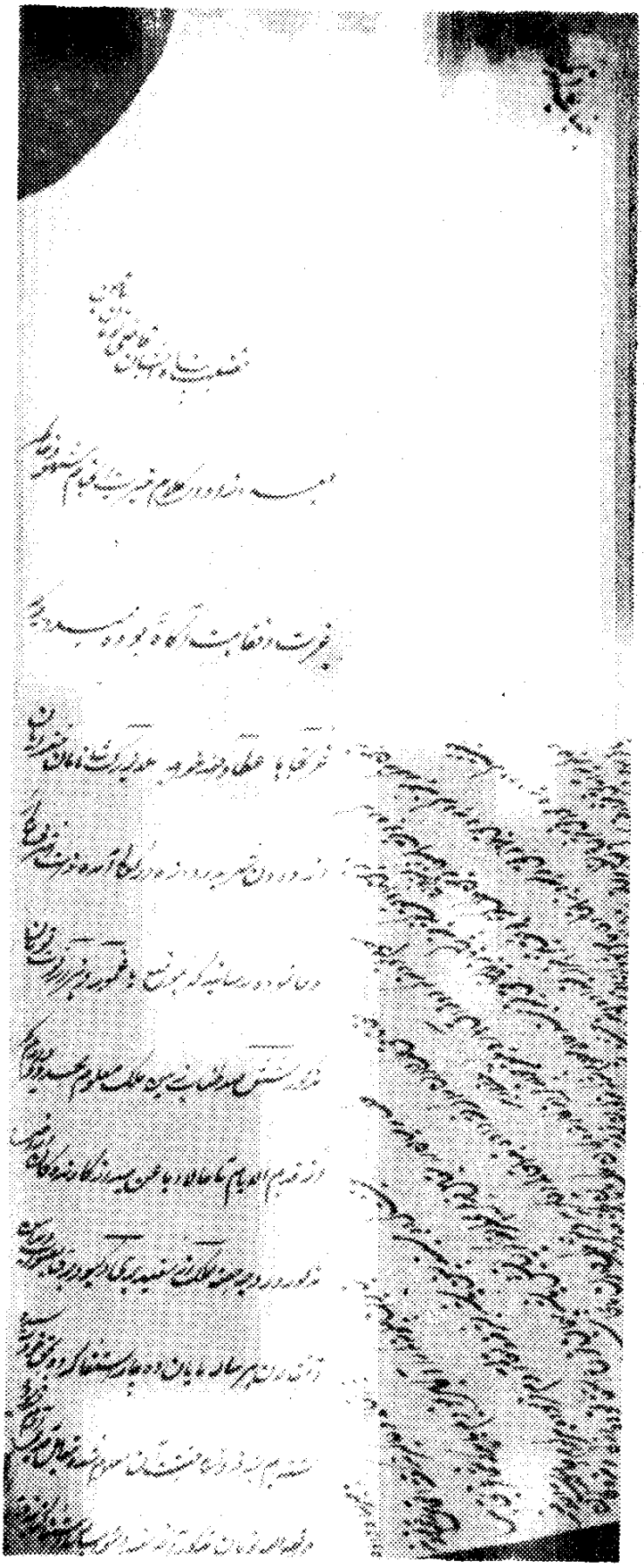


Рис. № 26

по «справедливости», обеспечить полное спокойствие между феодалами и работниками [1]. Рис. № 26.

Каково было решение казия, мы не знаем, так как не располагаем достоверными документами, однако, опираясь на вышеуказанное, можно предположить, что от этого пострадали не феодалы, а крестьяне.

Все эти действия феодалов находили поддержку государства, в результате чего крестьяне лишались земли и воды, а так же домов, скота, сельскохозяйственных угодий. Поэтому изо дня в день усиливалось общее возмущение народа против отдельных феодалов.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ И ВОССТАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

О борьбе крестьян во второй половине XIX века, которая получила широкий размах, мы находим много различных сведений в заметках русских ученых, донесениях чиновников царского правительства, побывавших на территории ханства, в частности, в Восточной Бухаре после ее присоединения к России. Наравне с другими сведениями, они сообщали о недовольстве народа феодалами.

Безусловно, большинство представителей русской интеллигенции, принадлежавших к буржуазии и дворянству, сведения о настроении народов Бухарского ханства собирали отнюдь не для анализа классовой борьбы в этой стране, а для дальнейшего продолжения колонизаторской политики царизма.

Вышеуказанные русские представители, увидев нечеловеческое обращение феодалов ханства с народом, высказывали свое возмущение. В их произведениях нет анализа событий, но они дают многочисленные сведения, свидетельствующие об отношении народа к эмиру, чиновникам и другим феодалам.

Население Восточной Бухары, если говорить словами А. Галкина, «не чувствует к нему (т. е. к эмиру — А. М.) никакого расположения» [2].

Сменил Музаффара его сын Ахадхан, и народ встретил его с гневом и ненавистью. Согласно сведениям, собранным в архивах З. Раджабовым, жители Вобканда и Гиждувана, видевшие много горя и страданий от этого наследника, в своем обращении к нему прямо писали: «Мы тебя не желаем иметь». С других мест он получал анонимные письма, в которых было сказано, что если он не будет проявлять заботу о благосостоянии подданных, то будет убит [3]. Из этих сообщений видно, что трудящиеся пытались бороться и против эмира.

---

[1] Наши материалы, д. 5, документ № 20.

[2] *А. Галкин,* Краткий очерк Бухарского ханства, Туркестанский сборник, т. 611, стр. 102—103.

[3] *З. Раджабов,* Из истории..., стр. 94.

Касаясь данного вопроса, Логофет отмечал, что по Восточной Бухаре с 1875 по 1890 гг. не утихали беспрестанные крестьянские волнения. Иногда они носили массовый характер. Он указывал, что «сидя в глухом кишлаке Бухары, нам приходилось неоднократно слышать различные свежие новости от многих лиц: то сообщение о том, что были беспорядки в Гиссарском бекстве, то пройдет слух, что народ расправился в Денау с зякотчиком. Глухое недовольство беками выливалось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, и, наконец, поговаривали о возможности народного восстания в ханстве» [1].

Одной из форм классового протеста горцев являлось массовое переселение крестьян Курган-Тюбе, Куляба, Гиссара, Каратегина и Дарваза в пределы Туркестана и Афганистана. Согласно переписки командира Аму-Дарьинской бригады и департамента Министерства иностранных дел, а также военных ведомств Туркестана и политагентства с кушбеги, видно, что в конце XIX и начале XX вв., в годы засухи и голода, принудительное взимание налогов и поборов привело к тому, что многие крестьяне Кулябского и Курган-Тюбинского бекств через границу перешли в Афганистан, часть кишлаков этой области стали пустыми и малолюдными [2].

Наравне с этим в массовом порядке население горных областей Таджикистана через перевалы переходило в районы Туркестана, особенно в Ферганскую долину, тем самым избавляясь от жестоких местных феодалов. Были случаи, когда жители данных областей посылали своих представителей с просьбой принять их под покровительство России.

Бросать родное село, родственников и знакомых, выбрать путь бродяжничества было нелегко. Но подобные случаи были характерны не только для населения восточной части Бухары, но и для ее запада. Достаточно сказать, что трудящиеся Каракульского тумана постоянно проживали без воды, а без нее земля была пустынной. Кроме того, чрезмерные налоги и поборы, различного рода феодальные махинации приводили людей к смерти от голода. Поэтому они бросили свои дома и родной очаг, кочевали по Самаркандской и Хорезмской областям. Это обстоятельство беспокоило отдельных чиновников, и они стали просить эмира создать условия нормальной жизни населению Каракуля и тем самым воспрепятствовать переселению. Об этом свидетельствует докладная записка казия данного тумана муллы Абдулвахида садра эмиру, в которой сказано:

из-за недостатка воды в Каракуле жизнь стала невозможной и поэтому те, «кому позволяло здоровье и средства передви-

---

[1] *Д. Е. Логофет,* Бухарское ханство, т. II, стр. 263—264.
[2] *Д. Н. Логофет,* Страна бесправия, стр. 50.

жения, перекочевывают в места между Самаркандом и Хорезмом, те же, кто не имеет возможности переселиться, просит милости от бога и молится за Ваше здоровье до тех пор, пока бог не решит его судьбу» [1].

Следовательно, бухарский чиновник вынужден был признать нищенское состояние населения эмира, и для устранения этого он требует: во-первых, упорядочить использование воды, во-вторых, построить несколько новых каналов, в-третьих, наладить контроль над деятельностью чиновников — сборщиков налогов с населения. Однако эмир к судьбе народа относился совершенно бездушно, даже в самый трудный момент. Поэтому вполне понятно, что хотя по надзорам раисов и казиев, миров и амлякдаров народ и «молился» за здоровье его величества, однако он его ненавидел и проклинал, желал ему смерти, но не знал как организовать похороны тени бога на земле вместе со всем духовным и светским аппаратом чиновников.

Против них усиливаются волнения и возмущение народа, отдельные из них в 70—80-х годах XIX в. превратились в восстания, это особенно наблюдалось в Кулябском и Бальджуанском бекствах.

В течение 1870—1887 гг. в этих бекствах три раза происходили крестьянские восстания (1870, 1885, 1887 гг.), причины были те, о которых уже сказано в начале данной главы. Если мы конкретно разберем положение данной области, то увидим, что она являлась наиболее богатой частью Восточной Бухары. Здесь имелось больше возможностей для развития скотоводства, чем в Гиссаре, Курган-Тюбе и Кабадиане, в ее горах и между равнинных гор паслись сотни тысяч баранов, коров и лошадей, в горах крестьяне добывали пушнину, а по берегам реки Яхсу и в горах Равноу занимались добычей золота.

По неполным данным, к началу XX в. местное население этих бекств в среднем за год добывало 10,9—20,2 кг. золота, а Хавалинг считался рынком сбыта золота по всей Восточной Бухаре, и в каждый базарный день жители реализовывали до 4 кг золота [2].

Кроме того, сама земля долины Куляба очень плодородная — крестьяне выращивали различные виды продуктов сельского хозяйства, в которых нуждались скотоводы и жители Дарваза, у которых также была развита добыча золота [3]. На этой основе интенсивно стала развиваться торговля и товарно-денежные отношения.

Ни одна область Таджикистана не имела такой экономической возможности, как Куляб и Бальджуан. Поэтому беки и

[1] Документ из Бухарского облмузея № 9831/12.
[2] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара:.., ч. II, стр. 252—253.
[3] *Там же,* стр. 243—244.

чиновники, вопреки шариату или указаниям центрального правительства, по своему усмотрению самовольно увеличили налоги и поборы с населения.

О восстании 1870 г. в Бальджуане впервые сообщил начальник Зеравшанского военного округа в своем рапорте от 17 июля на имя Туркестанского генерал-губернатора, а затем этот рапорт 1 августа 1870 г. был опубликован в газете «Туркестанские ведомости» № 7.

В этом источнике в качестве повода для восстания указывается чрезмерное увеличение налогов и поборов со стороны бека Абдулкарима, сына бывшего самаркандского правителя Шерали инака.

Бухарский эмир Музаффар, проигравший войну, вынужден был уплатить царизму 500 тыс. рублей контрибуции золотом, он распорядился собрать эту сумму с населения. Бальджуанский бек отличался жестокостью, которая вызывала недовольство масс. Они обратились к правителю с просьбой уменьшить налог, но последний категорически отказался, тогда толпа в количестве 2000 человек перешла к активным действиям, в результате которых чиновники были перебиты, бек сбежал в Гиссар, крепость захватили крестьяне, произошел дележ имущества чиновников.

Абдулкаримбеку удалось, мобилизовав большое количество сарбазов Гиссара и Куляба, подавить восстание. Вот что мы знаем о данном восстании. В этом источнике ни один руководитель народа не назван.

Последующие события свидетельствуют, что эмир, его центральные и местные правители из этого никаких выводов не сделали, по-прежнему продолжалось жестокое отношение феодалов, что вызывало крестьян к новой, наиболее организованной борьбе, которой руководил бедняк Восе.

Эта славная страница истории таджикского народа широко отражена в устном народном творчестве, на основе которого А. Дехоти и М. Турсун-заде написали либретто оперы «Восстание Восе» [1]. Она отражена также в трудах советских историков [2].

Официальные документы, касающиеся этого события, еще не использованы исследователями, за исключением одного рапорта бухарского чиновника (Гиссарского бека Астанакула кушбеги, на имя эмира), в котором говорится, что в 1887 году отправился Восе в Бухару. Этот источник впервые опубликован в работе профессора А. А. Семенова [3].

---

[1] *Турсун-заде,* Шуриши Восе, Избр. произ. Душанбе, 1955 г., стр. 107—148.

[2] *Б. Г. Гафуров,* История таджикского народа, т. 1, М., 1955 г., стр. 446—449; *Б. И. Искандаров,* Указ. соч., ч. II, стр. 113—128; *И. А. Стеценко,* Указ. соч., стр. 105—111.

[3] *А. А. Семенов,* Очерк устройства... стр. 55.

Опираясь на это, Б. И. Искандаров берет под сомнение даты восстания и указывает, что мы должны допустить одно из двух: или восстание Восе было не в 1885 г., как свидетельствуют все показания, а позже, по крайней мере года на три, или же это восстание длилось не год и не два, а гораздо больше и было подавлено лишь при эмире Абдулахаде[1]. Кроме того, для автора не ясны лица, фигурировавшие в документе: ишана Абдулхаккаджа, Мулабай туксабо, Хаджимурада мирахура, Курбана караулбеги и др.

Документ написан очень запутанно и непонятно. В нем сказано: «Ин гулом Абдулвосеи курнамаки балджувони хамрохи эшони Абдулхаккаджа Сахибзада, Муллабай туксабо, Хаджамурад мирахур, Курбон караулбеги ва ду дигар гуломашон хамеша ба давлатхонаи оли фиристодам», т. е. этого неблагодарного раба Абдулвасия бальджуанец совместно с ишаном Абдулхаккаджой, Муллабаем туксабой, Ходжамурадом мирахуром, Курбаном караулбеги и другими двумя вашими рабами я отправил в высочайшую резиденцию «к вашему величеству». Мы предполагаем, что эти лица не являются преступниками, а сопровождали вождя народа (Восе) являясь конвоем. В этом отношении никаких сомнений быть не может, так как это были чиновники, которые защищали интересы феодалов, против которых и было поднято восстание. Кроме того, надо учесть то обстоятельство, что если бы они были сторонниками народа, то слово «курнамак» (неблагодарный) было бы употреблено не только по отношению к Восе, но и к ним.

Что касается даты восстания, то, опираясь на этот документ и другие косвенные источники из рапортов русских разведчиков и военачальников, основанных на словесных донесениях, И. А. Стеценко указывает, что восстание происходило в 1888 г.[2] Правда, он при этом указывает, что источниками не располагает для научного спора, а делает выводы на основе косвенных сообщений об этой дате. Однако источники, на которые ссылается автор, не дают основания даже для таких выводов. Не надо забывать, что все известия о событиях, которые происходили на территории Восточной Бухары, в Бухару, Самарканд или в Ташкент доходили поздно, причем они были основаны не на документах, а на слухах.

Об общих предпосылках крестьянских волнений и восстаний мы говорили в начале данной главы. Здесь надо сказать о непосредственных причинах крестьянского восстания 1885 г. в Бальджуанском бекстве. 1884 году в результате налета саранчи в

---

[1] *Б. И. Искандаров,* «Восстание крестьян...», Известия общественных наук АН Таджикской ССР, № 4, 1953 г., стр. 92, его же «Восточная Бухара...», ч. 11, стр. 118.

[2] *И. А. Стеценко,* Из истории народных движений Таджикистана, Автореферат, 1964 г., стр. 14.

Кулябской и Бальджуанской областях наступил голод. В 1885 г. был год урожайным, собирался хлеб, обеспечивался кормами скот и т. д. Но местные хакимы и зякотчики требовали налог и поборы не только за текущий год, но и требовали уплаты недоимок за предыдущие неурожайные годы,[1] на что не хватило бы всего урожая. Как видно из содержания одного документа,[2] эмир не пошел на уступку местным властям в отношении уменьшения доходов казны.

Местные правители это хорошо понимали. Поэтому они всю ренту, налог и поборы взимали принудительно, при этом о себе также не забывали. Таким образом, ясно, что произвол исходил не только от местных феодалов и чиновников, но и от самого эмира.

Жители горных районов видели свое спасение в бегстве в горы, где они прятались от уплаты государственных поборов. Они хорошо понимали, что в ущельях долго жить невозможно, их руководители думали о восстании. Так в местности Баландсары, Хавалингское амлякдарство, летом собралось большое количество обиженных людей, которые выбрали своим вождем Восе. Отсюда он отправлял своих людей по кишлакам и жег костры, означавшие призыв народа к восстанию.

Согласно докладу бека и заявлению чиновников о событии в Бальджуане видно, что к восстанию присоединялись крестьяне всех кишлаков пограничных районов Куляба (особенно Муминабада), тем самым оно получило массовый характер.

Бек в своем докладе на имя эмира указывает, что «все время я стремлюсь к тому, чтобы одной рукой и глазами сохранять полное спокойствие факиров, а другой — верно служить высочайшему государю, моему повелителю»[3]. Однако, несмотря на это, в результате провокации некоторых авантюристов народ поднял бунт и нарушил спокойствие.

Аналогичный документ опубликован в работе Б. И. Искандарова[4]. В нем изложено заявление группы чиновников Кулябского бекства на имя эмира. Его подписали Шоабдурахман ишикогобоши, Мухаммад Назар туксабо, Мухаммад Умар мирахур, Сафар мирахур и др. должностные лица из Куляба. В начале своего заявления они хвалят эмирский трон, затем указывают, что в «отношении беспорядков и брожения среди муминабадских крестьян мы раньше сообщили».

Безусловно, здесь речь идет об отражении влияния восста-

---

[1] См. *Б. Г. Гафуров,* Указ. соч., стр. 446.
[2] См. на стр. 260 данной работы.
[3] Наши материалы, д. 5, док. № 21.
[4] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара..., ч. II, стр. 124—125.

ния Восе на крестьян Муминабада, которые поднялись на борьбу против феодалов. Следовательно, эти два документа свидетельствуют о том, что восстание Восе происходило по всей Кулябской долине.

Документ, которым мы располагаем, раскрывает отношение господствующих классов к восстанию. Один из них — доклад бека на имя эмира 1301 (1885 г.), в котором указано:

«О, ласковый к (своему) рабу!
Да буду я жертвой за главу моего повелителя, господина моего!»
Докладываю, что «в этом году, т. е. 1885 г. в результате провокации некоторых авантюристов, спокойные до тех пор факиры подняли восстание. Их главари не только не остановили народ, а наоборот вместе с ними напали на сборщиков зякота на базарах Куляба и Бальджуана, не только ограбили, но и избили их, кроме того бунтовщики повсеместно отказались от уплаты установленных государственных налогов» [1].

Здесь, правда, имена руководителей восстания не указываются, но ясно сказано, что оно происходило в 1885 г.

В другом документе, который мы обнаружили в архиве кушбеги видно, что в 1885—86 гг. для подавления этого восстания было мобилизовано большое количество сарбазов, однако, не 2500 человек, как об этом утверждает И. А. Стеценко [2], а 837, и его подавил не Астанакул кушбеги, а Бурханхаджа мирзабоши, о чем скажем ниже. Мобилизация 837 человек из других областей для подавления восстания в Бальджуане для того времени было крупным событием, это был большой отряд. Все это говорит о массовом характере восстания.

Наиболее острая борьба шла в Бальджуанском бекстве. Восе, когда наступал из Балансары в сторону резиденции бека, отправил своих представителей на переговоры и требовал отмены взимания налогов. Но правитель их арестовал и отказался выполнить это требование. Тогда Восе отдал распоряжение наступать на крепость, в кишлаке Тути Кази (25 км от Бальджуана) разбил наголову бекских сарбазов. Второе победоносное сражение в пользу повстанцев произошло в базарный день около кишлака Хадже Булбулана, во время которого был убит командир сарбазов Алиёр, после чего Восе захватил крепость,[3] освободил всех арестованных и отдал приказ о захвате и раздаче имущества феодалов.

Это вызвало тревогу правителей по всей Восточной Бухаре, они мобилизовали своих сарбазов на подавление восстания. В одном документе, который написан в 1304 (1886 г.) бальджу-

---

[1] Наши материалы, д. 5, док. № 21.
[2] *И. А. Стеценко,* Из истории..., стр. 109.
[3] *Б. И. Искандаров,* Уч. соч., ч. II, стр. 115.

анским беком на имя эмира, бек докладывает о расходе прошлогодних доходов с данного бекства. Его содержание раскрывает многое.

Во-первых, он говорит о том, что в 1885 году в Бальджуане происходило крупное восстание; во-вторых, на подавление этого восстания туда из других областей Восточной Бухары были мобилизованы сарбазы. По этому поводу сказано следующее: «С прибытием сюда небальджуанских сарбазов сразу же, согласно соизволения его величества, зякотчик Исмоил Караулбеги принес 29296 танег, которые в присутствии их командира Бурханхаджа мирзобоши были розданы сарбагам по 35 танег каждому, за что они молились, благословляя ваше величество». Значит, 29296 : 35 = 837 сарбазов были мобилизованы в Бальджуан из других бекств.

Затем в источнике речь идет о денежных доходах и расходах Бальджуанского бекства за 1885 г., где сказано, что на содержание указанных сарбазов, которые только что уехали, израсходовано сто десять тысяч танег, из коих 50 тысяч падают на Куляб и 60 тысяч — на Бальджуан [1].

С получением подкрепления был дан бой, Восе потерпел поражение и отступил в сторону Кизыл Мазара, а потом — в горы Хавалинга, где был схвачен и отправлен в Гиссар, а затем казнен в Шахрисябзе. На местах расправу осуществлял сам бек со своими чиновниками.

Восстание Восе дало сильный толчок к ослаблению устоев власти эмира, который все время держал своих сарбазов в мобилизованной готовности. В целях предосторожности и ликвидации последствий восстания дополнительно был отправлен в Восточную Бухару отряд сарбазов. Эмир не только наказал крестьян, но и потребовал ответа за эти «беспорядки» от хакимов, чиновников местного аппарата управления и от всех феодалов.

Местные правители, скрывая все это от центрального правительства, сами жестоко расправлялись с населением. Если слухи о народном восстании доходили до Бухары и эмир требовал ответа от бека восставшей области, то последний, оправдываясь, клеветал и на жалобщиков. В этом отношении примером могут быть следующие документы:

Астанкул диванбеги при беседе в политагентстве в Бухаре с Игнатовым обрушился на кулябцев, называя их склочниками. Он указал, «что кулябские жители издавне отличаются склонностью к разным смутам... Куляб постоянно распространяет необоснованные слухи» [2].

---

[1] Документ из архива кушбеги № 103.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 288, лл. 5—18, цитировано по Указ. соч. 3 Раджабова, стр. 87.

Однако дело не в этом. Произвольные действия местных светских и духовных чиновников заставили народ обратиться с жалобой к эмиру с надеждой на справедливость. Пострадавший крестьянин на 50—60 дней бросал хозяйство, семью и ехал с жалобой в Бухару. Однако никаких результатов они не добивались, наоборот, подвергались наказаниям, палочным ударам и штрафу.

Сам бальджуанский бек, когда докладывал эмиру, в заключении своей докладной записки писал, что «восставшие потерпели поражение, они не добились своей цели, и теперь побежденная толпа кается и не знает каким образом искупить свою вину перед вашим величеством — моим господином».

Наравне с этим, поскольку восстание происходило на территории его бекства, всю вину бек сваливает на лакайских скотоводов, их называет «шайкой разбойников», действовавшей в районах Гиссарского, Кулябского и Бальджуанского бекств, причинившей бедствия народу. Когда местные правители призывали их к порядку, то они ездили в Бухару с жалобой и там иногда находили поддержку. Безнаказанные действия этой «шайки» и послужили причиной для восстания. И поэтому бек просит эмира впредь не принимать жалоб подданных его бекства, так как каждая жалоба, принятая Бухарой, разлагает народ, дает повод к непослушанию, создает накаленную обстановку на местах [1].

Конечно, дело не в лакайцах, а в произволе местных феодалов, которые вместе с чиновниками составляли единый фронт против трудящихся и диким методом эксплуатировали их. В районе Яксу и Рамите ни одного лакайца не проживало, но под воздействием восстания Восе происходили новые волнения. Согласно собранным З. Ш. Раджабовым и И. А. Стаценко архивным данным видно, что в 1886 г. (по коментариям З. Ш. Раджабова в 1887 г.) в районе Яксу происходило столкновение между зякотчиками и крестьянами. Летом 1886 г. крестьяне ряда кишлаков Кулябского и Бальджуанского бекств бежали в горы и создали свои отряды для борьбы против чиновников, мира и амлякдаров. Они часто нападали на зякотчиков эмира. Почти вся южная часть Гиссарского бекства была наполнена такими отрядами. Согласно рапорту начальника Самаркандского отдела на имя начальника Зеравшанского округа от 4 декабря 1886 г. видно, что в конце октября того же года в кишлаке Яхсу Бальджуанского бекства происходили волнения жителей данного села против произвола чиновников бека. Касаясь причин этого волнения, в рапорте указано, что «...горцы Яхсу недовольны чрезмерными податными налогами... Вообще же население Кулябского и Бальджуанского бекств терпит большие притеснения

[1] Наши материалы, д. 5, документ № 21.

от своих беков и амлякдаров по сборам податей и, в особенности, зякота со скота»[1].

Под влиянием восстания Восе волнения и восстания происходили не только в Кулябе, но и в Гиссаре.

В 1886 г. в Каратаге вспыхнуло волнение наемных рабочих-ремесленников (ткачей). Главной причиной этого волнения были тяжелые условия работы, долгий рабочий день и мизерная заработная плата. Это волнение началось среди ткачей Салих Алим бая и охватило другие предприятия местного кустарного производства. В нем участвовало 1000 ремесленников, оно кончилось тем, что владельцы мастерских вынуждены были отступить и увеличить заработную плату рабочим с 2 до 6 танег[2].

Через год после этого вспыхнуло крестьянское волнение в Рамитском амлякдарстве Гиссарского бекства. Это амлякдарство было расположено на крайней северо-восточной части Гиссарской долины и делится на 4 ущелья: Яврозское, Сарвинское, Вистанское и Лошхарвское, каждое из которых имеет прекрасные пастбища для развития скотоводства, богаты пушниной и садами. Чиновники бека постоянно держали курс на увеличение зякота и поборов, особенно пушнины, которая имела хороший спрос на мировом рынке.

Крестьяне Рамита постоянно находились в антагонизме с чиновниками и искали пути избавления от насилия эксплуататоров. Они сами в горах организовали избиение феодалов, но и не пропускали возможности обращаться с жалобами к представителям русской власти.

Например, когда капитан Г. Ш. Лилиенталь посещал Гиссар, ему три раза жаловались крестьяне Рамита. Касаясь этого вопроса, капитан писал: «Как теперь живется народу, сказать трудно. Еще в третьем году эти же горцы (т. е. рамитские — А. М.) открыто обращались ко мне с жалобой на бухарские власти с просьбой заступиться за них... В горах отношение населения к бухарским властям... не особенно дружелюбно»[3].

Все эти факты говорят об обострении отношений между правителями и народом, о ненависти трудящихся к эксплуататорам. Борьба народных масс против своих угнетателей поставила феодалов и бухарское правительство в затруднительное положение. Однако эмиратство, которое было сковано духом ислама и изуверов, не было способным провести какую-нибудь реформу и дать облегчение народу. Поэтому в начале XX в. наблюдаются все новые взрывы негодования трудового народа против угнетателей.

---

[1] См. *З. Ш. Раджабова,* Из истории..., стр. 97, *И. А. Стеценко,* Из истории народных движений..., стр. 104.

[2] *М. Хамраев,* Очерки истории, стр. 80—81.

[3] *Г. Ш. Лилиенталь,* Гиссарское и Кабадианское бекства, стр. 314.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ И ВОССТАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Как уже сказано, во второй половине XIX в. Бухарское ханство было превращено в колонию царской России и постепенно втягивалось в общую сферу русского капитализма, происходила ломка прежней экономической замкнутости. Это дало значительный толчок развитию производительных сил.

Однако это не привело к коренному изменению способа производства и общественных отношений.

С вступлением России в стадию империализма происходила концентрация производства и финансового капитала, сращивание банков с промышленностью. Это привело к союзу финансовой алигархии с государственным аппаратом царизма, который защищал их интересы как на внутреннем, так и на внешнем рынке, вел борьбу за создание условий для получения ими максимальной прибыли за счет безжалостной эксплуатации всех народов России. Этому была подчинена и его внешняя политика, в результате чего он начал русско-японскую войну, оказался участником первой мировой империалистической войны.

В связи с переходом России к империализму стал резко увеличиваться вывоз капитала в Среднюю Азию как внутреннюю колонию с целью превращения ее в серьезную базу метрополии. Русский капитал захватил все главные отрасли хозяйственной жизни Средней Азии, главным образом,— хлопководство. 90% всей торговли хлопком оказалось в руках московских банков, которые через феодально-байскую верхушку, являющуюся посредником между ними и производителями, стали беспощадно закабалять местные народные массы. Таким образом, создавался союз русских капиталистов и местных феодалов по ограблению трудового населения.

В связи с этим возрос хищнический аппарат феодалов, в том числе чиновников аппарата государства эмира. Жесточайшей эксплуатации подвергались и отходники из горной Бухары в центральных районах Туркестана.

Под влиянием русского капитала повсеместно в Средней Азии, в том числе и в Восточной Бухаре, за счет зерновых площадей развивалось хлопководство. Поэтому население горной Бухары массовым потоком уходило на отходничество в русский Туркестан.

Однако отходничество XX в. имело коренное отличие от отходничества XIX в. Если в прошлом столетии спрос на рабочие руки в Туркестане был мал, то теперь, в связи со строительством железных дорог, промышленных предприятий, с развитием торговли и хлопководства отходничество росло изо дня в день. В связи с этим увеличивалась заработная плата отходников. Кроме того, надо учесть, что этот период является эпохой империализма, в которую русский рабочий класс своей революцион-

ной борьбой дал мощный толчек к подъему народного движения как на западе, так и на востоке.

В условиях монополистического капитала капиталисты, используя дешевизну рабочей силы, зверскими методами эксплуатировали пролетариат, усиливали социальный и национальный гнет.

В условиях царской России интересы пролетариата совпадали с интересами крестьянства. Это создавало объективные условия для союза этих классов в борьбе против капиталистов, помещиков и царизма.

В конце XIX и начале XX вв. широким фронтом прошло стачечное движение, охватившее все районы европейской части России.

Стачки оказали большое влияние на крестьянство, в деревне разгоралась классовая борьба крестьян против помещиков и капиталистов. В 90-е годы аграрные волнения охватили все губернии России.

Появление боевой революционной партии во главе с В. И. Лениным сделало эту борьбу организованной и целенаправленной.

Революция 1905 г. являлась мощной демонстрацией сил русского рабочего класса. Она показала, что Россия окончательно стала центром мирового революционного движения пролетариата.

Первая русская революция 1905 г. оказала могучее влияние на судьбы многомиллионных масс колониальных народов, в том числе и на народы Бухары. Под ее непосредственным влиянием возникли и вышли на арену политической борьбы различные общественно-политические группировки.

В конце XIX и начале XX вв. начались первые выступления рабочих на шахтах, приисках, железных дорогах в районах Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей, где было очень много отходников из горной Бухары.

Трудящиеся Таджикистана, особенно жители Памира, Дарваза и Каратегина, уходили на отходничество на железные дороги, промышленные предприятия, в караван-сараи Туркестана. вплоть до Баку и Оренбурга, встречались с людьми революционного настроения.

В деле революционного воспитания народов Туркестана важная роль принадлежит профессиональным революционерам русского рабочего класса. Царское правительство отправило сюда в ссылку группу социал-демократов — В. Д. Корнюшина, Феофанова, Филипповича и А. Р. Бахарева, которые в 1895 г. находились в Ташкенте. В 1904 г. в Самарканд приехали члены социал-демократической партии М. В. Морозов, Г. И. Шавдия, Е. Д. Кукулев, в Ташкент — Р. С. Баранов, М. М. Бузанский и другие, с 1903 по 1906 гг. в Туркестан приехало 377 социал-демократов,

которые создали социал-демократическую организацию. Среди рабочих началась агитационная работа социал-демократов, распространилась политическая литература, главным образом в крупных городах Средней Азии.

В ответ на преступление царя в день «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. в Петербурге, в январе и феврале того же года в Ташкенте и Самарканде, были организованы под руководством социал-демократов забастовки русских и местных рабочих на заводах, типографиях, железных дорогах и других предприятиях. Рабочие требовали от предпринимателей: установление для всех рабочих и служащих 8-часового рабочего дня, отмены штрафов, улучшения материального положения, налаживания страхования. Социал-демократы начали выпускать листовки, разъезжать по городам Средней Азии и вести революционную работу среди трудящихся. Если до 1 мая 1905 г. на демонстрации собирались лишь небольшие группы, то в майской и июньской демонстрациях 1905 г. в городе Ташкенте приняло участие очень внушительное количество демонстрантов. Демонстрации проходили под большевистскими лозунгами.

Рабочее движение влияло на солдат и крестьян. Социал-демократические организации Туркестана вели работу не только в Ташкенте, но и на станции Урсатьевской, в городах Чарджоу, Мерве, Казалинске, Андижане, Ходженте, Коканде и в ряде других городов Средней Азии.

Помимо всего этого надо подчеркнуть, что, начиная с 70-х годов XIX в., на территории ханства в районе Чарджоу, Кагане, Кирках, Термезо-Патта-Кессаре вдоль железнодорожных станций и пароходных пристаней создавались русские поселения, которые оказывали огромное культурно-экономическое, а также революционное влияние на народ Бухарского ханства.

По неполным данным, в этих поселениях в конце XIX в. проживало около 13 тыс. жителей, а к 1917 году — 50 тыс., включая сюда солдат и военнослужащих[1]. И все они подчинялись русскому правопорядку, в их дела бухарская администрация согласно договору от 23 июня 1888 г. не имела права вмешиваться. Они со своими нравами, обычаями, культурой и революционным характером оказывали воздействие на местных жителей ханства.

Чарджоу превратился в революционный центр Бухарского ханства. Здесь в 1904 году возникли социал-демократические кружки, которые уже в период первой русской революции оформились в организацию РСДРП. Чарджоуская группа, возглавляемая Л. И. Кузнецовым и Д. Д. Головяшкиным, имела свою

[1] *А. П. Фомченко,* Русские поселения в Бухаре и их роль в экономическом развитии ханства и участие в революционном движении. Автореферат дис. на соискание степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1958 г., стр. 7.

типографию, издавала революционные листовки и распространяла их среди населения.

Русские революционеры вели работу не только среди русского населения, но и среди местных жителей. Они подготовляли кадры для организации народных масс на борьбу против ненавистного эмирата. Под непосредственным влиянием русского рабочего движения развивалось революционное движение и на территории ханства.

Как уже было сказано, на территории ханства произошли целый ряд волнений и восстаний крестьянства, среди которых особое место занимает восстание Восе. Однако бухарский эмир никаких реформ, облегчающих положение народа, не провел, размеры налогов не были уменьшены, по-прежнему не осуществлялся контроль над местной властью.

Озлобленные восстанием крестьян, феодалы усилили эксплуатацию трудящихся масс. Этому способствовало усиление в органах управления государством роли иранцев. Для них интересы народа совершенно были чужды. Кушбеги Насрулла (1911—1918 гг.), беспощадно грабя народ, на должности хакимов назначил преимущественно иранцев.

Если говорить словами одного русского исследователя, то до владычества Астанакула кушбеги феодалы все же стеснялись брать с населения то, что оно не в состоянии было дать, и старались, во всяком случае, не доводить народ до крайней нищеты. Астанакул кушбеги же «...задался целью, с одной стороны, выслужиться перед эмиром и дать в его казну как можно больше денег», с другой — создать для себя опору в лице персов — чиновников, он разрешал им брать в свою пользу с населения «столько, сколько могут взять, не стесняя себя никакими мерами» [1]. Это положение было установкой для всех областей Бухарского ханства. Все эти правители стремились приспособиться к новым условиям эпохи империализма. Например, если в 1890 г. по трем бекствам: Гиссарское, Курган-Тюбинское и Кабадианское было собрано 24240 пудов хлопка [2], то в 1911 г. только по Курган-Тюбинскому, Кабадианскому и Кулябскому бекствам его сбор в товарном виде составлял 210 тыс. пудов [3].

Ежегодно русские капиталисты из Восточной Бухары вывозили сотни тысяч пудов различного вида сырья. По архивным данным, только в 1915 году из Сарай-Камара через Аму-Дарью были экспортированы в Россию хлопок, гуза, кунжут, загир,

---

[1] *Г. Цвиллинг,* Бухарская смута, в журн. «Средняя Азия», 1910 г., кн. II, стр. 83—84.

[2] *В. И. Масальский,* «Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее», СПб, 1892, стр. 130—140.

[3] Газета «Туркестанские ведомости», № 189, 1912 г., П. П. Введенский, «Состояние таджикского хлопководства за период бухарского эмиратства» (в кн. Хлопководство в Таджикистане), Ташкент, 1926 г., стр. 11—20.

ячмень, пшеница, фисташки и шкуры в количестве 522 тыс. пудов, стоимость которых составляла 1343 тыс. золотых рублей[1]. Кроме того, надо учесть, что ежегодно местные феодалы и купцы вывозили десятки тысяч вьюков груза разного сырья, угоняли тысячи баранов из Восточной Бухары в Туркестан и Россию... Учитывая важность Восточной Бухары как источника сырья, русские капиталисты получили право на строительство железной дороги от Кагана до Термеза и 300 тысяч десятин земли в концепссию, хотя эта земля и не была освоена.

Безусловно, товары, служившие экспортом, производились крестьянами, чорьякорами, а деньги за них получали разные дельцы, местные ростовщики и феодалы. Из получаемой доли производители по-прежнему платили государству непосильные подати, продолжая бедствовать.

Касаясь данного вопроса, Снесарев писал так: «...можно с уверенностью сказать, что, по крайней мере, у половины населения Бухары не остается какого-либо излишка средств к существованию и едва хватает их для собственного пропитания»[2].

Грабительская политика русского капитализма, бухарского правительства, местных чиновников и феодалов, в том числе выросших ростовщиков, создавали объективные причины для усиливавшихся кровавых столкновений между производителями и эксплуататорами, продолжавшихся вплоть до падения эмирата.

Факты показывают, что в 1899—1902 гг. крестьянские волнения происходили в Келифском, Денауском и Курган-Тюбинском бекствах[3]. Поводом к ним явились голод и чума.

Из переписки бухарского правительства и политагентства видно, что в эти годы из Афганистана на территорию Бухарского ханства произошло нашествие саранчи, которая опустошила поля, началась чума скота, страшный голод охватывал одну за другой все области Восточной Бухары, особенно от этого сильно пострадали пограничные районы.

Это вынудило эмира в августе 1902 г. обратиться в политагентство с просьбой временно прекратить вывоз хлеба из пределов эмирата. Этот вопрос был настолько важным, что оказался объектом обсуждения Ташкента—Петербурга.

В телеграмме, поступившей из Ташкента в Петербург, говорится: «Бухарское правительство через политическое агентство сообщает, что в некоторых частях ханства саранча истребила посевы, но общий урожай хороший и его будет достаточно для населения, если хлеб не будет вывозиться за пределы ханства.

---

[1] См. *Б. И. Искандаров,* Указ. соч., ч. II, стр. 300.

[2] Туркестанский сборник, т. 549, стр. 21.

[3] История Туркменской ССР, Ашхабад, 1955 г., стр. 626, Б. И. Искандаров, Указ. соч., ч. II, стр. 342.

Ввиду этого бухарское правительство ходатайствует о временном прекращении отправки железнодорожными станциями в Бухарских пределах хлебных грузов»[1].

В распоряжении из центра была отклонена эта просьба. Тогда эмир решил, чтобы разрешить зерновую проблему, больше облагать хлебными поставками населения восточных бекств, особенно Восточной Бухары, хотя их посевы сильно пострадали от налета саранчи.

Чрезмерное увеличение натурального налога (зерном) заставило крестьян выступить на борьбу против чиновников, местных феодалов-спекулянтов и ростовщиков. Однако это не спасло их. Тогда под страхом голодной смерти, тюрьмы и издевательства местных правителей жители многих кишлаков поголовно переселились в Афганистан и в русский Туркестан.

Касаясь этого, русские купцы, жившие в то время в Сарай-Камаре, оказались очевидцами злоупотреблений местных чиновников и нашли нужным в 1903 г. послать в политагентство прошение, в котором говорилось «...вот в прошлом году (1902 г.— А. М.) были случаи, что, несмотря на то, что бедный сарт (местный крестьянин — А. М.) трудился столько времени с надеждой кормиться своими трудами, принуждается сверх урожая продать своих быков и ими дополнить, уплатить беку назначенный малят (т. е. налоги — А. М.)». Это обстоятельство вынуждает крестьян бросить все и убегать куда-нибудь,[2] главным образом за Аму-Дарью в Афганистан, тем самым богатый край превратился в мертвую пустыню.

Кочевание народа являлось одним из видов борьбы против его угнетателей, от этого пострадал не только народ, но и само государство Бухарского эмирата. По сведениям Д. Н. Логофета, если кургантюбинский бек в 1901 г. собирал подати с населения около 15 тыс. рублей, то в 1902 г. его доход составил меньше одной тысячи рублей[3].

Выступления народов Восточной Бухары особенно усиливались под влиянием революции 1905—1907 гг. Конечно, страна была крестьянская и далеко от центра революционного движения. Поэтому здесь не наблюдалось организованных выступлений крестьян против феодалов. Тем не менее, ее отражения имели место. Они проходили в центральных районах и глубоко пронизали всю духовную жизнь трудящихся, в том числе и Восточную Бухару. О революционно-настроенной массе мы находим высказывания русских путешественников, чиновников и агентов,

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 143, л. 3—4, цитировано по книге И. А. Стеценко, Из истории народных движений, стр. 113.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 326, цитировано по Указ. соч., И. А. Стеценко, стр. 114.

[3] *Д. Н. Логофет,* «На границах Средней Азии», кн. 3, СПб, 1909 г., стр. 91.

которые в то время находились в Восточной Бухаре, в народном фольклоре и рассказах стариков.

В. Липский в своем труде «Горная Бухара» пишет о том, как попытки к восстанию в отдельных районах Каратегина быстро подавлялись. Говоря об одном таком инциденте, он с удивлением замечает: «Поступок тем более странный и неожиданный, так как вообще население Бухары отличается забитостью, покорностью и незлобностью»[1]. Дело в том, что в амлякдарстве Калай-Лябиоба амлякдар потребовал у крестьян лошадей, а так как у них таковых не было, то, естественно, что его требование не могло быть удовлетворено. Амлякдар начал угрожать и избивать народ, тогда толпа бросилась на амлякдара и помяла ему бока. «Наш оставшийся человек — чиновник, хотел заступиться за амлякдара, но и ему досталось и даже больше, чем амлякдару. Его не только основательно поколотили, поставили кое-где фонари, разорвали на нем 3 халата, но и, в конце концов, ковырнули шилом»[2]. Амлякдар вынужден был вызвать на помощь местных наукаров. Виновники были арестованы и отправлены в Гарм.

Этот факт показывает, как относилось население к бухарским чиновникам и как оно реагировало на их незаконные требования. В. Липский приводит другой факт, характеризующий взаимоотношение населения и чиновников. В одном из киргизских алмякдарств Каратегинского бекства бухарский чиновник, бросив своих попутчиков, отправился в один из киргизских аулов, где жители «приняли его не так, как подобало его чину и званию. А когда он захотел показать свою власть и стал распоряжаться, тут произошла сцена, напоминающая русскую деревню. На сцену выступило женское население, которое подняло крики и потрепало порядком бороду нашему чиновнику»[3].

Такие случаи имели место в подавляющем большинстве амлякдарств Каратегина и в других бекствах Восточной Бухары. Мародерство и грабительские поступки бухарских чиновников вызывали ненависть населения.

Другой русский путешественник А. Н. Нечаев указывает, что в Курган-Тюбинском бекстве как узбеки, так и таджики с ненавистью произносили имена эмира и его чиновников. Масса говорила, что справедливости от чиновников не дождешься, кто больше сорвет, тот у них и прав[4].

В течение 1905—1907 гг. в Кулябском и Гиссарском кишлаках, как сообщает Д. Логофет, народ часто нападал на бека и

---

[1] *Липский,* Горная Бухара, т. I, стр. 264.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *А. Н. Нечаев,* Горная Бухара, СПб, 1914 г., стр. 47.

на его чиновников, которые прибывали по делам службы и для сбора податей [1].

По сообщению старика Якуба Содыкова (из Бальджуана), Нуриддина Насырова (из Хавалинга) и Курбана Мусаева (из Куляба), выясняется, что в 1905—1907 гг. в Бальджуанском бекстве под руководством отходников происходило крестьянское восстание. Оно началось с кишлака Даштака, а затем распространилось на другие кишлаки бекства [2].

Открытое выступление народа произошло также в Каратегинском бекстве, где движением крестьян руководил отходник Каландаршо.

В 1905 году в жизни каратегинцев, в частности Каландаршо, произошли изменения, которые усилили ненависть народа к феодалам. Это, во-первых, осенью 1905 г., когда отходники возвращались на родину, чиновники эмира ограбили их на границе бекства около Дарауткургана, среди отходников был и Каландаршо; во-вторых, наступила засуха, все население голодало, а налоги и поборы не уменьшались. Положение народа оказалось критическим. В песне, сложенной народом про Каландаршо, эти события отражены так:

Храбрый Каландар стал худой и тощий,
Подобны ему многие тысячи других.

Выходом из создавшегося положения народ считал подачу жалобы эмиру на бека. Трудящиеся предполагали, что эмир ничего не знает о произволе своих чиновников. Поэтому зимой этого года несколько крестьян из Хаита и Калай-Лябиоба во главе с Каландаршо двинулись в сторону Бухары. Каратегинский бек Абдулмумин (1904—1908 гг.) испугался, поехал за ними, в кишлаке Пандовчи догнал жалобщиков и, пообещав разобраться в их жалобе, вернул их обратно домой.

Однако хаким обманул крестьян, через несколько дней он арестовал Каландаршо, Мирзарахмата и многих других и отправил их в Гиссар. Ввиду этого, некоторые уцелевшие крестьяне сбежали в Фергану, избавившись тем самым от преследования.

Арестованные картегинцы в Гиссаре были наказаны палками, дали религиозную клятву и поехали домой, а оттуда в Фергану, Ташкент и Баку.

Возвращаясь с отходничества, в 1908 году Каландаршо сумел добраться до Бухары и подать жалобу эмиру на каратегинского бека, в результате чего Абдулмумин был снят. Это необыкновенное событие подняло авторитет Каландаршо в народе,

---

[1] *Д. Логофет,* Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб, 1911, стр. 264.

[2] *Б. И. Искандаров,* Восточная Бухара..., ч. II, стр. 347.

он стал популярным вождем для всех жителей данной области. На самом деле бек не был снят, а только сменил свое место работы. Он был назначен гиссарским беком, а на его место в Каратегин эмир назначил своего адъютанта Авлиякулбека (1908—1910 гг.) с более широкими полномочиями, чем у прежнего бека [1].

Осенью 1907 г. происходили волнения населения Гиссарского бекства, которые были связаны с каратагским землетрясением.

8 сентября того года в Каратаге происходило землетрясение, в результате чего в течение 7 минут город был полностью разрушен, погибло 27 тыс. человек [2].

Уцелевшие люди обращались за помощью к бекам, казиям и другим чиновникам, но они спрятались от народа, а другая часть чиновников вместо помощи занималась грабежом имущества пострадавших.

Помимо архивных материалов, которые изложены в III главе по данному вопросу, мы располагаем одним стихотворением, которое составил очевидец по имени Хатиб [3]. В нем дается характеристика города Каратага в следующих строках:

Дареғ аз Қаратоғу аз, иморатҳою айвонаш,
Дареғ аз бой, аз атору базозу калононаш,
Дареғ аз амалдору мирзою табиронаш,
Дареғ аз лоларухсорону аз навхатчавононаш.

Т. е.:
Жаль Каратаг, его красивые дома с разными айванами,
Жаль богатство его, погибшие без пользы товары,
Жаль ремесленников и мастеров, ученых людей,
Жаль девочек, похожих на тюльпаны, крепких мальчуганов.

Характеризуя жизнь феодалов в городе Каратаге поэт пишет:

Кучо шуд муфти курбонча, чи шуд фатвою девонаш,
Кучо хирман кукнораш, чи шуд хирвори афъёнаш,
Низомаддин мирохур ку? Бахам зад базму давронаш,
Ачал бо чумла дониш, чок зад чайби гиребонаш.

Т. е.:
Где плуты Курбанча с его толкованиями шариата,
Где толпа наркоманов с карманами, полными награбленных у народа денег,
Где Низамаддин мирахур? Настал конец его пиршеству и ликованию.
Смерть схватила за шиворот всех обманщиков и унесла на тот свет.

Қаландархо қани, хам косаин кукнори онҳо ку?
Кучо шуд мадраса, мулло қанй, такрори онҳо ку?
Тамоми фискҳу фачор қанй, кирдори онҳо ку?
Чи шуд айшу нишоти нимишаб, бозори онҳо ку?

---

[1] См. А. Маджлисов, Каратегин..., стр. 99—100.

[2] См. на стр. 260—262 данной работы.

[3] *А. Маджлисов,* «Хуччати нодир», опуб. в газ. «Точикистони совети», 3 июня 1962 г., построчный перевод сделан мною.

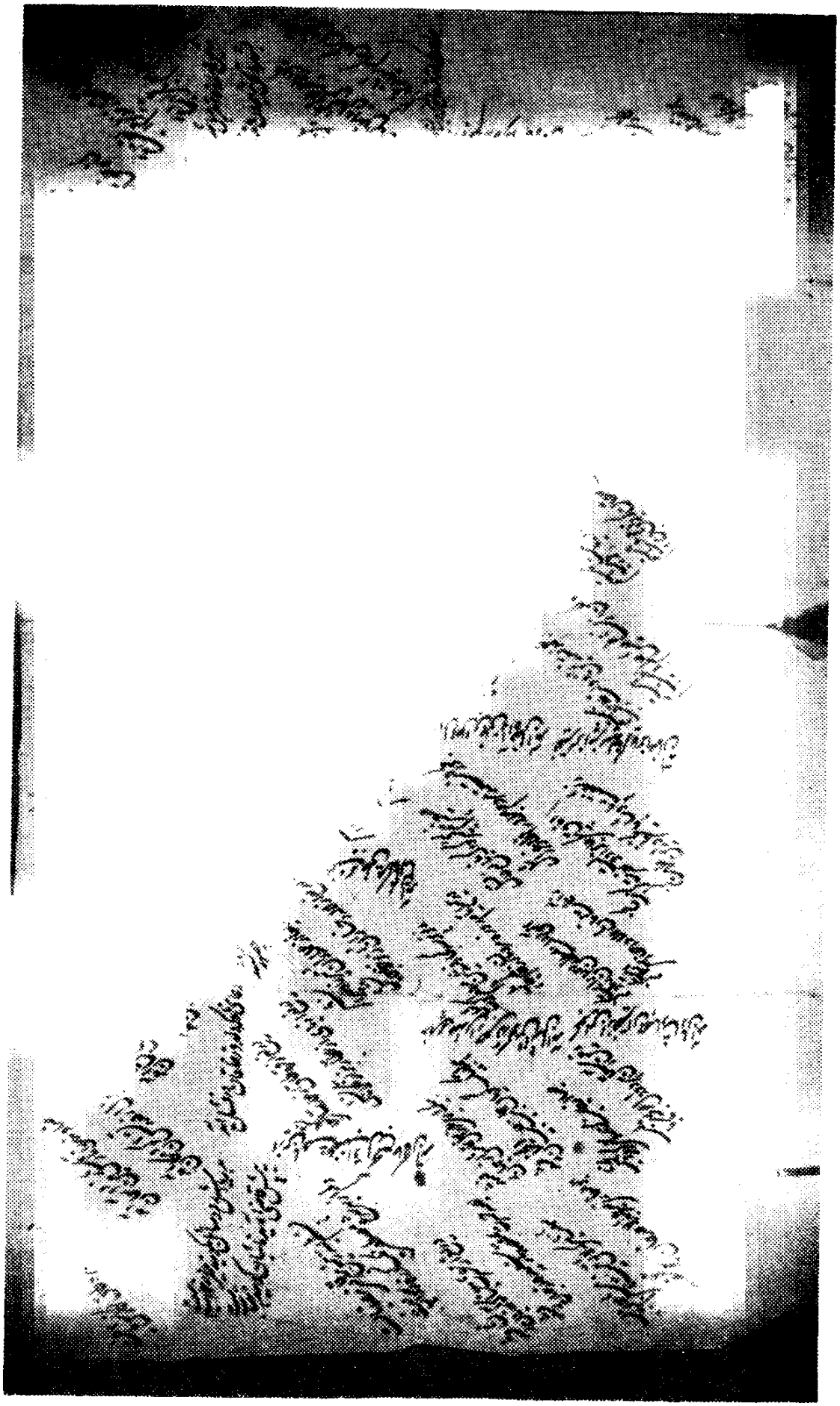


Рис. № 27

Т. е.:

Где святоши, где их чаши с зельем анаши?
Где медресе, где муллы, где вторящие им ученики?
Где их мерзостная грязь, их обманы?
Где их кутежи, их полночные базары?

Оставшиеся в живых обратились за помощью к местным правителям: беку, казию и муфтию, которые всегда выступали от имени шариата за «бедных и пострадавших». Но они скрылись, и народ был оставлен на произвол судьбы. Выражая возмущение народа и свое собственное, тот же самый поэт пишет:

Ба дарбораш равад соил, бигуянд: мир дар хоб аст,
Ба пеши қози ояд, ноибон гуянд: бетоб аст,
Қасам било! Раису миру қози мурдани боб аст,
Дилам аз баҳри шарҳи мустафо ак кўза зардоб аст.

Т. е.:

Тем, кто обращается к правителю говорят: он еще спит,
Тем кто идет к казию, прислужники говорят: он болен,
О аллах! Миру, казию и раису смерть пошли,
Ибо от лживой власти шариата нам тошно.

В действительности чиновники светских и духовных рангов вместо того, чтобы оказать помощь и навести порядок, сами начали заниматься грабежом. По этому поводу очевидец пишет:

Раису муфтию қози, тамомаш ришвахур гаштанд,
Ба ин дини калонон рафта, мардум рўзахур гаштанд,
Ба саҳро омилон аз моли мардум хонапур гаштанд,
Фақиру бенаво дар дашту саҳро беҳузур гаштанд!

Т. е.:

Раис, муфтий, кази — все они дармоеды и взяточники,
По примеру «старших» люди стали нарушать справедливость,
За счет чужого добра власть имущие наполнили свой дом,
Бедняки обескровлены, от этого их стоны и страдания.

Таким образом, видно, что в этих строках поэт не только дает характеристику феодальной жизни Каратага, но и выражает возмущение народа против бездарных чиновников, их грабительского характера и бездушного отношения к судьбе народа.

Гнев и протесты народа Восточной Бухары против феодалов наблюдались также в последующие периоды. Например, офицер царской службы капитан Джиджихия, который несколько раз побывал в Восточной Бухаре, в своем докладе на имя начальника штаба Туркестанского армейского корпуса генерала Лилиенталя от 7 декабря 1909 г. писал: «Ездившему по Бухаре резко бросается в глаза тревожное настроение населения. Нельзя при этом не заметить, что оно находится в выжидательном положении, в ожидании улучшения своей судьбы от вмешательства России в дело Бухары» [1].

[1] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 99, цитировано по Указ. соч. Б. И. Искандарова, ч. II, стр. 343.

Это тревожное настроение кое-где превратилось в восстание, кое-где люди, бросая родные места, переселились за пределы ханства, а в 1910 г. в Кулябском бекстве произошло крупное крестьянское восстание. Это восстание так напугало хакима муллу Ахмада бия, что он обратился с просьбой к подполковнику русской погранслужбы Гайдебурову прислать 30—40 вооруженных солдат для его подавления. Восстание было подавлено силами русских солдат. Для расследования причины его из Бухары приехал специальный представитель эмира (махрам) и снял Ахмад бия с поста хакима [1].

Крестьяне выбирали свои пути избавления от произвола и издевательства бухарцев-переселение.

Касаясь данного вопроса, академик В. В. Бартольд указывает, что «переселения населения происходили в обоих направлениях» (из Бухары в Афганистан и, наоборот, из Афганистана в Бухару) и «оба правительства находили для себя выгодным привлекать переселенцев» на свои стороны [2]. Следовательно, по мнению В. В. Бартольда, оба правительства в переселении видели признак своего благосостояния и проявляли к ним заботу. Однако это совсем не так. Переселение было протестом населения на чрезмерно тяжелое положение, вызванным произволом действия феодалов, чего не указывается в работе В. В. Бартольда [3].

На самом деле население Восточной Бухары больше не могло жить под бухарским произволом, искало лучшей доли, хотя ее не находило в Афганистане. По сообщению начальника Чубекской таможной заставы от 22 марта 1911 г. видно, что в течение февраля и марта люди из Куляба группами, со всей домашней утварью, переселялись в Афганистан, когда пограничники хотели их уговорить вернуться домой, то они «заявили категорически, что к переселению вынуждают их чрезмерные поборы бухарских чиновников» [4].

Термезский воинский начальник в 1913 г. сообщил политагентству, что «из пределов Кабадианского бекства происходит переселение семей бухарских сартов в Афганистан... При проезде по кишлакам... невольно обращает на себя внимание их запуганность и бедность населения. Попадаются кишлаки, совсем оставленные жителями» [5].

Из горных районов Восточной Бухары в основном население переселялось в Туркестан, а в некоторых местах организовали

---

[1] См. И. А. Стеценко, Указ. соч., стр. 126—127.

[2] *В. В. Бартольд,* Русская власть и ханства Бухары (соч., т. II, ч. I, стр. 429).

[3] Академик В. В. Бартольд, соч., т. II, ч. I, стр. 429, примечания 75.

[4] ЦГИА Узбекской ССР, ф. 3, оп. 2, д. 122, л. 60.

[5] Там же, д. 273, л. 1, Д. Н. Логофет, Страна бесправия, стр. 50.

свои силы и поднимали восстания, которые имели место в Каратегине в 1916 и в 1920 гг., но они не находят свое отражение в данной работе [1].

[1] Восстание 1916 г. в Каратегине подробно изложено в нашей книге «Каратегин...», стр. 95—105, а также «Материалы научной сессии», посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1954 г., стр. 383—388. Восстание 1920 г. впервые отражено в решении съезда Советов Гармского района в 1930 г., в котором съезд ходатайствовал перед ЦИКом Таджикской ССР увековечить память Усмана — первого революционера и коммуниста. (См. Коммунист Таджикистана от 12/II-1931 г.); Али Хуш «Шуриши Усман, Душанбе, 1936 г. (Историческая повесть); эта работа вошла в сборник автора «В объятиях гор», Душанбе, 1962 г., стр. 80—100; Ю. Платонов «Усман из кишлака Янгалика», «Коммунист Таджикистана, от 7/XI-37 г.); Н. А. Кисляков «Очерки по истории Каратерина, Душанбе, изд. I, 1941 г., а II-е — 1954 г.; более подробно этот вопрос исследован нами, результат которого изложен в нашей работе «Каратегин...», гл. III.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные материалы доказывают, что основной чертой общественно-политического строя Восточной Бухары, входившей в состав эмиратства, на протяжении всего изучаемого периода являлась феодальная собственность на землю и воду, которые собственник передавал крестьянам или нижестоящим феодалам, через последних они также переходили в пользование крестьян. На этой основе образовалось, с одной стороны, феодальная иерархия, с другой — классовые феодальные отношения.

Для реализации своего права земельной собственности феодалы опирались на силу государства, а последнее, выражая волю и интересы первых, оказывало им содействие, укрепляло их право собственности на средства производства и создавало условия для усиления эксплуатации крестьян. На этой основе возникали и росли классовые противоречия между собственниками и работниками производства.

Поэтому для правильного понимания классовых противоречий в феодальной Бухаре и сути политики правительства эмира по отношению к крестьянству прежде всего необходимо раскрыть его классовую сущность и показать, что оно выросло не из природы свободного мусульманина, как это утверждают шариат и его толкователи — духовенство, а как и другие феодальные государства — из социальных отношений, основанных на господстве частной собственности феодалов на средства производства (на землю и воду). Следовательно, эмиратство, как и всякое другое государство антагонистического общества, являлось политической организацией экономически господствующего класса, который для осуществления своих задач при помощи духовенства религии ислама выработал право и идеологию, теологическое учение о власти эмира и местных шахов, обожествляли ее и оправдывали эксплуатацию человека человеком. Все это они навязывали трудящимся.

Глубоко проникшее в гражданские и политические отношения, духовенство не только закабаляло деяния людей, но и воображение верующих. Если в странах Запада, по мере укрепления

светской власти, снижалась роль и значение духовенства, то в Бухаре вплоть до революции 1920 г. мы видим обратное явление. Оно теснейшим образом было связано с светскими феодалами и с самим эмиром. Сосредоточив в своих руках органы суда, толкование законов, гражданское, семейное, уголовное право, органы полиции, мактабы, медресе и др., духовенство по существу занимало руководящее положение в управлении государства эмирата.

Опираясь на шариат, духовенство через свои духовные учреждения, казиев, муфтиев и раисов, всячески стремилось преследовать и задушить появление прогрессивного светского мировоззрения и тем самым сохранить старые отсталые отношения и правопорядки.

В системе государственного управления эмирата две функции — военная и финансовая всегда существовали параллельно, но в зависимости от исторической обстановки удельный вес и значимость их менялась. До присоединения Средней Азии к России, на первом месте выступало военное ведомство, задача которого была направлена на ограбление чужих народов, а после того, как Бухара превратилась в протекторат царизма и исчезли военные столкновения между феодальными владениями, военное ведомство уступило место диванбеги,— учреждению, которое занималось ограблением народов, населявших территорию ханства. Все учреждения кушбеги были подчинены этой задаче. Несмотря на то, что после присоединения Средней Азии к России бухарское государство было более централизованным, его местные органы власти сохранили большую самостоятельность. Бек на отведенной ему территории самостоятельно осуществлял государственные дела и перед эмиром отвечал только за предоставление ему определенных доходов. Никаких систематических отчетов и контроля по государственной линии, а также жалованно-окладной системы для чиновников, занятых в аппарате управления Бухарского ханства, не существовало.

Все это тормозило развитию производительных сил, породило чудовищную эксплуатацию и угнетение крестьян и ремесленников. Чиновники аппарата, особенно местного управления, творили многочисленные бесчинства, в результате чего трудящиеся находились в чрезвычайно тяжелом положении. В политике бухарского ханства были воплощены интересы наиболее реакционных феодалов и мусульманского духовенства, которые, находясь под защитой эмирата, стали обладателями огромного количества земли на правах собственности и крестьянских хозяйств — в танхо.

По вопросу о формах земельной собственности и землевладения хотя и существует довольно много работ, но он еще не решен. В произведениях подавляющего большинства буржуазных востоковедов и некоторых советских ученых распространя-

лось мнение о том, что в Бухарском ханстве всё земли и воды являлись амляковыми, т. е. государственными, и находились во владении крестьян на правах пользования, т. е. в аренде, и они ни в коем случае не превращались в частную собственность, не могли завещаться, закладываться и не обращались в вакф. Следовательно, «амляковая форма» земельной собственности рассматривалась как вечная и неизменная. В «амляковой форме» землевладения они видели особенности феодализма в Бухарском ханстве.

На самом деле бухарский феодализм не имел каких-либо качественных особенностей, и поэтому вопрос о закономерности развития феодализма, разработанный в трудах классиков марксизма-ленинизма, целиком и полностью относится и к Бухарскому ханству.

Исходя из указаний марксизма-ленинизма, мы берем под сомнение теорию об «амляковой форме» земельной собственности, основные положения которой совпадают с теорией патримониализма. Всем известно, что ее сторонники образование государства рассматривают не с классовой позиции, а из факта права собственности князей, царей и королей на землю, а народ как собранных арендаторов земли этого собственника, т. е. главы феодального государства.

Исходя из теории «амляковой формы» земельной собственности, многие историки формы землевладения в Бухарском ханстве определяли по принципу налогового обложения со стороны государства и на этой основе амляковую землю делили на хараджевую, ушровую и мульковую. Это не соответствует действительности. В этом государстве налог взимался не только с одних доходов земли, но и со скота, торговли, кустарного производства и других видов доходов. Но понятие амляк как государственная собственность, на них не распространялось, и они считались не государственными, а частными. Поэтому причины взимания налогов надо искать не в форме земельной собственности, а в принудительной силе государства.

Амляк как особая форма земельной собственности не имеет своего определения в источниках шариата и документах по аграрному вопросу. Еще до революции многие русские исследователи брали его под сомнение и искали ответ на данный вопрос, но ничего не нашли. Результатом их поиска явился ответ кушбеги на запрос политагентства от 12 октября 1912 г., на который многие авторы ссылаются. При этом не учитывают того обстоятельства, что во-первых, в нем не дается точного разъяснения о юридической форме его образования; во-вторых, составителями ответа кушбеги являлись толкователи шариата, которые исходили не из общественно-экономических отношений данной страны, не из национальных особенностей народа земледельцев и скотоводов, а из чисто теологического учения духовенства; в-треть-

их, все теологи ислама и чиновники аппарата управления, которые давали комментарии о категориях земельной собственности, смешивали понятие о суверенности верховной власти эмира как главы диктатуры класса феодалов, осуществляемой на определенной территории, с другим вопросом — с формами землевладения в этой стране.

На самом деле, «амляковая форма» земельной собственности не имеет реальной почвы, ее корни кроются в теологическом учении духовенства, которое на основе кияса предполагает, что все земли и воды во всем мире принадлежат богу, как творцу всего существующего. Эта мистическая фикция осуществлялась тем, что верховное владение землей передано богом тени его на земле — пророку и от него оно затем перешло к наместникам-халифам, затем к прочим светским властям.

Отсюда становится ясно, что источник образования «амляковой формы» земельной собственности является мифологическим, и это необоснованное толкование в свое время оказалось мощным средством в руках западных колонизаторов в деле завоевания стран Востока, которые захватывали землю местного населения и превращали его в своих рабов.

Таким образом, как видно, эта ошибочная и далеко не обоснованная теория «амляковой формы» земельной собственности вошла в науку и до сих пор получает право на существование.

За последнее время издано ряд работ, в которых аграрные отношения в эмирате трактуются с позиции «амляковой формы» земельной собственности. Однако никто из авторов научно не доказывал ее закономерности. Поэтому такая форма объяснения, которая отражена в литературе, нас не удовлетворяет и требует своего уточнения.

Приведенные документы в работе доказывают, что действительно в Бухарском ханстве государственная собственность на землю и воду существовала, но не в таком понятии, которое распространилось в произведениях некоторых востоковедов. Мы в своей работе раскрываем ту действительность, которая подсказывается содержанием документов по аграрным отношениям в Восточной Бухаре. Исходя из них видно, что государству принадлежали не все земли и воды, а только часть, причем по своему количеству она значительно уступала тем, которые находились в частной собственности, в руках отдельных лиц и духовных учреждений — на правах вакфа.

Государственные земли образовались за счет купли частновладельческих земель, захвата земельной собственности побежденных правителей областей, конфискованных земель государственных преступников и выморочных земель.

На территории ханства существовали общинные, целинные, залежные, горные и подножные земли, которые не имели сво-

его конкретного владельца. По шариату они не являлись собственностью государства, а считались общинным владением и их использовали сообща все жители той или иной местности.

После присоединения Средней Азии к России было покончено с феодальной раздробленностью, и власть эмира значительно укрепилась. Свободные земли были включены в сферу государственной собственности, они превратились в объект купли и продажи и стали частной собственностью отдельных лиц. Этому способствовало развитие капиталистических отношений в Восточной Бухаре, где в силу климатических условий можно было развивать богарное земледелие. Начиная со второй половины XIX в., масса богарных земель превращалась в частную собственность, оказывалась объектом купли и продажи и концентрировалась в руках светских и духовных феодалов, а также у зажиточной части крестьян.

Наиболее широко распространенным путем превращения общинных и мертвых земель и вод в частную собственность являлось самовольное освоение путем затраченного труда, что санкционировано шариатом, и бухарское правительство не препятствовало этому. В источниках шариата по этому поводу сказано, что все земли и воды, которые не имеют конкретного владельца, являются общинной собственностью и «кто желает возделывать эту землю под посев, тот может стать ее собственником (моликом)»[1]. Таким образом, тот, кто возделывал пустые поля, становился первым собственником, таким же, как ловец зверей или собиратель дров[2].

Используя это, феодалы мобилизовывали массы людей и время от времени осваивали земли, особенно в горных районах Таджикистана, превращая их в частную собственность. От основных водных источников отдельные феодалы проводили арыки и становились собственниками воды.

В связи с укреплением власти эмира изменился характер держания земли и у скотоводов. Во время перекочевывания население не признавало права собственности отдельных лиц на землю. Но после присоединения Средней Азии к России постепенно у скотоводов тоже установилась частная собственность на землю и воду. Племенные вожди из ханских уполномоченных по управлению территорией превратились в крупных феодалов-собственников. Это, конечно, вызывало сопротивление крестьян-общинников. Поэтому феодалы, скрывая факты присвоения или покупки земли, объявляли их «государственными». Это была замаскированная эксплуатация трудящихся, средство воздействия на сознание людей, средство укрепления личной монополии феодала на средства производства.

---

[1] Мухтасар-аль-Викая, стр. 348.
[2] Хидая, т. IV, стр. 103.

Исходя из этого, в Бухарском ханстве монополия феодалов распространялась не только на пригодные к обработке земли, но и на дичь, рыбу, лес, реки, ловлю зверей, горные богатства и т. п.

Кроме того, государственная земля превращалась в частную собственность путем купли-продажи и раздачи в танхо, которое получило очень широкое развитие в Восточной Бухаре. Почти половина населения была передана в танхо феодалам вместе с землей.

В исторической литературе распространилось мнение о том, что в Восточной Бухаре в качестве танхо давалась не земля, а доход с крестьянских хозяйств, т. е. те налоги, которые раньше платили государству, теперь стали получать танходоры. Такой однобокий подход отвергается фактическими материалами, приведенными в данной работе. На самом деле в танхо давались и земли и доход с крестьянских хозяйств; одним из видов танхо являлось освобождение собственного хозяйства феодалов от государственных налогов и податей, тем самым их земли превращались в категорию мульки хурри халис.

В одном случае танхо носило характер временного кормления, а в другом наследственного владения землей; там, где власть эмира и шахов была сильна, для феодалов танхо носило наследственный характер, а там, где она была слаба, танхо являлось временным кормлением. Что касается танхо после присоединения Средней Азии к России, то феодалы его приобретали главным образом за выкуп, т. е. за деньги, и оно превращалось в наследственное владение.

Таким образом, за счет интенсивного превращения государственных, общинных, залежных и целинных земель в частную собственность, а также за счет танхо на территории ханства, особенно в Восточной Бухаре, росло и образовывались вновь крупное феодальное землевладение и другие формы частной земельной собственности.

Некоторые ученые утверждают, что поскольку в Бухарском ханстве отсутствовали юридические документы, то здесь не существовала частная феодальная собственность на землю, за исключением мулька, который составлял ничтожный процент, не было прикрепления крестьян к земле феодалов и крепостного режима. Подобная трактовка, безусловно, не имеет под собой реальной почвы. Мы привели большое количество документов, которые говорят о существовании феодальной частной собственности на землю и воду, о прикреплении крестьян к земле феодалов и о крепостничестве. Все это подтверждается и этнографическими материалами. При исследовании указанных вопросов, помимо юридических актов, надо еще смотреть на реальную действительность, которая не всегда совпадает с юридической формой.

По этому поводу К. Маркс разъяснял, что отношения собственности следует рассматривать не в их «юридическом выражении», а следует вскрыть их реальное экономическое существо в форме «производственных отношений» [1].

Следовательно, не право собственности, а собственность феодалов на землю и воду определяет экономическую основу базиса феодальной Бухары и ее классовые отношения.

Конкретизируя это положение, К. Маркс, В. И. Ленин указывали, что собственность феодала на землю — это не есть его отношение к земле, а отношение к тому, кто был лишен свободного доступа к этому необходимому условию труда, т. е. отношение феодалов, монополизировавших землю, к крестьянам-земледельцам. В. И. Ленин подчеркивал, что «крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей» [2].

Только марксистский анализ документальных источников дает нам возможность правильно понять аграрные отношения феодального периода данной страны. Анализ материала подводит нас к выводу, что верховная собственность государства относится к сфере его суверенности на всей территории, на которой находилась земельная собственность и других лиц, с них оно взимало не ренту, а налог. Таким образом, в Бухарском ханстве существовали следующие категории земли: государственные; частновладельческие, которые находились в собственности отдельных феодалов, в том числе семьи ханов; вакуфные земли — в большинстве случаев тоже считались частной собственностью отдельных лиц; общинные земли и воды, находившиеся в распоряжении всего населения.

Немалое количество земли находилось и в частной собственности крестьян. Однако надо сказать, что если ее распределить на каждое хозяйство крестьян-собственников, то она составляла небольшую часть всей земли и не могла удовлетворить потребности производителей. И поэтому они были вынуждены обрабатывать землю феодалов на разных условиях.

Кроме того, надо обратить внимание на то обстоятельство, что если в Бухарском ханстве все пригодные к обработке земли имели своих конкретных владельцев в лице государства, частных лиц и духовных учреждений, то дальнейшее развитие собственности на землю и концентрация ее в руках крупных собственников зависели от права наследования, согласно которому вся земля и вода переходили по наследству от отца к сыну, и владельцы свободно распоряжались своим владением. Используя

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, М., 1953, стр. 153—154.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 445.

эти правопорядки, феодалы покупали земли у крестьян и превращали их в свою частную собственность, а крестьянина — в чорьякора, панджакора или в крепостного, которые обрабатывали землю феодалов.

Крепостнические отношения в Восточной Бухаре находились в замаскированной форме. Шариат их отрицал, но фактически они имели место. В документах о передаче крестьянского хозяйства в танхо феодалом указывалось, что танходор имел право с крестьянина взимать только те налоги, которые он раньше платил государству, однако это не так. Крестьяне, попавшие в танхо, находились под властью танходора и жили под режимом крепостничества, в доказательство чего в работе приведен ряд конкретных фактов.

Расхождение между шариатом и практическими действиями правителей Бухарского ханства прикрывалось так называемым «хелаи шаръи», («шариатский эпитет»), согласно которому любые незаконности можно было сделать законными. Это применялось и в отношении крепостничества. На самом деле, эти «лично свободные» крестьяне, которых на словах защищал шариат, находились на государственных землях отдельных феодалов, везде и всюду являлись бесправными крепостными и выполняли целый ряд обязательных повинностей в пользу своего хозяина. Так масса производителей Восточной Бухары была прикреплена к земле, которой владели феодалы-танходоры, влиятельные ишаны, шейхи, родоплеменные вожди, и положение их, крестьян, ни чем не отличалось от крепостных крестьян других стран.

Наравне с крестьянами, прикрепленными к земле, в Восточной Бухаре существовала еще масса людей юридически свободных, однако чрезмерные налоги и поборы, голод и разного рода махинации феодалов делали их должниками баев и ростовщиков, а последние, опираясь на свое богатство и органы государственной власти, заставляли должников сидеть на местах до тех пор, пока они не расплачивались с долгами. Эти категории крестьян попадали в долговую кабальную зависимость и жили хуже, чем любой крестьянин, который находился в зависимости от феодала-крепостника. Количество таких людей в Восточной Бухаре увеличилось в конце XIX и начале XX вв.

Формы эксплуатации крестьян в Восточной Бухаре феодалами в ходе развития феодализма изменялись: отработочная рента сменялась натуральной рентой, натуральная — денежной рентой, но наиболее живучей оказалась отработочная, которая переплеталась с натуральной и денежной и существовала вплоть до Бухарской народной революции.

Переход на денежную ренту в Восточной Бухаре относится к концу XIX — началу XX вв. Этому способствовало развитие товарно-денежных отношений, в результате чего натуральная рента стала превращаться в денежную. Переход к денежной

ренте означал дальнейшее развитие производства и разделение труда, вместе с тем она привела к усилению эксплуатации, пробудила у феодалов ненасытную жажду прибавочного труда крестьян. Наравне с этим она означала, что крепостной крестьянин приобретал все большую экономическую самостоятельность, укреплялась его связь с рынком, что привело к усилению разложения крестьянства.

На крестьян возлагались многочисленные обязанности как рента, так и налоги. Согласно установленному шариатом правопорядку в Бухарском ханстве налоги — рента по форме совпадали с понятиями «зякот», «ушр» и «харадж». Однако эти нормы были непригодными для удовлетворения потребностей феодалов, они шаг за шагом нарушали их. Этому способствовал тот факт, что здесь не было законодательства о налогах и контроля над деятельностью органов государственного управления или отдельных феодалов — танходоров. Поэтому обложение крестьян налогами было произвольным, в несколько раз большим, чем предусмотрено по шариату. Опираясь на документы и материалы из жизни народов Восточной Бухары, мы установили 33 вида налогов и поборов, 11 видов трудовой повинности и 15 видов различных поборов местного значения — всего 59 видов. Все это, конечно, не относилось к одному хозяйству, налоги взимались в зависимости от характера занятия того или иного крестьянина.

Отсутствие окладной системы жалования чиновникам, учета доходов и расходов, государственного контроля, усиливало алчность феодалов и чиновников аппарата управления, и поэтому налоговая политика государства, как видно, далеко вышла за рамки шариата и носила грабительский характер. Все это привело к тому, что, с одной стороны, общественно-политический строй Бухарского ханства в глазах народа стал непопулярным и ненавистным, а с другой,— началось массовое обнищание производителей.

В этой обстановке происходило расслоение крестьян, которому способствовало присоединение Средней Азии к России. Русские купцы продвигались на восток, захватывали один район за другим. Они способствовали росту торговли, из числа местных жителей появились десятки новых купцов и ростовщиков, которые вошли в союз с разными капиталистическими компаниями. Кроме того, с развитием городов и промышленности Туркестана, налаживались пути сообщения, происходил рост хлопководства в центральных районах Средней Азии, создавались русские поселения и т. д. Увеличивался спрос на все виды товаров сельского хозяйства и продуктов животноводства, а также охоты. Все это способствовало усилению товарного производства для рынка по всем районам, особенно в Каратегине, Гиссаре, Кулябе и Вахшской долине. Ежегодно из Восточной Бухары вывози-

ли сотни тысяч пудов хлеба, кишмиша, орехов, фисташки, каракуля и разной пушнины, хлопка, угоняли большое количество голов баранов и разного скота для продажи. Следовательно, росла заинтересованность крестьян в производстве товаров, имевших хороший спрос на среднеазиатских рынках, также рос интерес местных жителей к русским промышленным товарам, усиливалась торговля на всех рынках Восточной Бухары. Товарное производство было связано главным образом с землей и поэтому усиливается борьба за ее приобретение.

В этой обстановке мелкие крестьяне и их семьи не были способны устоять против натиска товарно-денежных отношений и разлагались, в результате чего если часть из них окончательно разорялась и лишалась средств производства, то другая часть обогащалась и за бесценок скупала землю и дома разорившихся крестьян, вдов и несовершеннолетних детей, не имевших возможности ее обрабатывать. Таким путем в руках отдельных зажиточных крестьян или феодалов сконцентрировались земли и воды. Иногда дело доходило до того, что крестьяне одного кишлака или нескольких кишлаков находились в зависимости от одного богатого человека. Кроме того, наблюдались факты, свидетельствующие о прямом насильственном захвате крестьянских земель феодалами, что вызывало отчаянное сопротивление производителей.

Экономическая нужда привела к тому, что масса крестьян теряла средства производства. При этом зажиточные крестьяне, ростовщики или феодалы в первую очередь использовали долговую кабалу, которая была предусмотрена по шариату. Чтобы это было законно, каждую сделку оформляли у казия, по решению которого один лишается права владения землею, а другой приобретает ее.

Что касается влиятельных феодалов и вождей племен, то они просто начинали насильственным образом захватывать не только землю отдельных разорившихся крестьян, но и общин.

Все эти конкретно сложившиеся обстоятельства привели к усилию классовой борьбы трудящихся Восточной Бухары против своих угнетателей, которая проявлялась в различных формах. В одном случае крестьяне организовывали покушения на феодалов, как это имело место в кишлаке Рахаты, Гиссарского бекства, в другом случае — бросали свои родные села и переселялись в Туркестан и Афганистан, а в третьем — они поднимались на открытые выступления как против феодалов, так и против произвола бухарских чиновников.

Наиболее активными в конце XIX в. оказались крестьяне Бальджуанского и Кулябского бекств, которые поднялись на восстание в 1870 и 1885 гг. Под их влиянием происходили волнения в ряде амлякдарств Кулябского, Гиссарского и др. бекствах Восточной Бухары. К наиболее заметным из них относят-

ся волнения ремесленников Каратага в 1886 г. и рамитских крестьян в 1887 г.

Дальнейший рост движения крестьян и ремесленников в Восточной Бухаре против своих угнетателей наблюдается в начале XX в. Мощный подъем революционного движения русского рабочего класса и его союзника — революционного крестьянства дал мощный толчок к усилению классовой борьбы в Средней Азии. Распространителями революционных настроений русского рабочего класса в Восточной Бухаре являлись отходники, сыгравшие важную прогрессивную роль в истории революционного движения таджикского народа. Их вести и революционная агитация послужили толчком для народных восстаний 1910 г. в Кулябском бекстве и двух восстаний (1916 и 1920 гг.) в Каратегинском бекстве.

В силу экономической и политической отсталости Восточной Бухары здесь крестьянская борьба против феодалов была локальной борьбой и не приняла общенародного размаха.

Ненависть трудящихся к феодалам и к государству эмира бухарского была настолько велика, что когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция в России и таджикский народ в лице русского рабочего класса получил долгожданного организатора и союзника, то большинство трудящихся стало активно помогать Красной Армии в ее борьбе против бухарского эмира.

Крестьяне и ремесленники Таджикистана оказались надежными союзниками освободителей. Это обстоятельство дало возможность за короткий срок (сентябрь 1920 — март 1921 гг.) свергнуть власть эмира и установить Советскую власть. С победой советского строя сбылась вековая мечта таджикского народа и он был освобожден от социального и национального гнета.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Немецкая идеология, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, изд. 2.

К. Маркс, Нищета философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2.

К. Маркс, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 7, изд. 2.

К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. VIII, изд. 1.

К. Маркс, Британское владычество в Индии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 9, изд. 2.

К. Маркс, Критика Готской программы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 19, изд. 2.

К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1955 г.

К. Маркс, Капитал, т. II, М. 1951 г.

К. Маркс, Капитал, т. III, М. 1951 г.

К. Маркс, К критике политической экономии, М. 1951 г.

К. Маркс, Письмо Энгельсу от 2 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 28, изд. 2.

К. Маркс, Письмо Энгельсу от 16 апреля 1856 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 29, изд. 2.

К. Маркс, Письмо Швейцеру от 24 января 1865 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953 г.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 2, изд. 2.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 7, изд. 2.

Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 8, изд. 2.

Ф. Энгельс, К жилищному вопросу, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 18, изд. 2.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 20, изд. 2.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, изд. 2.

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, изд. 2.

Ф. Энгельс, Предисловие к американскому изданию, «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 21, изд. 2.

Ф. Энгельс, Письмо Марксу от 6 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 28, изд. 2.

В. И. Ленин[1], Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. 1.

В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.

В. И. Ленин, По поводу «Profession de fol», Соч., т. 4.

В. И. Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т. 6.

В. И. Ленин, К деревенской бедноте, Соч., т. 6.

[1] Работы В. И. Ленина использованы по четвертому изданию.

В. И. Ленин, Социализм и религия, Соч., т. 10.
В. И. Ленин, Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе, Соч., т. 12.
В. И Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13.
В. И. Ленин, Рабочая масса и рабочая интеллигенция, Соч., т. 19.
В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. 21.
В. И. Ленин, «Добровольное соглашение» между помещиками и крестьянами, Соч., т. 24.
В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25.
В. И. Ленин, О государстве, лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г., Соч., т. 29.
В. И. Ленин, Великий почин, Соч., т. 29.
В. И. Ленин, I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства, 19 мая, 1919 г., Соч., т. 29.
В. И. Ленин, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, Соч., т. 31.
В. И. Ленин, Задачи союзов молодежи, Соч., т. 31.
В. И. Ленин, О продовольственном налоге, Соч., т. 32.

ИСТОЧНИКИ

I. Архивные материалы

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР, (ЦГИА Узбекской ССР):
Ф. 1, опись 34 — Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства.
Ф. 2, опись 1 — Дипломатические чиновники при Туркестанском генерал-губернаторстве.
Ф. 3, опись 1 — Российское имперское политическое агентство в Бухаре.
Ф. 11-с — Спецфонд.
Ф. 19, опись 1 — Ферганское областное правление.
Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР Узбекской ССР):
Ф. 47, опись 1 — Центральный исполнительный комитет Бухарской Народной Советской Республики (БНСР).
Ф. 48, опись 1 — Совет народных назиров БНСР.
Ф. 51, опись 1 — Доклады назира земледелия БНСР.
Ф. 57, опись 1 — Центральное вакуфное управление БНСР.
Центральный государственный архив Октябрьской революции Таджикской ССР (ЦГАОР Таджикской ССР):
Ф. 2, опись 1 — Бухарский ЦИК Восточной Бухары.
Ф. 3, опись 1 — Съезды Советов народных депутатов Восточной Бухары.
Ф. 4, опись 1 — Экономический совет Восточной Бухары.
Архив АН Таджикской ССР:
Ф. *А. А. Семенова.*
Архив Министерства водного хозяйства Таджикской ССР:
«Ирригация Таджикистана за 1924—1937 гг.», № 383 (2), (рукопись).

II. Рукописные фонды:

Институт востоковедения АН Узбекской ССР;
Институт истории АН Узбекской ССР;
Бухарский областной музей;

Бухарская областная библиотека им. Абуали ибн-Сино;
Отдел востоковедения и письменного наследия АН Таджикской ССР;
Душанбинская государственная публичная библиотека им. Фирдоуси;
Душанбинский государственный музей.
Письмо каратегинского шаха Мухаммада Рахимхана на имя Туркестанского генерал-губернаторства, в газете «Туркестанские ведомости», № 13, 1876 г.

III. Сборник документов.

М. Абдураимов, Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, АН Узбекской ССР, Ташкент, 1961 г.
М. Мухтаров, Материалы по истории Ура-Тюбе, М., 1963 г.
О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., вып. 1, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954 г.
О. Д. Чехович, Аграрный документ 1706 г. из Бухары, в кн. Памяти Михаила Степановича Андреева, Труды АН Таджикской ССР, т. CXX, Душанбе, 1960 г.
Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1903 г.

IV. Документы, собранные автором у населения Таджикистана.

А. О политико-административном устройстве Бухарского ханства:

1. Указ эмира от 1857 г. о назначении муллы мирза Махмуда казием Самаркандского вилаята.
2. Указ эмира от 1867 г. о присвоении мулле Яхьяхадже звание файза.
3. Указ эмира от 1888 г. о присвоении феодалу Мухаммаду Нугману звания ишикогобоши.
4. Указ эмира от 1900 г. о присвоении феодалу Мухаммаду Нугману звания бия.
5. Указ эмира от 1907 г. о назначении домуллы мира Иноятуллы мири асада кази каляном всей Бухары.
6. Указ эмира от 1911 г. о назначении Авлиякула гиссарским беком.
7. Указ эмира от 1914 г. о назначении муллы Сабохаддина казием и раисом тумана Шафиркама.
8. Несколько указов эмира о назначении того или иного лица на должности муфтия и мударриса в самом городе Бухаре.
9. Докладная записка дарвазского бека Мухаммада Назарбека на имя эмира об урегулировании пограничных споров с Афганистаном на Дарвазском участке.
10. Родословная грамота махдума Абдулсаттара, которая характерна для образования сословия хаджа.
11. Родословная грамота Абдурахмана, которая характерна для образования сословия саида.
12. Список казийских учреждений, расположенных на всей территории ханства.
13. Рапорт Абдулхакимбека от 1862 г. на имя эмира о завоевании Куляба бухарцами.
14. Указ каратегинского бека Абдулмумина от 1907 г. о назначении муллы Мухаммада Юнуса раисом Пумбачинского амлякдарства.
15. Указ каратегинского бека Авлиякула от 1909 г. о назначении того же муллы Мухаммада Юнуса муфтием Пумбачинского амлякдарства.
16. Указ каратегинского бека от 1914 г. о присвоении феодалам Закиру и его сыну Салиху звания наукаров.

17. Распоряжение казия Мухаммада Вазира о назначении мирза Рахматуллы заместителем казия в Лахше.
18. Разные виды повесток казия о явках ответчиков на суд.
19. Распоряжение дарвазского бека о назначении мирза Набата миразаром кишлака Рохарва Ванчского амлякдарства.

Б. По вопросу образования частной собственности на землю и воду.

1. Определение группы мусульманских законоведов о законном действии Мухаммада Арифа в отношении самовольного освоения мертвых и общинных земель и превращение их в частную собственность.
2. Определение муфтия о законном действии Мухаммада Назира в отношении освоения мертвых земель и превращение их в частную собственность.
3. Определение муфтия в отношении законного действия Рахманбердыя об освоении мертвых земель и превращения их в частную собственность.
4. Грамота Мухаммада Аминхаджи об образовании его мульки хурри.халиса за счет покупки государственных земель.
5. Распоряжение калай лябиобского амлякдара Нусратуллабека о передаче государственной земли феодалу Муясабу на правах частной собственности.
6. Определение группы казиев и муфтиев о законном действии Нусратуллабека в отношении передачи государственной земли Муясабу в частную собственность.
7. Указ дарвазского шаха об освобождении хозяйства Хола и его брата Бобия от всяких государственных податей и повинностей и превращение их земель в мульки хурри халис.
8. Указ каратегинского бека о зачислении Икрама и Абдулахада в число торхунов и освобождение их хозяйства от всяких налогов и повинностей.

В. О вакфе.

1. Вакуфная грамота эмира о передаче одного каравансарая в пользу медресе Каратага.
2. Вакуфная грамота Хамракул бая о передаче одного собственного ларька в пользу мечети Сариасия.
3. Определение гиссарского муфтия о незаконном иске к вакуфному имуществу и земле со стороны частного лица.
4. Заявление муллы Курбана об обмане мутавалием мазара «Бурх» в Ладжурском амлякдарстве.
5. Документ Са'ди бая о продаже 2,5 танаба вакуфной земли частному лицу.
6. Документ о передаче вакуфной земли Гулям бая по наследству его матери Файзибиби.
7. Отчет каракульского амлякдара об общем количестве и категориях земли, находившихся в данном амлякдарстве.
8. Опись хозяйства Худайкула в Шахрисябзе, в котором указано, что он является обладателем разного вида категорий земли.

Г. О танхо.

1. Распоряжение каратегинского бека о передаче земли и крестьянского хозяйства в танхо муфтию Мухаммад Юнусу.
2. Распоряжение дарвазского бека о передаче государственной земли и хозяйства крестьянина в танхо чиновнику.
3. Распоряжение каратегинского бека о передаче земли и крестьян в танхо ишану мулле Касыму.

4. Распоряжение каратегинского бека о передаче ущелья Ярхапа тому же мулле Касыму.
5. Распоряжение амлякдара из Байсунского бекства о передаче земли и крестьян в танхо мулле Ворису.

Д. О повинностях крестьян:

1. Распоряжение ясаула Калай Лябиобского амлякдарства о мобилизации крестьян на выполнение барщинной работы.
2. Распоряжение Калай Лябиобского амлякдара на имя кишлачного наукара Борона о сборе оброка в пользу феодалу.

Е. О купле продаже земли:

1. Продажа земли наследства Давлят Мухаммада Мухаммаду Шарифу.
2. Васика муллы Исхаккаджи о покупке всей земли несовершеннолетних детей Бердыкула.
3. Васика ходжи Исмаила о покупке всей земли детей Алима.
4. Васика мирза Салимбека (гиссарского муфтия) о покупке нескольких участков земли и другого имущества крестьян.
5. Васика Мухаммада Аюба о покупке земли кишлака Зидды у государства.
7. Васика Мухаммад Рауфа о покупке земли Шакара за 450 танег.
8. Васика Мухаммад Рауфа Сафолова о покупке земли детей Кабира.
9. Васика Сафоловых о покупке земли Кибара.
10. Васика Сафоловых о покупке земли Арифа.
11. Васика Суфиева о покупке земли детей Юнусова.
12. Васика Холмухаммада о покупке земли у детей Курбана.
13. Васика Бурхан махдума о покупке земли у Асадуллы.
14. Васика Суфиева о покупке земли у Насриддина и Ермухаммада.
15. Васика Наим бая о покупке 7 батманов государственной земли в Муджихарфском амлякдарстве.
16. Васика Холмухаммада о покупке земли у Махмадуллы в Ванджеском амлякдарстве.
17. Васика Мингали о покупке земли у Абдулкадыра в Сари-Джуе.
18. Васика Абдулхая о покупке земли у Мухаммада в Сариасия.
19. Васика усто Хаита о покупке земли у Рузия.
20. Васика усто Хаита о покупке земли у Орзуя.
21. Несколько васика Эшбая о покупке земли и пастбища у разных лиц.
22. О выдаче в залог одного сада крестьянина Мукима Султану аксакалу.
23. О выдаче в залог земли крестьянина Касыма еврейскому ростовщику Пинхасову.
24. О выдаче в залог одного сада крестьянина Ильяса Кабил баю.
25. Васика Джонмухаммада о завещании племяннику Шарифу всего своего имущества.
26. Васика о выделении имущества и земли Узбекходжи в наследство племяннику Юлдаш баю.
27. Васика об освобождении Балтакула от рабства.
28. Несколько васик, касающихся выкупа женой развода с мужем.
29. Несколько заявлений и решений казиев, касающихся земельных споров между наследниками.

Ж. Классовая борьба вокруг земельных вопросов:

1. Ответ эмира на письмо бекства Восточной Бухары с просьбой об уменьшении налогов и поборов.
2. Стихи Хатиба о каратагском землетрясении в 1907 г.

3. Заявление группы ишанов из кишлака Нилькана в начале XIX в. на имя казия о нападении крестьян на них.
4. Споры между крестьянами и ишанами кишлака Дуоба в отношении 24 манов общинных земель.
5. Споры между крестьянами и Бурхан махдумом в отношении 18 манов земли.
6. Попытка Бурхан махдума захватить 24 мана земли и сопротивление крестьян против этого.
7. Ложное свидетельство группы феодалов в пользу Бурхан махдума в отношении вышеуказанных 24 манов земли.
8. Земельный спор между Бурхан махдумом и крестьянами.
9. Спор между Фахриддином и Одинаевым в отношении 8 табаков земли.
10. Спор между Сафоловым и Саидаханимой в отношении одного участка земли.
11. Захват Сафоловым земли и двора крестьянина Киргиза.
12. Захват Эшали баем земли Мухаммадкула.
13. Борьба байсунских крестьян против захвата их земли феодалами-скотоводами.
14. Спор крестьян кишлаков Ягмури и Хазаратут с феодалами Атауллахаджой и муллой Бузургом в отношении 600 танабов земли в 1916 г.
15. Доклад бальджуанского бека в 1885 г. о расходах на содержание мобилизованных сарбазов в Бальджуан.
16. Доклад бальджуанского бека о причинах крестьянского восстания.
17. Спор между крестьянами и феодалами-скотоводами в отношении одного колодца.
18. Протест крестьян Каракульского амлякдарства в отношении недостатка воды, доклад Абдулвахаба на имя эмира с просьбой принять меры об орошении указанного амлякдарства.

V. Нарративные

С. Айни, Тахзиб-ус-Субьен (Воспитание юношества), Самарканд, 1917 г., на таджикском языке.

А. Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург, Душанбе, 1960 г., на русском языке.

А. Дониш, Наводир-уль-Вакоеъ (Редкие происшествия), Душанбе, 1957 г., на таджикском языке.

История Бадахшана, фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели подготовил к изданию А. Н. Болдырев, ответственный редактор проф. И. П. Петрушевский, Иранская филология, вып. 1, ЛГУ, 1959 г.

Коран, перевод на русский язык акад. И. Ю. Крачковским, М. 1963 г.

Мухтасар-аль-Викая, основной юридический свод шариата, состоящий из 48 глав (китаб), Ташкент, 1900 г., на таджикском языке.

М. Наршахи, История Бухары, перевод на рус. яз. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897 г.

Низамул-Мульк, Сиасет намэ, книга о правлении вазира XI столетия, перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. *Б. Н. Заходера,* М—Л., 1949 г.

Мирза Абдулазим Сами, История мангитских государей, перевод, предисловия и примечания Л. М. Епифановой, Институт Народов Азии АН СССР, М. 1962 г.

Мирза Салимбек, Кашкули Салими, на таджикском языке, арабский шрифт, Ташкент, 1331 г. х. (1912) г.

Мирза Таджиддин Сафаров, Воспоминание о Каратегине при управлении миров (характеристика этой рукописи см. в введении данной работы).

Рисалаи дехкани (земледельческое правило, рукопись состоит из 20 ср.).

Хидая, тт. I, II, III и IV, перевод на рус. яз., Ташкент, 1893 г.

Мухаммад Хусейн «Куллиёти Ходжи», (полное собрание сочинений), на тадж. яз. арабский шрифт, Ташкент, 1331 г. х. (1912) г.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ.

М. Абдураимов, О некоторых категориях феодального землевладения и положении крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX века, в Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1963 г., № 7.

М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, Труды АН Таджикской ССР, т. LXI, 1958 г.

Н. А. Акрамов, Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд, Душанбе, 1963 г.

С. Айни, История мангитских эмиров в Бухаре, Ташкент, 1923 г. (на таджикском языке).

С. Айни. «Одина» (роман).

С. Айни, «Рабы» (роман).

С. Айни. «Дохунда» (роман).

С. Айни, Воспоминания, М—Л., 1960 г.

Г. А. Арандаренко, Каратегин и Дарваз, воен. сб., № 11, 1886 г.

Н. А. Бендерский, О Гиссарском крае, Известия туркестанский отдел ИРГО, т. 7, 1907 г.

Н. А. Бендерский, Гиссарское бекство, «Туркестанские ведомости», № 42, 1905 г.

М. И. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, «Туркестанские ведомости», № 72, 1872 г.

И. С. Брагинский, К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху, в кн. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г.

И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956 г.

И. С. Брагинский, Очерки из истории таджикской литературы, Душанбе, 1956 г.

И. С. Брагинский, С. Раджабов и В. Ромадин, К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, в жур. «Вопросы истории», № 8, 1953 г.

В. В. Бартольд, К вопросу о феодализме в Иране, «Новый восток», № 28, 1930 г.

В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Соч., т. 11, ч. 1, М., 1963 г.

М. А. Варигин, Опыт описания Кулябского бекства, ИРГО, т. LII, вып. 10, 1916 г.

Кап. Васильев, Краткое статистическое описание Каратегина, в сбор. Материалов по Азии, вып. XXXIII, СПб, 1888 г.

Б. Л., В Бухаре, «Туркестанские ведомости», № 92, 1911 г.

П. П. Введенский, Состояние таджикского хлопководства за период Бухарского эмиратства, в кн. Хлопководство в Таджикистане, Ташкент, 1926 г.

Всемирная история, тт. III—IV. М., 1957, 1958 гг.

С. Л. Волин, К истории среднеазиатских арабов, труды второй сессии ассоциации арабистов (Труды Института востоковедов, вып. XXXVI), Л., 1941 г.

В. Вяткин, О вакуфах Самаркандской области, в сб. Самаркандской области, вып. X, 1912 г.

А. Галкин, Краткий очерк Бухарского ханства, воен. сб., № 11, 1890 г.

П. Гаевский, Курган-Тюбинское бекство, ИРГО, т. LV, 1919—1923 гг., вып. 2, М.—Л., 1924 г.

А. Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб, 1905 г.

Г. Г., Администрация, налоги и суды в Бухаре, «Туркестанские ведомости», № 240, 1910 г.
Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, т. 1, изд. 1949 и 1955 гг.
Г., Горы ферганских гуртовладельцев, «Туркестанские ведомости», № 74, 1908 г.
Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.), М. 1953 г.
В. Н. Гортевольд, Среди сыпучих песков и отрубленных голов (путевые очерки Туркестана), М. 1913 г.
Е. А. Давидович, Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., Известия АН Таджикской ССР (отд. общ. наук) № 1 (24), 1961 г.
Е. А. Давидович, История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., Душанбе, 1964 г.
Л. И. Дембо, Земельный строй Востока, Л., 1927 г.
Л. И. Дембо, Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе, Л., 1954 г.
Е. Зелькина, Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, М., 1930 г.
П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. (Источники и опыт их исследования), Труды Института востоковедения, XXVIII, М.—Л., 1937 г.
П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1958
П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии, М., 1958 г.
История Туркменской ССР, Ашхабад, 1955 г.
История Узбекской ССР, т. 1, кн. первая и вторая. Ташкент, 1955, 1956 гг.
М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шарипов, Очерки истории советского Таджикистана, Душанбе, 1957 г.
М. Иркаев, История гражданской войны в Таджикистане, Душанбе, 1963 г.
Б. И. Искандаров, Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане, в Известиях АН Таджикской ССР, № 4, 1953 г.
Б. И. Искандаров, Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира накануне присоединения Средней Азии к России, в жур. «История СССР», № 4, 1959 г.
Б. И. Искандаров, Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I, Труды АН Таджикской ССР, т. XXXII, 1962 г. и ч. II, т. XXXIX, 1963 г.
Б. Карп, Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана, сб. Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, Душанбе—Ташкент, 1930 г.
К. П. Кауфман, Проект всеподданнейшего Кауфмана I-го по гражданскому управлению и устройству области Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 г. 25 марта 1881 г., СПб, 1885 г.
Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма горных таджиков, Труды Института этнографии АН СССР, серия 2, М.—Л., 1936 г.
Н. А. Кисляков, Ишан — феодал Восточной Бухары, Труды таджикской базы АН СССР, т. IX, 1940 г.
Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу, жур. «Советской этнографии», № 1, 1947 г.
Н. А. Кисляков, Из истории горного Таджикистана, Известия АН Таджикской ССР, № 4, 1953 г.
Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина, Душанбе, 1954 г.
Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в XIX — начале XX века, Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXIV, М.—Л., 1962 г.
Г. Г. Котовский, Индия, в кн. Аграрные отношения в странах Востока, М., 1958 г.
В. В. Крестовский, В гостях у бухарского эмира, СПб, 1887 г.
Кап. Кузнецов, Дарваз, Новый Маргелан, 1893 г.

А. Л. Кун, Вакуфи, «Туркестанские ведомости», № 21, 1872 г.
Н. Латыпов, К вопросу о земельных отношениях в Дарвазском бекстве в конце XIX — начале XX вв., дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Душанбе, 1955 г. (рукопись).
Кап. Лилиенталь, Гиссарское и Кабадианское бекство, в сб. Географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, СПб, 1894 г.
В. И. Липский, Горная Бухара, т. I, СПб, 1902 г., т. II, СПб, 1903 г., т. III, СПб, 1905 г.
Д. Н. Логофет, Кулябское бекство и его население, «Туркестанские ведомости», № 111, 1905 г.
Д. Н. Логофет, Очерки Бухары, СПб, 1909 г.
Д. Н. Логофет, Страна бесправия, СПб, 1909 г.
Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, тт. I—II, СПб, 1911 г.
П. И. Ляшенко, История народного хозяйства СССР, тт. I—II.
А. Маджлисов, К вопросу о феодальных отношениях в Каратегинском бекстве накануне установления Советской власти, дис. на соискание ученой степени кан. исторических наук, Душанбе, 1951 г. (рукопись).
А. Маджлисов, Краеведческие материалы по истории Таджикистана, Душанбе, 1957 г. (на таджикском языке).
А. Маджлисов, Положение трудящихся Восточной Бухары накануне установления Советской власти, в газ. «Коммунист Таджикистана», от 22 сентября 1957 г.
А. Маджлисов, Каратегин накануне установления Советской власти, Душанбе, 1959 г.
А. Маджлисов, Историческое событие, газ. «Точикистони Совети», от 3 марта, 1959 г.
А. Маджлисов, Хуччати нодир (Редкий документ), в газ. «Точикистони Совети», от 3 июня 1962 г.
А. Маджлисов, Из истории борьбы крестьян Таджикистана с угнетателями, в газ. «Коммунист Таджикистана», от 21 ноября 1964 г.
Н. А. Маев, Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V, СПб, 1879 г.
В. И. Масальский, Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее, СПб, 1892 г.
В. И. Масальский, Туркестанский край России, под ред. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПБ, 1913 г.
Материалы научной сессии, посвященные истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г.
А. Ф. Мидендорф, Очерки Ферганской долины, СПб, 1882 г.
И. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб, 1879 г.
К. М. Мирзаев, Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954 г.
А. Мухтаров, Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в., Душанбе, 1964 г.
А. А. Нечаев, Горная Бухара, СПб, 1914 г.
В. Ф. Ошанин, Каратегин и Дарваз, ИРГО, т. 17, вып. 1, 1881 г.
К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края — произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, 18 выпусков, СПб, 1909—1910 гг.
Из них вып. 4 — Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, СПб, 1910 г. вып. 7 — Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края, 1910 г. вып. 10 — Поземельно-податное дело, СПб, 1910 г.
К. К. Пален, Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, отд. 1, СПб, 1911.

И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Л., 1949 г.
И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения Ирана в XIII—XIV вв., М.—Л., 1960 г.
А. П., Подати и налоги в Восточной Бухаре, «Туркестанские ведомости», №№ 6, 7, 8 от 10, 11 и 12 января 1906 г.
А. П., Административное устройство Гиссарского бекства, «Туркестанские ведомости» № 112, 1908 г.
А. С., Поездка в горную Бухару, «Туркестанские ведомости», № 128, 1904 г.
Покатило, Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г., Ташкент, 1888 г.
Ю. А. Пословский, Экономический очерк Таджикистана, в кн. «Таджикистан», Ташкент, 1925 г.
Ю. А. Пословский, К аграрному вопросу в Зеравшанской области, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», 1926 г., №№ 11—12.
З. Ш. Раджабов, Садриддин Айни — историк таджикского народа, Душанбе, 1951 г.
З. Ш. Раджабов, Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., Душанбе, 1957 г.
С. А. Раджабов, Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, Ташкент, 1955 г.
С. А. Раджабов, Таджикская ССР — суверенное государство, Душанбе, 1957 г.
М. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-экономический очерк), Труды АН Таджикской ССР, т. XLIII, 1957.
М. Н. Ростиславов, Очерк видов поземельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, в «Труды 3 международного съезда ориенталистов», СПб, 1876 г.
А. А. Семенов, Этнографические очерки Зерафшанских гор Каратегина и Дарваза, М., 1903 г.
А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Труды САГУ, серии И, вып. 1. Ташкент, 1929 г.
А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, V, 1948 г.
А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбонихана, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Труды АН Таджикской ССР, т. XII, 1954 г.
А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Труды АН Таджикской ССР, т. XXV, 1954 г.
А. А. Семенов, К прошлому Бухары, в кн. С. Айни, Воспоминания, М.—Л., 1960 г.
А. А. Семенов, Особенности развития феодального землевладения в Хиве XIX в., Архив АН Таджикской ССР, ф. А. А. Семенова, оп. 1, ед. хр. № 71.
А. Е. Снесарев, Восточная Бухара, СПб, 1906 г.
И. А. Стеценко, Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.), Труды АН Таджикской ССР, т. XXXVII, 1963 г.
Н. Стремоухов, Поездка в Бухару, Русский вестник, 1875 г., № 6.
Н. Е. Торнау, О праве собственности по мусульманскому законодательству, СПб, 1882 г.
Н. Е. Торнау, Мусульманские права, СПб, 1892 г.
С. П. Толстов, Выступление на научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Материалы научной сессии, Ташкент, 1955 г.
А. Л. Троицкая, Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в., Труды АН Таджикской ССР, т. XVII, 1953 г.

М. Турсунзаде, Шуриши Восе, Изб. произведения, Душанбе, 1955 г.
Д. Уоринер, Земельные реформы в странах Ближнего Востока (Египет, Сирия и Ирак), перевод с анг. яз., изд. Иностранной литературы, М., 1958 г.
Е. Федоров, Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии, Ташкент, 1925 г.
А. П. Фомченко, Русские поселения в Бухаре и их роль в экономическом развитии ханства и участие в революционном движении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1958 г.
М. Хамраев, Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв., изд. АН Таджикской ССР, Душанбе, 1959 г., т. CXIV.
А. Х. Хамраев, К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX веке, в Труды САГУ, вып. IX, 1948 г.
Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843 г.
А. П. Хорошхин, Долина Заравшана, Военный сборник, № 7, 1870 г.
П. Цветков, Несколько слов о вакуфах, в журн. «Средняя Азия», Ташкент, 1910 г.
П. Цветков, Исламизм, т. 3, Ашхабад, 1916 г.
Г. Цвиллинг, Бухарская смута, в журн. «Средняя Азия», 1910 г.
О. Д. Чехович, Об актовых материалах по истории Бухары, в кн. Исторические записки, т. 16, 1945 г.
О. Д. Чехович, Собрания восточных актов в Узбекистане (бюллетень АН УзССР, № 4, 1947 г.)
О. Д. Чехович, Узбекистан в XVIII в. в кн. Очерки истории СССР, вторая четверть XVIII в., М., 1957 г., вторая половина XVIII в., М., 1956 г.
О. Д. Чехович, Собрание восточных актов Академии наук Узбекистана, Исторические записки АН СССР, т. 26, М., 1958 г.
И. Е. Шалашилин, К вопросу о причинах отставания районов орошаемого земледелия Средней Азии к середине XIX века, журн. «Вопросы истории», № 9, 1960 г.
Р. Шарль, Мусульманское право, перевод с франц. яз., изд. Иностранной литературы, М., 1959 г.
А. Шишов, Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование, Ташкент, 1910 г.
П. Шубинский, Очерки Бухары, Исторический вестник, № 8, 1892 г.
М. Юлдашев, Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы, Ташкент, 1959 г. (на узбекском языке).
Ш. Юсупов, Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века, АН Тадж. ССР, Душанбе, 1964 г.
А. Ю. Якубовский, Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Труды ИАИ и ИВ АН, материалы по истории народов СССР, вып. 3, Л., 1933 г.
А. Ю. Якубовский, Средняя Азия в IX — в первой четверти XIII в., в кн. Очерки истории СССР, IX—XIII вв., ч. I, М., 1953 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Введение 5
Глава I. **Политико-административное устройство Бухарского ханства.**
Классовая сущность и политический строй 20
Центральное управление 31
Местное управление 46
Глава II. **Формы феодальной земельной собственности и землевладения.**
Государственная форма земельной собственности и община. . 71
Форма частной собственности на землю и воду 86
Вакуфная форма землевладения 112
Образование крупной феодальной земельной собственности. . 134
Глава III. **Формы феодальной эксплуатации крестьян Восточной Бухары.**
Занятия населения 149
Орудия труда и обработка земли 158
Крепостная зависимость крестьян 163
Феодальные повинности крестьян 185
Налоговая политика Бухарского ханства и его доходы с Восточной Бухары 192
Глава IV. **Рост торговли землей и расслоение крестьянства Восточной Бухары.**
Развитие товарно-денежных отношений и разложение натурального хозяйства 208
Разорение и обезземеливание крестьян 215
Земельные споры между наследниками 230

Глава V. **Земельные отношения и классовая борьба.**

Объективные предпосылки крестьянских волнений и восстаний в Восточной Бухаре 247

Некоторые факты из истории борьбы крестьян Восточной Бухары в период до присоединения ее к Бухарскому ханству . . 268

Борьба крестьян против захвата их земель феодалами . . . 270

Крестьянские волнения и восстания в Восточной Бухаре во второй половине XIX в. 285

Крестьянские волнения и восстания в начале XX в. 295

Заключение 308

Библиография 319

Маджлисов Адил

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ответственный редактор К. Н. Гаврилкин
Технический редактор Р. Ильябаев
Корректор В. Г. Ковалева

Сдано в набор 12/VIII-1966 г.
Подписано к печати 7/VII-1967 г.
Печатн. лист. 20,75.
Изд.-уч. л. 22,5.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$
КЛ01853.
Цена 1 р. 73 коп.
Тираж 1000 экз.
Душанбе, издательство «Ирфон», Шевченко, 10

Заказ № 2385. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата ул. Пастера, 39.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	3 сверху	П. И. Иванов	П. П. Иванов.
35	13 снизу	столкования	толкования
73	2 сноска	1936 г., п. 1	ф. 1396, оп. 1
93	10 снизу	Сурхоба	Яксу
123	8 сверху	азончикам	азончи
146	1 снизу	7443	74430
161	17 сверху	машина	мельница
169	7 и 9 снизу	эмир Хайдар	хан
169	8 снизу	и два из них прямо говорят	И два из них, относящиеся к XVI веку, прямо говорят
170	1 сверху	эмира	хана
204	7 сверху	зякотчика	зякотчи
290	3 сверху	зякотчики	зякотчи
226	14 снизу	600	6000
293	16 снизу	И. А. Стаценко	И. А. Стеценко

Заказ 2275. Тираж 1000.